

М. ИСАКОВА

АБАРАЯ. БРОДЯГА

М. ИСАКОВА

АБАРАЯ
БРОДЯГА

М. ИСАКОВА

АБАРАЯ
БРОДЯГА

Кинороман

Братск
2020

ББК 84 (2=411.2) 6
И 85

18+
Издание не рекомендуется
детям младше 18 лет

Абаая. Бродяга / М. Исакова – Братск : Полиграф, 2020. – 286 с.

Кинороман «Абаая. Бродяга» публикуется отдельной книгой впервые. В основе произведения – реальные события, судьба коренного сибиряка, родившегося в старинном селе Шаманово Братского района Иркутской области, и в силу обстоятельств оказавшегося «бродягой», перекати-поле. Исторические преобразования – от Октябрьской революции до затопления малой Родины в связи с вводом в эксплуатацию Братской ГЭС – не могли не сказаться на жизни главного героя и его односельчан.

© М. Исакова, 2020

© Оформление ООО «Полиграф», 2020

*абара му - в переводе с хинди «бродяга я», на русский манер – абарая

Глава 1

Предвестие. Муки предков

Январь 1917 года.

Село Шаманово в Восточной Сибири. Заснеженные деревенские улицы. По одной несутся сани, запряжённые в тройку лошадей. В санях трое пьяных мужиков, один правит лошадьми. Это купец Гавриил Ильич Вотяков, крепкий мужик 43 лет - с чёрной бородой, в расстегнутой козьей дохе и собачьей шапке-ушанке.

Тройка заворачивает в проулок. На пути попадаются две односельчанки средних лет в романовских овчинных полуушубках.

- Посторонись, бабы! – кричит Гавриил Вотяков.

Те едва успевают отскочить в сторону.

- От чудит Гаврила Ильич! – беззлобно отряхивает свой полуушубок от снежных брызг первая односельчанка, глядя вслед тройки.

- Так Вотяковы все таки!

- А чё имя – богачи!

- Ага, в настроеньи, раз куражится, - поддакивает другая, поправляя на голове полуушалок.

- Вроде вчерась товар в лавку завёз.

- Ну тада понятно!.. Как ни крути, а езли борода в сытости...

...Сани с мужиками подъезжают к крыльцу просторного двухэтажного бревенчатого дома.

- Вылезай, мужики! – командует Гавриил Вотяков. – Евдокея! – задрав голову вверх, кричит он, глядя на окна второго этажа. - Принимай гостей!

Май 1919 года.

В лавке купца Гавриила Вотякова, расположенной на первом этаже этого самого двухэтажного дома, идёт изымание товара. Орудуют трое чекистов в чёрных потёртых кожаных куртках. Двое (лет по 20-23) вытаскивают во двор ящики и кули с товаром, ставя их на три телеги, а третий (лет

30-35) пишет на прилавке протокол выемки. Когда двое молодых чекистов проходят с ящиками мимо, он командует им вдогонку: «С амбаром там разберитесь!» Сам Гавриил Ильич сидит тут же, на венском стуле, смиренно поглаживая свою густую чёрную бороду, изредка бросая взгляд на опустошённые полки своей лавки.

- Иди, Гаврила Ильич, распишись в протоколе, - говорит чекист.

- Ты там, паря, прописал, мол, я сам, добровольно всё андал на нужды партизан?

- Пока что добровольно, - уточняет чекист.

- То-то и оно, - нехотя поднимается со стула Гавриил Вотяков.

- А колчаковский отряд бы пришёл, им бы всё? – испытывает купца чекист. – Ставь свою закорючку...

- Чё тут андавать? – разводит руками Гавриил Ильич. - Вы первы заявилися... - Он берёт из рук чекиста ручку с пером, обмакивает в чернильницу и старательно выводит на бумаге свою закорючку-подпись. Когда выводит подпись, уточняет: - А чё ты сказал, мол, покамесь добровольно?

- Всё, кончилось твоё время, Гаврила Ильич! Подыскивай себе домишко поскромней, а этот ни сёдня-завтра придут конфисковывать. – И, встретив недоумённый взгляд купца, добавляет: - Заберут на нужды революции!

- Как же так, паря?! Это, чё ли, я теперь бездомный? Пойду со своим сыном да их ребятишкам по свету бродить? Как бродяга, ли чё ли? Без роду, без племени? Таку домину ишо мой тятя, Илья Егорыч, отгрохал! Чтоб всем в кучке жить... Мине, старшому сыну, передал для проживания. Других моих братовьёв тоже не обидел, денежонок дал, чтоба строилися, и так чё помогал... – Видя, что чекист пока не перебивает, продолжил рассказ: - Средний Васята помер совсем ишо молодым – под хмельным делом на голой земле заснул, от у иво в нутрях всё и заболело. Застудился!

Хоть и конец мая был... А жёнка с двумя ребятишкам подалася к матери в Паберегу. А младший братка живёт в Бохане, там бурятку красиву нашёл, живут дружно, кучу детишек нарожали, миня уж обогнали. — И снова принялся вздыхать:

- Таку домину андавай ни за хрен собачий, а сам иди куды хошь?

- Тёмный ты, дядя, хоть и немолодой уже. Садись-ка... поговорим чуток...

Гавриил Ильич послушно присаживается на свой венский стул. Следом на пустой ящик пристраивается и чекист:

- В стране случилась революция, царя скинули... Слыхал, поди?

- Ну!

- Вот те и «ну»! Новая власть правит, а ты за дом ухватился! Радуйся, если в расход не пустят... как пособников контры...

- А эт чё тако - «контра»?

Чекист не успевает ответить, в лавку заглядывает один из его подчинённых:

- Афанасий Мироныч, из амбаров весь провиант грузить?

- Грузите, чё найдёте. Мужики в отряде голодные, спасибо скажут.

- Ясно, - подчинённый уходит.

Чекист обращается к купцу:

- Поди, не последнее забираем, а?

- Да как посмотреть, - чешет затылок

Гавриил Вотяков.

- Слушай, - понижает голос чекист, - мне тут подсказали, что мужик ты несволовичной, своим горбом да умом добро вместе с сородичами наживал, односельчан вроде не обижал, в долг им товар давал, цены не загибал и так чё помогал, не отказывал... Иногда, бывало, в работники нанимал мужиков, но те сами просились, чтоб свои семьи прокормить. Правда, говорят, не всех брал, может, кто и обиду на тебя затаил...

- Лодырей да воришек отворачивал, было дело.

- Слушай дале... Ещё раз повторяю. Со дня на день тут укрепится советская власть, а она таких мироедов, как ты, не обижайся, так вас теперь называют, не жалует, и обязательно реквизирует у тебя эту домину, и всё ценное у тебя прихватит, вплоть до шаровар, и по миру тебя пустит вместе с твоими домочадцами... Так что собирай пожитки, пока не поздно. И сделай так... Скоро у вас коммуну будут организовать, вот им и передай своё добро — подобру-поздорову.

- От те раз! Я ночи не спал, думал, как полутче жись наладить, а кто-то заявится на всё готовенькое?

- Опять ты за старое! Есть один выход — подсказываю, пользуйся. Добровольно сдай свой дом властям - под сельсовет, клуб или школу, они там сами решат под чё приспособить. А сам переходи в какунить избу похуже. Я видал, тут у вас есть домишки заколоченные. И живи тихо, как все. Чтоб тебя не замечали. Можить, тада и не тронут.

- Как же самому-то себе петлю на шее затягивать?!

- А так! Твой домина как бельмо на глазу у бедняков! И лошадей пристрой в общее пользование, а каких отдай партизанскому отряду Бурлова. Он скоро здесь будет. И пусть справку тебе напишут. Отдай сам, всё равно ведь реквизируют: или они, или колчаковцы.

- Всех, чё ли, андат?

- Зачем всех? Оставь одну лошадёнку, одну коровёнку... Можить, и пронесёт... — И неожиданно спросил: - Твои сыны-то где счас?

- Так уж твои спрашивали... На Жуковой горе с жёнками рожь сеют.

- А надо бы в партизаны записаться, а не рожь сеять.

- Так ить весенний день год кормит. Да и кто нас в партизаны-то примет?.. Пусь лутче за хозяйством смотрят.

- Ладно, пускай пока на зaimке будут, а то бы, небось, воспротивились здесь, кровь-то горячая, молодая...

- Не-е, мои смирны, да на нужды партизан чё не андат, - лукавит Гавриил Ильич.

- Ну-ну. А на царской войне сыны твои были?

- По годкам не подошли.

- Понятно. Я смотрю, ты тут навёл в своём доме порядок, твоя супружница с внуками сидят на втором этаже и глаз не кажут.

- А чё тут глядеть-то... Лутче обскажи, паря, чё так скоренько менять жись-то собралися? Вроде эту жись отцы наши и деды помаленьку налаживали, не с маху. А теперь как иё одним махом поменять? Люди уж пообыклися так жить, а как оно ноне будет? Кто знат?

- Никто не ведает.

- Во-во, никто не ведает, как оно обернётся... И не с каво будет тада спросить...

-Как-нибудь потом наладится. Вот вас, купцов-толстосумов, изведут и некому будет молодым рассказать о прежней вашей справной жизни. Памяти у людей не будет - и всё.

-От как!

-А ты как думал!

-Ой-ёшеньки! – со вздохом вырвалось у Гавриила Ильича.

-Вот те и «ёшеньки».

-А я тя признал, паря, от тока сейчас пригляделся...

При этих словах чекист выразительно глянул на купца, но промолчал. А тот продолжил:

-Да и ты, вижу, признал миня, однаха. Иначе чё бы ты тут со мной рассусоливал, разговоры разговаривал... Ты сын отца Мирона из Архангельской церкви? Я в вашем городишке за товаром заезжал, помолиться зашёл... Ты ишо своёму батюшке помогал...

-Лучше бы тебе обознаться. И я тебя, и ты меня видим в первый и последний раз. Понял? Мало ли как повернётся... Сёдня так, а завтра – неизвестно как...

-Ой-ёшеньки! – снова вздыхает Гавриил Ильич.

-Живым останешься – постараися жить без оглядки, ничё не вспоминать, властям поддакивай. Иначе... Сам должен мозгами раскинуть... А то знаю я вас настырных – за копейкой погонитесь, а рубль потеряете.

-Да, паря, привыкли мы к етой жисти. Не загадывали шибко, чё там потом прилучится?.. А сейчас ишь чё - рубанули, и поминай, как звали! А мы как? Не ко двору, чё ли?

-Выходит, не ко двору. Богатеть всегда опасно - найдётся, кому отобрать.

Снова заходит молодой чекист:

-В амбаре всё подчистили у иво, - кивает на Гавриила Вотякова. - Пару коней бы захватить...

Чекист испытывающе смотрит на Гавриила Ильича:

- Не против, Гаврила Ильич, у тя их без счёту... Потом вернём.

-Забирайте, какой там «против»... Тока Игремьку оставьте, мине иво кум на паску привёл.

Старший чекист поворачивается к подчинённому:

-Счас выйдем, хозяин покажет. Обождите пока.

-Слушаюсь, - молодой чекист удаляется из лавки.

-Вписать коней в протокол или так поверишь, Гаврила Ильич?

-Так забирайте, чё уж...

-Ну смотри.

-Это... чё спросить-то хотел... – осторожно начинает Гавриил Вотяков.

-Ну?

-А Николашка-то, чё? Сбёг куды?

-Ага, тока пятки сверкали, - чертыхнулся чекист. - К стенке его поставили.

-Да ты чё?! – искренне удивляется Гавриил Ильич.

-Прошлым летом.

-От как!

-Вы чё тут... совсем ничё не знате?

-Так в глухомань таку забралися, как на заимке... Так чё где маненько услышим... Каку весточку попутным ветром занесёт...

-Тока я те ничё не говорил, а ты ничё от меня не слыхал, понятно?

-Как не понять... А государина иво с ребятишкам где? Куды оне подалися?

-На кудыкину гору! – И, встретив недоумённый взгляд Гавриила Ильича, чекист продолжил: - Их в расход всех разом! Под корень! – он решительно махнул рукой, словно отсёк.

-От чё деется-то, - на лице Гавриила Ильича появляется скорбь.

-Ты ишо заплачь! Так, значит, надо было. Не нашего ума дело.

-Детишков жалко... Таки красивеньки на карточке в газетке... Как ангелочки.

-Помалкивай об своей жалости.

Гавриил Ильич вытирает навернувшуюся слёзы рукавом поношенного пиджака, надетого поверх атласной косоворотки:

-От времечко-то настало, под корень всех!

-И это тока цветочки, ягодки будут впереди. И не болтай о нашем разговоре никому, даже жене. Слыхал, поди, молчанье – золото?

-Да кому мне шибко сказывать-то? А с Евдокеей мне не об чём говореть, всё уж на сто разов переговорено.

Чекист прощально хлопает себя по коленям:

-Пойдём, покажешь коней, - и встаёт с ящика.

Следом за ним послушно поднимается со стула и Гавриил Ильич.

На пороге чекист останавливается и,

внимательно глядя в лицо шедшего за ним купца Вотякова, повторяет:

- И помни мои советы!

Вечером Гавриил Ильич делится своими горестными мыслями с женой:

-От, Дуся, рушится, однаха, наша прежня жись, всё рушится... Не угодны мы богу, чё ли, стали? Так от нас он ноне отвернулся. Лишни мы иму. Видать, чё-то маненъко нагрешили. Как будто прокляты им. Как чумой какой, проказой заразны...

-Это мы-то? – не соглашается Евдокия. - Простодыры обои, дале некуды. На печке лежать долго не любим, от и липнет к нам добро како-никако. А так!.. – Евдокия машет рукой, - дурак дураком погонят... Он... Тоська Зарубина у миня на вечер попросила сипаратор, а сама уж пять денёв не несёт. Я ей: «Тося, мине самой надоть, молоко скопилося, сметану надо делать». А она мине: «Ну потерпи ишо денёк, дольше ить ждала».

-Почуяли нашу слабину. Ладно, не ходи к ей боле. С утра на заимку махану, поесть нашим готовь, заодно и привезу оттель тягину стару маслобойку, там спрятана в укромном месте, подправлю иё, езли чё, справишись как-нить...

-Тока не забудь, Ганюшка, молочиша ноне много, коровы наперегонки доются, тока успевай подойник подставлять. Вчера ребятня соседска приходила, так имя литров пять отдала, у их ить корова в запуске. И потом ишо придут...

-Ну и ладно, давай покамесь. – И, помолчав несколько секунд, снова принял печалиться: - Ой, Дуся, отберут у нас добро наше...

-И куды тока твой тятя таку домину выстроил! – понимает мужа Евдокия.

-А от спроси иво! Поехал с дружком в Иркутским на ярмарку и увидал там сплошь избы в два этажа. А он ить заплошный был, чё задумал – расшибётся, а по иво будет!

Другим вечером в своём доме при керосиновой лампе и початой бутыли с самогоном Гавриил Вотяков ведёт разговор с теми двумя зажиточными мужиками, что были у него в санях зимой, когда история только начиналась. Выпивают, закусывают салом с ржаным хлебом, и он озабоченно говорит:

-От таки дела, пари! Чё дале будет?..

Мол, Гаврила Вотяков, зажимат простых мужиков. А чё мине делать, езли оне сами просются, детям своим хлебушек как-то надоть добывать. А к кому имя идти на поклон? Тока к мине, я тутака имя самый ближний. Тока от миня помочь.

-От именно, Гаврила! - соглашается со сказанным один из мужиков.

-От и просются. А как я имя откажу? Беру, пусь помогут – и сибе, и мине. Всё легше, лишни руки в хозяйстве, не так пуп надрывать, а то не ровён час развязжется. Она ить, грыжа, спрашивать не станет...

-Правда твоя, Гаврила Ильич! – уважительно поддерживает другой мужик.

Воодушевлённый пониманием дружков, слегка захмелевший хозяин дома продолжает:

-Куды их девашь, езли сами просются? Жалешь, канешно. От у нас уж какой го-док глухонемой Федька живёт. Куды я иво дену? Жалем парня, пусь, думу, живёт, чашки супа, чё ли, жалко, аль каши? Он не обижается, смирный такой, работат справно. У нас в зимовье и ночует када летом, к сибе в избу к матери не идёт. А коли обижали бы мы парнишку, так убёг бы давно. Так али нет?

-Так, чё зря говореть, - кивают оба мужика. А один из них признаётся: - А я ить хотел такой же дом из лиственницы ставить, как у тя, Гаврила Ильич.

-И чё – расхотелка опухла? – Гавриил Ильич наливает мужикам самогон в гранёные стаканы.

Апрель 1921 года.

Продразвёрстка. Во дворе двухэтажного дома купца Гавриила Вотякова трое сельских мужиков из бедняков и двое чекистов вытаскивают из амбара мешки с зерном и грузят их на две телеги. Третий, старший в этой команде, молодой уполномоченный в чёрной кожанке (по разговору городской житель) подправляет гружёные на телеги мешки.

Во дворе за происходящим наблюдают Гавриил Ильич Вотяков, его жена Евдокия, дочка лет семи (в будущем мать главного героя киноромана – Елизавета Гавриловна) и три сына: Антон (25 лет), Максим (22 года) и Сергей (18 лет). Двое старших сыновей - Антон и Максим - со своими молодыми жёнами, держащими на руках малолетних и грудных детей.

Городской уполномоченный обращается к Гавриилу Ильичу:

-Вчера у тебя, дармоеда, коммунары реквизировали ценные вещи из дома... Ты почему им швейную машинку в артель коммуны не отдал?

Гавриил Ильич не успел ответить, как к уполномоченному подбежал один из тех сельских активистов, что грузил зерно на телеги:

-Он и ё в огороде зарыл, могу показать, мои ребятишки подглядели.

-Иди с контроль в огород, - командует доносчику уполномоченный, - пускай покажет то место.

-Сам Федька, - кивает Гавриил Ильич на выскочку-мужика, - пусть и роет, раз его ребятня уже знат, - не хочет он идти.

-Пойдёшь как миленький! - настаивает уполномоченный.

-А на чём моя Евдокея ребятишкам шить будет - всё отобрали! - сопротивляется Гавриил Ильич.

-Иди - приказываю тебе! - уполномоченный вытаскивает из кобуры наган.

-А чё, пристрелишь меня? - не верит в скорую расправу Гавриил Ильич.

-Кончился твой кураж, Гаврила! - потешается односельчанин Федька. - И дом твой скоро под сельсовет заберут, и по миру ты пойдёшь - как бродяга с сумой. От! Дождался!

-Ах, ты поганец! - Гавриил Ильич схватывает вилы, стоящие возле амбара, откуда забирали мешки с зерном, и направляется с ними на Федьку, тот успевает спрятаться за уполномоченного с наганом наперевес.

-Выметайтесь с моей ограды! - Гавриил Ильич решительно наступает на обидчиков.

-Брось, дед! А то стрельну, - уполномоченный настроен серьёзно.

-Тятя! - бросаются к отцу взрослые сыновья. - Брось ты их! - они отбирают у Гавриила Ильича вилы. Тот не сопротивляется.

Но уполномоченного уже заусило. Убирая наган в кобуру, он зло выговаривает:

-Вот заберём счас сынка какого-нибудь, попытаем его про батьку...

-Дети-то при чём?! - не выдерживает Евдокия.

-Не бойся, мать, мы так, для остраски, - произносит проходящий мимо другой чекист с винтовкой.

...Две подводы с мешками зерна удаляются от дома Гавриила Вотякова. На одной подводе сидят тот самый чекист с винтовкой и младший сын Вотяковых - Сергей, у него верёвкой связаны руки впереди себя.

Гавриила Ильича в это время удерживают возле ворот остальные домочадцы. Наконец он вырывается, бежит за подводами и кричит:

-Сына андайте, изверги!

Уполномоченный с наганом оборачивается со своей подводы и командует чекисту с винтовкой, едущему сзади на другой подводе:

-Пугани-ка его!

-Счас! - чекист снимает с плеча винтовку и передёргивает затвор, дуло направляет в сторону бегущего Гавриила Ильича. Видим, что дуло выше головы бегущего. Но тут вмешивается Сергей. Решив, что отца хотят убить, он, изловчившись, своим туловищем наваливается на чекиста. Одновременно с этим движением звучит роковой выстрел. Гавриил Ильич Вотяков будто обо что-то запинается, хватается рукой за грудь, опускается на колени и заваливается боком на дорогу.

-Тятя! - Сергей пытается спрыгнуть с телеги, но его крепко удерживает выстреливший чекист.

-Неужели попал? - удивляется со своей подводы уполномоченный с наганом.

-Да я и не целился, - стрелявший не верит, что попал, - чё это он завалился?.. Видать, с сердцем плохо стало... Отлежится! Дед ишо крепкий! - будто сам себя уговаривает чекист. - Надо было нам иво, контру, тоже забрать.

-Вот так будет со всеми врагами советской власти. Никакой пощады! - подводит черту уполномоченный, решив, что старший Вотяков убит. И кричит стрелявшему чекисту: - Сбрось сосунка с телеги, на хрена он нам теперь!

Напарник выполняет приказание старшего, сталкивая с телеги Сергея на обочину дороги.

Ночь. Гавриил Ильич умирает в своём доме от смертельного ранения. С трудом дыша, поперёк груди перевязанный светлым полотном, сквозь которое выступает пятно крови, наказывает сидящей у изголовья и тихо плачущей жене Евдокии:

-Не оставляю я вам достатка... Доми-
ну нашу добровольно сдайте коммунякам,
покамесь оне сами не забрали... Себе каку-
нить избёнку подберите, каки стоят зако-
лоченны... Зиму перезимуйте, а там полег-
ше станет... Рожь, которая в лесу закопана,
тихо потребляйте, не с голоду же вам по-
мирать... И на посев оставьте, сейте тока
ночью. А там, можеть, кака друга власть
придёт... помягше... А если чё - живите
смирно, не лезьте никуды... Самим на го-
лом месте придётся наживать добро како-
никако... Главно - берегите друг дружи-
ку... Сынки - мужики крепки, выдюжут,
если чё...

-Разбудить их? - сквозь слёзы спраши-
вает Евдокия.

-Пусь спят, чё на миня глядеть такова...
И ты не плачь по мне, Дуся. Дурак я был,
обижал тя почём зря...

-Нашёл чё поминать, я уж забыла дав-
но...

-Дай бог, заживёте ишо... Не поминайте
лихом, для вас ить старался... - Гавриил
Ильич застонал от боли, а потом медленно
закрыл глаза. Привиделось ему (картина-
ка): он один в лодке, гребёт вёслами, потом
бросает грести, смотрит на скалистые вы-
сокие берега, любуется напоследок сибир-
ской мощной красотой. Наяву, не открыв
глаз, чуть слышно произносит: - Ухожу...

-Ганюшка! - Евдокия, догадавшись, что
муж умер, безутешно склоняет голову на
его грудь.

В конце апреля 1933 года.

По улице села Шаманово следуют не-
сколько подвод с самым необходимым до-
машним скарбом. На подводах сидят
раскулаченные семьи - дети и женщины.
Держа поводья в руках, рядом идут возму-
жавшие сыновья Гавриила Ильича Вотя-
кова - Антон и Максим.

Две односельчанки, которых зритель
видел в начале истории, когда купец Гав-
риил Вотяков разъезжал по селу на трой-
ке лошадей, стоя у заплата (забора), про-
вожают их сочувствующими взглядами,
тихо переговариваясь между собой:

-Гли-ка, кума, дом свой под сельсовет
када ишо андали, а всё-равно не помогло.

-Дом-то андали, а жатку с сепаратором
скрыли, от их кулаками, сердешных, и
объявили.

-От оно чё... Сначала Гаврилу загубили,

Дуся с горя померла, младшенький их
Сергунька утонул, а теперь и за сыновьёв
взялися. Тока парни справными мужика-
ми стали и от на те - дуйте куды подальше,
в како-то захолустье их сослали, как рань-
че каторжников, выше по реке Лене, вроде
там золоты приски каки-то...

-Линку хоть не тронули, вовремя дев-
ка замуж выскочила за Кешку Протасова.
Грят, беременна она.

-Быстро у их сработалось.

-А чё тут такова - дело молодое! Сичас
чё-то приболела...

-То-то не пришла братовьёв провожать.
Раз заболела, сиди дома, лечися...

-Так меньше на двор раздетой надо вы-
скакивать: то ведро помойно вылить, то
полешек принести...

-Ой, да мы таки же были, вспомни себя,
заполошну...

-Кешка-то радёхонек, видать: на дочке
самова Гаврила Ильича женился, - возвра-
щается к теме замужества одна из соседок.

-Да чё там от богатства-то осталось...
Вроде как и не было иво вовсе.

-Так-то оно так, а всё равно приятно
парню, что Линка иво не из простых голо-
дранцев.

-Да кака теперь разница!

-Не скажи, кума. Раньче-то богата дев-
ка в иво сторону и головы б не поверну-
ла. - Глядя на удаляющие повозки, бес-
покоится: - Ума не приложу, как оне с
ребятишкам-то до этова Каймонова добе-
рутся? Лошадёнки-то он каки слабы у их...

-Да вроде это тока до райцентра, а там
Петъка-конюх лошадок завернёт обратно,
а их на баржу посадят и утартают по Лене.

-Надолго ли?

-Да хто иво знат! Одному богу извест-
но...

Две груженые домашним скарбом под-
воды, с которыми следуют к месту ссылки
семьи сыновей Гавриила Ильича, останав-
ливаются напротив их бывшего двухэтаж-
ного дома. Теперь это сельский совет, на
нём висит плакат: «Кто не идёт в колхоз,
тот враг народа!»

Сыновья снимают заячьи шапки, кре-
стятся и кланяются в пояс. Один из них,
Антон, негромко произносит:

-Прощайте, мама с тятей!

Подводы трогаются, жёны утирают слё-
зы, дети (в каждой семье их по трое-четве-

ро) смотрят на них с испугом в глазах.

...Навстречу следует гружёная манатками подвода, на ней сидят молодая женщина лет 20-22 и годовалый мальчик. Рядом с вожжами в руках шагает мужчина лет 25-27 в потрёпанной кепке, по виду городской.

Поравнявшись, подводы Антона и приезжих останавливаются.

-Доброго здоровьичка! – первым начинает разговор городской.

-И вам тоже! – отвечает Антон.

-Мил человек, где тут у вас главный? К нему надо.

-Сельсовет, чё ли?

-Ну.

-Езжайте прямо по этой улице, там увидите.

-Вот спасиочки, а то больно уж устали, на постой надо в какуй-нить избу определиться.

-Определитесь, пустых ноне хватат.

-А вы кто ж таки будете, чьи родичи? – не вытерпела с любопытством жена Антона.

-Никого тут у нас нету, присланы райкомом партии колхоз у вас налаживать, - с важностью сообщает городской. – Я агроном, а супружница животноводству обучена.

-От оно чё... – догадывается Антон. – Ну, бывайте, - трогает он вожжи.

-Антон, как думашь, в нашу избу их поселят? – снова не удержалась жена Антона.

-Чё болташь зря!

Немного отъехав, Антон останавливает лошадь и окликает агронома:

-Эй! Как тя там по батюшке... Сеять на-думашь – спроси у стариков, они точно скажут, када можно. Главно – не торопись, помни - в Сибири живём.

-Разберёмся! - самоуверенно отвечает агроном.

-Чё он, Кольша, советы даёт? – влезает в разговор уже жена агронома.

-Ага, будто мы сами не сумем разобраться, чё к чему. Нагуливал тут жирок на воле... на молоке да мясе, а мы с тятей на заводчика у станка горбатились от звонка до звонка. Уставал я шибко, какой спрос с пацана...

-Да чёрт с им, не ругайся. Мужик по простоте хотел подсказать, он же местный. Не то, что мы с тобой... городские.

-А нас чё зря учили? Нашла, кого жалеть, кулачье проклятое!

-И не говори! – поддакивает жена.

-Во-во! Так что, Мария Прокопьевна, помалкивай, смотри лучше за сыном. Чёто Юрка покашливать стал, не простудился ли в дороге?

Мария щупает лоб сынишки:

-Нет вроде. - А потом смотрит вслед удаляющихся подвод, на которых сидят такие же малолетние дети, как и её, и негромко произносит: - Хоть бы доехали...

-Доедут, куда денутся! – услыхал слова жены муж.

-Братка мой с детдома приедет, пускай с нами живёт, ладно?

-А я разве против? Пускай парень к сельской жизни привыкат, как мы с тобой, голуба ты моя.

Тем временем Антон с Максимом останавливают подводы напротив наполовину сгоревшей Шамановской церкви. Крестятся с жёнами.

-Надо же было кому-то сжечь! – горюет жена Антона. – В других сёлах купола да кресты поснимали и под клубы приспособили, а нашу сразу пожгли...

-Молодёжь беспутна, тока бы старо быstre забыть, - Антон натягивает вожжи. – Но!

Подводы трогаются с места.

Февраль 1938 года.

Село Каймоново в Восточной Сибири.

Вид захудалой избёнки. В ней орудуют чекисты, идёт обыск. Подавленные происходящим хозяева – Антон Вотяков, старший сын Гавриила Ильича, его постаревшая жена, подросшие испуганные дети.

Старший чекист, по виду подвыпивший, ведёт себя вызывающе:

-Ты чё думал? Советска власть вас, вражин, отправила в ссылку и забыла?

-Мы же все работали, пользу приносили, - негромко пытается оправдаться Антон.

-Чё вы тут работали! Устроились тихой сапой в Якуттранс и думаете всё? Пересидите тут? Думали, так вам всё с рук сойдёт? Ошибались! Товарищ Ежов вовремя о вас вспомнил, классовые выродки. Собирайся, контра, брат твой уже в санях дожидается...

Жена, дети бросаются к Антону, плачут.

Антон сам едва сдерживает слёзы:
-Не убивайтесь покамесь, можеть, ишо
вернуся.
-Вернёшься! – злорадствует подвыпив-
ший чекист.

Май 1938 года.

Пригород Иркутска – Пивовариха.

На краю свежевырытой ямы-траншеи в числе других восьми арестантов стоят в одном исподнем белье Антон и Максим Вояковы. Недалеко от них стоят человек двадцать таких же, как они, ждущих своей очереди быть казнёнными.

Восемь стрелков-палачей НКВД прицеливаются из винтовок. Максим обречённо говорит старшему брату:

-Прошай, братка, на том свете свидимся.
-Прошай, - успевает ответить Антон, -
строг я был... Не серчай на миня...

Чекист, стоящий справа от стрелков, командует:

-По врагам народа... огонь!

Раздаются выстрелы. Один за другим приговорённые падают в яму.

Глава 2 Михаил Протасов, внук

Май 1953 года.

Виды того самого села Шаманово. Над селом плывут перистые облака. Сквозь них видно небо – ярко-синее, манящее. Это небо и эти ласковые облака были здесь всегда. Ощущение вечности...

За кадром ненавязчиво звучит музыка из обожаемого советскими людьми индийского кинофильма «Бродяга», где главную роль исполнил знаменитый актёр и продюсер Радж Капур. Мотив «Бродяги» сменяется мелодией старинного дворового романса-песни «Белые туфельки» (музыка в темпе вальса).

Деревенская улица. Лужи. По грязи пробирается молодая женщина в чёрном плюшевом жакете, с простоватым лицом и почтальонской сумкой через плечо. Выбирая места потвёрже, она ловко прыгает в резиновых сапогах с одного места на другое. Сапоги мелькают на экране туда-сюда.

Навстречу идёт пожилая женщина с пустой авоськой-сеткой. Почтальон здоровается первая:

-Здрасьте, тётя Ань!

Та останавливается:

-Здравствуй, Поля. На Пролетарскую пошла?

-Ага, Миньке Протасову повестку из военкомата несу, - хлопая по сумке, тоже останавливается Поля.

-Вырос уже! – чуть взмахивает руками тётя Аня.

-А куда ж ему деться! Жизнь не стоит на месте! - бодрым голосом, довольная короткой передышкой, подхватывает попутный разговор Поля.

-От-от... одни подрастают, другие стареют, - понимающе произносит тётя Аня. – А что ж сельсовет сам не разносит?

-А-а-а! – машет рукой Поля. – Грязища такая, а Людка сидит там в туфельках, боится ноги замарать, меня попросила. А мне чё? Почту в сельсовет принесла - заодно и повестку захватила.

-Мне-то никакова письмишка случайно нету? – в надежде улыбается тётя Аня.

-Нет покамесь.

-А-а-а, ну иди, Поля, разноси.

Женщины расходятся.

Почтальон Поля подходит к воротам дома, на котором видна табличка с цифрой 8. Стучит кованым кольцом калитки сибирских высоких ворот. В ответ лает собака. Поля пытается заглянуть в щель между досок калитки, зовёт громко и протяжно:

-Елизавета Гавриловна-а-а!

Пока ждёт ответа, достаёт из сумки калитки листок. Не дождавшись, снова зовёт:

-Елизавета Гавриловна-а-а!

Калитку открывает младшая сестра Михаила - Надя Протасова (16 лет) - бледная, плохонько одетая девушка:

-Здравствуй, Поля.

-Здорово, коль не шутишь.

-Письмо?

-Да нет, - уклончиво отвечает Поля. – А тётка Лина дома?

-Нет, бригадир чуть свет на дальнюю замыку их с Ниной послал. А мы завтра туда подсобить все отправимся.

-А-а-а... Наверно, тётка Лина тока к вечеру вернётся? – предполагает Поля.

-Вроде так говорила. А может, и заночует там, это как дело пойдёт. Нина-то там останется...

-А Миня ваш где?

-На Жуковой горе пашет. А чё, он нужен?

-От именно! Держи от, - Поля протяги-

вает казённую бумажку, - это ему повестка в райвоенкомат, передашь брату, меня сельсовет просил доставить. На-ка, - Поля быстро вытаскивает из сумки химический карандаш, протягивает Наде, - роспись от здесь поставь, что получили. Распишись тока, как Минька.

Надя неуверенно берёт листок и карандаш.

-Карандаш-то обмусоль - химический, - подсказывает Поля.

-А када ему явиться? - Надя растерянно читает желтоватый листок, автоматически кладёт конец карандаша на язык...

Подходят братишки - Гриня (13 лет) и младший Сёмка (11 лет). Тоже с бледными лицами, на стареньких телогрейках видны заплатки.

-Здорово всем! - бойко здоровается Поля.

Машинально поздоровавшись с почтальоном Полей, они встают возле Нади, стараясь понять, в чём дело.

-Читай, от здесь читай, - торопливо показывает пальцем Поля.

-Сёдня? - удивляется Надя после прочтения повестки.

-Обязательно сёдня, - подтверждает Поля, - так что надо ему прям счас нести. Пусь ребятишки от и отнесут. Отнесёте брату? - обращается она к Грине и Сёмке.

-Я один сбегаю, - вызывается Гриня, - у Сёмки с зимы коленки болят.

-От и хорошо, - с чувством исполненного долга произносит Поля. И сочувственно добавляет: - Жалко тока, что мать не успеет его проводить, - Поля кладёт карандаш в сумку. - Ладно, мне почту надо разносить, - Поля направляется дальше. И, чуть оглянувшись, добавляет: - Поторопитесь, а то в военкомате ему нагоняй влепят.

Гриня бежит через невспаханный ещё кусок поля к гусеничному трактору марки «СХТЗ-НАТИ», которым управляет его старший брат Михаил (18 лет).

-Минька! Те повестка! - издали кричит изо всех сил Гриня, размахивая желтоватым листком.

Из кабины остановившегося трактора выглядывает Миня, Михаил Протасов - симпатичный черноволосый парень; тёмное от копоти лицо, руки в мазуте, старенькая кепка чуть съехала набок; вид - хулиганисто-рабоче-крестьянский.

И вот Михаил уже сидит в окружении братьев и сестёр в избе, по-взрослому наказывает:

-Мать с заимки вернётся, сообщите ей аккуратно: так, мол, и так - Миню в армию забрали. Пусь не переживат, не на войну же. Я письмо вам напишу, как тока в часть привезут.

-А чё, тя одного забирают? - простодушно спрашивает младший Сёмка.

-Почему одного? Других раньше увезли в райцентр, а меня оставили на неделю - механизаторов же на посевной нехватка.

-Да таких передовых, как ты! Да, Миня? - с гордостью за брата произносит младшая сестра Надя.

Михаил слегка щиплет сестру Надю за нос и беззлобно произносит:

-От везде те, Надька, влезть надо. Хуже Нинки. Ей тоже привет передавайте, пусь жениха присматривают, ей пора.

-Чё сразу Надька-то... Чё я такова сказала? - обижается Надя.

-Ладно, по коням! - хлопает себя по коленям Михаил, встаёт и снимает с себя большеватый, ношеный не один год пиджак, под которым надета только серая майка. - Носи, Гринька, отцовский пиджак - покамесь не приеду обратно, - с этими словами Михаил набрасывает на узкие плечи пиджак брату-подростку.

-Одень, Миня, обратно, не лето же, он как ишо прохладно, - тревожится сестра Надя.

-Да мне тока до военкомата добраться, часа полтора-два езды всего. А там сразу военную форму дают, - на ходу придумывает Михаил. - Провожать не ходите, до сельсовета сам дойду. А там - на попутке или подвода кака подвернётся.

-Братка! - начинает проситься за всех Надя.

-Не вздумайте, говорю! - Миня не хочет длинных проводов. И добавляет уже мягче: - Провожатые нашлись...

...Михаил удаляется от дома - в серой майке, чёрных сатиновых шароварах, обутый в не сильно ношеные кирзовые сапоги, с холщовой котомкой за левым плечом. Прохладно, он поёживается. Оглядывается, машет рукой стоящим у ворот братьям и сестре. Те в ответ тоже машут. Сёмка делает робкие шаги вперёд, не решаясь пойти провожать брата дальше.

-Не ходите! - запрещает Михаил.

Едва он подходит к крыльцу того самого двухэтажного дома купца Гавриила Ильича Вотякова, теперь уже с вывеской «Сельский совет села Шаманово», как ему навстречу быстро спускается чуть прихрамывающий мужик лет 45, в потрёпанном пиджаке и кепке. Это председатель сельсовета Григорий Максимович.

-Ты где ходишь?! – с ходу набрасывается он на Михаила. – И чёй ты в одной майке?

-Да! – вместо ответа отмахивается рукой Михаил.

-Мне уже военком звонил.

-Ладно вам, дяй Гриша, я же на Жуковой горе клин «добивал», - Михаил поправляет котомку за плечом.

-«Добил» хоть?

-Тока-тока успел.

-Ну и порядок! – одобряет Григорий Максимович. - Бригадир в курсе?

-Нет, сами ему скажите, мол, повесткой меня срочно вызвали.

-Всё путём, не переживай! - председатель хлопает Михаила по плечу. - Хорошо, что военком - дружок мой фронтовой, замолвил я за тя словечко, а то бы хана нам обоим! Воинска дисциплина! - председатель предупреждающе поднимает вверх указательный палец и спешит закурить, ловко вынимая зубами папиросу из пачки с надписью «Беломорканал». - Не куришь? – на всякий случай спрашивает он Михаила.

-Нет покамесь.

-Правильно. И не привыкай к этой заразе. Потом бросать – не бросишь, по себе знаю. И чёй ты в одной майке-то? – повторяется, поджигая спичкой папиросу, председатель сельсовета. - Пожалел одежонку, чё ли? Ты бы ишо чирки одел, - опускает он взгляд на ноги Михаила. – От! В кирзачах, как солдат.

Только председатель сельсовета делает первую глубокую затяжку, как из переулка появляется лошадиная подвода, управляемая дедком в старой ватной телогрейке с заплатами, на голове извозчика красуется изрядно помятая армейская зимняя шапка. Подъезжает к Михаилу и председателю сельсовета:

-Тпру-у-у! - командует извозчик лошади.

-Здорово, Адам Егорыч! Ты вовремя! - радуется председатель.

-Наше вам почтенье! – дед слегка при-

поднимает с головы шапку. - Каво везти, председатель?

-Да от этова молодца, - показывает недокуренной папиросой Григорий Максимович. – Повестку-то со мной передали с военкомата. Обратно, Адам Егорыч, пустые фляги просили с молокозавода захватить, вроде каки-то там остались. Вчерась ишо колхозна контора к МТСу перебралася, а всё ишо через миня указанья передают. - И на прощание, пожимая руку Михаилу, с тёплыми нотками в голосе говорит: - Както ты по-летнему оделся, Миня, не замёрз-нешь?

-Жарко даже! - как можно бодрее отвечает Михаил.

-У иво, Максимыч, кровь ишо молода. Горяча! Ни как у нас с тобой, - поддерживает Михаила извозчик.

-То-то, я вижу, ты шапку на уши натянул, - подтрунивает над дедом Григорий Максимович.

- Жар костей не ломит, - не обижается Адам Егорович. И видя, что Михаил уже сел на телегу, подаёт ему валявшуюся рядом рваную фуфайку: - Накинь-ка, паря, куфайку, а то, не дай бог, продует по дороге.

-Ладно, - Михаил не сопротивляется и надевает предложенную телогрейку.

-Ишь, как Егорыч об те переживат, - улыбается Григорий Максимович. – Да-вай, мужики, поезжайте!

Адам Егорович трогает вожжи:

-Но-о-о, пошла!

-Счастливо! Ждём обратно! - напутствует вдогонку Григорий Максимович.

На крыльце сельсовета выходит секретарь Люда (22 года).

-Вам тока что военком звонил, - докладывает она Григорию Максимовичу.

-Знаю! – с досадой бросает окурок председатель. - Чё ты ему сказала?

-Сказала, как учили, что Вы в школу пошли к новому директору. Познакомиться, похлопотать там...

-К директору? – похоже, что он и сам забыл, что просил ответить военкому. - А ведь не мешало бы и вправду познакомиться. Позавчера прибыл?

-Вроде так. А это Минька Протасов с Егорычем поехал? - глядя вслед удаляющейся повозке, спрашивает секретарь Люда.

-Он. А мать, как назло, спозаранку на

дальнюю заимку отправили, - Григорий Максимович с виноватым выражением лица медленно поднимается по ступенькам крыльца сельсовета. Но вдруг спохватывается и спускается назад: - Я в школу!

-Да поняла я, - зевает Люда, едва успев прикрыть рот ладонью.

Председатель останавливается и командует ей:

-А ты бумаги перетаскивай в другу комнату, раз колхоз от нас съехал.

-Ладно.

К двухэтажному каменному зданию довоенной постройки подъезжает на телеге Михаил. Видит на крыльце двух курящих кадровых военных, а рядом - таких же, как он, пареньков. Адам Егорович оглядывается на Михаила:

-Приехали, Миня. Тпру-у-у! - он натягивает вожжи.

-Спасибо, что подбросил, - снимает дедовскую телогрейку Михаил и открывает котомку. - Подожди чуточку, - Михаил достаёт из котомки ветхие чирки (*самодельная кожаная обувь вроде домашних тапок*, - прим. автора) и начинает снимать кирзовую сапоги.

-Да ты, Миня, никак в чирках в армию собрался? - удивляется дед.

-Сапоги жалко, совсем мало поносил, моим в хозяйстве пригодятся, ты отдаи там, пусь носят.

-Отдам, куды я денусь. Матери-то чё передать, али спросит? - дед внимательно смотрит на переобувающегося в чирки Михаила.

-Да меня, может, так чё вызвали, - до последнего не верит Михаил, - может, снова отсрочку дадут...

-Да коли повесткой заграбастали - всё! Ну... бывай, Михаил, - дед-земляк протягивает заскорузлую ладонь для рукопожатия. - Служи, как грится, не тужи. - Затем натягивает вожжи и привычно командует лошади: - Но-о-о! Пошла...

-Моим там всем привет передавай! - наказывает вдогонку Михаил. И неуверенной походкой направляется к военкомату. На крыльце проталкивается сквозь группу новобранцев, немного задерживается у двери, бросает взгляд на вывеску «Военный комиссариат Братского района» и - открывает дверь...

В коридорах райвоенкомата - призывающие в чёрных сатиновых трусах: кто сидит на казённых лавках, кто стоит вдоль стен или кружком. Среди стоящих с медицинской картой в руках и Михаил. Ждёт своей очереди. Вокруг шум, смешки.

Улыбаясь во весь рот, к Михаилу подходит крепко сложенный парень, аккуратно толкает его сзади в плечо:

-Здорово, земляк! - Видя, что Михаил смотрит на него с недоумением, начинает пояснять: - Вовка Крысантьев с Куватки! Наша деревня от вашей в десяти километрах (*ударение на второй гласной*, - прим. автора). Я тя помню ишо пацаном на заимке - в войну раза два вместе с вашей бригадой рожь молотили. Вспомнил?

-А-а-а... - уже с улыбкой вспоминает Михаил.

-Тада держи пять! - протягивает руку Вовка.

Щедрое рукопожатие земляков.

-Ты как с телеги слез - я сразу тя заприметил. Да побоялся обознаться, всё приглядывался... Ну точно ты! А ты чё, прям так в одной майке и прибыл? - продолжает разговор Вовка Крысантьев. И бросает взгляд на ноги Михаила в чирках: - От удивил!

-Перекануюсь, - смущённо отвечает Михаил. - Выдадут казённое!

-Не, паря, так дело не пойдёт. До своей части пилить и пилить, простишь. Подожди-ка, - Вовка быстро исчезает куда-то. И так же быстро возвращается, протягивая клетчатую хлопчатобумажную рубаху: - На, хоть мою рубаху покамесь одень, а я побуду в куфайке (*так по-сибирски звучит слово фуфайка, та же ватная телогрейка*, - прим. автора).

Михаил нехотя принимает чужую рубаху, медлит её надевать:

-Может, те самому сгодится?

-Пользуйся, покамесь я добрый, - улыбается Вовка.

-Потом одену, счас вызвать должны.

-Да ты не брезгуй!

-А чё мне брезговать, - пожимает плечами Михаил. - На, обойдусь, - возвращается он рубаху назад. - Сибиряк морозов не боится!

-Как знашь, моё дело предложить, - недоумевает Вовка Крысантьев. - А от на ноги те ничё нету.

-Обойдусь как-нить.

Врач (мужчина средних лет в белом халате) стучит Михаилу молоточком чуть ниже коленной чашечки. Рефлекс нормальный. За столом другой врач (молодая миловидная женщина) размашисто пишет что-то в медицинской карточке и, не отрываясь, привычно произносит:

-Годен. Давайте следующего.

Михаил, в майке, чёрных сатиновых шароварах и чирках, стоит перед военной комиссией. В центре за столом - военком, на погонах его кителя одна средняя звезда - майор. Он поднимает глаза от документов и чётко спрашивает:

-Михаил Протасов?

-Я.

-Тракторист, значит, - майор замечает на ногах призывника чирки, но молчит. - А автомобиль водить сможешь?

-Смогу, - с готовностью отвечает Михаил.

-Пойдёшь служить в автобат. Это автомобильный батальон - слышал?

-Так точно.

-Тогда выходи строиться.

Группа призывников мнётся с ноги на ногу возле видавшей виды «полуторки», среди них и Михаил. Кое-кто украдкой покуривает. Пожилой шофёр в гражданской одежде возится с мотором. Потом, разгибаясь, вытирает масляной ветошью испачканные мазутом руки, поправляет кепку:

-Готова «старушка»! - и захлопывает капот.

Подходит средних лет сопровождающий с погонами старшего лейтенанта:

-Доедем, Осип Кузьмич?

-До станции всего километров (*ударение на второй гласной, - прим. автора*) тридцать - должны доехать, - обнадёживает бывалый водитель.

Сопровождающий офицер встаёт на подножку «полуторки», заглядывает в кузов и говорит, словно рассуждая про себя:

-Что тут у тебя? Рваная телогрейка какая-то, брезент... укроются, если что - не просквозит. - И обращается к водителю: - Осип Кузьмич, я у тебя телогрейку заберу?

-Бери, коль есть нужда, - отзыается водитель.

-Да тут один призывник умудрился в одной майке явиться...

-Учудил, парень, - Осип Кузьмич полез в кабину «полуторки».

-Протасов! - вызывает Михаила из группы призывников сопровождающий.

-Здесь я! - подбегает Михаил.

-Телогрейку одень, а то в кузове продуэт.

-Да я закалённый сибиряк, обойдусь, - начинает отнекиваться Михаил.

-Это тебе первый приказ как будущему военнослужащему! Выполнять! - старший лейтенант протягивает телогрейку Михаилу. Тот сразу её надевает. - А вот сапоги получишь в части, - глядя на чирки Михаила, произносит офицер.

Потом по-отечески обращается к призывникам:

-Давай, ребята, загружайся! - И тихо, словно про себя, добавляет: - А я пока военкому доложу, - немного сутуляясь, он направляется к зданию райвоенкомата.

Когда новобранцы лезут в кузов, подходит земляк Вовка Крысантьев.

Михаил ещё не успел забраться в кузов, и разговор происходит у борта машины.

-Подфартило те, Михаил, а меня на флот загребли. Я, сибирский валенок, проболтался, что у меня тётя в войну на эсминце ходил, а тут как раз флотский «покупатель» подвернулся, - жалуется земляку Вовка.

-Ну и радуйся, где потом море увидишь? Тока на картинке.

-Да так-то оно так... - пожимает плечами Вовка. - Тока вместо трёх лет придётся четыре года отбарабанить.

-Да-а-а... Целый год прибавляется! - сочувствует земляку Михаил.

-Об чём и грустить! И кто меня за язык тянул, хотел показать, какой у меня тётя молодец, а вышло от как...

-Вас вечером повезут? - интересуется Михаил.

-Может, даже завтра - точно не сказали. Покаместь команда не наберётся. А ты где-то всё-таки одежонкой разжился, - отвлекается Вовка от своей темы.

-Выдал старшой.

-От так я загремел, Миня, по своей простоте деревенской, - снова возвращается Вовка к больному вопросу. - И, чуть понизив голос, откровенно выдаёт: - Не дождётся меня Галька!

-Какая Галька? - без особого интереса переспрашивает Михаил.

-Князева! Не знашь таку? Она из вашего Шаманово.

-Да вроде Князевых-то знаю, их изба крайняя у леса стоит.

-От-от, её отец, дядя Коля, до войны у вас в колхозе агрономом был, рано помер, а тётка Маруся на ферме всё за телятником смотрела, а счас дома сидит.

-Ну да. Но твою Гальку не припомню. У тя её карточка есть?

-Есть, - Вовка полез в карман шаровар.

-Кто ж так карточку хранит, - с улыбкой замечает Михаил.

Вовка показывает фотографию:

-Правда, здесь она с подружкой, я с комода без спросу взял, а то бы сама не отдала.

-Спёр, значит, втихомолку...

-Взял!

-Ладно. Какая из них? - рассматривает фотографию Михаил.

-От! - показывает пальцем Вовка Крысантьев.

-Эта? Курносая! - восклицает Михаил.

-Сам ты!.. - Вовка забирает фотокарточку.

-Не обижайся, земляк, я на милюзгу вниманья не обращаю, - пытается сгладить Михаил.

-Это она на карточке плохо получилась: фотограф, гад, не так чикнул.

-Понятно...

-Как пить дать - не дождётся! - тоскливо продолжает Вовка Крысантьев.

-Если любит - дождётся, - почти машинально заверяет влюблённого земляка Михаил, - а если нет - цена ей копейка и то в базарный день. Положи ей, если не дождётся, в конверт копейку и отправь - сама догадается, чё к чему.

-Чё-то я про копейку в первый раз слышу...

-А так все делают, кто служит. Мне в позапрошлом году Васька Тельнов рассказал, как его Катька Зверева не дождалась всего два месяца. Он ей копейку и отправил. Мол, от те тада цена...

-Ваську я знаю, так он вроде в жёны взял... эту Катьку!?

-«Взял»! Она пожила-пожила с полгода с тем, кто её перехватил, из соседнего села ухарь один... Да ты его не знашь, наверно, - Серёга Глухих... А потом от законного мужа к Ваське снова сбежала. Теперь уж у них пацан родился.

-Давно?

-Да нет, недели две-три назад.

-От иво хоть? - сомневается Вовка.

-Да кто знает... Но вроде похож. Подрастёт - видно будет.

-Када подрастёт - ничё уж не поделашь, придётся дальше жить.

-Не тужи зря! На наш век этого добра,

- Михаил показывает пальцем на фотокарточку, которую держит в руках Вовка Крысантьев, - хватит. Ни одна - так друга подвернётся, - он ободряюще похлопывает земляка по плечу.

-Не-е-е, я кого попало - не хочу, - снова начинает Вовка.

-А кто тя спрашивать станет?!

-Вроде не должна выскочить, покамесь я буду на волнах болтаться, а? - Вовка изо всех сил ищет поддержки у Михаила.

-Да не слыхал я ни о какой такой Гальке Князевой! - уже раздражённо говорит Михаил. - От вернусь - как пить дать - специально поинтересуюсь, чё за птица?

-Она и на танцах всего один раз была - стесняется покамесь, - не унимается Крысантьев.

-Тада совсем не знаю, может, так... где на улице и встречал, - Михаил нетерпеливо заглядывает в кузов, где призывники, устроившись поудобней, ждут сопровождающего.

-Я к ней целый месяц вечерами бегал - десять километров (*ударение на вторую гласную, - прим. автора*) туда и десять обратно. А ждать всё равно не пообещала - уклончиво так ответила... - с досадой гнёт своё Вовка.

-А ты её... того... тронул?

-В том-то и дело, что не успел. Покамесь подбирался - в армию надо идти.

-Значит, так хотел...

-Да нет, маленька она, испугал бы, ей всего-то шестнадцатый пошёл.

-Испугал бы, конечно, - Михаилу становится весело от всей этой истории, и он показывает на лицо земляка с грубо-ватыми чертами и широкими бровями, которые сходятся на переносице. И, видя, что сопровождающего всё нет, приготовился слушать любовную исповедь дальше.

-Скажешь тоже, - Вовка не обижается.

-Она, как бы те сказать... - рассказчик задумывается, будто на миг представляет девушку своей мечты. - Кака-то она... недеревенская - поёт красиво, на гитаре сама

научилась играть... Ей бы на артистку выучиться! В Москву рвануть! А так... - обречённо машет рукой Вовка. - Опять же мне не достанется, если уедет куды учиться, - рассуждает Вовка. И, может быть, ещё бы что сказал, но, заметив, как к ним идёт сопровождающий офицер, стал прощаться, протягивая ладонь для рукопожатия: - Как вернусь с флота, на свадьбу позову! - отчаянно подытоживает он разговор.

-Ага, держи карман шире! Четыре года... - беззлобно дразнит Михаил, ловко залезая в кузов «полуторки». И уже оттуда добавляет сочувственно: - Кто ж вытерпит такой срок! Бывай, земляк! Пишите письма мелким почерком...

...Девять молодых парней едут в кузове «полуторки», несколько из них укрылись брезентом и прикорнули. Лица остальных тоскливы: от родного очага оторвались, а впереди - неизвестность. «Полуторка» терпеливо «пилит» по грунтовой дороге, по обе стороны - таёжный лес. Бывалый шофер внимательно смотрит вперед. Рядом - офицер-сопровождающий: то ли дремлет, то ли просто закрыл глаза, откинув голову без фуражки на спинку сиденья.

А Михаил вспоминает о том, как дома его собирали в армию (картинка из прошлого).

Сборы в избе. Сестра Надя вытряхивает из чугунка на серую тряпичку несколько картофелин в мундире, а затем, завернув их в эту самую тряпичку, бережно кладёт на дно котомки:

-В дороге поешь, Миня, - обращается она к брату. - Соль тока кончилась, у кого-нить там спросишь. И хлеба те чуточку положила.

-Не переживай, в армии накормят. Вернусь откормленный, - шутит Михаил. И наказывает младшему брату Сёмке: - Вернусь, чтоб вырос о-о-от такой, - показывает вверх рукой, - выше меня.

-Вырасту! А ты скоро назад?

-Через три года, это если на суше останусь, а если в морфлот попаду, то на год больше придётся служить. - И Михаил обращается как можно веселее к сестре и братишкам, хотя у самого голос уже подрагивает: - А вы тут матери помогайте, да невесту мне готовьте - отслужу, сразу жеюсь.

...Снова новобранцы в кузове движущейся «полуторки». Михаил достаёт из котомки две картофелины, протягивает

их двум паренькам, сидящим рядом, те охотно берут их в руки, и, очистив верхнюю часть от кожуры, жадно откусывают. А Михаил достаёт из котомки ещё одну картофелину и прижимает её к щеке, задумывается. Вдруг он замечает знакомые места, чуть приподнимается и видит, что проезжают своротку на его родное село с указателем «Шаманово». Вдали замечает едущую в это село на телеге знакомую фигурку женщины.

-Мама, - еле слышно произносит он, приподнимаясь в кузове и крепко держась за его борт. И хочет уже закричать, приоткрыв рот, но оглядывается, видит дремлющих товарищей и останавливается. Обречённо опускается на дно кузова, машинально откусывает неочищенную картофелину и снова прижимает её к щеке.

И мать, Елизавета Гавриловна, словно что-то почувствовав, тоже обворачивается, видит удаляющуюся по тракту машину, успевает заметить людей в кузове. Напряженно вглядываясь, пытается их рассмотреть... Вдруг догадалась! И тоже не закричала. Поздно: машина скрывается за поворотом. Мать закрывает лицо руками - то ли молится, то ли плачет, а когда отрывает ладони от лица, то еле слышно произносит: «Спаси и сохрани». Эти божественные слова повторяются как выдох над тайгой: «Спаси и сохрани».

Январь 1956 года, Чукотка.

Военный аэродром, стоящие на нём самолёты того времени. Бензозаправщик с надписью на цистерне «Огнеопасно» стоит возле грузового самолёта. Идёт его заправка топливом. Михаил с сослуживцем Серёгой в кабине: оба в армейских зимних шапках, овчинных полушубках. Михаил посматривает в боковое зеркало, ждёт, когда техники закончат заправку.

-Скоро они там? В глотке пересохло, - нетерпеливо проводит ребром ладони по горлу Серёга.

-Не говори, с утра во рту маковой росинки не было, - Михаил делает характерный жест под подбородком.

Наконец Михаил видит поданный ему знак об окончании заправки - свист и отмашку рукой одного из техников.

-Заправили! - сообщает Михаил сослуживцу и открывает дверцу. Высунувшись из кабины, кричит технику:

-Готово?!

-Готово! – техник вешает заправочный шланг в специальное устройство на бензозаправщике.

Михаил захлопывает дверцу. Отъезжает на край аэродрома. Командует Серёге:

-Сиди, счас всё в ажуре будет.

Вылезает из кабины, куда-то уходит. Серёга терпеливо ждёт, протирая переднее стекло меховой рукавицей. Через некоторое время Михаил возвращается, залезая в кабину с небольшой алюминиевой канистрой:

-«Летуны» чуток авиационным спиртом поделились, - он осторожно наливает содержимое канистры в алюминиевую кружку, которую бережно держит Серёга. – С Крещением, чё ли! - выпивает спирт залпом, какое-то время не открывает рот, ждёт, пока «горючее» пройдёт внутрь.

-На, запей водой, - Серёга подаёт Михаилу алюминиевую походную фляжку.

Тот отпивает из неё и показывает на кружку:

-Держи аккуратней, счас сам будешь пробовать.

Глаза Михаила посоловели, он достаёт из «бардачка» полбуханки чёрного хлеба. Отламывает. Передаёт хлеб Серёге:

-Перекусим перед ужином, - старается он пошутить.

Оба жуют. Потом Михаил произносит чуть заплетающимся языком:

-Быть у воды, да не напиться – это каким дураком надо быть. А, Серёга? Эх, летом на «гражданку» попаду, - мечтает Михаил.

-Не ты один, Миха, у меня вместе с тобой дембель. Или забыл? - И стал доставать из кармана полушубка фотографию:

-Смотри, моя прислала.

Михаил бросает взгляд на портрет миловидной девушки:

-Ничё так, сойдёт.

Серёга переворачивает фотографию и читает надпись на обороте:

-Если встретиться нам не придётся, может, наша такая судьба... Пусть на память тебе остаётся неподвижная личность моя.

-Жениться обещал?

-Неа.

-Ну и правильно.

-А у тебя кто есть?

-Вернусь домой – будет.

...Вечереет. В кабине едущего бензозаправщика напарник Серёга мирно спит рядом, склонив голову на плечо шоферя, Михаила, который время от времени правляет эту голову, чтобы не мешал рулить. Михаил из последних сил старается смотреть на дорогу, таращит глаза... Переключает скорость – машина движется медленнее. Но сон перебарывает, и он смыкает веки.

Бензозаправщик плавно, не переворачиваясь, съезжает в заснеженный кювет пустынной трассы.

Через некоторое время на этой же трассе стоят с зажжёнными фарами две военные машины, одна из них легковая, другая – тягач; вокруг суетятся военнослужащие. Старший офицер, с погонами капитана, показывая рукой на съехавший с трассы бензозаправщик, командует:

-Тросом цепляйте! А этих сосунков грузите в машину! На «губу» обоих!

-Может, в госпиталь сначала? - предлагает другой офицер, званием ниже – старший лейтенант.

-Какой госпиталь?! Спят, как сурки, в дымину пьяные. Не почувствовали даже, как в кювет свернули!

-Хорошо ещё, что не перевернулись и не успели замёрзнуть, - подхватывает третий офицер – лейтенант.

-На «губу»! - решительно командует старший офицер, капитан.

Раннее утро в камере гауптвахты. Михаил медленно открывает глаза, соображает, где он находится, садится на нижних нарах, осматривается. Он в солдатских галифе и расстегнутой гимнастёрке без ремня; босоногий. Михаил трогает своё плечо, морщится от боли. Пытаясь проверить, что у него с рукой, стягивает гимнастёрку с больного плеча. Смотрит, что там. На плече видна татуировка: русский воин в шлеме, доспехах, с мечом и щитом.

Михаил осторожно берётся за голову обеими руками, морщится:

-У-у-ух...

Будит за плечо сослуживца Серёгу, лежащего на верхних нарах:

-Серёга, живой?

Тот, приоткрыв глаза, едва шевелит губами:

-Где это мы?

-Где-где... На «губе»... Голова раскалывается - опохмелиться бы.

Серёга кое-как слезает с верхних нар, садится рядом с Михаилом. Он в таком же виде, что и Михаил. Водит по сторонам мутными глазами:

-Во попали, - бессмысленно останавливает взгляд на татуировке на плече Михаила:

-Забыл... Это у тебя... что за вояка?

-Александр Невский, - с трудом выговаривает Михаил. - Андрюха Елохин... всем тут... без разбору мастрячит... Тока попадись под руку... - И, морщась, кое-как вставляет руку в рукав гимнастёрки.

-Он счас здесь? - слабым похмельным голосом интересуется Серёга.

-Да холера его знат! В прошлый раз был.

-Узнай, а? - канючит Серёга.

-Нашёл об чём думать, - тяжело вздыхает Михаил, поправляя надетую кое-как гимнастёрку.

-Думай... не думай, так хоть какая-то польза от «губы» останется, - заключает Серёга. - Рука сильно болит?

-Терпимо. Видно, плечо ушиб.

-Главно, Миха, что кости целы, а мясо нарастёт, - пытается шутить Серёга.

Дежурный гауптвахты, сержант, ставит алюминиевую кружку на нары и прикладывает палец к губам, мол, никому ни слова. И Михаил ему в ответ показывает такой же жест. Затем отпивает из кружки, занюхивает кулаком и протягивает кружку другу по несчастью на верхние нары. Тот принимает «лекарство».

Через некоторое время. Михаил лежит на спине с открытыми глазами и рассуждает вслух:

-Первое время не пил, а потом втянулся. И чё удивительно: третий год дослуживаю - всё сильнее тянет. Без похмелья вообще уже не обходится. - Тяжело вздыхает: - От приеду к матери... - и представляет на миг (картинка), как мать открывает ему калитку ворот, радостно обнимает вернувшегося из армии сына.

Приятное видение обрывается. Михаил снова садится на нары, обращается наверх к Серёге:

-Осталось чё там в кружке?

-Есь маленько.

-Давай, - Михаил тянется рукой вверх за кружкой.

Глава 3

Демобилизация

Через полгода.

Пассажирский поезд следует с востока на запад. На одном из вагонов видим табло с надписью «Владивосток – Москва».

Июньская зелень – леса, травы – «приветствуют» состав. В плацкартном вагоне видим Михаила - с ефрейторскими погона-ми на гимнастёрке, он режется в карты с такими же демобилизованными солдатами, как он сам:

-Ходи, твоя очередь, - командует он рыжеватому старшему сержанту:

-На! Валет козырный!

-А вот! Дама-козырь! – в игру вступает уже третий; свою очередь ждёт четвёртый.

Вдали, за открытым наполовину окном, показывается очередная железнодорожная станция.

-Братцы, так это же вроде станция ударной комсомольской стройки! Про неё в газетах всё время пишут! - восклицает один из демобилизованных солдат – Евгений.

-Выходим? – предлагает другой. – Или в храп сыграем?

-Надо обмозговать, - подключается к разговору тот самый Серёга. – Там, поди, тока по вызову принимают?

-Я тоже слыхал, что сначала надо написать в кадры, - включается в разговор рыжеватый старший сержант.

-Нету времени думать, бляха-муха, подъезжаем уже к станции, - говорит увидевший первым стройку Евгений. – Демобилизованных солдат и так с руками оторвут!

-Мне-то чё? Тут до моей деревни рукой подать, считай, что приехал, это вам до своих ехать да ехать, - Михаил стаскивает с верхней полки свой фанерный чемодан. - Хотя нет, выйду-ка я на следующей остановке, загляну сначала к матери.

-Миха, давай с нами, командой легче на работу зачислят, - уговаривает Серёга. – А на выходные домой смотаешься, раз тут рядом.

-Небось, к невесте торопится, - глядя на Михаила, по-дружески смеётся рыжеватый старший сержант.

-Нет у него пока никого, - заступается за Михаила друг Серёга. И тихо добавляет: – И у меня, похоже, тоже...

-Чё, писать перестала? – так же тихо интересуется Михаил.

-Хуже... Потом расскажу, не успел.
-Понятно... Замуж выскочила.

Семеро солдат сходят с поезда с одинаковыми фанерными чемоданами.

Поезд трогается дальше. Солдаты стоят на платформе, оглядываются по сторонам.

-И куда рванём? – настроение у всех отличное. Ещё не осознают, что с поезда уже сошли.

Мимо проходит пожилой человек в ноженном, но аккуратном костюме, роговых очках и при галстуке – похож на инженерно-технического работника. Он с любопытством смотрит на вновь прибывших солдат.

-Отец, где тут на стройку нанимаются? – озорно спрашивает Серёга.

«Итээровец» с готовностью останавливается, деловито спрашивает:

-А что вы умеете делать, ребята? Стройке нужны квалифицированные рабочие: плотники, бетонщики, шоферы...

-Годится, «баранку» крутить умеем, – отвечает за всех Михаил.

-Тогда поезжайте в палаточный городок, спросите там отдел кадров. Торопитесь, вон автобус стоит, – «итээровец» показывает рукой на стоящий недалеко автобус, – скоро пойдёт туда.

-Эх, сто километров (*ударение на второй гласной, - прим. автора*) до дома не доехал, – негромко произносит Михаил, беря в руки армейский чемодан. - Пошли записываться в гражданские шоферы!

-Не жалей, Миха, снова будем вместе! – радуется Серёга.

Через неделю. На грунтовом тракте Михаил в той же армейской одежде и с новым рюкзаком за спиной голосует появившейся из-за поворота грузовой машине ГАЗ. Машина останавливается.

-До Шаманово подбросишь? – спрашивает Михаил в открытое окно боковой двери.

-До своротки могу, – отвечает водитель средних лет. – А там те рукой подать.

-Пойдёт, – Михаил садится в кабину.

Едут. Шофер интересуется:

-Демобилизовался?

-Так точно. Еду к своим.

-От обрадуются-то! – водитель радуется за парня.

-Да не знаю, – неопределённо отвечает Михаил.

-А чё так? – не понимает водитель.

-Еду сообщить, что на стройку завербовался, знаешь, наверно, на Ангаре строится гидростанция?

-Слыхал! Там мужики хорошу деньги, грят, зашибают!

-Покамесь не получал, сказать не могу, но вроде шофера не обижаются. Неделю назад тока устроились с армейскими дружками, вместе в Зелёном городке в палатку заселились, по ГАЗону нам дали, грузы на стройку завозим, а потом по самосвалу шеститоннику обещали. Я от на выходные дни отпросился.

-У вас там, значит, МАЗы?

-В гараже видел самосвалы МАЗ-205, но есть и КрАЗы, те помошнее.

-Эх, был бы помоложе, – водитель поправляет кепку, – тоже согласился бы в палатке жить. А так – семья, куда от иё сберишь?

-А у нас там всякие: есть и в возрасте, и семейные – со всего Союза едут. Больше, конечно, инженеров зовут, они на вес золота. А мы уж так – подсобная рабсила, – подтрунивает над собой Михаил.

Встреча в родном доме. Михаила обнимает мать – не нарадуется. Рядом сестры и братья ждут своей очереди.

-Никуда не отпустим, ни на каку стройку, – пытается обнять брата младшая сестра Надя. – Ишь чё удумал! А мы тут как без тя?!

...Через час-полтора Михаил выходит из бани – распаренный, в шароварах и майке, на шее висит полотенце. Подходит к матери, а та держит наготове крынку с молоком.

-Попей сразу молочка, Миня, корова ноне молока даёт помногу.

Михаил с удовольствием, безотрывно, пьёт молоко. А когда отрывается, то произносит:

-Вкусно-то како!

-На травах, у коровы ить молочко на языке, – продолжает довольная мать, наблюдая за сыном. - Нам теперь хватат: сдавать никуды не надо, даже творог стала делать, а где и маслице собью, – мать рада и приезду сына, и колхозным послаблениям. - Пойдём в сени, там прохладно, кровать те застелила. Отдохнёшь с бани, а там и за стол сядем. Девки стараются, нажарили-напарили. Кой-кто из родни придёт.

-Соскучился я по дому!

-Да как же не соскучиться, сынок! Хоть побудешь в родной избе, пройдёшься по родным улицам...

На другой день. Михаил колет дрова во дворе, а братья Гриня (16 лет) и Сёмка (14 лет) складывают их в поленницу.

Мать сидит в избе на диване и зашивает вручную какую-то одежду. Надя моет посуду на кухне, потом бросает взгляд в окно, видя, как старший брат умело колет дрова.

В дом входит с полным ведром старшая сестра Нина и прямо с порога:

-От зачем завербовался? Тут работы полно! Как иво вчерась дяй Петя за столом отговаривал! А он и ухом не повёл.

-Пусь покамесь поработат, - не отрываясь от шитья, спокойно рассуждает мать. - От своих армейских ребят не захотел отрываться... Поработат там - не понравится, так всё равно вернётся, куды он деется... Главно, недалёко от дома. Будет када-никада нас проведывать. Дай бог, копейкой какой поможет, крышу он надо перекрывать, старый тёс совсем погнил...

-Ага, от как ты, мама, заговорила! - Нина не верит ушам своим. - То ругала иво, не одобряла, а то...

-Не травите мне душу, - вздыхает мать.

- Ты, дочка, лутче скажи, пошто третьева дня под утро заявилася? Думашь, раз на сеновале с Надькой устроилися, так мать ничё не слышит, не знат?

-Один раз-то и было, с сельсоветской Людкой засиделись после клуба.

-А-а-а... «засиделись» оне... Смотри - в подоле не принеси!

-Не принесу! - обижается Нина. А потом осторожно начинает: - Не хотела раньше времени говорить... Да раз ты Миньку отпускаш...

-Ой-ёшеньки! - Елизавета Гавриловна поднимает голову от шитья. - Чё тако?

-Минька меня с собой на стройку зовёт, там девчонок полно работают, устроюсь бетонщицей или маляром...

-От чё удумали! Тя-то всяко разно не пушшу! И не надейся! Осеню mine председатель посулил: на курсы тя направит - на пчеловода выучишься. Пасека в колхозе така справна, хоть мёду поедим вдоволь.

-«Пасека», - злится Нина. - Тада уж лутче на щетовода пойти!

-Мам, и вправду, куда приятней на

щётах щитать, чем с пчёлами возиться, - встревает в разговор младшая Надя.

-Ладно, девки, утро вечера мудренее, как говорится. А вообще ты, Нинка, не обижайся на мать... Задержалася ты в девках, однаха. Больно разборчива стала. Пора и замуж выходить. Хошь бы парня какова приглядела, зря, чё ль, на танцы-то бегашь?

-Чё я бегаю-то - хожу, - огрызается Нина, расставляя помытую Надей посуду на полку.

-К материнам словам не придирайся. Хошь как Людка, чё ли? Ребёнчишка не знамо от каво родила, и какой уж год одна себе кукует.

-Во-первых, знамо от каво - от Павлушки Захарова, а во-вторых, не нравится мне тут никто. Может, на стройке от и встречу... путёвого парня.

-Можить, и попадётся кто, дай-то бог, - Елизавета Гавриловна миролюбиво вздыхает. А потом снова продолжает себе под нос: - О, господи, царица небесная, нашла от каво рожать, хоть бы от путного, а то от этова баламута Павлушки. У иво отец такой же был! Двум дурам тут ребятишек заделал, и ни на одной так не женился, всё у матери в доме жил, а потом и вовсе утонул по весне... Царствие ему небесное. Беспутна родова! - Елизавета Гавриловна откладывает на диван шитьё, встаёт и идёт к открытому окну: -Миня! - зовёт она сына.

- Идите обедать! Да послушай, чё твоя сестра придумала, ишо и тя подключила!

Глава 4 Строитель коммунизма

Март 1957 года.

Самосвал МАЗ-205 с госномером 65-03 заезжает на обширную территорию автобазы. В кабине замечаем главного героя. Михаил в ватной телогрейке и армейской зимней шапке с загнутыми «ушами» устало вылезает из кабины машины. Навстречу ему спешит армейский друг Серёга.

-Держи пять, Миха, - радостно протягивает он для рукопожатия мозолистую пятерню. - Слыхал?

-Чё?

-Завтра ударными темпами реку будем перекрывать, прям со льда. Река счас тихо бежит, не помешает. В том месте всю зиму подготовку вели, осталось тока за нами

окончательное дело. Камень в лиственничные ряжи засыпать будем.

-Прям завтра? – не верит Михаил.

-Завтра, Миха, традцатого марта тыща девятьсот пятьдесят седьмого года. Запомни, детям на старости лет будешь рассказывать, - весело, артистично говорит Серёга, хлопая друга по плечу. - Знакомый художник по фамилии Сластенко счас пла-кат рисует: «По воле партии родной мы по-коряем Ангару!» Звучит?

-Да чёрт его знат...

-Ой, Миха, ничем тя не прошибёшь.

-Да завтра же у меня отгул, я к матери хотел заявиться – с Нового года не был, со-скучился по своим. Опять же дров хотел им помочь подколоть...

-«Дров подколоть», - передразнивает друг. – Если отлично сработаем – может, по медали получим, раз в войну не успели, - раскатисто хохочет Серёга. – Наши ин-женера такой эксперимент придумали, ни-где в мире такого не было: провести первое перекрытие Ангары, первой очереди, прям со льда. А он, грят, чуть не в полтора метра толщиной, так что не провалимся, не переживай!

-Брось трепаться! Это чё мы с кромки льда будем грунт сыпать в эти ряжи?

-Да, так мне инженер мой знакомый сказал. Получится продольная ряжевая перемычка.

-А они где стоят – в прорубях?

-В майнах.

-Я и говорю в прорубях. То-то всё эти коробки из бруса сколачивали, думаю, куда это их?

-Они самые. А у кромки льда соорудили ограждения из брёвен, в них и уткнёмся, когда будем ссыпать скальную породу в эти ряжи. Вернее, даже не в них, а на лёд, ближе к майнам, а дальше уже ковши экскаваторов подберут всю эту гравмассу и сыпнут точно в ряжи. Постепенно они под тяжестью груза опустятся на дно реки.

-А-а-а... А те кто так всё толково рас-толковал?

-Да говорю ж, есть тут инженер один, тоже из Новосиба, как и я.

-Земляк, значит!

-Земелье новосибирское!

Дружки смеются, потом Серёга сооб-щает:

-Забыл сказать... Железнодорожный мост через Ангару, через который мы с

тобой прибыли сюда, будут разбирать, он под затопление попадает.

-Како затопленье? – не понимает Михаил.

-От те раз! Раз реку перекроют, вода-то куда пойдёт?

-Куда?

-Разливаться вширь начнёт. Ладно, по-том поговорим, я думал, ты уже всё сооб-разил...

-Ты про мост доскажи. Как же тада гру-зы на север от старого Братска дальше пой-дут?

-Плотину гидростанции построят и пу-стят по её верху и автомашины, и поезда.

-От оно как! А не развалится?

-Кто?

-ГЭС, кто же...

-Шутишь, наши инженера всё просчи-тиали.

Тут подходит с фотоаппаратом «Зенит» парень в выцветшей гимнастёрке. Это третий армейский дружок – Евгений, кото-рый первым увидел из окна поезда же-лезнодорожную станцию, расположенную недалеко от строящейся гидроэлектро-станции. Привычное рукопожатие армей-ских дружков.

-Вставайте у машины, запечатлю на вечную память, - предлагает Евгений.

Михаил и Серёга без особого энтузиазма встают у кабины МАЗа, позируют в рукопожатии, не глядя друг на друга, – только в объектив.

-Так, улыбочку... улыбочку тянем, - ру-ководит съёмкой Евгений. - Ждите «птич-ку»... Готово!

-Ты, главно, фотокарточки не забудь, - напоминает Серёга. - А то всё нас с Миш-кой чикаешь, чикаешь, а ни одной карточ-ки мы что-то до сих пор не наблюдали.

-Обещанного три года ждут, какие ваши годы, - привычно отвечает Евгений.

-Вот-вот, - не унимается Серёга.

-Так это точно, что завтра на перекры-тие бросют? – по-прежнему сомневается Михаил.

-Точно, Миха, сам от диспетчеров (*ударение на последнюю гласную, - прим ав-тора*) слыхал. Готовься.

-Понятно, - обескураженный Михаил садится на подножку своего МАЗа, - съез-дил к матери...

-Не грусти, Миха, успеешь свои дрова наколоть. Пускай твои братовья помога-ют, - успокаивает Евгений.

-Да говорю ж – соскучился.

-Соскучился он... А я - нет? – вздыхает Евгений.- Ещё с год поработаю и брошу всё к едрене фене. Чё я тут не видел в вашей Сибири? У нас, в Помосковье, знаешь, сколь простора!.. Зимы снежные, но тёплые. Кругом памятники старины, помечичьи усадьбы - ходи и смотри. А тут одна мошка заедает, мороз за сорок.

-Ладно, может, в гости када к себе позвошь, - откликнулся на рассказ Евгения Михаил.

-Ребята, подождите меня, я счас сбегаю к своему «мазку», - Серёга стремительно направляется к рядом стоящему самосвалу.

-Куда это он намылился? – не понимает Евгений.

-За бутылкой, наверно, - догадывается Михаил.

Дружки понимающе переглядываются.

Возвращается Серёга и вытаскивает из-за спины бутылку водки. Обращается к Михаилу:

-У тя в «бардачке» стаканы с прошлого раза где-то оставались...

-А до завтра не мог подождать? С устакку бы и выпили, - кивает Михаил на бутылку.

-Обижаешь, паря. Чё тут пить-то, – Серёга приподнимает бутылку, на которой видна этикетка «Московская». – Так, для сугрева. Он и Женяка поможет, у него нюх на эти дела.

-Наливай, мужики! – Евгений потирает руки.

Трепетное разлитие горючей жидкости на крыле машины Михаила.

-Ну! Берегите зубы смолоду! - предлагает свой тост Серёга.

Дружки привычно чокаются, выпивают из двух гранёных стаканов и алюминиевой кружки. Занюхаивают рукавами рабочей одежды. Закуривают папиросы «Беломорканал».

Продолжение «банкета» в рабочей столовой. Сняв зимние шапки и расстегнув телогрейки, наливают водку из-под стола в гранёные стаканы, закусывают котлетами с макаронами. Разговор постепенно становится громким и неуправляемым.

-У меня рейсов хватает, есть чем наряды закрывать! - горячится Евгений.

-Не трепись, кобель, знаем мы, как ты

наряды закрываешь, - останавливает его Серёга. - В конце месяца ходишь к своей Инке – «отовариваешь» её, мать-одиночку, вот она те и рисует лишние рейсы.

-А за это и морду можно набить. Не посмотрю, что ты дружок, - Евгений лезет через стол к Серёге драться.

-Харэ, мужики, - Михаил пытается их успокоить, - пойдёмте лутче в клуб. Вчера афишу видел - индийская картина «Бродяга». Там этот играет... – Михаил пытается вспомнить.

-Радж Капур, - подсказывает Евгений.

-Ага, он, - соглашается Михаил.

-Тока сначала в общагу – переоденемся как люди, - уточняет Серёга.

В зале клуба. На экране – кадры индийского кинофильма «Бродяга». Зрители в верхней выходной одежде - в основном рабочая молодёжь. В последнем ряду сидит наша троица - в модных в середине 50-х годов чёрных драповых полупальто-«москвичках» и тех же рабочих зимних шапках. Пытаются тихо разливать, но получается всё равно шумно. С переднего ряда на них оглядывается толстая девушка с волевым лицом и угрожающе предлашает:

-Помочь выйти?

Троица сразу присмирела, стала напряжённо смотреть на экран, где Радж Капур в это время шёл по индийскому базару и пел свою знаменитую песню «Бродяга» на хинди. И когда снова исполняет припев со словами «абара му», с закадровым переводом «бродяга я», то Михаил вслед тихо повторяет: «Абара» (это слово станет лейтмотивом дальнейшей судьбы сибиряка, – прим. автора). Едва Михаил произносит «абара», как дружок Серёга сует ему под нос кружку. Михаил от неожиданности даже морщится, слегка оглядывается по сторонам и покорно выпивает водку, занюхивая её рукавом «москвички».

После киносеанса. Качаясь, троица тащится в темноте по улице палаточного города. Евгения то и дело заносит в сторону, он спотыкается, падает на четвереньки. Михаил с Серёгой помогают ему подняться. И... сами падают на колени. Кое-как встают. Мимо проходят две нарядно одетые девушки. Подвыпившие парни успевают к ним привязаться, одну девуш-

ку Евгений пытается даже под руку взять:
-Девчонки, возьмите нас с собой, - просит он за себя и дружков.

-Размечтались! Пьянчуги! - девушки ловко уворачиваются от пьяных ухажёров и прибавляют шаг.

-Абара... му-у-у, - нарочно растягивая «му», произносит им вдогонку Серёга.

-Какое те «му»? Ослышался, чё ли? Абара - бродяга я! - поправляет Михаил.

-А это... кто как... хочет слышать, - еле выговаривая слова, произносит Евгений. И его в очередной раз заносит в сторону.

Тут неожиданно Михаил хватает Евгения за грудки, обращаясь к дружке угрожающим тоном:

-Будешь ты по-нормальному идти, или ждёшь, чтоб я те «вывеску» начистил?!

-Михаил, ты чё? - безобидно удивляется Евгений.

-Миха, брось, пойдём дальше, - заступается Серёга.

-Весь вечер про наряды гнусели, а теперь дойти до палатки не можете! Счас ты у меня по струнке побежишь! - Михаил чуть засучивает рука «москвички», сжимает кулак и с размаху бьёт им Евгения в челюсть.

-Миха, ополоумел? - пытается остановить дружка оторопевший Серёга.

-И ты туда же?.. - Михаил врезает от души и Серёге: - Абара!

Подоспевшая группа молодёжи, шедшая следом из клуба, утихомиривает драчунов:

-До чего докатились!

-Это из какой бригады такой позор устраивают?!

В это время дружок Евгений, с трудом вставший на ноги, исподтишка наносит удар кулаком уже по лицу Михаила. Тот, обескураженный, аж приседает:

-От те и абара! - потирает он рукой возле правого глаза.

Утро следующего дня. Автобаза. Михаил осматривает под капотом «внутренности» МАЗ-самосвала. Видим его сбоку. Потом оборачивается - виден синяк под глазом. Когда садится в кабину, то смотрится в боковое зеркало, поправляет армейскую шапку, изо всех сил бодрится и, вздыхая, тихо произносит: «От так, абара». Заводит машину, газует, проверяя мотор. Только собирается отъехать, как к

нему быстро подходит, почти побегает, начальник автоколонны Дмитрий Семёнович:

-Путёвку забыл в диспетчерской, держи! - подаёт он путевой лист и на сумрачном лице Михаила замечает синяк. - Кто «фонарь» подвесил?

Михаил терпеливо молчит.

-Да мы не с похмелья ли? - начальник вскакивает на подножку самосвала. - А ну дыхни!

-Не задерживай, Семёныч, виши, почти все уже выехали, - Михаил показывает глазами на выезжающие из ворот гаража одну за другой машины.

-А что мне до них, - недовольно кивает в их сторону начальник. - Тебя с линии надо снимать, паразит. Не пропривился, как следует! Ладно, помни: больше рейсов - больше груза, а не можешь - уйди с дороги! Понял?

-Понял.

-Смотри у меня! - начальник пригрозил пальцем.

-Не держи, раз запряг, - Михаил даёт газу и трогается с места. Дмитрий Семёнович едва успевает соскочить с подножки самосвала.

-Разберёмся!.. - угрожающе произносит вдогонку Михаилу строгий начальник автоколонны.

...Карьер-каменоломня. Экскаватор грузит в кузова самосвалов гравийно-диабазовую массу. Под тяжестью камней автомобили «приседают».

Михаил ставит свою машину под погрузку - пятится, наполовину высунувшись из кабину. Тормозит, когда видит, что встаёт правильно. Экскаваторщик бухает в кузов порцию скальной породы. И Михаил трогает свой самосвал с места. Лицо парня преображается, загораются глаза - настроение трудового подъёма.

Хроникально-документальные кадры (Иркутская студия телевидения) первого перекрытия Ангары.

Машина Михаила пятится к бордюру из брёвен, поднимается кузов и скальная масса ссыпается на лёд возле кромки проруби.

Снова наш герой воодушевлённо гонит свой МАЗ за следующей партией камней. Навстречу ему попадаются другие гружёные самосвалы.

Михаил Протасов в очередной раз заезжает в карьер. Экскаваторщик и пожилой водитель перекусывают; на подножке одной автомашины подстелена газета, на ней – солёное сало, хлеб, варёные яйца, бутылка с отпитым молоком из-под водки. Запивают еду из алюминиевых кружек, которыми чокаются:

– С почином, мужики! Давай, Данила, чтоб Ангару за сёдня перекрыть! – неожиданно стихами заговорил пожилой экскаваторщик Антоныч.

– О, стихами заговорил! – радостно тянет к экскаваторщику свою кружку водитель Данила.

Михаил шустро выскакивает из кабины:

– Антоныч, загружай, время не ждёт!

– Не гони лошадей, паря. Перекусим и темп восстановим, – спокойно отвечает ему экскаваторщик. Но, видя, как Михаил мается в нетерпении, Антоныч торопится, дожёывая на ходу: – Ладно, я пошёл. – И кричит Михаилу: – Подставляй «коробочку», земляк!

Картинка со сбрасыванием на лёд камней повторяется несколько раз. Одна картина с перекрытием (монтаж) наслаждается на другую. Работа кипит! Михаил от напряжения вытирает пот со лба.

…Затемно заезжают в гараж самосвалы с включёнными фарами. Среди них и МАЗ Михаила. Выразительные усталые глаза. Главный герой ставит машину, глушит мотор, медленно вылезает из кабины, осторожно захлопывает дверцу, поправляет армейскую шапку, не спеша осматривает машину-труженицу, заботливо похлопывает её по крылу.

Вместе с другими шофёрами Михаил заходит в диспетчерскую. Молча протягивает путёвку девушке-диспетчеру. Та внимательно смотрит в путевой лист, потом, улыбаясь, – на Михаила. Тут входит уже знакомый нам начальник автоколонны:

– А-а-а, вернулся, – неодобрительно глядя на Михаила, начинает начальник. – А дружки-собутыльники уж с полчаса как ушли отдохнуть. – И строго обращается к диспетчерше: – Зоя, сколько этот орёл, – при этом слове выразительно глядит на Михаила, – сделал рейсов?

– Больше всех, Дмитрий Семёнович, – с добродушной улыбкой отвечает Зоя.

– Ну? – искренне удивляется начальник.

– Дай-ка путёвку посмотрю, – смотрит. – Вот как! Такой натворил бы делов на фронте, – Дмитрий Семёнович уже с интересом глядит на Михаила. – Так тебе надо орден давать?

– Лучше премию, – недружелюбно реагирует Михаил. Но потом голос становится мягче, он поясняет: – Матери надо тёс на крышу купить. Мой дом здесь недалеко, всего в ста километрах. Слыхали, может, село Шаманово, там раньше стоянка бурятских шаманов была.

– Так ты местный? Бурундук? Раз надо – значит, надо. Выпишем тебе нужный пиломатериал, с кем надо я переговорю, – заверяет начальник автоколонны. И крепко жмёт руку Михаилу: – Молодец – что зря скажешь!

Глава 5 Тревоги матери

Через полтора месяца.

В середине мая едет по селу Шаманово знакомый МАЗ-самосвал, доверху гружёный досками – тёсом. Груз сверху укреплён тросами. Из-за дождей машину заносит из стороны в сторону. За рулём – армейский друг Серёга. Михаил в кабине рядом, он напряжённо следит за дорогой – как бы не забуксововать.

– Крепко тут у вас пролило, – говорит Серёга.

– Как пить сутки шёл дождь, – подтверждает предположения друга Михаил.

– Разгрузить помогу и – назад. Рассусоливать мне тут нет времени. У тебя отгулы, а мне завтра, как штык, надо быть в гараже, – деловито рассуждает Серёга, умело поворачивая руль то влево, то вправо.

– Понятно. Я на попутке вернусь.

– Слушай, Миха, ты вот тёс счас везёшь, стараешься.... А вдруг твоё Шаманово под затопление попадёт?

– Скажешь тоже! ГЭС далековато от нас, обойдётся. Не должно достать...

В избе Протасовых. Сёстры Нина и Надя, братья Гриня (17 лет) и Сёмка (15 лет), отрвавшись от окошек с криком «Минька едет!», бросаются к входной двери. Мать Михаила, Елизавета Гавриловна, быстро отложив вязание носка, тоже спешит на улицу, коротко взглянув на портрет на стене, где Михаил запечатлён в солдатской гимнастёрке. «Сыночек мой дорогой», – промолвила взволнованная мать.

Когда она выходит за ворота, то Михаил уже стоит в окружении братьев и сестёр. Увидев растерянное лицо матери, готовой вот-вот расплакаться, направляется в её объятия.

-Мам, ну не плачь, - успокаивает он мать.

-Как не плакать, када ты не с нам... С каких пор уж не заявлялся... Спасибо, сынок, деньги твои на почте получали. Видать, плотят вам там справно, таки денежки мы тут отродясь не видали.

-Да ладно, чё там...

-Слава богу, приехал...

-Раньше не мог вырваться, зато теперь тёс на крышу привёз.

-Выписал али как?

-Можно сказать, что премия за ударный труд, половину тока из зарплаты выщители, - информирует родных Михаил.

-Он у нас на стройке на хорошем счету, - выбрав момент, хвалит друга Серёга.

Мать замечает Серёгу, спрашивает Михаила:

-Товарищ твой?

-Дружок армейский. Вместе с ним на стройку завербовались.

-Проходите в дом, - спохватывается Елизавета Гавриловна, - перекусите с дороги. - И командует дочерям: - Давайте пошустрее собираите на стол! - И снова обращается к сыну: - Хорошо, хоть на почту позвонил, предупредил, а то бы от так свалился на голову, а мы тут ничем ничё.

Серёга, глядя вслед сёстрам, тихо спрашивает Михаила:

-Та, что постарше, и есть Нина?

-Ну.

-Познакомь.

-Серёга! Ты меня знаешь. Обидишь сестру... - строго предупреждает Михаил.

-Нашёл обидчика, меня самого сколь раз девки обижали.

-Моё дело предупредить.

-Миня, мы под крышку доски сложим, - докладывает Михаилу повзрослевший брат Гриня.

-Ладно, - соглашается Михаил. - В армию-то скоро заберут?

-Да мне ж покамесь восемнадцати нет. На другой год если... к ноябрьским...

-Ну-ну, постараюсь приехать проводить. Готовься потихоньку, он уж какой вымахал!

На следующий день. Михаил похозяйски перекрывает крышу новым тёсом, ему помогают два брата - Гриня и Сёмка: где доску подадут и придержат, где гвоздь. Работа спорится.

Внизу стоит мать с крынкой молока и ломтями белых шанег:

-Слезайте на перекур! - зовёт она сыновей.

...Михаил сидит вместе с братьями на завалинке отчего дома - перекусывают, Елизавета Гавриловна ласково и с надеждой смотрит на сыновей.

-Покуль червячка заморите, а ужин девки мне помогут сварганиТЬ, оне сёдня пораньче с фермы придут.

-Хорошо, что дождь дальше не зарядил, - проголодавшись, с аппетитом откусывая шаньгу, Михаил показывает на просветлённое небо: - Успеем посуху дранку заменить. Лишь бы тёсу хватило. Должно хватить! А не хватит - довезу.

Елизавета Гавриловна, словно не слыша сына, озабоченно делится с ним своими сокровенными мыслями:

-Крышу-то тёсом перекроем, а грят, которые деревни подтопит. Можить, и нашу тоже. От как вы там эту...

-Гидростанцию, коротко - ГЭС, - подсказывает Михаил.

-От-от, када иё построяте, реку запрудите, то вода прямиком на улицы к нам и пойдёт, так стали поговаривать, - Елизавета Гавриловна вопросительно смотрит на сына - что он на это скажет.

-Да врут. Как это вода в сёла пойдёт? Здесь же люди живут. Инженера, поди, заране всё ращитали, если и затопит, то тока безлюдны места, - простодушно уверен Михаил.

-Ой, сынок... У их, небось, и в плане уже нарисовано, да нам покамесь не сообщают, - не верит Елизавета Гавриловна.

-Да нет! Не может такого быть... Деревни тада придётся переносить, чё ли? Председатель сельсовета-то чё говорит?

-Молчит покамесь. Он сам года два на-зать дом новый поставил, самому, поди, неохота никуды срываться. И так сколь людей новы избы поставили... И пристройку недавно к больнице нову сладили. Этую... как иё...

-Амбулаторию, - с трудом выговаривает Михаил.

-От... Знали б, что затопят, рази трати-

ли бы деньги, а? И заместо сгоревшего клуба новый строют, через месяц-два обещали открыть. А заместо семилетки полну школу построили – десять классов, и интернат новый при школе, теперь с Харанжино ребятишек везут, матери их тока на выходны по домам разбирают. А пашни куды? Чернозём голимый! А сенокосы, а выгоны для скота? Неужель под воду?

-Ладно, чё раньше времени горевать, надо сначала всё разузнать. Жись покажет!

-Покажет, как же! Вроде не по совести получатся, сынок, одни прибыли к нам зачем-то строить эту...

-ГЭС...

-Ага... А нам - срываися с насиженных мест? А ить праеды наши первы эту землю облюбовали. Таку даль в Сибирь пробивалися... Страдали! Выходит, у нас на иё прав-то поболе будет. Да и жалко-то как – кругом ить местов грибных да ягодных полно... На огородах сроду ничё не замерзат. Скоту есть, где пастися, каки он луга заливны... Не приведи господь, езли така благодать на дне гнить останется!

-Да нет, не затопит, мы ж в ста километрах. Кто тут таки разговоры ведёт? Слушай больше! Это ж надо тако придумать! – никак не верится Михаилу.

-Я в сельсовете на той неделе была, там и слышала от секретарки Людки. И на днях из МТСа трактора начнут передавать на колхозны дворы. Это неспроста. Не будет, Миня, боле эмтээса, где твой тятя до войны работал.

-Может, эта Людка чё перепутала, надо у председателя точно узнавать, - Михаил задумывается и замолкает. Словно очнувшись, негромко произносит: - Остануська я дома, наверно. Дровишек на зиму побольше подколем с Гринькой, где и Сёмка поможет... Назьмище от стайки надо осенью раскидать, как управимся с огородом. Картошку помогу выкопать, небось, на поле двадцать соток посадили?

-Двадцать пять.

-Ну! Как же без меня! А там и шоферить здесь устроюсь.

-А как на работе, не потеряют тя? – осторожно спрашивает Елизавета Гавриловна.

-Не потеряют. Телеграмму отобью, трудовую книжку и расчёт почтой отправят - у нас так ребята уже делали, когда увольнялись. Домой в отпуск уедут и с концами, остаются там – им потом книжки кадровики по почте отправляют.

-И много увольняются?

-Да всяко. Кто подзаработал денег, кому надоело в палатках зимой мёрзнуть, летом мошкуру кормить, те запросто всё бросают и уезжают к себе на родину – в тёплы края. Но в основном остаются, счас двухэтажные деревянные дома начали строить, квартиры отдельные семейным будут давать, людям будет, где жить.

-А те тожи полагатся?

-Квартира? Не-е, холостым дают тока общежитие.

-А никаво там из девок по сю пору не приглядел?

-Неа. Вроде нравятся так-то девчонки, а влюбиться не влюбился.

-Чё совсем никаво нету?

-Так-то есть одна ухажёрка, но это так... несерьёзно у нас. Она с запада приехала.

-Откуль это?

-Да вроде с Украины. Хохлушка. Смешно так говорит... Я ей: «Учись по-нашему говорить», а она...

-О-хо-хо, - не дослушав, вздыхает мать,

-Не пойму я вас, молодых...

-Не переживай, женюсь.

-А Нинка-то наша, кажись, втюрилась в твоёва дружка, на стройку иё зовёт.

-Знаю. Парень толковый, будет замуж звать – пусь идёт.

-Пусь, рази я супротив, всё одно ей тут пары нету. А ей давно пора, шутка ли, девке уж двадцать три от-от стукнет. Как узнат твой дружок, скока ей годков, так не передумал бы, а? Соплюх он ноне некуды девать - парней чё-то совсем мало.

-Не, Серёга надёжный, не переживай. Ему така, как наша Нинка, и нужна – чтоб в хозяйстве толк знала, а то понаехали на стройку сплошь с образованьем, а сами суп сварить не умеют.

-Ну-ну, пусь едет Нинка к иму на стройку, жись свою устраиват. Глядишь, фатеру отдельну получат. А ты хоть будешь теперь дома – в тёплой избе, а не в палатке мёрзнуть, да по чужим общежитиям мотаться.

На другой день. Сельская почта в Шаманово. Внутри помещения работница средних лет, с чуть раскосыми глазами, широковатым носом и аккуратно убранными назад волосами «калачиком» (больше похожа на учительницу, чем на почтового работника), негромко и серьёзно читает вслух текст телеграммы:

-Прошу уволить собственному желанию тэчека трудовую расчёт вышлите село Шаманово Братского района Протасов Михаил Иннокентьевич тэчека.

Прочитав телеграмму, работница почты вскидывает голову и неожиданно весело, как вызов, бросает Михаилу:

-Одним женихом у нас больше станет?!

Михаил под хмельком, артистично сдвигает армейскую фуражку на глаза:

-А чё – пригожусь?

-Сгодишься! Девок и баб полно, а мужиков здоровых да молодых - кот наплакал. Сам знаешь: кто с войны пришёл - то калека, то вскорости поумерал от тяжёлых ранений и болезней. А вы, довоенные, от тока и подросли. На вас все и надеются. Уж не подведите!

Оба смеются. Но потом смех сходит на нет – слишком тяжелы для каждого воспоминания при упоминании о войне.

На следующий день. Михаил в Шамановском сельсовете. Сидит напротив председателя Григория Максимовича, который в 53-м году отправлял его в армию.

-Как же так, Михаил, сам ГЕС строил, а до конца не понял, что некоторые сёла под воду уйдут, када у их там эти... агрегаты закрутятся, - и потянулся к бумагам, лежащим на конце стола. - От я сичас те зачитаю, - стал он рыться в бумагах на столе. - Собрание односельчан собирая, надо же эти постановления растолковать... Так пришли три калеки, как будто остальных это не касается. Я просто дивлюся – на чё люди ращитывают? – Григорий Максимович нашёл, наконец, нужный документ: - От эта бумажка! Послушай хоть ты, Миня, раз мать твоя мать не верит. А другим вобче – в одно ухо влетело, в другое – вылетело. Слушай, каки решения приняты. – Григорий Максимович надел роговые очки и принялся старательно читать: - Решение... за номером 325 от 23 июня 1956 года исполнкома Иркутского областного Совета депутатов трудящихся «О мероприятиях по переселению населения и переносу на новые места строений и сооружений в связи со строительством Братской гидроэлектростанции». А также от ишо постановление Совета министров СССР за номером 389 от 24 марта 1956 года и Совета министров РСФСР за номером 371 от 19 мая 1956 года. – Закончив читать, председатель сельсовета

та снял очки: - Согласно этим документам, (*ударение на вторую гласную, – прим. автора*), и матери своей это объясни, что население с затопляемых земель подлежит организованному переселению в соседни населённы пункты. Последний срок перезда 1961 год. Сам по радиу слыхал, что к лету шестьдесят первого затворы плотины закроются, и начнётся наполнение водой нового Братского моря. От так, Михаил...

-Понятно, - Михаил ошарашен. – Не думал, что на стройке своими руками могилу начинал рыть родному дому.

-А я-то чё натворил, дурак доверчивый... Избу нову поставил, материна-то совсем в развалюху превратилась. И ишо таки же... Ты понял, как их можно назвать, умудрились двадцать два дома в Шаманово построить. Все молодожёны! Торопятся жить! По сторонам не привыкли покамесь оглядываться! Колька Ступин сруб под крышу подвёл, тёс завёз... Не верит, что нас затопит. Я иму: «Кольша, зря стараешься», а он мне, да так хлёстко: «Это мы ишо посмотрим!»

Михаил понимающе усмехается.

-Во-во, все вы так усмехаетесь, молоды да сопливы. Жена у ивошибко завистлива попалась: у подружки, Ольки Тельновой, мужик с отцом таку справну домину выстроил, от и ей надо. А мужик чё? Надрывайся, коль жена хочет... А потом разбирая на брёвна, перевозись, на новом месте опеть ставь избу...

-Так-то оно так, - соглашается Михаил.

-Ой, и не говори, Миня, морока-то кака людям! (*ударение в слове «людям» на последней гласной, – прим. автора*).

Сентябрь этого же года.

На картофельном поле копают картошку Елизавета Гавриловна, Михаил, сестра Надя, братья Гриня и Сёмка.

Мимо по дороге идут Галина Князева (первое появление на экране – небольшого роста, худощавая, светловолосая, с милым девичьим лицом, курносенькая) и её мать, Мария Прокопьевна, которая первая здороваются с семьёй Протасовых:

-Бог в помощь!

-И вам таво же! – отвечает за всех Елизавета Гавриловна. – Помощница с города приехала? – кивает она на Галину, а та даже не оборачивается.

-На неделю с учёбы отпустили – матери с картошкой помочь.

-Ну-ну.

Михаил, разогнувшись от копки картошки, успел только увидеть Галину со спины:

-Это ить с тёткой Марусей её дочка, чё ли?

-Младшенькая. Учится вроде на зоотехника. Да ты иё, соплюху, не знашь.

-Идёт и лица не кажет, - Михаил снова принимается за копку картошки.

-Да мы с имя не шибко-то, - равнодушно произносит мать.

-А чё так?

-Да оне шибко задаются.

-А-а-а, - заканчивает разговор Михаил.

Глава 6 Знакомство, свадьба

Через год.

Михаил натягивает в материиной избе хромовые сапоги, заправляет в них широкие сатиновые брюки чёрного цвета. Встаёт с табуретки, притоптывает. Ловко сапожки на ногах сидят! Надевает двубортный в серую мелкую полоску тёмно-коричневый пиджак. Зачёсывает назад густой каштановый чуб.

За действиями брата следит из кухни через дверной проём младшая сестра Надя (19 лет), моющая в эмалированном тазике посуду:

-Минь! Как те новый прицепщик? Вредный попался?

-Нормальный.

-Переходи лутче на молоковозку, хоть не такой мазутный будешь приходить, - продолжает разговор Надя. - А нет, так можно к целинникам в Ключи податься. Они, я слышала, ни сёдня-завтра начнут лес корчевать для полей нового совхоза, деньгу начнут зашибать. В Шаманово-то ничё не надо было корчевать, степи да лугов тут и так полно, а куда переселимся – кругом леса.

-Посмотрим.

Михаил выходит в ограду, где мать помешивает в ведре деревянной лопаткой пойло для скота. Замечает нарядившегося Михаила:

-Далёко собрался?

-Прогуляюсь на «полянку» («полянка» – место на открытом воздухе, где сель-

ская молодёжь устраивает летом танцы, – прим. автора).

-Придёшь поздно али снова, как в прошлом разе, под утро?

-Посмотрим, - Михаил медленно идёт к воротам.

-А Надьку чё с собой не берёшь?

-Придёт сама, у иё там ухажёр завёлся, - на ходу отвечает Михаил.

-О как! А я ни сном ни духом.

-Сама расскажет, - за Михаилом захлопывается калитка ворот.

-Как же – допытешься до иё, - негромко ворчит Елизавета Гавриловна.

За околицей села бурлит одна из заключительных августовских «полянок». На брёвнах стоит патефон. Его хозяин – Толя-бэса – ставит модную пластинку, крутит ручку патефона. И звучит что-то непонятно-чарующее:

Бесаме, бесаме, мучо...

Танцуют танго только девушки - друг с другом, а парни, собравшись в круг у збора, дружно «ржут», изредка бросая взгляды на односельчанок.

-Лутче бы танцевать пригласили! – громко и с упрёком говорит парням одна из девушек.

Чуть вразвалку Михаил подходит к молодёжной компании, садится рядом с Толей-бэсой:

-Здорово, бэса.

-Здорово, - Толя-бэса жмёт протянутую Михаилом ладонь.

Некоторое время парни смотрят на танцующих девушек, потом для поддержания разговора Михаил интересуется:

-Это девки тя Толей-бэсой прозвали?

-Они. Как пластинку эту стал крутить, так и прилипло – Толя-бэса.

-Ничё, пережить можно.

-Отец летом из города патефон с базара привёз и пластинки к иму всякие, от и кручу им, - Толик кивает в сторону девушек, - почти каждый день. Домой прибегают - просят! А «мучо» этого, - Толик кивает на крутящуюся пластинку, - завклубом недавно дал, ему брательник откуда-то раздобыл, мол, модно счас.

Мимо парней «проплывают» в танце две девушки. Михаил не упускает момент и, ловко сорвав растущую рядом пожелтевшую, уже безобидную крапиву, не сильно

хлещет ею по ногам девушек. Одна кокетливо вскрикивает:

-А-а-а! Крапива!

Другая шутливо набрасывается на Михаила:

-От чума ходячая заявилась! – вырывает крапиву из рук Михаила и хлещет теперь уже его.

-Тока до смерти не забейте! – шутливо отбивается Михаил.

Пластинка заканчивается. К «полянке» приближается средних лет сельский гармонист дядя Вася. Девчата радуются его приходу, просят:

-Дядь Вась, сыграй нам на своей «бандуре» чё-нить повеселее.

Гармонист садится на брёвна, удобнее берёт гармонь в руки и начинает играть «Подгорную».

Девчата озорно пляшут: в серых и чёрных ношеных пиджаках, а кто-то в плюшевых жакетках поверх ситцевых платьев, в стоптанных туфлях, резиновых сапогах, на головах некоторых девушек летние косынки. Михаил наблюдает за ними. Ни в одной из них он не видит тайны, загадки. Все – свои, доморощенные, знакомые с детства. А ему-то нужна та, единственная, которую он полюбит. Задумывается парень...

Через две недели. Шамановская молочно-товарная ферма (МТФ). Покосившиеся деревянные коровники, возле них большие кучи навоза. Моросит осенний дождь.

Михаил подъезжает на молоковозе на базе ГАЗ-53 к одному такому помещению с вывеской «Приёмный пункт Шамановской МТФ». На крыльце сталкивается с молодой дояркой, которую он недавно хлестал по ногам крапивой на «полянке». Та заигрывает с ним:

-Ой, Минька, здорово! Чё-то тя на танцах не видно... Мы уж с неделю как в клуб перешли – всё, осень! – показывает она в пасмурное небо.

-Работа! – в тон ей отвечает Михаил. – Дай Федю от подменяю, – кивает он в сторону молоковоза.

-Ну-ну, лови момент, пока денёчки холостые!

-Своёва не упустим!

-А вы с тёть Линой в каку деревню перезжать надумали?

-Покамесь не определились точно. Вроде в Ключи.

-А чё так далековато от райцентра? Мы от в Калтук, рядышком.

-Тока бы вас не затопило, как наше Шаманово.

-Скажешь тоже!

-Ну, счастливо тада!

-И те не хворать!

На этом и расходятся. Михаил осторожно открывает дверь приёмного пункта. И – застывает на пороге...

В глубине плохо освещённого помещения он видит девушку, берущую с полки семиструнную гитару. Девушка, это Галина Князева, пока не замечающая Михаила, садится на топчан, поудобнее берёт в руки гитару, чуть подкручивает головки грифа на верхней деке, проверяя звучание инструмента, и начинает напевать приятным голосом слова песни, словно разучивает их:

*Белые туфельки, белое платьице,
Белое лицико – словно атлас...*

Внезапно Галина прерывает пение, аккуратно вешает гитару на большой, грубо торчащий из стены гвоздь, и ловко принимается мыть молочную флягу изнутри, наливая в неё воду из ведра.

Михаил любуется её оголёными тонкими руками, густыми пшеничными косами, подобранными «баранками» возле ушей (вместо лент – цветные тряпочки), чуть вздёрнутым носиком на миловидном лице и пухлыми губками, страстно шепчущими слова всей той же песни:

Он же, подлец, никогда не любил...

Наконец Михаил решается:

-Кто тут молоком занимается? Ты, чё ль, курносая?

-Ой! – девушка испуганно убирает под косынку волосы со лба. – Нарочно подкрался?

-Не ругайся, – ласково говорит Михаил.

-Лучше давай молоко сливать в цистерну.

-Вдвоём с тобой? Я на прошлой неделе так натаскалась с флягами, что теперь – ни за что. Сейчас Адам Егорыч должен подойти – он нам теперь помогает. С ним и управитесь.

И стала проходить мимо Михаила с пустой, вымытой флягой, а тот ей дорогу преграждает:

-Чё-то я тя раньше не замечал – местная или приезжая? – издалека начинает Михаил.

Галина ставит флягу на пол, разгибается. Сталкиваются лицом к лицу:

-А как ты меня мог заметить, если ты на низу села живёшь, а я – наверху, - подыгрывает ей Галина.

-Ты меня знаешь, чё ли?

-Кто вас не знает... Ваша родова заметная. Твой дед-купец каким домищем владел!

-Каким таким? – не сразу понимает Михаил.

-А ты сам будто не знаешь...

-Да как сказать...

-Давай пока посидим, скоро сторож должен подойти, - Галина садится на топчан, следом за ней присаживается и Михаил.

-Чё там про дом-то? – парень заинтересовался рассказом девушки.

-Это двухэтажный домина на Ленина, где счас сельсовет.

-А-а-а... Ну чё-то мне мужики намекали, а от прямо никтоничё не ратолковал.

-Всю вашу родню раскулачили из-за вшего достатка.

-От ты о чём... Када это было-то, всё уж давно быльём поросло.

-Понятно, можешь не продолжать. Богатство глаза колет.

-Да ничё не колет. Я больше ничё и не знаю, мать молчит, сроду не расскажет, всё чё-то боится...

-Ну-ну.

-А ты чья будешь?

-Тёти Маруси Князевой дочка.

-Шурка, ли чё ли?

-Шура у нас старшая, после Юрки, конечно, на учительницу выучилась, в городе с мужем и дочкой живёт, в школе работает, а я младшая – Галя. Для тебя - Галина.

-Галчонок, - заулыбался Михаил.

-Не называй меня так, - обижается Галина, снова берёт вымытую флягу и несёт её в угол.

Михаил следует за ней:

-Скока же те лет?

-Двадцать скоро.

-Такая старая? – пытается шутить Михаил.

-«Старую» нашёл... Я, между прочим, десять классов кончила, два года в Тулуне в техникуме на зоотехника проучилась. Заболела, правда, этой весной воспалением лёгких... Давай ещё присядем, Егорыч где-то запропостился...

-Давай, - Михаил с Галиной снова садятся на топчан возле железной печки. – И

чё, домой пришлось вернуться?

-Пришлось. Здесь вот пока и работаю.

-Зоотехником станешь, када техникум свой кончишь?

-Нет, я передумала. В педучилище буду поступать, хочу тоже, как сестра, стать учительницей начальных классов. В этом году денег не было меня на учёбу отправить, да и проворонила я вступительные экзамены, а вот на тот год поеду в райцентр обязательно.

-А замуж-то када, «учительница»? – ласково глядя на Галину, произносит Михаил. - Те ребятишк пора рожать, а ты всё про учёбу думашь. На танцах он тя ни разу не видел.

-Я редко там бываю, устаю на работе. Да и скучно там. Парни ржут, как жеребцы, девчонок не замечают...

-А чё их замечать-то – сами заметят.

-От все вы такие!

-Какие?

-Дурные.

-Смотри, просидишь в девках.

-Не переживай! Тебе точно не достанусь.

-Не загадывай!

-Да мне-то чё! Бегает тут один, - на ходу придумывает Галина. - Выходи, да выходи за меня... Надоел уже!

-Не любишь, чё ли?

-Говорю же, я учиться хочу. Счас упустишь время – на всю жизнь в деревне застрянешь.

-Так давай я твоёва ухажёра отгоню от тя подальше, кто он?

-Никто, - Галина опускает глаза.

-Наврала, значит, - догадывается Михаил.

-Не твоё дело.

-Конечно, не моё. А ты в техникуме с кем-нибудь дружила?

-С парнем, что ли?

-Ну.

-Был один, в кино с ним раза два сходили. Да тебе-то какое дело?!

-Да так, к слову.

-Но он мне не нравился.

-А чё тада с ним валандалась?

-От пристал... Говорю же, не твоё дело!

-А это как сказать...

-Ну?

-Надо же знать, с кем до меня моя будущая жена шухарила.

-Размечтался! Ты сначала чёкать разучись, а то через каждое слово чё да чё...

-Сама-то!..

-Я хоть стараюсь грамотно говорить, а ты...

-Шибко учёная, я погляжу.

-Да уж какая есть.

Оба на несколько секунд замолкают.

-А это ты чё пела-то? Про какова-то подлеца...

-Тебя это не касается.

-Конечно, нет, я не такой.

-Все вы...

-Ладно те обижаться!

-Было бы на что!

-А гитару где взяла? У нас вроде в сельпо не продавались.

-Где надо, там и взяла! Купила, када в Тулуне училась.

-А-а-а...

-Всё? Закончил свой допрос?

-Ладно, не сердись. Деда, видно, не дождёшься, давай я сам буду молоко из фляг в цистерну сливать, надо же на молокозавод успеть вовремя.

-Пять минут ещё подождём.

На миг Михаил задумывается, словно что-то припоминая:

-А я о те уже кое-чё слышал...

Картишка из 1953 года. Перед отправкой новобранцев в армию земляк Вовка Крысантьев показывает Михаилу фотографию Галины: «От!»

-Та самая, значит, - тихо произносит Михаил, возвращаясь в реальность.

-Какая ещё «та самая»? – приидирчиво переспрашивает Галина.

-Жениха-то дождалась?

-Говорю же, никого у меня нет. От приставчий!

-Не обращай вниманья! - Михаил протягивает ей руку, широко открыв ладонь:

-Давай знакомиться: Михаил.

-Да уж догадалась, кто ты, - Галина не торопится протягивать руку, встаёт с топчана и снова берёт за ручки пустую молочную флягу:

-Не видишь, руки заняты.

-Поставь на место, я помогу! - спохватывается Михаил, пытаясь забрать у неё из рук флягу.

-Сама! - Галина с независимым видом несёт пустую флягу в другой угол. Михаил – снова за ней. Девушка ставит флягу и только поворачивается лицом, как парень быстро притягивает её за плечи и успевает поцеловать в губы.

Галина от неожиданности почти не со-

противляется. А опомнившись, сердится:

-Дурак стоецосовый!

-Ишо какой дурак, - и снова полез целоваться, но Галина уже оказывает сопротивление.

-Может, у меня любовь с первого взгляда, - не сдаётся Михаил.

-Так я тебе и поверила...

-Знашь, как увидел тя с порога – как током шибануло!

-Знаем мы вашу любовь, - держит оборону девушка.

-Ладно... не верь покамесь, - Михаил отступает и направляется к выходу.

-А про фляги-то забыл?

Михаил оборачивается:

-Показывай, каки нести. Без Адама управлюсь.

-Он те, что ближе к двери, - показывает рукой Галина.

-Понятно, - Михаил с лёгкостью берёт первую, наполненную молоком флягу.

-Помочь? – на всякий случай спрашивает Галина, любуясь ловкими и сильными движениями парня.

-Нашлась помощница!

Вечером Михаил, стоя в дверях своего дома в той же рабочей одежде, что была на нём в приёмном пункте МТФ, расспрашивает сестру Надю, которая моет пол в горнице.

-Не знашь, у Гальки Князевой есть парень?

-Чё эт ты? – не отрывается от дела сестра.

-Да так, кое-кто просил справки навести.

-Самому, небось, надо, - не верит Надя.

-От кака те разница, Надюха?

Из кухни выходит с ложкой и пустой миской мать:

-Иди лутче, Миня, поешь, я суп доварила – с мясом. Вкусно-о-о! Потом Надьку додрасспрашивашь.

-Счас, тока в баньке ополоснусь.

-Иди, там тепло, я в обед протопила, - Елизавета Гавриловна снова удаляется в кухню.

-Ладно, расскажу, – Надя разгибается, полощет тряпку в ведре, выжимает её, бросает под ноги брату: - Вытирай ноги и проходи, чё в дверях-то расспросы вести.

Пока брат вытирает кирзовые сапоги, снимает телогрейку, Надя присаживается на сундук передохнуть:

-Нет у иё никаво. Вроде не страхолюдина, а от нету.

-Точно? – переспрашивает Михаил, садясь у входа на табурет и начиная снимать сапоги.

-Точнее не быват. Она же всё прынца ждёт, зачем ей наш, деревенский. Хотела даже ехать в Москву - на артистку учиться, – улыбается Надя. - Да кто иё однуё в таку даль отпустит! Мать как узнала, так отругала иё, мол, чё придумала, откуда деньги на дорогу, и отправила с моёй подружкой в райцентр в этот сельхозтехникум.

-А чё я иё на танцах ни разу не видал?

-Где ты увидишь, када она сначала училась, а теперь из дому не вылазит. Мне подружка сказывала, что Галька всё чё-то в материиной избе скребёт, да моет. И охота ей дома сиднем сидеть!

-Зато вас с танцулек за уши не отташишь, - ворчит вышедшая из кухни Елизавета Гавриловна. – Иди, Миня, в баньку.

-Счас, сменку мне соберите.

После бани. Михаил с мужским аппетитом уплетает суп с мясом. Мать подрезает ломтями пшеничный хлеб:

-Ешь, сынок, с такой работой и оголодать недолго.

-Мам, я чё спросить-то хочу... – начинает сын.

-Чё тако? – настораживается мать.

-Ты же Князевых знашь?

-Ну.

-Кто таки, откуда приехали?

-От ты чё... Галька, чё ли, приглянулася?

-От Надька! Уже разболтала.

Надя, услышав слова брата, тут же отреагировала из комнаты:

-Я-то тут при чём?! На весь дом расспрашивал, мама всё на кухне и услыхала.

-Ладно, всё равно не признаетесь, - Михаил берёт ещё ломоть хлеба. – Расскажи, чё знашь, - просит сын мать.

-Точно не скажу, но вроде приехали в наше Шаманово со старого Братска, када в колхозы народ собирали.

-А как они в старом Братске оказались?

-Да кто ж знат! Оне сильно про себя не сказывали, а мы сильно не спрашивали. Время тако было – лутче язык за зубам держать. Ну от... Хозяин Мареи был партийным, поставили иво бригадиром, на-вроде агронома, отчёты справно сочинял, умер перед самой войной от рака. А она

попервости с маленьким ребятишкам дома сидела, водилась с имя, где и на ферме работала, с телятам возилася... Хозяйственна – чё зря скажешь, всё-то у иё по порядку в избе. Я-то у их ни разу не была, а от бабы говорели, мол, у Мареи Прокоповны кажна чашка блестит.

-Понятно.

-Щетоводом была одно время, - вспоминает дальше Елизавета Гавриловна, - в войну поставили иё фермой заведовать. Поговаревали, мол, она откуда-то с детского дома в наши края притулилася. А там грамоте-то всё равно учили, от оне все и учатся, кто где. И Галька твоя.

-Чё сразу моя-то...

Через три недели. В старой времянке Михаил и Галина борются возле входной двери. Одной рукой Михаил успевает забросить увесистый железный крюк в петлю-запорку.

-Пусти, Минька, всё равно убегу. Заманил, гад...

-Да куда ты убежишь от меня, - сгребает он девушку в охапку. – Всю жись на руках носить буду... Как увидел – сразу полюбил. Говори, выйдешь за меня?

-Да кто ж так сватается?!

-А как? Мать твоя неделю назад переехала на ново место. Тя тока зачем оставила, раз вы там дом купили?

-Да я на днях за ней следом собирался, искали мне замену на ферме, а тут ты на голову свалился...

-Галчонок, я всё честь по чести хотел – прийти к вам, у матери тя замуж просить, да не успел – с молоковозки меня срочно пересадили на комбайн и отправили на дальнюю заемку - помогать овёс «дожимать», нельзя мне было отлучиться, - с придыханием говорит Михаил.

-Отпусти, что мама скажет...

-А мы поженимся и вместе к ней приедем, - Михаил ловко поднимает на руки Галину и несёт её к кровати.

-А вдруг твой дружок вернётся, а тут мы в его времянке...

-Не вернётся...

-Сговорились!

...В окно светит луна. За кадром слышны взволнованные голоса Галины и Михаила:

-Да отвяжешься ты или нет!.. Как репей пристал!

-Нет, не отвяжуся... Выходи за меня, Галчонок! Завтра распишемся в сельсовете. Ни разу не пожалешь... Как увидел – сразу зарок дал: будешь тока моей.

Через два дня. Вечер. Трактор «Беларусь» с включёнными фарами в ограде дома Елизаветы Гавриловны. Свет их падает на стол, где стоит нехитрая закуска. В центре стола - Михаил и Галина. Жених в новенькой телогрейке, невеста в чёрном плюшевом жакете, на голове – «фата» из гипюровой накидки на подушку. Близкие родственники - Елизавета Гавриловна, Пётр Никифорович, родной брат её погибшего на войне мужа, с женой Татьяной (обоим лет по 45), сестра и братья Михаила - Надя, Гриня и Сёмка, а также Юрий Князев, старший родной брат Галины, теперь шурин Михаила, почти его ровесник.

-Давайте начинать, «Беларусь» нам иметь всю ночь светить не будет, - командует Елизавета Гавриловна.

-От именно! - подхватывает Пётр Никифорович. И, чуть понизив голос, ворчит: - Дизельный генератор у них поломался... Под конец чё-то всё стало у них ломаться...

-Мол, переезжайте из Шаманово быстро, не задерживайтесь, - подхватывает тему его жена.

-Ладно те, - мягко одёргивает жену Пётр Никифорович. - При лучине жили и ничё. И счас как-нить проживём.

Елизавета Гавриловна встаёт из-за стола:

-Деваться некуды, - как-то обречённо начинает она свадебную речь, - хоть и не вовремя молодые свадьбу затеяли, скоро нам срываться на ново место, но, как говорится, чё сделано, то сделано. Раз расписались – теперь вы муж и жена. Живите дружно, не обижайте друг друга, берегите своих детушек. Совет вам да любовь!

Все дружно выпивают и начинают закусывать.

-Ты, Юрка, жену с сыном отправил к матери, а сам када поедешь к имя? - интересуется Пётр Никифорович.

-Завтра хотел, но бригадир просил на недельку задержаться.

-У всех делов полно с етим переездом, - поддерживает разговор Елизавета Гавриловна.

-И не говори, Лина, - подтверждает Татьяна.

-Горько, - вдруг негромко начинает шурин Юрий Князев.

-Вы сперва поешьте хоть, потом уж... - пытается возразить Елизавета Гавриловна.

-Правильно - горько! - нестройными голосами подхватывают Пётр Никифорович и его жена Татьяна, а за ними и бойкая Надя.

Юрий успевает ещё крикнуть:

-Жениху и невесте до ста лет быть вместе!

Молодые встают и целуются. Это неумелый поцелуй.

Когда молодожёны садятся, то Михаил смущён неудачей, а Галина впервые засомневалась: любит ли она своего мужа понастоящему? Успела ли полюбить? Ведь так стремительно всё произошло... И Елизавета Гавриловна, тоже всё понявшая, с укором смотрит на Михаила и Галину.

Глава 7 На новом месте

Вскоре после свадьбы и переезда молодожёнов в другое село.

На крыльце, возле чуть приоткрытых дверей дома матери Галины, Марии Прокопьевны Князевой, сидит удручённый Михаил. Из дома слышен крик матери Галины: «Откуда пришла – туда иди!»

В ограду входит знакомая односельчанка баба Даша – ровесница и подруга Марии Прокопьевны. Она слышит шум в доме и бочком-бочком к Михаилу:

-Здорово, Миня.

-Здорово, тётка Даша.

-Воюют? - показывает кивком головы на дверь.

-Да!.. – с досадой машет рукой Михаил.

За дверью раздается звук падающей посуды.

-Видно, сковородки в ход пошли, - догадывается баба Даша.

Михаил тревожно оглядывается на дверь:

-Пойти, чё ли, разобраться?

-Не ходи, мать с дочкой сами разберутся, - мудро советует баба Даша, облокачиваясь о перила крыльца.

Михаил снова оглядывается на дверь, за которой стало тихо.

-А я за стаканом «песка» зашла, у меня кончился, а магазин закрыт на переучёт, - баба Даша вытаскивает из-за пазухи гра-

нёный стакан. - Тепери не знаю, как и зайти... Дед ворчит, чай без сахару не пьёт... У своих новых соседей покамесь просить неудобно, скажут: от каки голодранцы с Шаманово приехали. Дай, думу, у своей старинной подружки попрошу...

Тут из дома выходит растерянная Галина. Михаил и баба Даша молча смотрят на неё и ждут, что та скажет.

-Вот так, Миня, - с горечью разводит Галина руками и начинает тихо плакать.

Михаил встаёт с крыльца, обнимает Галину за плечи:

-Обойдётся, не переживай сильно, - успокаивает он жену.

Дверь распахивается и мать Галины, Мария Прокопьевна, бросает на крыльце гипюровую накидку, служившую недавно свадебной фатой:

-Не забудь забрать, невеста! - кричит в сердцах Мария Прокопьевна дочери. Завидев бабу Дашу, уже миролюбиво: - Здорово, Дарья, чё стоишь? Заходи в дом.

-Сейчас, Маша, сейчас... Справлюсь тока кой-чivo у молодёжи про Шаманово. Кто там ишо остался...

-А, ну давай, да потолкуем, - закрывает за собой входную дверь Мария Прокопьевна.

-Выходит, не признаёт Маша вашу свадьбу покамесь? - сочувствует баба Даша молодым супругам.

-Да мы бы ишо одну сыграли, уже здесь, было бы желание, - показывает на тёщину дверь Михаил. - Главно – всё честь по чести, штамп в паспорте стоит.

-Баба Даша, у тебя кто-нибудь во второй половине дома живёт? – вытерев слёзы краем платка, спрашивает Галина.

-Да никто, пустует до поры до времени. Сын с семьей покамесь не думают переселяться. Не верят, что затопление наступит. Будут, видать, до последнего ждать. А может быть, и в другу деревню подадутся – где полутче нашева. Хотя лично мне с дедом Иваном здесь нравится, и название села вроде подходяще – Ключи.

-Твои думают, наверно, что не прогадать, - с пониманием предполагает Михаил.

-Ждут... А чё ждать? Раз сказали затопят – значит затопят. Нам в сельсовете даже постановление како-то там зачитали. Езли из-за подъёмных ждут, так мы и так их получим. Чё об етим переживать... А

вам подъёмны не положены?

-Нет, у нас же своё дома в Шаманово не было, - отвечает Галина.

-Зато здесь будем строить новый, - обещает Михаил.

-А пока пустишь нас во вторую половину перекантоваться? – просит Галина.

-На перво время тока, а там свой дом поставим, - подключается Михаил.

-Живите, какой разговор, вход там отдельный, пятистенка же, - быстро соглашается баба Даша. - Мои, может, на друго место настроилися, пусь сами решат, чтоб потом никого не винить.

-Как приедут – так мы сразу освободим, - радуется согласием бабы Даши Михаил.

-А ить мы тут не развалюху купили, - делится баба Даша, - простоит ишо лет сто, а то и поболе, из листяка домина. Свой-то в Шаманово был шибко старый, не захотели везти, да и разбирать надо, стока возни...

-И правильно сделали, - Михаил старается поддержать разговор.

-А мои дождутся, что ночью проснутся, а на улицах уж вода стоит, - не успокаивается баба Даша. - На лодках, чё ли, поплынут? Мы ж на две семьи дом-то купили, чтоб имя не тратится. Не хотят с нами жить, так внукам сгодится апосля. Нет, чтоб всё заране сделать, так ждут... покамесь тутака все справны избы раскупят. Да их уж и не остался так-то...

-Свой перевезут, он же вроде с виду нетрухлявый, - успокаивает Галина.

-От именно, что тока с виду ничё, а так – прогнил весь. Лутче здеся чё-нить присмотреть, раз с нам не хотят через стенку жить.

Баба Даша умолкла, сменила тревожный тон на дружелюбный:

-Идите к нам прямо сейчас, дом зните, где стоит, мимо сёдня проезжали, от Васьки Тельнова слева, дед Иван вас примет там сам. Скажите, что со мной договорились, а я покамесь с Мареей переговорю, и за вас словечко замолвлю. - Баба Даша уже взялась за ручку двери, чтобы открыть, как вдруг остановилась: - Ой, забыла вам сказать-то: напротив нашего дома, через дорогу, стоит бесхозна развалюшка, мы иё с дедом избушкой на курьих ножках прозвали. Так от иё ить можно снести и вам новый сруб поставить, а?

-А чё, годится! – обрадовался Михаил.

-Место у нас там хорошее, всё рядом –

контора, клуб, ясли... Да и Галине можно в магазин продавцом, там на днях ревизия закончится, и нового продавца будут принимать. У Гали целых десять классов – справится, девка башковита.

Михаил с Галиной заулыбались.

-Ладно, идите, устраивайтесь, - баба Даша, довольная, что помогает молодым, ещё больше заулыбалась.

Глава 8

«Немецкая» родня, беременность и индийское кино

Май 1959 года.

Михаил колет дрова во дворе, рядом кучка набросанных поленьев. Работает по мужски - сильно, умеючи.

Во двор почти вбегает Галина, на лице радость. Михаил смотрит на жену и откладывает топор.

-Минька! Какую новость скажу! К моей маме родной брат с женой и сыном приехали!

-Ну? – не понимает Михаил. И начинает складывать дрова в поленницу.

-Дядя Аркаша с тётией Клавой приехали! Помнишь, я тебе про них рассказывала. Они после войны в Германии жить остались, а потом оттуда на Камчатку уехали. А счас их на своей машине моя сестра Шура со своим мужем привезли. Они их с поезда в городе встречали. Нас с тобой позвали на вечер. Я магазин пораньше закрыла, чтоб успеть собраться, - на ходу говорит Галина. – Давай переодевайся быстрее, потом закончишь. – И уже на пороге дома, оглянувшись, договаривает: - Бабу Дашу с дедом Иваном тоже позвали, но мы их ждать не будем, они сами придут.

...Михаил бреется перед маленьким квадратным зеркалом: помазком наносит мыльную пену на щёки и аккуратно скребёт железным станком. Галина на втором плане, за его спиной, у открытого шифоньера примеряет два приталенных платья – синее с цветами и бежевое однотонное:

-Посмотри, какое одеть? Синее?

-Ага, - не глядя, отвечает Михаил.

-Ты хоть глянь... Синее?

Михаил не отзыается.

-Может, и синее... - Галина задумчиво прикладывает к себе платье, придирчиво оглядывает себя в зеркало-трельяж, стоящее на столе рядом с шифоньером.

Михаил с Галиной заходят в ограду дома Марии Прокопьевны Князевой. Когда проходят мимо погреба, оттуда показывается тёща с тазиком солёных огурцов. При виде зятя, не задумываясь, бросает обидную фразу:

-А-а, зять – нечего взять.

Михаила такие слова задевают за живое:

-Галчонок, может, мы обратно пойдём?

Но тёща не теряется:

-Шустрый какой – обратно! Слазь-ка лутче в погреб, достань там банку помидор, за кадушкой огурцов стоят. Да выбери, где рассол не сильно мутный. А ты, доча, помоги-ка унести... Держи, - и стала подавать Галине сложенные на досках у входа погреба припасы, завёрнутые в полотняные тряпицы. – Проходи, доча, в дом.

Галина принимает припасы и направляется к крыльцу дома.

-А ты, Михаил, спускайся по ступенькам, да осторожно, тут одной ступеньки нету, - предупреждает тёща.

-Давно бы кто сказал, долго мне поправить...

-Ладно, потом поправишь, банку помидор покамесь захвати, - миролюбиво соглашается тёща и спешит следом за Галиной с тазиком солёных огурцов в руках.

В доме Марии Прокопьевны царит оживление. Накрываются стол в большой комнате - зале. На кухне хозяйке помогают старшая дочь Шура и невестка Маша, жена сына Юрия.

На большом сундуке, недалеко от праздничного стола, сидит гость, родной брат Марии Прокопьевны - Аркадий Прокопьевич, ему 37 лет. На плечах парадного кителя погоны майора (одна средняя звезда), на правой стороне груди – два ордена Красной Звезды, орден Отечественной войны I степени, на левой – медали «За оборону Сталинграда», «За освобождение Варшавы», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». Брюки галифе заправлены в начищенные хромовые сапоги. На диване вместе с сыном (12 лет) сидит его жена Клавдия Петровна, красивая женщина чуть за 40 лет, с тонкими, ярко накрашенными губами и тёмно-каштановой косой, уложенной вокруг головы в виде короны.

Мария Прокопьевна спешит мимо го-

стей с тарелкой солёных огурцов к накрываемому столу. На лице обычно суповой Марии Прокопьевны - радость, умиление.

-Кланя, ты спроси, может, что помочь надо? - громко, чтобы слышала Мария Прокопьевна, больше из вежливости, обращается Аркадий Прокопьевич к жене.

-Отдыхайте, гости дорогие, - ставит на стол тарелку с угощением хозяйка и подходит вплотную к брату с невесткой. - Счас Дарья со своим Иваном подойдут, горячее на стол поставим и сядем, отметим, как следует, встречу, - коротко целует брата в щёку. - Шесть годков не виделись, братец ты мой дорогой! Как были в прошлый раз проездом на Камчатку...

-Да ты сильно не гоношишь, сестра, с дороги же перекусили. Даже и проголодаться-то не успели, - успокаивает сестру Аркадий Прокопьевич, ласково поглаживая её по руке.

-Ага, ещё скажи, что с Германии зажаренные, - отвечает в тон Мария Прокопьевна.

-Германия не Германия, а камчатскую рыбу поели вдоволь. Ты подресь на стол красной рыбки-то, пускай все попробуют.

...На стол в кухне Мария Прокопьевна ставит очередную тарелку с едой и командует дочери Шуре и невестке Маше, хлопочущим рядом:

-Зовите своих ребятишек сюда, а то со стола будут просить. Всё им тут есть.

В это время на пороге появляются новые гости - знакомые нам баба Даша и её муж, дед Иван.

-Это ж каким попутным ветром занесло к нам таких дорогих гостей?! - глядя на Аркадия Прокопьевича, бойко начинает с порога баба Даша, раскинув руки для объятий. - Ох, и повспоминаем, как жили вместе в Шаманово!

Дед Иван крепко здоровается с Аркадием Прокопьевичем, обнимаются с ним, а баба Даша обнимает Клавдию Петровну.

-Како те Шаманово, Дарья... Они он откудова к нам прибыли! Их слушать будем, - в суматохе, указывая на гостей, с улыбкой предупреждает Мария Прокопьевна.

...Вечер встречи в разгаре. Двое маленьких ребятишек - дочка старшей сестры Шуры (3 года) и сынишка невестки Маши (4 года) - всё же подбегают к родителям и шёпотом, показывая пальчиком на понравившуюся еду, просят со стола то котлет-

ку, то фаршированный блинчик. Родители смущённо подают им, что те просят, что-то шепчут на ухо, и дети отходят от стола с очередной «добычей».

Аркадий Прокопьевич и Клавдия Петровна чувствуют себя за столом главными персонажами и стараются соответствовать этому статусу.

-Рыбку-то красную все попробовали? - обращается к гостям Аркадий Прокопьевич.

-Вкусна, здесь така не водится! - за всех отвечает довольный дед Иван. - Как довезли-то?

-С Камчатки до Владивостока на военном грузовом долетели, есть у меня кое-какие связи с авиацией, - со значением произносит Аркадий Прокопьевич. - А от Владика до Тайшета - поездом. Сразу как в вагон сели, попросили проводника сумку с рыбой в самое холодное место в вагоне поставить.

-Конечно, пришлось крепко посолить, но зато довезли, - добавляет рассказ мужа Клавдия Петровна.

-Нормально, соль на зубах не скрипит, - с улыбкой успокаивает баба Даша.

-А от крабов - крабовые клешни с деликатесным мясом - не довезли бы до Сибири, - сожалеет Аркадий Прокопьевич. - Хотя этого добра там вволю, сам добывал с одним сослуживцем из штаба. А в консервных банках не удалось достать перед отъездом. Ни крабов, ни кальмаров.

-У моря, а всё равно не купить? - пристодушно сомневается муж Александры - Георгий Скобов.

-Так всё на материк отправляют, в прожорливую Москву в основном, - лукаво улыбается Аркадий Прокопьевич.

-Москву прожорливую прокорми-ка! - так же лукаво добавляет Клавдия Петровна.

-Да ладно, братец, и так уважил, таку даль везли, старались... Спасибо от всех нас, мы тут сроду и не слыхивали, что есть, акромя наших хайрзов, тайменей с лещём, да щуки с окунем другая кака рыба. Хоть попробовали, будем теперь знать, - с теплотой в голосе благодарит Мария Прокопьевна.

-Это сколь же годков вы на Камчатке прожили? - пытается подсчитать баба Даша.

-А от как летом пятьдесят четвёртого заезжали сюда, так сразу прямиком и на полуостров, - опережает мужа с ответом

Клавдия Петровна, пока тот тянется вилкой за ломтиком солёного сала с мясными прослойками.

- В пятьдесят четвёртом – это када уж год как Сталин помер? - вступает в разговор дед Иван.

- Ой, да сиди ты! – одёргивает мужа баба Даша. – Всё никак забыть не может, как неделю по Сталину ревел. – И, повернувшись поудобней к гостям, разъясняет: - Пил неделю перед етим, а тут как раз тако горе передали по радику, и он ишо на неделю себе это дело, - щёлкает пальцем внизу подбородка, - «законно» продлил. Две недели не просыхал! Другой бы на иво месте давно загнулся, а он от он – сидит перед вами, как на тарелочке!

- Ох, и приврать ты горазда! - не обижается на жену дед Иван.

- Ну ты как малое дитё! – баба Даша не на шутку разошлась. - Сначала плакал, а потом када апосля налоги убрали, так он радовался, чё с ём, со Сталиным-то, прилучилося.

- Чё-то ты раздухарилась, однаха, - пытаётся остановить жену дед Иван. – От вернётся он...

- Кто? – не сразу понимает баба Даша.

- Кто-кто... Он!

На секунду все притихли за столом, потом Аркадий Прокопьевич предложил:

- Ладно, сменим тему. - И стал рассказывать о своём прошлом визите к родне: - В прошлый раз заехали к сестре на пару деньков, перед тем как отчалить на Камчатку, и... - Аркадий Прокопьевич выразительно машет рукой вперёд. – Тока нас и видели!

- Ну да-да. Мы даже ничё и не знали, - произносит баба Даша. – И может, лутче, что мы не знали, а то бы мой Ванятка точно за рюмку схватился. Про сенокос бы забыл... Я и сейчас-то нешибко иво с собой звала, а он всё равно увязался, - простодушно говорит баба Даша.

- Началася стара песня! – беззлобно машет рукой дед Иван.

- Выходит, пять лет с гаком вы там прожили? – считая года по пальцам, уточняет баба Даша, снова переводя внимание на дорогих гостей.

- Выходит, что так. Восемь лет в Германии и на Камчатке пять, почти шесть.

- А теперь куды? – интересуется дальше баба Даша.

- Недалеко от Усть-Кута есть один леспромхоз... Там мой бывший однополчанин живёт, встретились с ним в конце войны, от и списались. Он и дом нам присмотрел. Уже задаток отправили хозяевам, чтобы не передумали, и от сами едем.

Клавдия Петровна внимательно слушает обстоятельный рассказ мужа.

- А вдруг дом не приглянется? – осторожно предполагает дед Иван.

- Должен понравиться, нам даже фотокарточки дома снаружи и внутри отправляли. Счас не достать, где-то в чемоданах лежат. Да и сослуживец в этом деле разбирается, зря не посоветовал бы.

- Хорошо, что весной переезжате - огород посадите, - добавляет Мария Прокопьевна.

- Там сколь соток-то?

- Написали, что десять, - первой успевает ответить Клавдия Петровна.

- Всё знает! - кивает на жену Аркадий Прокопьевич. - Ей же грядки засаживать! – смеётся он.

- Вместе посадим, Аркапша, - не сдаётся жена.

- А с работой как? – не унимается любопытная баба Даша.

- Я теперь в запас вышел, можно сказать, что военную форму в последний раз надел. Берут меня начальником отдела кадров этого леспромхоза, тот же однополчанин посодействовал, а Клаша будет домовничать, обеспечивать, так сказать, крепкий тыл. Да и Алёшке нашему только двенадцать, с ним надо заниматься. От он, наш «немчик», сидит, - Аркадий Прокопьевич обнимает рядом сидящего, смузённого вниманием взрослых мальчика.

- Клавина-то дочь выросла, учится в медицинском, профессию фельдшера получает. Теперь к нам будет приезжать в гости. Замуж выйдет, родит – внуков будем на лето принимать. – И неожиданно переходит к другой теме, обращаясь к родной сестре: - Ты правильно, сестра, сделала, что не стала тянуть с переездом, дом ладный купила, даже справней шамановского.

- Да, думу, чё ждать? - довольная, что брат похвалил, Мария Прокопьевна стала рассказывать с удовольствием. - Всё равно будет затопление, раз стали штуковину эту на Ангаре ставить. Оне же там из-за нас не остановятся, раз задумали. Подъёмные тока не сильно большие, но и эти крохи нам сойдут. Пригодились, конечно,

но пришлось на дом кубышку-то «раскулачивать».

-Ну а как ты хотела, сестра, без этого уж никуда...

Видим сидящих рядом Михаила с Галиной; она только делает вид, что выпивает, на самом деле хитрит: подносит стопку к рту, вроде как пригубила, а потом ставит её на стол обратно. Невестка Маша следит за ней пристальным взглядом и укоризненно качает головой:

-Не хитри, Галя! – грозит она слегка указательным пальцем. - Давай пей до дна.

И Галина вынуждена выпить. Маша продолжает следить за ней. Галина морщится, ставит стопку на стол, берёт вилку и тянется ею за закуской.

-От так! - удовлетворённо произносит невестка Маша. И, наклонившись к уху своего мужа Юрия, тихо говорит ему: - Ты-то в гостях у матери хоть не тянись так часто за рюмкой...

-Ладно тебе! – отмахивается Юрий. - За всеми не уследишь. Давай, Георгий, выпьем! – обращается он к Георгию, мужу родной сестры Шуры. - Миня, а у тя там чё – пусто? Наливай, покамесь наши бабы добрые.

Но Михаила уговаривать не надо: одну за другой опрокидывает в рот стопки. Галина уже его в бок толкает: мол, сбавь обороты, люди смотрят. Осторожно, стараясь, чтобы никто не заметил, шепчет ему на ухо:

-Смотри не напейся...

А он только рукой отмахивается: мол, отстань, сам знаю, что делаю.

Александра тоже напоминает мужу Георгию:

-Не забыл, что завтра за руль садиться?

-Не переживай. Завтра, как штык, вернёмся домой.

-Вот-вот, работа ждать не будет, - Александра подкладывает мужу котлету.

...Дом Марии Прокопьевны с улицы. Сквозь закрытые ставни просачивается яркий свет. Зрителю слышны смех, оживлённые разговоры. В одну из щелей ставень камера «проходит» внутрь дома. И зритель видит... Аркадий Прокопьевич сидит рядом с родной сестрой, Марией Прокопьевной, они о чём-то мило беседуют. Дед Иван и баба Даша разговаривают с Клавдией Петровной. Шура общается с Галиной, а городской зять Георгий – с Юри-

ем, его женой и Михаилом. Из-за общего шума не слышно, кто о чём говорит.

Дети (трое) сидят за столом в кухне. Сын Аркадия Прокопьевича и Клавдии Петровны Алёшка (12 лет) рисует что-то на тетрадном листе, а дочка Шуры (3 года) и сынишка Юрия и Маши Князевых (4 года) внимательно смотрят, как гость рисует.

Вдруг Аркадий Прокопьевич останавливает томный взгляд на лице жены и просит:

-Кланя, спой нам «Белые туфельки», как в прошлый раз. Всем понравилось.

-Не приставай, Аркаша. Мне аккомпанемент нужен, – лукавит жена, – а здесь, не хочу никого обидеть, ни то что аккордона, гармошки, наверно, не найдётся.

-Гармошка он в углу стоит, – простодушно сообщает Мария Прокопьевна.

-Потом, Аркаша, потом, – хитро улыбается Клавдия Петровна и тихо продолжает какой-то разговор с бабой Дашей: то баба Даша ей на ухо что-то шепнёт, то – она ей.

Аркадий Прокопьевич многозначительно уставился на жену, а та, как ни в чём не бывало, глазки строит: в чём дело, дорогой?

-Хорошо-о!.. – произносит таким тоном чуть захмелевший Аркадий Прокопьевич, словно обещает жене будущие неприятности.

-Тётя Клава, а давайте я Вам на гитаре подыграю – я умею. Минька счас быстро за гитарой сходит. А, Минь? Сходи!

-Какой разговор! – неохотно откликается подвыпивший Михаил.

-Ой, не надо! – отекивается Клавдия Петровна. И внимательно смотрит на Галину: – А ты изменилась, Галя, в такую красавицу превратилась – не узнать.

-Девка замуж вышла! – встревает в разговор баба Даша.

-В прошлый раз, – продолжает Клавдия Петровна, – когда мы были у вас проездом, такая замухрышка была, худенькая такая девчушка, а теперь как расцвела! Пойдём, на крылечке постоим.

-Идите-идите, проветриться тоже надо, – так же простодушно напутствует баба Даша, видя, как Галина с Клавдией Петровной поднимаются со своих мест.

На крыльце избы стоят Клавдия Петровна и Галина. На плечи обеих накинуты демисезонные пальто. Клавдия Петров-

на красиво курит папиросу:

-Курю, тока если алкоголь в голову ударишь, - выпуская клубы дыма, произносит Клавдия Петровна, словно оправдываясь перед молодой, неискажённой женщиной.

-А я думала, Вы на фронте научились.

-И ты знаешь эту сказку про фронт...

-Ну да, мама говорила, что вы с дядей Аркашой на фронте познакомились. Вы служили медсестрой, а он у вас в госпитале лежал.

-Марусе-то зачем своим сочинять?.. Местная я! – улыбается Клавдия Петровна. – Моя деревня в пяти километрах отсюда. Кумейка - знаешь такую?

-Знаю, конечно, - пожимает плечами Галина.

-Аркадий меня ещё, считай, подростком полюбил. Я старше его на четыре года, - Клавдия Петровна делает глубокую затяжку. - Я за другого замуж вышла, за взрослого парня. Да вдобавок - зажиточного. А Аркаша детдомовский, бедным пастухом был в колхозе. В общем, никакого сравнения. Это потом всё поменялось в жизни, - красиво стряхивает пепел Клавдия Петровна. - Муж Василий погиб в сорок втором. Я за Аркадия вдовой выходила – в сорок шестом.

-А-а-а...

-До войны я с первым мужем дочку Любочку нажила. Только Алексей, - показывает головой в сторону дома, – наш общий с Аркадием ребёнок, послевоенный, в Германии родился.

-А дочка где была?

-У мамы моей с шести лет воспитывалась, с собой бы в Германию не получилось взять.

-А-а-а...

-Всего не расскажешь... Любая счастливка в Иркутске медучилище заканчивает, Аркаша за столом уже говорил, переходит на последний курс. На летние каникулы к нам приедет гостить. Заодно и жениха своего покажет. Вроде пожениться хотят, он тоже вместе с ней учится – на зубного техника. Все тогда зубы у него вставим! – улыбается Клавдия Петровна, обнажив свои белые красивые зубы. - Вы тоже приезжайте в гости, Галя, посмотрите хоть, как мы обустроились, чё в деревне-то безвылазно сидеть...

-Посмотрим, как получится...

-И смотреть нечего - приезжайте. Если ни на этот год, так на следующий. Я адрес оставлю. У нас там река, природа вокруг красавая, народ в основном все бывшие кадровые военные... Может, и тебе какого неженатого найдём! – смеётся Клавдия Петровна.

-Скажите тоже, я замужем, - Галина смущается, принимая слова родственницы за чистую монету.

-Да шучу я, Галя!

-Может, летом и выберемся, хотя надо на кого-то ведь скотину оставлять, - в голосе Галины слышится озабоченность.

-А мы хоть и в частном доме жить будем, но скотный двор заводить не собираемся, разве что курочек, свежие яйца полезны. Знаешь об этом?

-Нет, мы едим, да едим. Вроде так и надо.

-Алёшка-то наш всё время на Камчатке подкашливал... Свежие яйца тока и помогли. Да куриный бульон! Лучше всяких таблеток, натуральное лекарство!

-Это точно!

-Эх, Галя! Какая же ты ещё молоденькая, жизни совсем не видела... Зря, конечно, учиться бросила.

-Какие наши годы - успеем! – как можно бодрее говорит Галина.

-Да понятно. Порой не знаешь, что тебя за углом ждёт, а уж в жизни...

-Ничё, всё ещё впереди.

Клавдия Петровна лишь снисходительно кивает, и неожиданно меняет тему:

-А знаешь, что возраст женщины выдаёт, в первую очередь, её шея?

-Да? – Галина трогает рукой свою шею.

-Тебе-то пока рано об этом думать, а вот я лет с тридцати стала кремами пользоваться. У вас, наверно, здесь и не продаются, я и сама их только в немецких магазинах увидела. Кое-что, конечно, оттуда с собой привезла, было чем мазаться. Всё, конечно, использовала на Камчатке. Но напоследок несколько баночек в военторге по знакомству (*ударение на последнюю гласную, – прим. автора*) прикупила. А там, глядишь, и у нас в продаже появится.

Галина с восхищением смотрит на Клавдию Петровну:

-Дядя просил Вас спеть песню «Белые туфельки». Спойте тихонечко! Я тока и запомнила, когда вы в прошлый раз при-

езжали: «Он же, подлец, никогда не любил...»

-А ты сама поёшь?

-Пою и на гитаре научилась играть.

-Тогда напою немножко, а все слова перепишу завтра. Договорились?

Галина с радостью кивает.

-Этот романс я услышала в первый раз от одной польки в нашем военном городке в Фюрстенберге. - Клавдия Петровна тушит папиросу и негромко начинает петь грудным голосом:

*Осень кошмарная, слякоть бульварная –
Острыми иглами душу гнетёт.
В беленьких туфельках крошка печальная,
Словно шалынная по лужам бредёт
Белые туфельки были Вам куплены
С аукциона богатым купцом.
В этот же вечер Вы стройными ножками
Вальс по паркету кружили вдвоём...*

В доме Марии Прокопьевны в это время пляшет на бис, отбивая дроби в туфлях на высоком каблуке, её старшая городская дочь Шура - Александра. Восторг, кураж! А на отыскавшейся гармошке наяривает «Цыганочку» Аркадий Прокопьевич.

На крыльце:

-Радуйся, деточка, смерть Ваша близкая...

-вполголоса произносит почти речитативом Клавдия Петровна. - Всё! А то плачать начну, - Клавдия Петровна замолкает.

Галина задумчиво и тихо продолжает петь:

*Белые туфельки, белое платьице,
Белое лицико – словно атлас...*

В этот момент она себя представляет (картина) в белом платье и белых туфельках, кружашуюся в вальсе с кавалером в строгом чёрном костюме, которого мы видим только со спины.

-Гаяля, ты замуж по любви вышла? – осторожно спрашивает Клавдия Петровна, уловившая настроение своей родственницы.

-А как ещё выходят? – не понимает Галина.

-Любишь своёва Михаила?

-Наверно... Он меня больше любит! Бабы говорят, что пускай лучше муж любит, чем жена.

-Это точно, - многозначительно отзыается Клавдия Петровна.

-Жалко его. И свекровь незлая попалась, не грызёт меня почём зря.

-А баба Лина в Шаманово осталась?

-Собирается потихоньку, там уж мало кто остался. Миня скоро за ней поедет.

-Так-то работающий он у тебя, - продолжает Клавдия Петровна.

-Одна тока напасть - выпить никогда не откажется, - признаётся Галина.

-Да уж заметила... А когда жалость кончится, что будешь делать?

-А разве она кончается? – искренне удивляется Галина.

Клавдия Петровна лукаво промолчала.

-Вы такая добрая, тётя Клава. А я где-то слышала, что раз губы тонкие, - кивает Галина на губы родственницы, - то люди злые. А вот и неправда!

-А я слышала, - заулыбалась Клавдия Петровна, - что если губы полные, вот как у тебя, то люди простодырые.

-Да вы что!? – Галина, поняв шутку Клавдии Петровны, нарочито испуганно прикрывает ладонью свои роскошные полные губы.

Спустя несколько часов. Сельская улица ночью. Во дворах лениво лают собаки. Галина тащит под руку пьяного Михаила из гостей. Тот пытается идти сам:

-Убери руки!.. Сам пойду... Убери, я сказал!

-Дойдёшь, как же... Надо было с бабой Дашей идти, так нет: «Давай ещё посидим...» Повезло, что завтра выходной...

-Какой выходной? – спьяну не понимает Михаил.

-Такой! Воскресенье завтра.

-Мне вроде в рейс надо...

На следующее утро. Баба Даша несёт деду Ивану алюминиевый ковш с водой. Тот без движения лежит на железной кровати и тяжело дышит с похмелья.

-На, пей, пьянчуга... Чтоб ты подавился этой водкой!

Дед Иван с трудом садится на кровати и трясущимися руками принимает ковш. Жадно пьёт. Возвращает ковш жене:

-Смени пластинку, - и снова заваливается на кровать.

-Не вздумай к Миньке идти, пусь спится парень.

-Сам знаю.
-Знает он...
-Не приставай, холера...

В это время, на второй половине дома бабы Даши и деда Ивана. Михаил и Галина в постели. Галина будит ещё не пропрезвевшего мужа:

-Минь, те сёдня в рейс надо? Ты вроде что-то говорил...

-Нет, завтра, - бубнит Михаил.

Подумав, Галина снова пристаёт к мужу:

-Минь, вставай, печку растопи.

Тот сквозь похмельную дрёму:

-Дрова есть?

-У печки лежат.

-Растопи сама, - и поворачивается на другой бок.

Галина осторожно перелазит через мужа, улавливает его похмельный перегар, морщится и отмахивает дурной запах ладонью.

...Через некоторое время она сидит на корточках возле открытой дверцы печи. На лице - отблески разгорающейся лучины.

Затем Галина выливает оставшуюся воду из ведра в зелёный эмалированный чайник, ставит его на плиту. Накинув чёрную плюшевую жакетку, отправляется во двор с пустым ведром за новой водой.

Возвращается уже с полным ведром и объявляет с порога:

-От те и весна! За ночь снег выпал! Прямо светопреставление! - И, сняв чёрную плюшевую жакетку, добавляет: - Не хочет зима поддаваться. Ничё, до обеда растает...

Но Михаил, лёжа спиной к жене, никак не реагирует.

Спустя некоторое время Галина пьёт чай с булочкой, посматривая в окно, выходящее в ограду дома. И вдруг видит, что калитка ворот открывается, появляется Клавдия Петровна, в руках у неё какие-то свёртки. Собака с опозданием выскакивает из будки, начинает лаять. И гостья не проходит, ждёт, что кто-нибудь из хозяев выйдет на крыльце и проводит в дом.

Галина проворно набрасывает на голову полушалок и выбегает встречать Клавдию Петровну.

Михаил в это время ворочается, ищет что-то рукой возле кровати на полу. Нашупывает литровую стеклянную банку с брусничным морсом, жадно выпивает всё

залпом, откидывается на спину и тяжко вздыхает - похмелье!

В дом входят Галина и Клавдия Петровна.

-Вчера же обещала к вам в гости зайти, - снимая демисезонное модное пальто, говорит Клавдия Петровна. Замечает Михаила на кровати: - Здорово, Михаил! Болеешь?

-Есть маленько, - глухо отзыается Михаил.

-Отлеживайся, а мы с Галей посплетничаем.

...Михаил лежит с открытыми глазами. Мучается. Щупает ладонью лоб, морщится от головной боли. Поворачивает голову в сторону кухни, видит о чём-то тихо разговаривающих жену и Клавдию Петровну. Женщины то и дело смеются. Тяжко вздыхая, Михаил отворачивается к стенке.

-Галь, померь платье, - гостья разворачивает свёрток и протягивает хозяйке платье. - Оно на тебе как влитое будет.

Галина с вожделением принимает из рук Клавдии Петровны красивую вещь. Подходит к зеркалу, снимает цветастый халат и надевает предложенное ей платье. Как здорово подошло ей! Как раз по стройной фигурке!

-Эту ткань я в военторге ещё в Германии покупала, а шила мне немка, фрау Рейман, - любуется Клавдия Петровна. - Как же тебе хорошо, Галя! Бери, не пожалеешь! А мне теперь другой размер нужен - расположена на камчатских-то харчах. Нравится?

-Ещё как! - крутится перед зеркалом Галина.

-Миня, посмотри, какая жена у тебя красавица! Повернись, муженёк! - нарочно громко обращается Клавдия Петровна к страдающему от похмелья родственнику.

Михаил на просьбу Клавдии Петровны лишь слегка, болезненно поворачивает голову:

-Сами разберётесь, - и тут же отворачивается.

-Дорого не возьму, Галя, потом ещё спасибо мне скажешь, - продолжает уговаривать Клавдия Петровна. - А-а... вот ещё, - спохватывается она, - это берет из чистой шерсти и полуботики - трофеиные. Я их совсем не носила, малые мне оказались. Броде и размер твой... Купи, не пожалеешь. Где тут, в деревне, такие вещи найдёшь?

Галина ловко надевает и берет, и полу-

ботики. Всё ей подходит. Она любуется собой и обновками. И с новым выражением лица смотрит на себя в зеркало:

-Ой, вроде я и... вроде не я...

-Как тебе всё подошло, как по заказу, - искренне рада за молодую родственницу Клавдия Петровна. - Женщинам, Галя, надо красиво одеваться, следить за собой... Даже если в деревне живёшь.

Галина подходит в обновках к повернувшемуся мужу:

-Ну как?

-Идёт, - быстро соглашается Михаил.

-Я возьму из копилки деньги?

-Бери, - спокойно разрешает Михаил.

Счастливая молодая женщина берёт деньги из шкатулки, отсчитывает нужную сумму дреформенными купюрами, быстро подходит к мужу, целует его в щёку:

-Не скупердяй ты у меня!

-Будешь тут скупердяем, - болезненно вздыхая, Михаил снова поворачивается к женщинам спиной.

А те продолжают ворковать на кухне.

-Неси ручку и тетрадь, продиктую тебе «Белые туфельки», - говорит Галине довольная выгодной продажей вещей Клавдия Петровна.

Галина исчезает и возвращается не только с ручкой и тетрадью, но и с семиструнной гитарой:

-Сразу музыку подберу, - и садится за стол, ставя гитару рядом с собой.

-Записывай! - Клавдия Петровна начинает медленно и чётко диктовать слова, как учительница на диктанте: - Осень кошмарная, слякоть бульварная...

Михаил, наконец, поднимается и идёт мимо женщин к входной двери.

-Что, Михаил, прогуляться захотелось? - отрывается от диктовки Клавдия Петровна.

Выйдя в ограду, Михаил треплет за ухо радостно виляющего хвостом пса. Подставляет ему ближе миску с едой:

-Доерай давай. - Закуривает папиросу. Смотрит на мрачноватое небо. Вдруг снова повалил снег. Снежинки лохматые, ласковые, сами в руки просятся... Михаил поймал в ладони побольше чудо-снежинок и обтёр ими лицо - будто умылся.

Когда вернулся в дом, Клавдия Петровна уже прощалась, надевая пальто:

-Заходите вечерком, Михаил, мы тут

ещё два дня пробудем. Завтра, кстати, идём к Дарье, она стол готовит в нашу честь. Встретила её, как к вам во двор заходила, грит, не вздумайте не приди - обидимся с Иваном. А во вторник Маруся договорилась с кем-то на соседней улице - нас с Аркашой попутно заберут, а нет - так Шура с Георгием в выходные приедут за нами, - Клавдия Петровна слегка обнимает Галину и пожимает руку Михаилу. - Не провожайте, ещё увидимся. Вы завтра за компанию-то к Дарье с Иваном тоже приходите.

-Не сердитесь, тётя Клава, - спешит оправдаться Галина, - к себе пока некуда позвать - сами видите, как живём - стол да кровать.

-Ой, да о чём речь! Успеете ещё, обживайтесь пока. До встречи!

-До свиданья! - Галина в приподнятом настроении.

Клавдия Петровна выходит в сени, а ей навстречу спешит прихрамывающий Григорий Максимович, бывший председатель Шамановского сельсовета, а на новом месте жительства - заведующий гаражом.

-Клавдия? Не знал, что ты здесь. Слыхал, что приехали вчера...

-Здорово, Гриша! Всё руководишь? - в голосе Клавдии Петровны слышится давнее презрение.

-А ты всё мужиков меняешь? - в тон ей отвечает Григорий Максимович.

-Я замуж вышла. Официально, - последнее слово она произносит почти по слогам.

-Курва! - вырывается у Григория Максимовича. - Ваську не дождалася...

-Он же убит, - как можно сдержаннее отвечает Клавдия Петровна.

-А это ишо бабушка надвое сказала. В извещении было сказано, что «пропал без вести». Я был на фронте и знаю, чё это значит. Можить, плен, а можить, где лежит сичас в каком-нибудь госпитале для калек - без рук, без ног... Миня он как покалечил в колено, еле живой остался... А ты! - задыхается от обиды Григорий Максимович. - Окопались там с Аркашкой у немцев... - хочет дёрнуть её за горжетку из чернобурки, да Клавдия Петровна вовремя перехватывает и отводит его руку.

-Хоть ты и родной брат Васе, а разные вы - он добрый был.

-Э-э-э... завела тут песенку...

-Дай пройти, Григорий!

Григорий Максимович отступает на шаг в сторону, пропуская строптивую родственницу. Та проходит мимо, но Григорий Максимович не унимается и кричит вдогонку уже знакомое:

-Курва!

Тут уж Клавдия Петровна не может стерпеть, оглядывается и, возвращаясь к обидчику по ступенькам крыльца, начинает выговаривать ему в гневе:

-Это я-то? А чё ж ты, когда я за Ваську замуж выходила, на свадьбе у нас слюни пускал, глядя на меня. Не тебе досталась, кобель паршивый, от ты и прыгаешь от злости! – И неожиданно свою горжетку ловко накидывает на шею оторопевшему родственнику: - На, поноси фашистское добро! Небось, домой и гармошки не привёз. Да где тебе! Ни жены, ни детей не нажил... Привык тока для себя жить!

-А ты курвой была – курвой и осталась, - уже не так воинственно произносит Григорий Максимович.

-Ты бы хоть чё ново придумал!

Дверь дома приоткрывается, в проём выглядывает Галина:

-Ой, чё тут у вас? – не понимает она. И кивает Григорию Максимовичу: - Здорово, дядь Гриша!

-Галь, дай нам договорить, - просит Клавдия Петровна.

Галина в недоумении закрывает дверь.

Григорий Максимович словно приходит в себя, неловко снимает с шеи горжетку, протягивает Клавдии Петровне:

-Нешибко ль разбросалася, Клава? Видать, богато стали жить с Аркашкой?..

-Не жалуемся, - Клавдия Петровна не спеша надевает горжетку на добротное тёмно-синее демисезонное пальто.

-Заботатели! - Григорий Максимович любуется движениями женских красивых рук с маникюром. А потом вздыхает, поправляя потрёпанную шапку на седой голове: - Эх, Клава, красивая ты баба... Была бы моей...

-Была бы твоей, повесилась бы на первой же осине. Прощай, Гришка. И перестань людей подозревать, что они такие-сякие, плохие... И запомни: кто как может – так и живёт.

-Да я и не подозреваю, - уже миролюбиво и негромко произносит вслед уходящей родственнице Григорий Максимович.

Когда та скрывается за воротами, направляется в дом. И с порога начинает отчитывать Михаила, успевшего снова прилечь:

-Ты чё это разлёгся, ити у мать!

Михаил удивлённо приподнимается на локте:

-Максимыч, ты же сам нам с Юркой выходной дал.

-Дал-дал... А теперь забираю. Обстоятельства поменялись. Надо за соляркой поспешному в Кумейку сгонять, покамесь я там договорился... взаимообразно, так сказать... С Юркой поедите, ты - за старшего.

-Лутче бы тя не назначали завгаром, со старым, грят, спокойнее было, - Михаил садится на кровати и начинает натягивать брюки.

-Лутче бы, да кабы... Я и не просился, а от пришлось с председателей сельсовета перейти на завгарство. - Григорий Максимович зачерпывает ковшом воду из ведра и жадно пьёт: - Хороша водица! Колодезная! – И продолжает распекать дальше:

- А от вы, молодежь (*ударение на первой гласной, - прим автора*), привыкли уже к расхолаживанию, не клевал вас, видать, жареный петух в одно место...

-Поезжай, Миня, а я пока борщ поставлю варить, - Галина достаёт с деревянной полки алюминиевую вместительную кастрюлю.

Михаил с шурином Юрием Князевым почти одновременно залезают в кабины своих бортовых машин ГАЗ-51. Михаил уже приготовился захлопнуть дверцу, но как будто что забыл - снова вылезает, встает на подножку и, свистнув, кричит Юрию:

-Я первым поеду! - И, чуть понизив голос, добавляет: - А то ты не в курсе, где теперь нефтебаза.

По грунтовой дороге едут порожняком два ГАЗ-51. Вид на дорогу и машины с высоты птичьего полёта.

Склад горюче-смазочных материалов. Заканчивается погрузка железных бочек с соляркой, которые Михаил с Юрием катывают в кузов по специально подставленным доскам. (По шесть бочек в каждом кузове).

-Юрка, давай бочки ставь вертикально, на «попа», так удобней везти, - советует Михаил шурину, видя, что тот неправильно ставит.

А тот нарочно упрямится:

-Довезу, куда они денутся... Борта сам недавно укреплял - заодно проверю.

-Ну смотри, дело хозяйствское, - неодобрительно покачивает головой Михаил.

Наблюдающая за погрузкой средних лет кладовщика - в чёрном сатиновом рабочем халате, с амбарной книгой в руках, тоже не выдерживает:

-Слушай, чё старшие говорят. - И неожиданно начинает ворчать: - Никаких воскресеньев с вами нету, скоро мужик из дому погонит...

-Довезу, - упорно бубнит Юрий своё, - борта крепкие - выдержат... Проверю...

Назад машины возвращаются уже груженые соляркой. Юрий - впереди, Михаил - сзади, пристально следит за Юриным кузовом, в котором слегка покатываются из стороны в сторону бочки, но укреплённые борта пока их держат.

-Таких раздолбаев... надо ишо поискать! - вслух негодует Михаил. - Чита мангазейская! (в слове «чита» ударение на первой гласной, - прим автора).

На повороте Юрий круто поворачивает руль, и бочки резко съезжают в одну сторону - заднюю часть машины заносит, и кузов чуть было не ударяется о стоящие близко к сельской дороге берёзы. Юрий всё же успевает выправить машину и, не останавливаясь, продолжает путь дальше. Борта выдерживают.

-От чухонец! Приедем в гараж!.. - угрожающе обещает Михаил.

Две грузовые машины ГАЗ-51 следуют по селу Ключи. По выпавшему снегу отчётливо видны следы протекторов колёс. Загрустивший Михаил привычно крутит «баранку», изредкароняя своё «абарая». Проезжая мимо клуба, видит афишу: К/ф «Бродяга», Индия, в главной роли Радж Капур. Лицо шофёра сразу светлеет.

Галина в это время моет в кухне пол, разгибается, опуская тряпку в ведро, чтобы прополоскать. И вдруг чуть не падает. Садится на табуретку, проводит по животу, улыбается - неужели в «положении»?

Заехав в ограду (уже без бочек), Михаил глушит мотор машины и вылезает из кабины. Закрывает большие ворота. Шагает к

дому, по ходу треплет за ухом кобеля, приветливо виляющего хвостом хозяину:

-Кучум... Молодец, молодец...

Приоткрывается калитка ворот, в ограду заглядывает почтальон Поля:

-Здорово, Михаил!

-Здорово, почта. Вроде сёдня выходной, а ты носишь?..

- Да вчера приболела малость, а разносить-то кто за меня будет... Твоей Галинке тут письмо пришло. Она дома?

-Дома, заходи.

-Да некогда мне, передай ей, ладно, - с усталым видом просит Поля.

-Откуда письмо-то? - удивляется Михаил, принимая его в руки.

Вместо ответа Поля как-то загадочно спрашивает:

-Ты Вовку Крысантьева знашь?

-Ну. Призывались вместе, его на флот заграбастали.

-Нагрянул в наше село к родной сестре погостить. - Поля спешит закрыть за собой калитку, бросая на прощание: - Бывай, Михаил.

Михаил, внимательно прочитав адрес на конверте, принимается его вскрывать. И только надрывает край, как оттуда выпадает монетка - прямо в ладонь.

-Копейка, - усмехается Михаил. - От дурак-то! Щитай, Вовочка, что на кулак ты уже нарвался! - и прячет конверт с копейкой в карман мазутной телогрейки.

На крыльце выходит Галина, в руках - эмалированный таз с выстиранным бельём. С приветливым лицом она встречает мужа:

-Как съездил?

-Расскажу счас...

Уже дома, снимая телогрейку, стал рассказывать:

-Соляры теперь на месячишко-другой хватит. - Обнимает жену, целует возле губ:

- Есть охота. Хмель вылетел, на жратву потянуло.

-Борщ готов, ты давай умывайся, а я за водой схожу, - подхватывает пустое ведро Галина, - чайник ещё поставлю.

...Глубокая тарелка наваристого борща с кусками мяса, в который Галина кладёт столовую ложку густой сметаны:

-Ешь, мясо уварилось, как ты любишь.

-Давай вместе поедим, - предлагает Михаил, отрезая от белого каравая внушительный ломоть.

На дворе снова повалил снег. Пёс Протасовых забирается в будку-конуру.

Молодые супруги весело ужинают.

-Я Юрке грю: ты бочки на «попа» ставь, так ловчее будет везти, - смеётся Михаил.
- А он мне: мол, чья бы корова мычала... Всю дорогу его из-за этих лежачих бочек мотало: чуть повернёт влево – его вправо заносит, вправо повернёт – влево несёт. Хорошо, борта крепки оказались, выдержали. Он их специально, оказывается, проверял. Рисковал, чухонец!

-А ты ровно едешь... – нарочно строго, сквозь смех, подхватывает тему Галина.

-Ровно, - показывает ложкой вперёд Михаил, а главно – уверенно.

Во второй половине дома, хозяева – баба Даша с дедом Иваном – тоже ужинают. Сышат, как молодые за стенкой громко смеются. Несколько секунд прислушиваются.

-Покаместь молодые – пусть посмеются от души, - понимающе, с улыбкой, говорит баба Даша.

-У-у-х, накормила, - сытый Михаил кладёт в пустую тарелку ложку. - Прям до отвала наелся. Вкусно ты у меня, Галчонок, готовишь.

-Значит, не ошибся, раз на мне женился? – игристо, чуть с хитрецой спрашивает Галина.

-Так точно! - по-военному прикладывает ладонь к виску Михаил. - Не ошибся. Пойду покурю на крыльце?

-Иди.

Михаил, сидя на крыльце, неторопливо курит, смотрит на идущий снег. К нему подсаживается Галина:

-Наверно, у нас пополнение будет.

Михаил с удивлением и нежностью смотрит на жену, а та продолжает:

-«Гости» уж с каких пор не приходят... Я думала, что подпростыла, вот и задержка, а сёдня, когда пол на кухне мыла, разогнулась - у меня как потемнело в глазах...

Михаил не выбрасывает папиросу, а лишь берёт её в другую руку, чтобы удобнее обнять жену; прижимает к себе Галину:

-Хорошо бы пацан родился. Охотника из него сделаю, - стал он мечтать.

-Или водку научишь пить? – шутливо, но испытующе спрашивает Галина.

-Скажешь тоже, - обижается Михаил.

Из своей будки пёс внимательно смотрит на супружескую пару.

После некоторого молчания Михаил предлагает:

-Давай послезавтра сходим на индийскую картину «Бродяга». Я её один раз смотрел, када на стройке гидростанции работал.

-Может, тогда дяй Аркашу с тётей Клавой заодно позвать?

-Позови, хоть новый клуб наш посмотрят.

-Ой, забыла, - спохватывается Галина, – они как раз во вторник утром и уезжают. Надо будет проводить. А завтра надо сходить к бабе Даше на вечер, а то обидятся.

-А я бы никуда уже не ходил, мне вчерашнего хватило...

-Ну и оставайся дома, я одна схожу, мои же родственники приехали в гости – не твои.

-Не бойся, сильно пить не буду, рюмки две-три, не больше.

-Посмотрим.

-И смотреть нечего, сказал – значит, всё.

Во вторник Михаил покупает в клубной кассе билеты в кино. Галина стоит в сторонке. На ней те самые немецкие полуботики и берет, купленные у Клавдии Петровны. Она понимает, что деревенские на неё обращают внимание. И - выше носик!

Подходит Михаил, показывает билеты:

-Десятый ряд достался, седьмой и восьмой места. Я выйду – постою на крыльце минут пять...

-Только давай без опозданий, - на всякий случай предупреждает Галина.

Михаил прикуривает у стоящих на крыльце мужиков папиросу, а когда затягивается, то замечает, что к клубу приближается весёлая компания девчат и парней, в центре – тот самый Вовка Крысантьев в впечатляющей военно-морской форме. Как только группа молодых людей поднимается на крыльце клуба, Михаил трогает за плечо «героя-моряка»:

-Здорово, земляк. Узнал? Отойдём в сторонку – поговорить надо.

От неожиданной встречи Вовка Крысантьев теряет дар речи. Успевает только своим сказать:

-Идите, я догоню.

Заходят вдвоём за угол клуба.

-А ты чё, до сих пор в морской форме форсишь? - напористо спрашивает Михаил. - Вроде давно на «гражданке»...

-Да девки попросили – одень, да одень.

А ты чё, против? – старается не показать своей боязни от встречи с мужем Галины Вовка.

Через несколько минут. Курящие мужики и парни на крыльце посматривают, как из-за угла Дома культуры отрывисто показываются то рука в морском бушлате, то чья-то нога в хромовом сапоге, то вдруг бескозырка вылетает... Раздаются нечленораздельные, похожие на коровье мычание звуки.

-Видать Вовка на орехи получат, - кивая в сторону дерущихся, произносит один из стоящих на крыльце мужиков.

-Разберутся, - рассуждает другой.

В фойе клуба. Звонок для зрителей. Односельчане проходят в кинозал. Галина с нетерпением посматривает на входную дверь Дома культуры. Наконец появляется запыхавшийся Михаил:

-Землячка тут одного встретил, было чё вспомнить... - отрывисто говорит он на ходу, беря жену под руку.

В зале он пропускает её вперед, и она за давалисто «перебирает» стройными ножками в трофеиных полуботиках. Знакомый зрителям Адам Егорович уставился ей вслед. Михаил, следя за женой, улавливает его взгляд и, наклонившись, успевает бросить:

-Здорово, дед. Бабку-то свою на печке оставил?

Обескураженный Адам Егорович не успевает ответить, поэтому обращается к рядом сидящей пожилой односельчанке:

-Чуть выбыются в люди, сразу их не тронь.

Соседка поддакивает дедку:

-И не говори, Егорыч! Морду заворотят – дальше некуда. Думают, они самы умны. Видали мы таких! Да и всяких видали. - Чуть оглядывается назад: - Видали-перевидали!

Зрители рассаживаются по местам. Находят свои места и молодые супруги Протасовы.

-Чё это все на твои ботинки уставились?

- немножко с досадой произносит Михаил.

- Зря ты их одела. И в таких шапочках, - смотрит на её берет, - я никого покамесь не видел, чтоб носили.

-Дома поговорим, - склонившись к уху мужа, тихим голосом останавливает его Галина.

Гаснет свет. Начинается фильм, идут титры.

Селяне внимательно смотрят фильм «Бродяга». Проходит главного героя в исполнении Раджа Капура по базару со знаменитой песней «Абара му».

Сосредоточенное лицо Михаила, он сочувствует несчастному и бедному герою. Сцена объяснения в любви Раджа Капура со своей возлюбленной Ритой в исполнении актрисы Наргис. Лицо Галины – просветлённое, по щекам текут слёзы.

Заключительные титры под индийскую музыку. Народ, не дожидаясь окончания фильма, встаёт и торопится к выходу. Свет зажигается одновременно с надписью на экране «Конец фильма». Пробираются к выходу и Михаил с Галиной.

На тёмной улице после сеанса. Михаил закуривает. Мимо проходят знакомые муж с женой средних лет. Жена приглашает:

-Галя, мимо будете идти када - заходите с Михаилом на огонёк, в лото сыграем.

-И вы тоже заходите, - в ответ приглашает Галина.

-Мать-то скоро перевезёшь, Михаил? – спрашивает муж.

-На той неделе поеду, - отвечает Михаил.

...Супруги Протасовы не спеша идут по улице под ручку. Под впечатлением просмотренного фильма начинают обсуждение.

-Жизненная картина, - говорит Михаил.

-Песни такие жалостливые, - чуть не плача, подхватывает разговор Галина.

-Давай, если парень родится, назовём... - задумывается Михаил. - Ну, это мы потом придумаем, а если дочка, то Рита. Редкое имя – все удивляться будут.

-Рита? Мне вообще показалось вначале, что Рида. Помнишь, в Шаманово была врач Рида Ароновна, еврейка? Или правильно Фрида? Их ещё в Сибирь сослали за что-то сразу после войны. Она с маленьким сыном во второй половине дома жила у литовцев Дячисов, их тоже после войны

сослали... Говорили, что они немцев продуктами снабжали со своего хозяйства, по ихнему хутор называется. Это вроде нашей заимки. Помнишь, их привезли к нам, а мы смотрим – у них на ногах деревянная обутка. Туфли не туфли, колодки не колодки... У нас хоть кожаные ичиги с чирками на ногах были, а у них - эти колодки, видно, в дороге совсем поиздержались. Кожаную обувь на станциях на еду меняли.

-Чё придумашь...

-Мне так мама говорила.

Михаил бросает папиросу и неожиданно весело пропевает строку из песни главного героя кинофильма «Бродяга»:

Никто нигде не ждёт меня, аbaraia!

-А мне послышалось, что Радж Капур пел «абара гу» или «абара му», - неуверенно произносит жена.

-Мало ли чё послышалось, «абара» лутче – бродяга я!

-Пускай будет «абара», - соглашается Галина. – Бродяга...

-Как про меня – на Чукотке был, на стройке коммунизма поработал...

-Вот и всё! Нигде больше и не скитался, – перебивает его Галина и начинает смеяться.

-Шаманово своё и то бросил! Бродяга я!

- Михаил тоже улыбается, с удовольствием смотрит на заразительно смеющуюся жену. Им обоим хорошо в эти минуты.

По другой улице в это время прогуливается та самая «морская» компания. Девушки, взяв с обеих сторон под руки Вовку Крысантьева, с воодушевлением поют:

*На побывку едет молодой моряк,
Грудь его в медалях, ленты в якорях...*

А когда проходят мимо фонарного столба, на котором ярко горит лампа, то под левым глазом «морского волка» Вовки Крысантьева виден добротный синяк – памятный знак встречи с Михаилом возле клуба.

Михаил с Галиной, взявшись за руки, идут не спеша, блаженно - будто по лунной дороге. Останавливаются, смотрят на небо, а на нём звёзд – не перечесть.

-На всех звёзд хватит, - задумчиво произносит Галина.

-Далёко... Не достать, - простодушно отзыается Михаил.

«Морские» идут дальше по селу. Одна из новых подружек Вовки, склонив голову к его плечу, горланит во весь свой большой рот:

*Где под небом юга ширь безбрежная,
Ждёт его подруга – нежная!*

Глава 9 Правда, о которой молчали

Через неделю.

Михаил на грузовой машине ГАЗ-51 въезжает в родное село Шаманово. Видны разобранные избы, возле них - аккуратно сложенные пронумерованные брёвна. В одном месте мужики вручную, по доскам «лёжкам», грузят брёвна на лесовоз МАЗ. А где и совсем уже нет домов – хозяева перевезли их в близлежащие сёла. Одни трубы глинобитных печей остались. С немым укором смотрят они на людей. Где-то стоят совсем целые бревенчатые избы. Их совсем мало – по пальцам пересчитать.

Михаил ещё издали замечает, как у родного, наполовину разобранного дома ждёт его мать: она в старой фуфайке, платке, резиновых сапогах. Подъезжая вплотную, сын видит в глазах матери огромную тревогу.

Михаил глушит мотор, вылезает из кабинки машины. Мать обнимает сына,глядит в упор ему в лицо:

-Перевози мои манатки, сынок. У бани он стоят, - показывает рукой Елизавета Гавриловна на приготовленные к перевозке узлы, тазы, нехитрую деревенскую мебелишку. И не сдерживается, плачет: - Чижало-то как! И деваться некуды... Рази мы могли подумать! А теперь от срываются с обжитова места...

-Ничё, на новом месте не хуже – обживёшься, – успокаивает сын.

-Нам и здесь было справно - живи, да радуйся!

-Да понятно, школа и больница новые, МТС разросся, новый клуб...

-А от затопит нас – и поминай, как звали! Рази не жалко те, Миня, Шаманово-то?

-Как не жалко, всё тут с детства своё... Шибко близко к Ангаре село наше оказалось!

-Так раньче по берегам и селился, - не сдаётся мать.

-Чё счас говорить, жись не остановишь.
-Во-во... Ить чё удумали! Мы-то имя чё, совсем чужи, чё ли? Подумашь, Шаманово како-то... Кто мы таки?! – разошлась мать.
- Он... от села одни ошмётки осталися... Одна разруха кругом...

Идут не спеша по ограде к разобранной избе.

-Ты не слыхал, мол, избы целиком перевозят, вроде как на санях?

-Не слыхал, навряд ли.

-Боюсь я, Миня, не прирасту к новому месту, стара я для переездов-то...

-Приживёшься! Ключи не так уж далёко от нашего Шаманово. Земля одна, щитай.

-Не скажи, земля-то, можить, и одна, да места други, не сравнить... Вы ишо молодые – вам чё, чемоданишко собрали и поехали...

-Ничё, привыкнешь!

-Буду стараться, раз тако прилучилося... Присядем, сынок, - Елизавета Гавриловна садится на брёвна.

Следом за ней садится и Михаил:

-Лесовоз в те выходные дадут – я договорился, а покамесь тя с манатками перевезу, поживёшь у нас, Галька не против, мол, в тесноте, да не в обиде.

-Да я Надькой договорилася, у них в зимовье расположуся, тама печка нова. Тихон иё недавно сложил, работяший мужик попался. Основательный! Ни то что твой армейский дружок! Сманил Нинку в город и чё толку? Живут покамесь по раздельности, тока с ём встречатся, а расписаться так и не зовёт, хотя Нинка пишет - ЗАГС там через дорогу.

-Распишутся, куда он денется, - обнадёживает Михаил.

- Ей одной, чё ли, век куковать? Так, глядишь, ребечёнчишка соорудят, а он чё доброва откажется. Ей тада одной придётся подымать? Ты бы хоть похлопотал за Нинку-то, поговорел со своим дружком, а? Мол, не обижай сестру, раз сам иё сманил.

-Ладно, поговорю, если в город поеду.

-А ты письмо иму лутче отпиши, а то када ишо в город соберёшься.

-Ладно, напишу, Галька от меня напишет, адрес я знаю, – заверил Михаил. – Ты точно у Надьки остановишься?

-Точно, сынок.

-Ну смотри, - пожимает плечами Михаил, - те видней.

-А к тем выходным и дом доразбирают

дядька твой с сыном, они сичас своим заняты, а уж потом за наш примутся. И ты, можить, отпросишься.

-Так-то уж немного осталось, - Михаил глядит на частично разобранный дом.

- Приеду в другой раз на неделе, отгул у завгара попрошу, и вместе с дяй Петей доразбираем нашу избу.

-Бригаду плотников нанимать дорого, - вроде как стала оправдываться Елизавета Гавриловна. - Нам за переезд сказали пошли две тыщи положено, а на той неделе бригадир этих плотников заходил, запросил восемь тыщ. А где я их возьму? А так... А можить, и зря отказалася... Соседи он наняли бригаду, так они бумагу каку-то подписали, не омманули – в срок управились: разобрали, перевезли и на новом месте избу снова поставили.

-Да справимся сами, ишо платить этим шабашникам...

-Ишь, как получилося-то, наши-то ребята ноне не помошники оказалися. Гриньке ишо два года служить, а Сёмка учится, кто иво отпустит с училиша.

-Часто хоть пишут?

-Где там! Ты себя вспомни: много ты матери-то с армии писал?

Михаил в ответ молчит.

Елизавета Гавриловна вдруг спохватывается:

-Побудь здесь, я пойду у тётки Фроси молока спрошу, а шаньги у меня с прошлого раза осталися, ишо ись можно - подкрепишись с дороги, - Елизавета Гавриловна поднимается с брёвен и спешит к соседке.

Оставшись один, Михаил проводит по разобранным пронумерованным брёвнам рукой и вспоминает...

Ноябрь 1940 года.

Пятеро ребятишек в избе без присмотра родителей. Старшая сестра Нина (6 лет), сильно раскачивает подвешенную за крюк в потолке детскую люльку-зыбку, да так, что младенец, это братик Гриня, ему от роду несколько месяцев, кажется, вот-вот выпадет из колыбели.

На кухне Миня (5 лет) достаёт из ведра с водой кусочки льда и кормит ими братика Ваню (3 года):

-Ешь, Ванька, кусно - леденцы, - и сам тоже кладёт себе в рот эти «леденцы».

Через несколько дней стоят в избе у гробика мать с отцом. Елизавета Гавриловна держит на руках младенца Гриньку.

Отец, Иннокентий Никифорович, подзывает Миньку и показывает на мёртвого Ваню:

-От, Миня, накормил ты Ванчу льдом – братик и помер...

В ответ Миня, размазывая слёзы по щекам, плачет. Отец прижимает его к себе, гладит по голове, жалеет.

К гробику боязливо подходят сёстры Нина и Надя (3 года, двойня с умершим Ваней).

-Чё-нить вспомнил, Миня? - угадала мрачное настроение сына вернувшаяся с литровой банкой молока Елизавета Гавриловна.

-Да как Ваняtkу сгубил, када от души иво льдом заместо леденцов накормил...

- Ой-ёшеньки... – вздыхает мать, вручив сыну банку с молоком и доставая из рядом стоящего деревянного ящичка шаньгу. – Это мы с отцом виноваты, без присмотра вас оставляли. Детсадов тада не было, а мы с утра до вечера пропадали на колхозных работах. Понадеялися, дураки, на старшу Нинку, а кака с иё нянька... - Помолчав, мать добавляет: - Ваняtkа сразу слабым родился. Надя перва на свет выскоцила, а он тока через час, в пуповине как-то весь обмотался. Думала, не рожу и сама помру – сиротами вас оставлю. Ой, чё тока не пережили! Помнишь, как отца-то на войну провожали?

Июль 1941 года.

Семья Протасовых молча сидит в сумрачной избе. Потом отец встаёт:

-Ну, ребятишки, айда отца провожать.

Отец в последний раз берёт на руки годовалого Гриню:

-Береги детей, Лина! Вернусь ли?

-А куды ж ты, Кеша, денешься от такой оравы? - показывает Елизавета Гавриловна на детей. – Должон (*ударение на вторую гласную, – прим. автора*) вернуться, милый ты мой Иннокентий Никифорыч, - держится изо всех сил мать, не хочет поддаваться слезам. - Да и, кажись, снова я тижёла, Кеша, без тя, однако, рожу. Вернёшься и не узнашь свою кровинку.

- Лина, езли будет парень, назови Семёном как моёва деда, а девке сама имя придумай, или я потом в письме напишу.

Дети берут с пола отцовский вецимешок, ещё и делят, кому его нести, отбирая друг

у друга лямки-верёвки. Все направляются к выходу.

В ограде мать на ходу упрекает мужа:

-Зря ты, Кеша, от «брони» отказался. Трактористов и так тут кот наплакал.

-Хватит, Лина, одно по одному, здоровы мужики все уж на фронте. Чтоб миня потом ишо трусом объявили?..

...И вот уже из кузовов двух отъезжающих «полуторок» машут руками провожающим деревенские мужики и парни. Кто-то из них отчаянно кричит: «Ждите с победой!» Но лица в основном у всех грустные – догадываются, куда едут. Выхвачено лицо отца. Глаза, глаза! Они прощаются навеки.

Дети машут отцу руками, бегут вместе с другими ребятишками за машинами до околицы. А мать стоит как неживая, на руках у неё Гриня, по щекам женщины текут слёзы...

-А уж как похоронка пришла, - продолжает вспоминать Елизавета Гавриловна.

- От тут, - показывает она на ступеньки крыльца ещё не разобранных сеней дома.

- Тут от и было...

Август 1943 года.

Елизавета Гавриловна в сенях своего дома тяжело опускается на ступеньки, начинает выть по-звериному, потом стонет. Из её рук выпадает желтоватый листок извещения, который успевает подхватить старшая Нина (ей здесь 9 лет).

Две односельчанки отхаживают Елизавету Гавриловну, одна плеснула в лицо водой из ковша:

-Линка, очнись! Очнись! Надо жить! Детей на каво оставиши?! Мал мала меньше...

Другая женщина:

-Не ты перва, не ты последня. Он... Катьке Стешенко похоронка на той неделе пришла, а у Феклушки?.. Сына девятнадцати годков убило, даже ни с кем из девок по-настояшему не дружил. Кругом ноне одно горе... Крепись, дева!

Ребятишки обступают сестру Нину, та с трудом, чуть не по слогам читает текст извещения:

-Ваш муж гвардии сержант Протасов Иннокентий Никифорович, уроженец Иркутской области Братского района, село Шаманово, в боях за социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив геройство и мужество, погиб 17 июля

1943 года и похоронен с отдаием воинских почестей восточнее окраины города Курска. Командир вэчэ... дале цифры... один, четыре, семь, пять, три... полковник фамилья иво...не могу разобрать и подпись... фигуриста больно...

Ребятишки наклоняются к извещению, чтобы посмотреть подпись полковника.

Мать, немного прия в себя, зовёт к себе детей рукой, те припадают к ней, она обнимает их (Нина с полуторагодовалым Сёмкой на руках, Мине 8 лет, Наде 6 лет, Грине 3 года):

-Нет боле вашева тяти, не обнимет он боле своих детушек!..

-Мам, а вдруг иво с кем спутали? Ни таво схоронили? – робко сомневается старшая Нина.

-И вправду, Лина, можить, где ранетый лежит... без памяти... С кем-нить перепутали... Всяко же быват, - подхватывает слова девочки одна из стоящих рядом женщин.

Михаил признаётся матери:

-Лицо отца не помню чё-то.

-Совсем?

-Как-то вроде на всех наших мужиков похож... Хорошо, хоть фотокарточка осталась, по ней от и вижу отца. На фронт уходил – мне шесть было, чё я мог запомнить то?

-Мине и то перестал сниться... А пошто так – не пойму. Думать-то я об ём всё время думаю, а от не приходит в снах...

Михаил запивает молоком из литровой банки шаньгу:

-А сколь крапивы мы в войну переели!

-И не говори, сынок, - вздыхает мать.

Следующий эпизод-воспоминание из военной поры. Возле забора (*заплата по-сибирски, сделанного из тонких брёвен*, – прим. автора) дети Протасовы (Мине 9 лет, Наде 7) собирают листья крапивы. Миня кладёт крапивные листья в задранную рубаху, а Надя - в подол ситцевого платьишка.

-Надька, рви у заплата, - показывает Минька младшей сестре Наде.

-Я уж там была! – отмахивается та.

...Мать помешивает жидкое варево в стоящем во дворе на железной печке чугунке. Увидев, как дети несут свежую крапиву, устало командует:

-Сложите в таз, - показывает на желез-

ный таз у поленницы, - эту крапиву завтра утром сварю. - И продолжает мешать варево. Потом горестно качает головой, смотрит на детей в ограде и командует: - Надька, Минька! Берите чашку, сходите к дяде Илье за мукой.

-Не даст! Он в прошлый раз кое-как чашку насыпал, сказал, что у самово мука кончатся, - докладывает Надя.

-Идите говорю! Он же брат вашева тяти – совести не хватит сиротам (*ударение на первой гласной*, - прим. автора) отказать.

Надя с Миней послушались, пробираются босиком по улочке вдоль забора, боясь оступиться в лужи.

-Сама будешь просить, - предупреждает Миня сестру.

-Хитрый какой! Я в прошлый раз просила, а ты в углу сопли подтирал.

-У тя жалобней выходит, - настаивает на своём Миня.

За воротами своего дома стоит тётка Груня, жена дяди Ильи, кричит в улицу своим детям:

-Манча, Кирюшка! Айда домой!

Завидев идущих племянников, торопится уйти за ворота, но поздно, ребятишки уже бегут к ней:

-Тёть Груня!

-Тёть Груня!

Подбегают:

-Мамка за мукой отправила, - и Миня подаёт ей миску, - чуть-чуть не хватат крапиву заправить.

-Насыпьте, тёть Грунь! – жалобно подхватывает Надя.

Тётя Груня неохотно берёт миску:

-Сейчас дядю Илью спрошу, - и закрывает перед носом ребят калитку ворот.

Брат с сестрой стараются заглянуть в щели ворот. Терпеливо ждут. Наконец калитка открывается. Выходит прихрамывающий дядя Илья, протягивает миску с мукой:

-Скажите матери, чтоб боле вас не отправляла, самим жрать нечева.

...Миня с Надей осторожно несут миску с мукой. Лица строгие, повзрослевшие.

-Чё, небось, вспомнил, как в войну голодовали? – угадала мысли сына мать.

-Ну.

-Зато от крапивы он каки зубы у тя крепки, стока витамин в етой травке, запасся на всю жись.

-Да уж...
-Но-ка, улыбнися, - подбадривает мать, - зубоньки твои погляжу.
-Да ладно, видела же сто раз, - Михаилу не до шуток.
-Миня, матери охота полюбоваться, - нарочно, чтобы отвлечь сына от мрачных мыслей, настаивает Елизавета Гавриловна.
-На, смотри, - Михаил сдаётся и делает оскал, обнажив ровные, как на подбор, белые зубы.

-Красотиша, приятно поглядеть! Как у моёва тяти были. От чё крапива с людям делат!

-Ой... Ты ишо про полезные «парёнки» вспомни...

-А чё? Бывало, сделашь брюкву в русской печке, она там натомится, сладка така - лутче всяких конфеток. Вы в детстве шибко эти «парёнки» любили, так конфетками и обзывали.

-Так от почему я до сих пор магазинные конфеты не люблю! - улыбается, наконец, Михаил.

-От хоть кака-то выгоды...

Допив молоко, Михаил, отложив на брюна недоеденную шаньгу, хлопает себя по коленям:

-Начнём грузиться!

-Шаньгу-то даешь, чё оставлять, - просит мать.

-Положи с собой в кабину.

-Одному-то, чай, нисподручно, - сомневается мать, кладя в холщовую сумку шаньги, - должны от-от подойти Пётр с сыном. Втроём управитесь ловчее.

-Да чё тут грузить, добра особого не находит, - открывает борта кузова Михаил.

-Само необходимо есь и ладно! А ты чё-то не закуривашь? Бросил, чё ли? - претендевременно радуется мать.

-Папиросы забыл на столе.

-А-а-а... Тятя-то твой никада в рот курева не брал. Отрава така! Да и с водочкой никада не связывался. Бывало, до ноченьки из трактора не вылезил. Справный был мужик, чё зря скажешь!

-А дяй Петя чё тада курит?

-Это он в окопах, грит, научился, если сильно охота было, от и...

В это время в ограду заходят родной дядя Михаила по отцу - Пётр Никифорович с сыном Костей (23-24 года), парнем высокого роста, худощавого телосложения.

-Здорово, сродственнички! Без нас хо-

тели управиться?! - весело начинает Пётр Никифорович.

Мужчины обмениваются рукопожатиями.

-А мы с Костиком тя попожжа поджидали, - сообщает Пётр Никифорович. - Мать те, наверно, говорела, что сами покамесь со своим домом не разобралися. Завтрева должны закончить, и за ваш снова возьмёмся, тут уж немного осталось. И шабашников не надо нанимать.

-Я уж говорела Мине.

-Я на неделе точно приеду, отгул возьму, без меня не разбирайте, - просит Михаил.

-Время будет - будем сами помаленьку управляться, а нет - так коль успешь, от помоши не откажемся, - доброжелательно рассуждает Пётр Никифорович.

...Заканчивается погрузка вещей в кузов, Михаил закрывает борт, ему помогает с другой стороны молчаливый Константин - сын Петра Никифоровича.

Перекур. Мужики сидят на брёвнах частично разобранного дома и курят папиросы «Беломорканал».

-У вас, Миня, в гараже ишо не появились свои лесовозы? - интересуется Пётр Никифорович.

-Вроде разговор был, но покуда не пригнали.

-Люди лесовозы на стороне заказывают, а им в ответ: покамесь, мол, все заняты, ложе готовят для водохранилища. Правда, кое-кто из наших всё же договариваются с шоферами лично, а так - када они освободятся?.. Может, тока к осени, а то и к зиме, - вслух рассуждает Пётр Никифорович. - Это ты хорошо, что договорился с лесовозом. Сам будешь за рулём, али платить шоферу придётся?

-Да это мой старый знакомый, на ГЭС вместе после армии вкалывали. Подкину ему на пару бутылок водки, больше он и сам не возьмёт.

-Это кто же будет? Не тот ли баламут, который Нинку с толку сбил? - тревожится Елизавета Гавриловна.

-Нет, не Серёга, он на другой машине - в котловане работат, - успокаивает мать Михаил.

-А-а-а... До осени лесовозов ждать! - не унимается Елизавета Гавриловна. - До осени ишо дожить надоть. А огородом када заниматься? - мать перебрасывает через борт кузова машины забытую под забором небольшую старую кадушку.

-Мать твоя и баню - сто лет ей в обед -

задумала увезти, - смеётся Пётр Никифорович. - Хотела и стайку утартать, да я отговорил – там брёвна все сгнили. Куды гнилушки-то везти... Тока на дрова и го-дятся. Сами не заберём, так «санитары» сожгут. Скоро тута всё гореть будет, сани-тарные бригады этим промышляют. - И неожиданно спрашивает Михаила, как и Елизавета Гавриловна: - Те-то ни жалко роднова Шаманово?

-Жись не остановишь, дяй Петь.

-От, Лина, и сын те говорит: не жалей, на новом месте не хуже будет, как-нить приспособится народ.

-Ну вас! – отмахивается Елизавета Гавриловна.

-Ну не ну, а можить, ишо лутче зажи-вём! – бодрится Пётр Никифорович.

Мимо по улице спешит куда-то пожилая односельчанка Нюра.

-Бог в помочь, соседи! Не слыхали, поди? - спрашивает она.

-Чё случилося? – настораживается Пётр Никифорович.

Нюра переводит дух:

-Ой! Тётка Степанида в стайке себя по-решила!

-Да ты чё! – всплескивает руками Елизавета Гавриловна. – Вчерась с ей ишо по-говорели у иё на завалинке.

-Ага... Учудила так учудила! Записку оставила, кое-как разобрали каракули, не-грамотна же. Мол, тута родилася, тута и помру, никуды отсель не стронусь, - взволнованно рассказывает Нюра.

-Да-а-а, - вздыхает Пётр Никифорович. - Кто с петли-то снимал?

-Не знаю, да и кака теперь разница! – Нюра поправляет сбившийся на голове платок. – Вроде сын подоспел или сосед Гоня-хромой, врать не буду. Пойду, помо-гу там, бабы уже пошли туды в дом, - тороп-ится Нюра.

-Мы тожа сичас подойдём! – вдогонку обещает Елизавета Гавриловна.

Возле дома Степаниды собирается на-род. Подходят и Елизавета Гавриловна, Пётр Никифорович с сыном Константином и Михаил. Останавливаются, не решаясь войти в дом. К ним подходит дед Гордеич:

-От, Никифырыч, чё с людями деется! Имя там, - показывает в сторону, - радось, ГЕС и всё тако, а нам тута – горе.

-Зато свет везде будет, - встревает в раз-говор Михаил.

-Сравнил! Свет и человеческа жись! - беззлобно огрызается дед.

-Да, Гордеич, - соглашается Пётр Никифорович, - на одну плаху их не покладёшь.

-Об чём и разговор, - подытоживает дед Гордеич, осуждающе глядя на Михаила.

-Зайду-ка я в избу, - Елизавета Гаври-ловна направляется к избе покойницы.

-Главно, перед етим к ей наш участко-вый мильтон заходил, - продолжил рассказ дед Гордеич, - делал, видно, обход, чтоб срочно переселялися, не ждали, покамесь к имя принудиловку применят. У иво ишо список был на руках, хто противится... Потом в двух местах плакаты каки-то по-весил, мол, давайте сбирайте манатки и вперёд - на ново место!

-Висят ишо? – на всякий случай интересуется Михаил.

-Како там! – машет дед рукой. – Сразу оборвали, как тока участковый за углом скрылся. Я их сам-то тожа не видал...

Мужики закуривают.

-А ить мы в сорок четвёртом со Степа-нидиным сыном Василием в одной марше-вой роте на фронт добиралися, с меня тада трактаристку «бронь» сняли, а он по возрас-ту подоспел, - вспоминает Пётр Никифорович. - На какой-то станции под Москвой нас построили в одну шеренгу и - «на пер-вый-второй ращитайсь». Стояли рядом. Он первый оказался, я – второй. Сразу не сообразили, чё к чему. Я в сапёры попал, с Польши начинал. А иво в пехоту-матуш-ку определили. И тожа вроде их в Польшу эшелоном на день раньче отправили. Так боле и не свиделись. Не дождался сына Степанида. Всё меня потом, после войны, расспрашивала про Василия - как да чё...

Спустя час. Михаил с матерью едут по главной шамановской улице с наполовину разобранными избами в кабине машины, в кузове видим домашний скарб. Молча смотрят вперёд. Вдруг мать показывает на стоящий впереди целый пока, но уже пустой, двухэтажный дом:

-Будут иво перевозить, аль нет? - рас-суждает Елизавета Гавриловна.

-Навряд ли, старый шибко, кому он ну-жон. Сожгут! – Михаил нарочно дразнит мать.

-Неужель пожгут таку домину? – не ве-рит Елизавета Гавриловна.

-Да те-то чё переживать? – продолжает свою линию Михаил.

-Как не переживать... В етим доме я родилася.

-В этом?! – будто удивляется Михаил. – Тыничё нам не рассказывала.

-Время тако было – сболтнёшь лишку и заарестуют.

Михаил предлагает:

-Давай остановимся, хоть расскажешь, а то потом опять некада будет. И так всю жись молчишь...

Мать и сын выходят из машины.

-Эта улица раньче называлася Трактова, а после иё на Ленина переинчили, – начинает рассказывать мать.

Подходят к двухэтажному дому, у которого ставни открыты, некоторые покосились или оторваны вовсе, стёкла в окнах побиты. Поднимаются по ступенькам крыльца, отворяют незапертую дверь, заходят в просторный дом – там пусто, на полу разбросаны какие-то бумаги.

-Не могу здеся – заплачу... Пойдём на крыльцо... – еле сдерживает слёзы Елизавета Гавриловна.

Выходят на крыльцо.

-Снова у нас всё отбирают, Миня. В тот раз от этот дом забрали под сельсовет, а тепери землицу нашу милую вовсе сгноят...

-Ты про дом-то расскажи, – настаивает Михаил, облокачиваясь о перила.

-А чё тут? – мать тоже облакачивается о перила. – Начало это так... Я маленька была, лет семь мине тада было. Помню, заявилися в ограду каки-то лихи мужики, один в кожанке с етим... с иво ишо стреляют...

-Наганом?

-Можить, и с ём. Чё под руку попалось - позабирали, зерно ссыпали из амбара в мешки и погрузили на телеги. Урожай пшеницы тада знатно уродился, вдоволь братовья намолотили – душа радовалася! Швейну машинку и ту в коммуну забрали, пригрозили даже дом отобрать, а вы, мол, идите на все четыре стороны. Тята вилы схватил, да чё он с имя сделат?.. Серёньку, братку, с собой хотели увезти, припугнуть тятю.

-Куда увезти, в милицию, чё ли?

-В раён, в ихнюю чека, куды там ишо... Но отпустили, слава богу. Ну и от... Телеги от дома стали отходить, а тята наш вырвался от старших Антона и Максимки и

за имя, мол, сына андайте, оглоеды. Ну, тут один с телеги и стрельнул, угодил тяте в грудь, он ночью и помер на руках мамки. Она вскорости за ём следом отправилася - от горя болесь кака-то прилучилася, стаяла за полгода. А следом и Серёнька наш на рыбалке утонул. На реке волна поднялася, лодку перевернула, дружок иво выплыл, а он нет, видно, сковало в холодной воде.

-Он неженатый был?

-Серёнька-то? Не успел, а бравенький такой был, девки за ём бегали... Вроде так-то невеста у иво была. Но невеста-то чё? Не жена. Выскочила замуж за другова, парней, чё ль, мало было до войны...

-А ты мне по-другому вроде как-то рассказывала, что, мол, уехал ваш тята на заработки и пропал. А про этот дом я толком и не знал, так – одни слухи.

-Чё и вправду не знал?

-А кто мне скажет? Так-то намекали, конечно... Каждый раз иду мимо сельсовета и думаю: от како себе здание власти отгрохали...

-Расскажу уж, а то помру, как тётка Степанида, а вы ничё про нашу родову знать не знате. Родилася я в четырнадцатом году. Предо мной был ишо один ребёнок, но прожил тока с неделю, задохнулся вроде. Дом-то моёва тяти начинал строить ишо иво отец, Илья Егорыч, при царе за житошным купцом был, помогал старшему сыну, моёму тяте, своё гнездо вить, иму и передал этот дом, мы в ём стали единолично жить.

-А другим сынам чё досталось от этова Ильи?

-А имя он тожа помог свои избы поднять. До своей смертушки дед Илья всем успел помочь. Тожа утонул, так и не нашли иво, теченьем унесло, Сирёньку нашева он к сибе и забрал, боле у нас утопленников не было в родове.

-От чё тока узнаю...

-Думашь, чё таку домину-то выстроили? А, чтоб все в кучке жили. Братовья мои подросли - на втором итаже с жёнами да ребятишкам просторно жили. Рядом в своих комнатах жили я и братка Серёнька, а на первом итаже - сам тята с мамой, за перегородкой с имя лавка была. Мой тята сильно любил, када ребятишки по дому бегали. Хотел их ишо больше, и до правнуков хотел дожить, да не привелось...

-Выходит, дед Гаврила богатым купцом был, раз магазин свой имел?

-Какой там магазин – лавка, - поправляет мать.

-Да кака разница! Счас бы магазином назвали.

-Пусь по-твоёму будет. Привозил тятя в село соль, спички, селёдку в бочках, разный хозяйствский инвентарь, мануфактуру... Людям пользу приносил, в долг, бывало, частенько давал.

-Короче, не бедный был, понятно дело, потому как сам работал и сынам прохладиться не давал. Так ведь?

-То-то и оно... Лошадей у нас много было, жнейка своя, это жатка, кой-чё ишо, заемка добротна, там и зерно молотили, вокруг иё свои пашни, сенокосы... А потом как царя убрали, беднота да пенчушки-лодыри верх взяли, всё отобрали в общее пользованье у зажиточных мужиков, а тут их, в Шаманово, немало было, все старались, добро наживали. Как тятя помер, дом этот братовья вскорости в коммуну сдали, в ём сразу сельсовет приспособили, а сами где придётся жили. Вроде потихоньку опять стали жить-поживать, ни к кому не лезли. Я в то время жила у тёти Фроси, маминой родной сестры. Как моя мать умерла, она миня и взяла на воспитанье. Да тут нова напасть - стали раскулачивать, вспомнили старо, мол, богатеи мы. Кулаки!

-Ну и куда мои дядьки пошли из этой домины, раз в коммуну отдали? – Михаил, глянув на дом, хотел знать подробности.

-А куды... Старший Антон поменьше избёнку подыскал – заколоченну, без хозяев, на краю села. Да в ей потом ишо Адам Егорыч стал жить.

-От так новость!

-А ты не знал, чё ли?

-Нет, конечно. Дальше рассказывай.

-Печку в етой избе Антон подправил, стены с потолками побелили и жили, а Максимка с ребятами и невесткой перво время ютилися в амбаре бабки Парани, там небольшу печку к зиме сложили. Както выжили, хоть и впроголодь, все же припасы отобрали... А дале Максимка хотел уезжать с Шаманово, да не успел.

-Спрятаться хотел?

-А куды от иё, судьбинушки, сбежишьто?.. Покамесь племяшки росли, как их тока не обзываали! И мироедкины объедки, и по-всякому... Как говорится, забудь, кто

ты был, помни, кто ты сёдня есть.

-А зачем их было дальше наказывать, если они и так безо всево остались?

-Ой, Миня! Работать-то оне не разучились. И на советску власть не так смотрели, всё равно обида-то осталася, как ни крути, от и дожали их вовсе – кулаками объявили и утартали вверх по Лене золото в артели мыть. Вроде как сослали. Там жили братовья с ребятишкам в сильной нужде, как все. А оттуль, перед войной, года за два-три, как она началася, арестовали и увезли в Иркутским. Оттуль уж не вернулись.

-Расстреляли, чё ли?

-Никто толком по сию пору не знат. Нам никто ничё не сообщал. Пропали и всё тута. Невестки потом одна за другой крадучись подались с ребятней кто куда, боялися, что за имя тоже придут.

-А тя как не сослали по Лене?

-Я к тому времени пошла за вашего отца – передового тракториста, он на всю округу тада славился, миня и не тронули. Отец-то иво из бедняков был, тута партизанил, банду Витьки Попова по тайге гонял. Я знашь, как боялася, что кто-нить укажет на миня, мол, Ганьки Вотякова отродье. А жили мы с Кешей как все – концы с концам кое-как сводили.

Михаил внимательно слушал.

-Братовья када уезжали, я как раз заболела сильно, в беспамятстве лежала, думала урода какова рожу, я тада Нинкой ходила. Так даже проводить не смогла. А потом уж совсем не свиделися. Соседки мине потом говорели, мол, и хорошо, что тя не было, уполномоченным на глаза не попалася, а то бы ишо замели заодно.

-Ничё себе! – вырвалось у Михаила.

-Ой-ёшеньки... От и боимся с тех пор... Мало ли чё? Ты тожа никому не говори, а то будут дразнить подкулачником. Люди долго про всё помнят. Да ишо в одном селе – друг про дружку всё знают. Сичас хоть разъедемся, кто куды. С етой-то стороны ладно, а от с другой – душа моя не согласна отсюдова уежжать.

-Ничё, как-нить жись наладится, - снова стал успокаивать Михаил.

-А-а-а... От чё забыла-то ишо... После, как мой тятя приставился, лавкой, правда, недолго, стал управлять старший братка Антон. Так от... заявился к иму как-то беспутный Федька Царюков и ишо какой-то

с ём парень в будёнке. Пришли к Антону и давай выгонять на улицу. Мол, дом советской власти отходит, постановление бедноты како-то там показали, а вы, мол, идите на все четыре стороны. Никакова постановления не было, это оне так нахально заявился. А от перед етим приходил этот пьянущий Федька, просил ишо ему бутылку в долг дастъ, а Антон иму: иди, мол, проспесь. От он и обозлился на нас, мол, богачи, заелися... Ну а чё? Власть-то уж к им перешла, творили чё хотели... Тада-то нас как-то не выгнали, но братовья решили сами андатъ дом – от греха подальше, как тятя наказывал. А уж настала коликовизация – иди совсем из села за порог.

-А это, случайно, не родственник Федьки в райкоме первый секретарь?

-Иво, кажись.

-Выходит, одна семейка.

-Жись поменялася, сынок. Ты тока об етом никому не сказывай, мало ли чё... Чёто я шибко разболталася...

-Ничё вас Берия запугал!

Елизавета Гавриловна промолчала.

-А батраки у вас были?

-А зачем оне нам, езли своих работников полно. Братовья таки трудолюбивы выросли. А езли и брали каво, так жалели, надо же было дать человеку заработать для иво ребятишек. А нас потом исплататорами объявили. От и делай людям (*ударение на вторую гласную, - прим. автора*) добро... Не зря говорят: не делай добра – не получишь зла.

-Ладно, потом дорасскажешь как-нить, - Михаил отрывается от перил. - Поедем дальше.

Уже в кабине машины Михаил под впечатлением узнанного успокаивает мать:

-Дом-то ваш кто-нить всё равно перевезёт. Вроде я где-то слыхал, что в Покосное большу избу искали под столовую, - на ходу придумывает Михаил.

-Ой ли? – не верит мать. - Могут и пожечь, чтоб не утруждаться.

-Скажешь тоже! Домина в два этажа из отборной лиственницы...

-Да кому тепери скажешь об етим?

-А чё говорить – иво и так видно.

-Сожгут, однака...

-Да не-е-т...

-Не смогут разобрать и бросют. Это ж с крыши надоть начинать, а кто туды полезет?

-Как-то же наши построили... Так и разберут...

-Тада умели, да и сибе строили-то – ста-ралися.

За поворотом появляется старое кладбище, усыпанное почерневшими от времени деревянными крестами, некоторые уже без присмотра покосились.

-Остановися, проститься надо, - просит мать.

...Пока сын с матерью пробираются по подтаившему снегу к могилам предков, негромко разговаривают между собой. Елизавета Гавриловна:

-Ишь, как Степанида-то распорядилася с собой... А ить она меня годков на три все-го постарше. Замуж, правда, в пятнадцать лет выскочила - по любви, а вскорости и Васяту своюна народила, которого погубили потом немцы-ироды, а мужа иё ишо до войны убили. Кто-то из-за угла ножом пырнул, так и не нашли – кто. А Степанида так одна двоих парнишек и ростила, а сичас от чё удумала...

-Не каждый наслелится убить себя, - поддерживает разговор Михаил.

Елизавета Гавриловна останавливается:

-Подожди-ка, кажись, не туды немного завернули.

Мать и сын поворачивают назад и идут чуть левее.

-Жалко, что напоследок самовар нашим речным песочком не почистила, да ельцов с хариусом, да тайменя загодя не насолила, - сожалеет Елизавета Гавриловна. – Хотя чё я говорю-то? В ето время и не рыбачит ишо никто. Это уж в июне пойдёт...

-Ничё, рыба и на новом месте водится. Тока вода далековато. И то залив, а не река.

-Выходит, что Ключи, где придётся нам жить, на сухой кочке?

-Выходит, что так.

-А воду где берёте? Колодец есть?

-Колодцы есть, но мало, а так водовозка по селу развозит – прямо в бочки наливат. Тока зимой надо сразу вычерпывать, а то быстро льдом схватится.

-Это-то не страшно. Лутче, чем вёдра с дальнего колодца или с речки таскать. У меня знашь, как иной раз плечи от коромысла болели...

Проходят немного и останавливаются у могилы с почерневшим православным крестом; на табличке ешё можно прочесть чёр-

ные потрескавшиеся буквы: Протасов Н.С. 1877-1928.

-Дед твой по отцу, Никифор Семёныч, царство ему небесное, - начинает Елизавета Гавриловна. - От чахотки помер. Я иво плохо помню, всё на завалинке сидел, поговорить любил. Мимо иво никто пройти не мог. Мы с Кешей сошлись, иво уж не было. А рядом он, - мать кивает на соседний, тоже почерневший деревянный крест, - лежит Агрофена Осиповна, моя свекровь. Добрушка была, миня никада не обижала, тожа как-то рано померла. А рядом с имя он Мотя ихня лежит, христовенька. Горбатенька была, так замуж никто и не позвал. Я тя рожала, дак она помогала мине. По первости и водилась с вам, вы ишо иё кокой звали, ты, наверно, не помнишь...

-Не помню.

-Рано тожа померла, болесь у иё кака-то неизличима была, царство ей небесное.

-Мы на кладбище ребятишкам часто бегали. Ты нас за это ругала, помнишь? - вспоминает Михаил.

-Помню, как непомнить... Покойников боялися, а всё равно бегали.

-Смелость закаляли. А честно сказать: после похорон наровили с могилы то булочку, то яичко съесть, голод-то не тётка.

-Лутче не вспоминай, сама дивлюся, как мы тада выжили. - И переходит на тему переезда: - Соседка сказывала, ей вроде так в сельсовете объяснили, када она собралася могилу разрывать и переносить своёва мужа на ново место, будто стары могилы будут чем-то каменным заливать?

-Бетоном, наверно, - предполагает Михаил. - Солдат нагонют и залют раствором, чтоб скелеты по воде не плавали, - мрачно разъясняет Михаил, сам не веря в свои слова. - Если, конечно, соседка твоя ничё не напутала. Бетона-то скока тада понадобится! Его на плотину-то с перебоями возят, не успевают делать.

-Пресвятая Богородица! Не хватит на всех, чё ли?

-Не знаю, - сомневается Михаил.

Идут дальше, останавливаются ещё у двух могил.

-Здравствуйте, мама с тятей. Проститьсь пришла. Не будем ваши косточки тревожить - на ново место перевозить. Вы здесь жили, здесь и лежите, а захотели бы там, - слегка показывает головой в сторону переезда, - уже не скажете...

Молчат кресты. Молчит кладбище.

Михаил с матерью идут дальше по кладбищу. Елизавета Гавриловна то и дело останавливается, кланяется могильным холмикам и крестам:

-Прощай, бабка Параня... Прощай, дедка Степан...

Как эхо над кладбищем: «Прощай... прощай...»

Мать и сын возвращаются к машине.

-А, правда, что отцова родова из казаков?

-Вроде так, сынок, мине Кеша об этом не говорел, видно, сам не знал. Можить, и из служивых казачков, кто первы сюда пришли - царём посланы. А вроде у иво тожа в родове и купцы были, но давным-давно разорились. Раньче куды ни ступи - кругом мужики справно жили. Кто не ленился. А так-то раньче здеся буряты всё жили. Потом перемешалися, казачки на местных бурятах попереженилися, своих-то баб не захватили с собой, - с улыбкой говорит мать. - Ишь, у миня глаза чуть косые, видно, в жилах есть буряцка кровь-то. Старики сказывали, мол, на месте нашего села стоянка шаманов была. От и назвали так - Шаманово. Триста годков иму, мине тятя ишо говорел.

-Это я в школе знал, хоть и проучился четыре класса.

-Ну и, слава богу, читать и писать маненько умеете - и то ладно. Это я у вас получаюся безграмотна. Не успела походить в церковну школу, батюшка там учил словам и буквам, да на палочках щитать. А потом церкву закрыли, батюшку кудыто увезли. А мама после тяди умерла, так кому я шибко нужна была? Хошь тётя Фрося к сибе взяла, добрушка была, царство ей небесное. И вы у миня в войну не шибко-то выучилися. А вот Галька твоя грамотна, как ты с ей жить будешь?.. - печально вздыхает мать. - Када ты ей слово, а она те в ответ десять...

-Как-нить проживём, - Михаил задумывается.

Несколько шагов проходят молча.

-Бил жену дедка Ганя? - неожиданно спрашивает Михаил.

-Тядя строгий был, а мама на язык востра. От раз отправился с браткой Антоном за товаром в Иркутским, да там подгулял бравенько, обокрали их подчистую. От оне и вернулися домой с пустым рукам...

А мама возьми, да и упрекни иво. Он тада взял и отходил иё вожжам, она вся в синяках тада ходила, кой-как по хозяйству управлялася. Тятя уж и сам не рад был... Горе самогонкой заливал, куражился, по селу на тройке лошадей разъезжал, с досады угощал мужиков... Такой от был! Бывало, товар завезёт – тройку запрягат... И тут с горя тожа...

-А вожжами-то он здорово проучил.

-Не вздумай Гальку свою тронуть! – додгадывается мать о мыслях сына. – Она у тя не така, как раньче бабы были – терпеть не станет.

-Не бойся, я ни в дедушку Ганю уродился, - успокаивает сын.

-Не дай бог, езли в иво!

-А наш отец на тя руку подымал?

-Никада! Мой-то Кеша голоса на миня никада не повысил, ни разу при детях не сматериился. Что ты! Он спокойнушкий был, у их вся родова така - выдержанна.

-Ну а если бы завредничала, перечить ему стала?

-А я иво с полуслова понимала, любовало (*от слова «любить», прим. автора*) человека как не понять... Езли б не война, - тоскует Елизавета Гавриловна, - так прожили б с ём всю жись душа в душу...

-От бы ты прожила у нас до ста лет! А то отца нет, хоть бы ты нас радовала.

-Это кому как на роду написано, сынок. У нас мать-покойница всё говаревала: не живи, как хошь, а как бог даст.

-А тётка Степанида от не стала дожидаться, сама всё решила.

-Стало быть, мочи у иё боле не было. Кто знат, сынок... чё у иё на уме-то было... Чужа душа ить потёмки.

С этими разговорами мать и сын подходят к машине.

-Хоть простилися... - крестится Елизавета Гавриловна и залезает в кабину.

Глава 10 Рождение дочери

Январь 1960 года.

Ночь. Тикает будильник на столе, стоящем возле железной кровати. Галина спит у Михаила на руке. Но потом начинает беспокойно ворочаться, открывает глаза, убирает руку мужа, привстает, вылезает из-под одеяла. В этот момент зритель видит большой живот героини, которая берёт

будильник, смотрит на циферблат при свете яркой луны: три часа ночи. Осторожно перелазит через спящего Михаила. Только встаёт на ноги, как испуганно хватается за низ живота и смотрит вниз на пол...

-Ой, мамочки! Миня, просыпайся, я, кажется, рожаю...

Михаил нехотя ворочается в постели. Ещё плохо соображая, садится на край кровати, поставив на пол босые ноги:

-Рано же вроде...

-Какое «рано», видишь, воды отошли. Иди, заводи машину, повезёшь в больницу. Если успеем... - Галина снова хватается за живот, стонет.

Михаил уже поспешнее натягивает брюки:

-Счас, счас... Здесь тока не роди... Кто роды-то будет принимать... Я не умею, - бормочет он спросонья.

-Ой! Стучи к бабе Даше, пускай дед Иван на санях меня увезёт.

-Я сам, чё ли, не увезу?..

-Тебе в такой мороз машину сразу не заавести... О-о-й... Иди быстрее...

-Иду-иду...

Михаил стучится в окошко второй половины избы, где живут баба Даша с дедом Иваном. Когда у стариков загорается свет, спешит к воротам. За ними слышен лязг щеколды и голос деда Ивана: «Кто там?»

В зимнем пальто, в полусогнутом положении, Галина собирает самое необходимое в больницу, складывая всё на развернутую пелёнку на столе. Без конца стонет, всхлипывает:

-Господи, царица небесная, помоги...

Дверь отворяется, на пороге - заспанная, встревоженная баба Даша:

-Сичас, Галюшка, дедушка с Минькой уж сани запрягают. Потерпи.

-Терплю. Воды-то уж отошли, баб Даш...

-Раз отошли, совсем недолго осталось ждать. Время приспело – ягодка созрела. Наверно, девка у тя будет – они всегда раньче на белый свет просются.

-Баб Даш, ты потом подотри тут всё, ладно?

-Нашла об чём беспокоиться! Сделаю, милая. Ты катанки-то надевай, - и помогает Галине надеть валенки.

Вваливается Михаил:

-Всё, поехали!

Баба Даша бросает Михаилу с упрёком:
-Родить – не погодить. Вези иё аккуратно.

Выходят за ворота, Галина осторожно садится в сани, за ней – Михаил. Дед Иван, натягивая вожжи, ещё шутит:

-Доставим с ветерком! Но! Пошла!

Сани трогаются.

-Поехали за новым человечком, - произносит баба Даша и крестит вслед, - с богом!

Михаил уныло сидит на лавке в пустом коридоре больницы. Только хочет закурить, вытаскивая из кармана полуушубка пачку папирос, как из палаты выходит бойкая, хоть и пожилая санитарка:

-Не вздумай курить! Тут те не гараж.

-Чем ругаться, лутче скажи, Матвеевна, родила моя баба?

-«Баба»... - на миг останавливается санитарка, - жена! Рожает пока, - и спешит дальше с «уткой».

Михаил снова мается в ожидании. Установился на медицинские плакаты, развесенные на противоположной стороне, крашенной в синий цвет, стены, с названиями «От чего болит сердце» и «Как уберечься от чесотки».

По коридору опять идёт та же бойкая санитарка, на этот раз она приветливее, останавливается возле Михаила:

-Дочка у тя народилася. Поздравляю!

А Михаил вроде и не рад:

-Дочка? А не перепутали?

-Хм, «перепутали», - передразнивает санитарка. - С кем интересно путать-то, если она у нас сёдня одна рожала. Галина Протасова – твоя жена?

-Моя.

-Ну, значит, она те дочку принесла. Радуйся – нянька у вас уже есть, теперь и папана можно заказывать.

Диспетчерская сельского гаража. На лавке, сбитой из двух досок, на расстеленной газете стоит почтая бутылка водки «Московской», лежат нарезанные ржаной хлеб, солёное сало с мясными прослойками, головка лука, разрезанная на четыре части, солёные огурцы. Михаил, сидя на другой лавке напротив, с несколькими шофёрами, среди которых шурин Юрий Князев и дружок детства Лёня Каймонов, обмывает рождение дочери. Шурин Юрий

снисходительно хлопает Михаила по плечу и хвастается перед мужиками:

-Бракодел! Я своей до армии успел сразу парня заделать. А парень родился – во! – показывает на своё широкое лицо, - мордоворот, вес четыре двести!

-Не бракодел, а ювелир, - заступается за Михаила пожилой шофёр.

-Во-во! – вторит Лёня Каймонов.

Михаил смущённо улыбается, наливая мужикам водку в алюминиевые кружки:

-Ладно, мужики, - он первым поднимает кружку, - за продолжение рода. Девка тоже в хозяйстве пригодится, няньчить своих братишек будет, а нет - так нарожает мне внуков. Ишо больших мордоворотов, чем у Юрки, - кивает на шурина.

Мужики добродушно смеются. Выпивают, закусывают. Под ногами у них бренчат уже две пустые бутылки.

-У тя там под ногами, чё ли, бренчит? – Юрий смотрит под ноги Михаила.

Из-за деревянной перегородки за ними неодобрительно наблюдает молодая диспетчерша Раиска:

-Всех с рейсов поснимаю! Обмывальщики хрюновы... Устроили тут буфет... - ворчит она больше для проформы.

-Не шуми. Завгар в отъезде, и ты не особо старайся, - беззлобно отвечает ей шурин Юрий Князев. – Лутче выпей с нами, тако дело надо обмыть, а то у самой детей не будет.

-Ей ишо замуж надо вытти, - добродушно улыбается пожилой шофёр.

-От чё разговорились-то! – задетая за живое, продолжает ворчать диспетчерша Раиска.

Вечером этого же дня пьяный Михаил дёргает дверь деревянной одноэтажной больницы, она закрыта. Стучит кулаком, потом ногой. Никто не открывает. Засунув два пальца в рот, начинает свистеть под окнами и кричать:

-Галька!

Галина в палате слышит эти неуместные крики и свистки. Приподнимается на локте и просит соседку, кровать которой стоит у окна:

-Тася, крикни моёму, чтоб завтра приходил.

Тася встаёт с кровати, подходит к окну, приоткрывает форточку и осторожно кричит:

-Приходи завтра!
Михаил услышал, но в недоумении переспрашивает:
-Чё значит «завтра»? Ты мне счас дочь покажи...
-Скажи ему ещё раз, - просит Галина соседку.
-Завтра! - громко повторяет непонятливому Михаилу Тася.
Тот ещё немножко топчеться у двери, потом с досады машет рукой и нетвёрдой походкой сходит с крыльца.
Вот он бредёт по заснеженной улице. Его обгоняют две собаки, бегущие по своим делам. И Михаил, пнув им вслед снег, беззлобно бурчit:
-Разбегались тут!

Палата в больнице. Галина кормит грудным молоком дочку. Входит врач Фрида Ароновна, подходит к роженице:
-Молока хватает?
-Полно, - улыбается молодая мама. - Тока покормлю, опять прибывает.
-Замечательно! Главное, чтобы ребёнку нравилось мамине молочко. После обеда можем вас выписать домой. Успеете родственникам сообщить, чтобы встретили?
-Успею, есть кому тут передать. Спасибо Вам, Фрида Ароновна. Я думала, Вы ещё не переехали из Шаманово... Спасибо за всё.

Фрида Ароновна сдержанно улыбается – лишь уголками красивых полных губ, дав понять, что она всего лишь добросовестно выполняет свой врачебный долг.

...Галина одна в палате, сидит на кровати. Она в том самом зимнем пальто, в котором её привезли в больницу рожать. Рядом лежит узелок с вещами. Галина подходит к окну, высматривает кого-то. В это время в палату входит бойкая санитарка Матвеевна с младенцем, завёрнутого в ватное стёганое одеяльце.

-Принимай от! – передаёт она на руки новорожденную дочку. - Не нашли мы твоё-ва мужика, где-то, видно, дочь обмыват. Пришли его мать, твоя и соседи – тётка Дарья с дедушкой Ваней. Ждут в коридоре.

Из палаты Галина выходит с младенцем на руках. Радостная встреча!

-Слава богу, здоровёхоньких выписывают, - обнимает дочь Мария Прокопьевна. - Давай подержу.

-Да я сама, - не соглашается Галина.

-Да и вправду, - не перечит Мария Прокопьевна, - своя ноша не тянет.

-Наша порода, - заглядывая в лицо внучки, гордо произносит Елизавета Гавриловна, мать Михаила. - Спасибо за внуценку, Галя.

-С пополнением, соседушка! – доходит очередь до бабы Даши.

-Поздравляем, поздравляем! - суетится рядом дед Иван.

Дед Иван подвозит всех на санях ко второй половине своей избы, где живут пока супруги Протасовы. Выгружаются. Входят в дом.

-Жена в больнице, а он запил, - негодует тёща, снимая с себя козью старую шубейку.

Елизавета Гавриловна виновато помалкивает, садится на стул у входной двери в верхней одежде, не проходит в комнату.

Баба Даша подходит к глинобитной русской печи, трогает её ладонями:

-Ваня мой с утра печку протопил. Не замёрзнете...

-Миньку видели? – как можно спокойнее спрашивает Галина, раскручивая на кровати ребёнка.

-Вчера в гараже был. Вроде в рейс хотели его отправить, - усиленно врёт дед Иван, а баба Даша поддерживает его согласительными кивками. Видно, что они сговорились. Мария Прокопьевна недоверчиво смотрит на них. Елизавета Гавриловна продолжает тихо сидеть в углу. Но потом встаёт, снимает ватную телогрейку и полушалок, подходит ко всем ближе, смотрит на внучку и, как бы оправдываясь, говорит:

-Попожжа Надька зыбку принесёт, им пока не нужна. Тепери все в одном месте живём - буду помогать водиться.

Ночь. К дому подъезжает грузовая машина. Свет фар на миг освещает комнату, где на кровати спят Галина с дочкой. Галина открывает глаза. Встревоженная, она приподнимается на локте. Машина заезжает во двор и угрожающе газует: мол, хозяин прибыл.

Угрюмый, с большого перепоя, Михаил сидит за рулём.

Испуганное лицо Галины, она понимает, что муж явился пьяный. Не знаешь, чего от такого ждать.

Мать Михаила в это время молится в избе перед иконой Казанской Божией матери, которую освещает стоящая рядом керосиновая лампа:

-Господи, царица небесная, прости Миньку моёва, наставь на путь истинный, отвадь от бутылки. Пусь сладится у их, пусть дочку ростит, жену уважат, хозяином в доме будет... Помоги нам, господи, и прости нас, грешных... Спаси и сохрани... На всё воля твоя... Не оставь нас...

Глава 11

Строительство дома. Наказы дяди Пети

Август 1960 года.

Медленно сползает за горизонт бронзовое солнце. На закате оно, кажется, освещает всё вокруг ещё ярче! Снова это ощущение божественной красоты и загадочности. Космос!

Строится новый дом для Галины и Михаила Протасовых. С внешней стороны, с улицы, он в строительных лесах. Дом подвёден почти под крышу. Михаил с шурином Юрием отпиливают лишний отрезок бревна ручной пилой: вжик-вжик. Дядя, Пётр Никифорович, несёт к срубу дома новую оконную раму без стёкол. Ставит её возле сруба и командует:

-Хорош, мужики, перекур!

...В ограде нового дома, возле застеленного газетой самодельного стола-«козла», на котором уже красуется бутылка «Московской», сидят на чурках Михаил и шурин Юрий. Пётр Никифорович шурует огонь в чугунной печке, стоящей рядом. На печке – чугунная сковорода с жареной картошкой. Бутылку водки начинает открывать зубами Михаил, гранёные стаканы расставляет Юрий, он же потом нарезает чёрный хлеб крупными ломтями. Из закуски на столе нарезанное ломтиками солёное сало с прослойками, варёные яйца и свежие огурцы.

Все трое поудобней рассаживаются. Стаканы налиты.

-Ну, мужики, за новый дом! – Пётр Никифорович первый со всеми чокается. - Ставь, Минька, жарёху-то на стол. Люблю молоду картошечку на сале, с ошурочками – вкуснятина!

Выпивают. Закусывают с аппетитом честных работников.

-Печку начнём завтра ложить, - обещает Пётр Никифорович, делая ударение в слове «ложить» на первой гласной.

-Может, деда Ивана по-соседски позвать, он руски печи ладно ложит, поможет, всё быстре дело пойдёт, а? - предлагает Михаил.

-А я на что? Сами управимся. А сосед с соседкой ишо пригодятся. Завтра и Сёмка наш обещал подойти. А покамесь иму в материном доме надоть тожа успеть - делов всем ноне по горло. А завтра придёт...

-Может, кого из дружков прихватит с собой, - подхватывает Михаил. – Вроде с Димкой Черемных они сдружились, в армию вместе собираются.

-Посмотрим, - рассуждает Пётр Никифорович. – Ты-то как завтре, Юрка?

-Я от и думаю, - откликается шурин Юрий. – Моя Манча и так гнусит, что свой дом забросил. Так что там видно будет...

-Жалко Костю моёва не позовёшь. Как сманила иво Тамарка из Шаманово в свой Калтук, так глаз не кает, всё чё-то занятой шибко. А так бы подсобил, какой разговор.

Только проговорил эти слова Пётр Никифорович, как заявилась баба Даша-соседка:

-Бог в помощь!

-Легка на помине, кума! – восклицает Пётр Никифорович - Тока про соседей вспоминали.

-Здорово, тётка Дарья! – почти одновременно приветствуют добрую женщину Михаил и Юрий.

-Пирожков с зелёным луком и яйцом напекла, дай, думу, работникам отнесу, - баба Даша выкладывает из миски шесть румяных пирожков на стол. – Ешьте на здоровье, покамесь горяченьки, силушки набиритесь...

-Спасибо, баб Даша, садись с нами, - приглашает Михаил.

-Да не-е, итти надоть, мой потерят. Со вчерашнева дня с радикулитом мучится, сичас лечить буду.

-Это как? – интересуется шурин Юрий.

-Да так - натру поясницу тройным деколоном и шалью обмотаю для прогреву. А так чё надоть – говорите, поможем, чем сможем – сама же вам место подсказала, в соседях будем рады жить, Миня, с тобой и Галиной, и вашей дочкой. Где она?

-У моей матери, а Галька белит в доме у

тёшши, вдвоём там хлещутся с утра. Тёшша боится, что Галка скоро своим домом займётся, а той некому будет помогать... От и затеяла катафасию. А моей скоро в своей избе беленки хватит.

-Да я помогу, Миня, не переживай, дело соседское. Жалко нам с Ваняткой таких квартирников терять, за стенкой скоро тихонько станет, скучно нам без вас-то будет, Миня.

-Скажешь тожа, Дарья, - весело встречает в разговор Пётр Никифорович, - они же вот, напротив вас обоснуются. Можить, ишо интересней станет, как на картинке у вас будут, и в кино не понадобится ходить, - намекает Пётр Никифорович.

Мужики, поняв намёк, смеются. В это время появляется жена Петра Никифоровича - Татьяна. Она стоит за временным ограждением в виде жердей.

-Проходи, тётка Таня, садись, - приглашает Михаил.

-Здорово, Татьяна! Одна ушла, друга пришла, - баба Даша проходит мимо Татьяны. - От, подкармливаю справных работников.

-Правильно, по-соседски, - с улыбкой одобряет Татьяна. - Дедушка твой жив-здоров?

-Радикулитом мается, пойду лечить. Заходи в гости, Таня. Вместе с Петром как-нибудь заходите, - приглашает на прощание баба Даша.

-Вы к нам заходите! Хоть в лото сыграем, - тоже приглашает Татьяна.

-Придём как-нибудь, - для приличия обещает баба Даша.

-Ивану привет передавай, пусь поправляться, - напутствует Пётр Никифорович.

-Передам. Прощавайте все! - оглядываясь на мужиков, уходит баба Даша.

Пётр Никифорович вроде как равнодушно отреагировал на приход своей жены. Тётка Таня подходит к мужу, в руках у неё ватная телогрейка.

-Накинь куфайку, Петя, вечера уже прохладны, - с заботой набрасывает ему на плечи телогрейку.

-Присядь, раз пришла, - Пётр Никифорович неохотно приглашает жену к мужскому столу.

-Некада, корову скоро встречать, пастух и так ругатся, кто вовремя не разбирает своих кормилиц. Пойду, - зная строгий настрой мужа, отвечает тётка Таня.

Пётр Никифорович замечает, что жена настороженно взглянула на бутылку водки.

-Засекай время, Татьяна, через полчаса буду дома.

-Можить, вместе пойдём?

-Ну, всё-всё... - муж неодобрительно хлопает её по руке, лежащую на его плече.

-Раз сказал, что буду через полчаса - значит, буду. Разогревай покамесь щи.

-Давно уж разогреты, Петя, тя ждут.

-От и хорошо - приду, жиценького похлебаю, - и ласково, но решительно убирает руки жены с плеч, сводя их вместе в своих крепких ладонях.

Тётка Таня послушно направляется к жердям, оглядывается напоследок:

-Счастливо оставаться!

-Счастливо, тётка Таня, - вдогонку говорит Юрий, делая рукой прощальный жест.

Пётр Никифорович аккуратно сворачивает «кошью ножку»:

-На фронте, бывало, по суткам стояли по грудь в воде, покамесь мосты да переправы налаживали, сильно спину я застудил, поясницу иной раз так ломит - хоть криком кричи. Из-за этого иной раз с моей Татьяной и «несработкой» у нас бывает, - показывает жест - ребро ладони на другую ладонь. - Но она на миня не обижается, жалет, да и живой мужик в хозяйстве - большуще дело. Руки-то - от они! - показывает Пётр Никифорович широкие мастеровые ладони в мозолях.

Выпиваю еще по полстакана. Разговор течёт дальше...

-А ить не зря мы, племяш, в Германию сходили, - продолжает Пётр Никифорович. - Что Гитлера задавили в логове - это понятно... Но заодно и Европу поглядели - как други живут. Живут культурно! Ничё не скажешь! Я особо в Германии присматривался, как дома немчуры построены. Готика называется. Кое-чё подметил. С твоим домом разберёмся, свой маненько перестрою. Заготовки рам у меня видел?

-Видел, - подтверждает Михаил.

-Ну и как? - снова спрашивает дядя.

-Да как-то... не по-нашему, - откровенно признаётся Михаил.

-Ну... красиво хоть? - допытывается дядя.

Михаил молча кивает и закусывает пирожком.

-О-о-т! Не зря проводал гансов... Опять же немок ихних навестил... - Пётр Ники-

форович стал лукавить с молодыми мужиками. – Я-то не сильно старался, так ...чуток тока с одной фрау, а некоторые наши ребята даже обещанья давали, что женятся на них, мол, с собой заберут...

– Обещать – не жениться, а послуить-то чё не послуить, – смеётся Юрий.

– Ох, Юрка, молод ты ишо, – упрекает Пётр Никифорович.

Юрию становится ещё веселее:

– И чем они от наших баб отличаются? Вроде у всех повдоль, ни у одной не видел поперёк, – подмигивает он Михаилу.

– Да езли так рассуждать, то ничем! Это дело так же как у наших баб устроено. Но немки нахальнее. Не поверите, но в сорок пятом ноги сами раскидывали, успевай тока оприходовать, – последние слова Петра Никифоровича были больше похожи на мужское хвастовство.

– А вы и рады стараться! – подзуживает Юрий.

– А ты как думал! Наш солдат голодный стал. А они от страха нас привечали, боялись, что разорим их дома. Всяк жить хочет нормально. Европа любит порядок!

– После вас там, видно, много русских ребятишек народилось, – продолжает тему Михаил.

– Кто их там шитал! Может, и моя кровинушка где-то подрастат, – задумчиво произнёс Пётр Никифорович.

– А тётка Таня тя не заревновала? – на всякий случай спрашивает захмелевший Михаил.

– А я ей чё – рассказывать буду? И вы языками не треплите. Послушали и – молчок. Перво время, правда, допытывалась: «Какой-то ты, Петя, не такой стал, немокто много перебрал?» А я ей: «Таня, брось горячку пороть, за всю войну ни одну бабу не тронул». Кое-как успокоил... А вам, дурачье молодое, скажу так, вспомните ишо мои слова: баб своих бить - бесполезно, оне делаются злыми, вредными и не так те подначивают, – показывает тот же характерный жест Пётр Никифорович, что при слове «несработка». – Лаской лутче брать. Свою линю, понятно дело, гнуть и гнуть, но - с лаской.

– Дяй Петя, ты начал рассказывать, что Европа порядок любит... А мы разве не любим? Он какой дом строим, стараемся, – Юрию хочется поговорить на эту тему дальше.

– Так-то оно так. Но от какой я вывод сделал, када мы дома их увидали, хозяйства крепки, кирпичны стайки для свиней, дороги асфальтовы... Русский мужик любит думку думать, долго запрягат, значит, а немец сразу дело делат, не рассусоливат. От и получатся, что сделано у их делов поболе, чем у нас. Езли б имя этот... – Пётр Никифорович два пальца прикладывает под нос, изобразив усики Гитлера, – головы не задурил...

– А чё же они, раз таки аккуратисты, войну проиграли? А, дядь Петь? – не унимается Юрий.

– А тут у их жила слабей нашей оказалась! – смеётся Михаил.

– Точно, племяш! – соглашается Пётр Никифорович. – Чистюлек в кожаных пальтишках война не любит, это дело тако, что...

– А ты, дяй Петя, сразу демобилизовался в сорок пятом? – перебивает Юрий Князев.

– Сразу, у меня ж два тяжёлых раненья, контузия, в июне наш состав тронулся из Германии. На паровозе впереди така надпись была, плакат, значица: «Родинамать, встречай своих сыновей-победителей!» А на одном вагоне, покамесь до Белорусского вокзала в Москве добирались, наш старшина белилами написал, как сичас помню: «Свой долг мы выполнили сполна». На других составах тоже писали: «Мы из Берлина». А на этих... как их... Бранден... бургских... хрен выговоришь... воротах знашь чё написано было? – обращается он к Михаилу.

– Нет, меня ж там не было.

– То-то и оно. От так было на плакате: «Слава советским войскам, водрузившим знамя Победы над Берлином!» – надпись дядя Петя протянул рукой из одной стороны в другую.

– Ну у тя и память, дяй Петя! – удивляется Юрий Князев.

– Тако во век не забудешь! – глаза дяди стали влажными.

– Да-а-а, – понимающе тянет Михаил.

– Или от на соседнем составе, за нами следовал: «Мы ращитались с немцами сполна, встречай сынов, родимая страна!»

– Слово «расчитались» дядя произнёс с особой угрозой. И вдруг, о чём-то на несколько секунд задумавшись, Пётр Никифорович тихо пропел:

*Кто в Ленинград пробивался болотами,
Горло ломая врагу...*

Михаил с Юрием притихли. Очнувшись от нахлынувших воспоминаний, Пётр Никифорович замечает, что молодые мужики нетерпеливо поглядывают на бутылку и ждут, какую команду он даст как старший. И он командует:

-Ладно, басня соловья не кормит. Разливайте, мужики. По третьей - и по домам.

Выпивают, закусывают.

-Не советую вам увлекаться этой заразой, - Пётр Никифорович показывает на пустую бутылку. - Молодые ишо! Не смотрите, езли када чё и осталось в ей. Лутче покрепче закупорьте и уберите до другого разу. С глаз долой! Иё ж пьют тока для аппетиту, для сугреву, с устатку када-никада, ну и слегка для завязки разговору.

- Смотрит внимательно на часы: - Время вышло! - хлопает себя по коленям и поднимается с чурки. - Провожай меня, Миня. Пока, Юрка. Отправляйся у своей Маруськи на завтра.

-Покедова, дяй Петя, я тоже счас пойду, - отвечает Юрий.

Пётр Никифорович с Михаилом выходят за ограду. Поворачиваются к новому срубу. Довольны увиденным. Дядя, отрывав взгляд от дома, по-отечески обращается к Михаилу:

-Ты зря Гальку-то не гоняй. От перевезёш их в новый дом - зачни жись заново. Не пей много! Плохое оставь за порогом. Почитай тока мир да любовь. Ну, бывай, племянничек. Держи пять! - Пётр Никифорович протягивает ладонь для рукопожатия.

-А насчёт немецких рам ты правильно сделал, дяй Петя. Я таки же хочу - загляденье! - пожимая дядину руку, напоследок высказывается Михаил.

-А те-то зачем? Не ты ж до Германии дошёл, - с обескураживающей прямотой отвечает Пётр Никифорович. И, оглядываясь, на прощанье наказывает: - Смотри, не проспи утром.

Михаил смотрит ему вслед и едва слышно повторяет с обидой:

-«Не ты ж до Германии дошёл...»

И вспоминает (картинка), как в мае сорок пятого пришлось пахать колхозные

поля вместо взрослых мужиков, ушедших на войну...

5 мая 1945 года.

В кабине двигающегося по полю гусеничного трактора марки «НТХ-НАТИ» их было двое - Миня (10 лет) и худощавый фронтовик в танкистском шлеме по имени Виктор (25-27 лет), на измождённом лице которого виднелись следы сильного ожога.

-Слыхал, по радиу передали, что Гитлеру хана?! - громко спрашивает мальчишку Виктор.

-Ну, - согласно кивает Миня.

Некоторое время видим усталые, чуть закопчённые лица фронтовика и Мини. Потом Виктор-фронтовик морщится от боли, останавливает трактор, но не глушит мотор.

-Давай, Минька, один, ты уж большой пацан, а я покамесь пойду - полежу, мочи нет, так болит, - он вылезает из кабины, неловко спрыгивает на пашню и, скрючившись, бредёт к берёзкам на краю поля, где осторожно присаживается на землю возле поваленного дерева.

Миня трогает рычаги трактора - стальная машина с плугом послушно двигается дальше, оставляя за собой перевёрнутые пласти чернозёма, которые разбивают прицепленные сзади тяжёлые стальные бороны. Видим, что поле на редкость ровное. Через некоторое время парнишка оглядывается - борозда за бороздой прибавляются, он отмечает это с удовлетворением. Когда снова смотрит на вспаханный участок, то взгляд останавливается на поваленном дереве и лежащем рядом с ним Викторе-фронтовике.

Миня вытаскивает из-за сиденья алюминиевый термосок с водой, бежит к нему узнать, как он там? Подходит ближе, смотрит, что танкист лежит ничком, без движения, глаза закрыты.

Испуганный мальчишка выдавливает:

-Дяй Витя, ты чё?!

Тот приоткрывает глаза и отвечает слабым голосом:

-Много осталось?

-Есь малёха...

-Бригадир должен подъехать... Ругать за прицепшика будет - не слушай. Паши спокойно, поле ровнёхонько...

-Ты лежи, дяй Витя. Воды попей, - Миня откручивает крышку термоса и наливает в неё воду.

-Скрутило меня, Минька, не на шутку. В госпитале полжелудка отрезали, - морщится от боли Виктор-фронтовик и стискивает зубы. - И осколок где-то в боку застрял...

-Ты лежи, раз невмоготу, я один могу, - успокаивает Миня фронтовика.

И идёт, потом бежит обратно к трактору.

Допахивает уже ночью - с включёнными фарами: пашет до тех пор, пока глаза не начинают слипаться. И снится ему (картишка), что пьёт он из крынки молоко, а когда отрывается, вытирает рукавом рубахи губы, то мать протягивает ему ломоть белой шаньги.

...Предрассветный туман. Заглохший трактор. Видно, что он наехал на берёзу. В кабине, откинувшись на спинку сиденья, крепко спит Миня. Прохладно, и парнишка пёживается, а потом и просыпается. А когда окончательно открывает глаза, то в недоумении смотрит на берёзу. Оглядывается по сторонам. Словно что-то вспомнив, спрыгивает из кабины на пашню и бежит на другую сторону недопаханного поля.

Запыхавшись, подбегает к Виктору. А тот лежит, свернувшись клубком на земле, глаза приоткрыты... Миня в страхе трогает его за плечо; плачет, размазывая слёзы по щекам:

-Дяй Витя, вставай!.. Как мне одному-то трактор завести?..

Поздний вечер этого же дня. На костре возле заимки двое старииков-конюхов варят что-то в котелке.

-Кажись, готово, - помешивает деревянной ложкой и пробует варево дед Гурьянович. - Однаха пусь покипит, глухарь те не курица, мясо как следоват провариться должно. Так, Мефодич?

-Миньку надоть позвать, - отзыается дед Мефодьевич, - пусь горяченького похлебат. Натерпелся за день сердешный - на Витьку мёртвого насмотрелся... И чё сразу не прибёг? Мол, бригадира забоялся, и весь день клин одинёшенько добивал. А там не клин, а почитай целехонько поле. От они, наши наказы-то строги: ни-ни ногой с поля, покель работу не кончишь. Время поджимат - надо уж сеять. Об ету пору весенний день год кормит.

-Ага, один пахал, а другой иво мертвяком дожидался. О как сложилося-то, - вздыхает Гурьянович. - Парнишке тока десять, а иво уже на трактор посадили.

-Да он смыслёный, сам напросился. Хотел, видно, самостоятельно матери помогать.

-А как мать - не против была?

-Да не-е-ет. Грит, Минька весь в отца пошёл, тот-то до войны всю дорогу в передовиках ходил. Стоящий тракторист и мужик был! Таких-то от и жалко, что побило в войну...

-Да-а-а, таких мужиков угроили... Кто назать-то вернётся?..

-Скоро Гитлеру-то капут, от-от ручки кверху скинет. Как начнут пачками в плен сдаваться...

-От именно! Пойду, однаха, позову Миньку, - дед Мефодьевич, снимая с плеч телогрейку, готовится встать.

-Запах учуёт - сам прибежит.

-Чай, не собака он - чуять-то.

-Не переживай, Мефодич, пацанёнок, небось, десятый сон досматривает.

-Нет, Гурьяныч, ты как хошь, а я пойду, позову парня.

Кряхтя, дед встаёт и ковыляет к амбару. А там, на мешках с зерном, укрытый старенькой козьей дохой, спит Минька.

-Минька... Минька... - легонько будит его дед за плечо. - Вставай, поешь с нам. Подкрепись, а там спи себе дале. - Безрезульятатно, тот спит крепко.

Дед Мефодьевич возвращается к костру:

-Разоспался, спит без задних ног.

-А я те чё говорел? Парнишка умаялся вдрызг, кака иму сичас кормёшк...

-Оставим иму, с утречка подогрем.

-Давай, Мефодич, подкрепимся и - на боковую. А завтра чуть свет - поедем Витьку забирать, никто его за ночь не украдёт.

-А коли волки расташут? - беспокится Мефодьевич.

-Волков ноне не видать, они всё боле возле скота отираются.

-Ну-ну... Так и скажи, что ночью с мертвяком побоялся ночевать.

-А хоть бы и так, - признаётся Гурьянович. - Витьку приберём, а бригадир к обеду обернётся - сам доставит горемыку в село.

-Ох-ох... Витька, Витька! Сиротой жил, сиротой и помер. Ни похоронка, так всё равно костлявая достала. Сельсовет, знамо, схоронит - не впервой.

-Надоть тока пораньче Граната запрячь, - откликается Гурьянович, зачерпывая из котелка похлёбку. И неожиданно переходит на другую тему: - И сеять уж пора: я землю давеча шупал – готова, родима. Ни сёдни-завтра ребятню на заимку нагонят – управимся с божей помощью.

-Ага, мужики, кто живой остался, возвернутся с победой, а у нас туточки посевна кончилася, без их управилися!

Вот такие воспоминания нахлынули на Михаила после несправедливых слов дяди, Петра Никифоровича. Он ещё раз взглянул на свой почти достроенный дом и произнёс вслух:

-Загляденье! - и двинулся в ограду, где его дожидался шурин Юрий.

Раннее утро следующего дня. Михаил аккуратно стучит в окно дома Петра Никифоровича, а из него, открыв створки, выглядывает заплаканная тётка Таня:

-Не стучи зря, помер мой Петенька. Те, наверно, не успели сказать-то...

-Как так?! – ошарашен Михаил.

-Так. Заходи в дом. – И уже в доме, в большой комнате у стола, на котором лежал одетый в серо-коричневый костюм Пётр Никифорович, дорассказывает: - Заснул и не проснулся. Ишо пришёл вчерась, апетитно так щёй похлебал, хвалил меня, мол, лутче никто так не сварит... А в пять утра я поднялася корову доить, смотрю - с улыбкой так спит. Лицо вроде розовато... Не стала будить, пусь, думу, поспит, вчерась же вы наработались - устал. А у иво, оказывается, сердце во сне отказалось! Говорел мне как-то, что прихватывало у иво сердчишко-то. Прихватит, грит, и отпустит, а тут не отпустило... - И тётка Таня стала пока ещё негромко причитать: - Пете-е-енька, дорогу-уша ты моя... На каво ты меня остави-и-ил?..

В это время в комнату входит Елизавета Гавриловна - со скорбным лицом, в чёрном платке:

-Покинул нас последний братка Кеши моёва, - и как заплачет.

Михаил выходит на крыльце. Ему не верится, что нет теперь родного дяди. Во дворе возле амбара видит те самые «немецкие» конусовидные деревянные рамы без стекол.

-Не успел... – горестно произносит Михаил.

Глава 12

Новоселье, гуманный суд

Осенью этого же года.

На фоне музыкальной темы «Белые туфельки» Галина и Михаил наводят марафет в своём построенным доме. Михаил прибивает дверной косяк. Галина белит стены кистью, сделанной из осоки. Вдвоём с Михаилом перетаскивают комод в другой угол. Галина отходит - смотрит, там ли ему место. Михаил радостно показывает большим пальцем вверх, мол, здорово.

Тем временем Елизавета Гавриловна кормит в своём доме почти годовалую внучку Риту манной кашей:

-От молодчина! Давай-ка ишо одну ложечку... Вырастишь больша-прибольша... От так, молодец! – восклицает Елизавета Гавриловна, когда внучка съедает очередную порцию каши. - Расти большой, да не будь лапшой!

В дом входит её младшая дочь Надя - в телогрейке и тёплом платке:

-О! Вы уже вдвоём! – Надя начинает снимать телогрейку. – Показывай свои занавески.

-На таберетке в кути лежат. Ты как утром ушла, я сразу и прострочила. Пригляднутся – так сибе забирай.

Кивая на свою племянницу, Надя добродушно спрашивает:

-Опять подбросили? Не урусит?

Елизавета Гавриловна будто не слышит произнесённых слов. Тут Рита начинает хлопать в ладоши.

-Серёдка сыта – кончики играют, - ласково глядя на внучку, произносит бабушка.

-Када же они в доме марафет наведут, да переедут совсем? – Надя проходит на кухню.

-Ой, девка, не трави душу, - отзыается Елизавета Гавриловна. - На днях зовут смотреть свои хоромы. Я уж думала, и до ноябрьских не поспеют.

-Понятно... – Надя рассматривает спищие матерью ситцевые занавески.

-Ты-то как со своим живёшь – не обижайся? – Елизавета Гавриловна отставляет чашку с кашей на рядом стоящий круглый стол, берёт с дивана игрушку, резиновую уточку, и даёт её в руки внучке Рите. Та начинает с ней играть. Елизавета Гаври-

ловна сажает внучку на диван и садится рядом с ней.

-Как же! Меня обидишь! – откликается Надя. – Сам боится, чтоб не прилетело сквородкой.

-Зря-то мужика не дёргай.

-Да никто его не трогат... – Надя выходит из кухни с занавесками в руках: - Славно получилось, повесим те в зале.

-Оставь, я сама завтра займусь.

-Как скажешь. Мне, чё ли, трудно? – Надя садится рядом с матерью на диван.

-Слава богу, хоть в Ключи перебрали-ся, - начинает Елизавета Гавриловна. - Все рядышком с матерью. А от Нинка ишь чё учудила! Утартала со своим Серёжкой в чужи края, да ишо тяжёла. И кто ей там поможет с ребёнком водиться? Тут бы все в кучке и жили.

-Не переживай! Мужик у иё с головой, не пропадёт наша Нинка. Хоть в гости будет к кому съездить, а то кроме своей деревни ничё и не видали.

-А-а-а! Запела! Так вас, молодежь (*ударение на первой гласной, - прим. автора*), и тянет из дома бежать. И чё за мода така пошла?

Спустя неделю. Елизавета Гавриловна, Надя, тётка Таня (вдова Петра Никифоровича) – в новом доме Михаила и Галины. Гостям всё нравится. Разглядывают и щупают белые занавески на окнах с цветочной вышивкой, тюлевые шторы до пола... Надя, глядя на боковые створки зеркала-трельяжа с красиво наброшенными на них газовыми косынками разной расцветки (зелёная и голубая), не может сдержаться от подковырок:

-Голь на выдумку хитра!

Елизавета Гавриловна тоже внимательно осматривается:

-Ты смотри-ка, каку красотишу навели! Ну, Михаил, не знала, что ты у меня такой хозяйственный! – с гордостью произносит мать.

Галина стоит у стола обескураженная. Михаил замечает это и сглаживает:

-Мам, ты Галку лутче похвали, она тут всё напридумывала, - и показывает на трюмо, где на боковых створках красиво висят те самые две газовые косынки.

-Молодцы обои, - успевает похвалить Елизавета Гавриловна.

-За хорошим мужем и свинка – госпо-

динка, - не стесняясь, произносит Надя.

Михаил, осуждающе глянув на младшую сестру, обнимает жену за плечи:

-Не обижайся, это она так...

А Галина кое-как выдавливает:

-Разве я могу теперь обижаться? – подчёркивает она слово «теперь».

-Живите в мире и согласье, - наказывает Михаилу и Галине Елизавета Гавриловна. – Дом он какой отгрохали, вся обстановка нова, само главно – дочка у вас растёт, а дальше и сыновья пойдут, дай-то бог. Старайтесь сызнова жить дружно, не обижать друг друга почём зря, а то потом ить аукнется...

Через несколько дней. Галина спешит к детскому саду с дочкой на руках, открывая входную дверь.

Раздевалка детских яслей с родителями и детьми. Галина по-быстрому снимает с дочки демисезонное пальтишко.

-Баба Пана, - обращается она к пожилой, толстой няне, - принимай мою доченьку.

-А-а, - добродушная баба Пана отвлекается от других ребятишек. И ласково протягивает к Рите руки: - Иди-иди, моя красавица. Вся на отца похожа – вылитая вотяковска порода.

-Вечером пораньше свекровка заберёт, - Галина передаёт дочку на руки няни.

Под вечер того же дня. Михаил на автомашине ГАЗ-51, груженной зерном, заезжает на большие весы-платформу зернового склада. Весовщик, седой мужчина в очках, взвешивает, передвигая гирьки весов-платформы туда-сюда. Слышится телефонный зуммер и весовщик отвлекается, спешит в будку, там берёт трубку массивного, «сталинского» телефона:

-Да, это я, - слушает, что ему говорят в трубке. - Последняя машина на весах, – снова слушает. - Да, сводку подготовлю и сразу позовю. Что говорите? Плохо чё-то слышно...

Михаил терпеливо ждёт в кабине.

В это время трое мужиков кидают на складе зерно совковыми лопатами. Один, чуть покачнувшись, останавливается:

-Хорош! - отставляет он свою лопату в сторону. - Намолотился за день. Бывайте, мужики. – И нетвёрдою походкой направляется к выходу склада. На территории

складов видно, что сапоги его скользят по грязи. Подходит к весам-платформе, на которых всё ещё стоит машина Михаила, ожидающая весовщика. Свистнув, мужик кричит разговаривающему по телефону весовщику:

-Захарыч, я пройду?!

Тот в ответ машинально машет рукой, мол, проходи, не отвлекай.

Мужик идёт «по стеночке», мимо машины, в кабине которой сидит Михаил. Поправившись с кабиной:

-Здорово, Михайло! Какой рейс?

-Не щитал.

Весовщик, повесив трубку, кричит Михаилу:

-Я записал – проезжай!

-А-а, ну давай, - развязно машет рукой чуть подвыпивший мужик и не спеша, по «стеночке», продолжает путь дальше.

Михаил заводит машину, смотрит в боковое зеркало и, видя, что односельчанин идёт ровно, трогается. И в это время кирзовые сапоги мужика скользят, одна нога оказывается под задним колесом. Отчаянный крик пострадавшего: «Стой!» Михаил изо всех сил давит на педаль тормоза.

В детском садике Елизавета Гавриловна одевает внучку. Рядом вздыхает няня - баба Пана:

-Это ж надо!..

-Те-то кто сказал? – Елизавета Гавриловна сильно расстроена.

-Да кака разница, Лина моя дорога! Народу вокруг полно, сразу разнеслося! Этот паразит заявление уж в милицию накатал.

Елизавета Гавриловна надевает на голову внучки вязаную шапочку.

-Этот пьяница везде подлезет! – продолжает рассуждать баба Пана. - Иму чё – гипс наложили и заживёт как на собаке, а твоёва Миньку могут утартать годика на три.

-Типун те на язык, Панька! Мелешь чё попало!

-Ох, Гавриловна, не серчай, столь годков друг дружку знам. Мужиков наших в один год побило, о детях одни переживанья, - последние слова баба Пана говорит уже вслед Елизавете Гавриловне, когда та оказывается с внучкой на руках у выхода.

На пороге Елизавета Гавриловна оборачивается:

-Ты хоть не болтай лишнего-то, Пана!

-Да ты чё, Лина! Главно, грят, он выпимши был.

-Хто?

-А хто его знат! Может, покалеченный, а может... кто другой, - лукаво разводит руками баба Пана.

-Кака была в Шаманово... сплетница!

Михаил на допросе в обшарпанном кабинете районной прокуратуры. Сидит за столом напротив пожилого следователя. Следователь с орденскими планками на тёмно-синем пиджаке перебирает на столе документы. Читает себе под нос:

-Характеристика на Протасова Михаила Иннокентьевича, 1935 года рождения... - дальше читает про себя, еле шевеля губами. Дочитывает, снимает очки, пристально смотрит на присмиревшего Михаила: - Характеристика с работы положительная. Но статья от тебя никуда не уходит. Человека ты покалечил, хоть и неумышленно. И твоё счастье, что свидетели подтвердили: потерпевший в тот день выпивал, а вот ты был абсолютно трезвым. Как стёклышко - это тоже подтвердили в совхозе.

Михаил молчит, внимательно слушает. Следователь толково разъясняет дальше:

-До суда пробудешь дома. Веди себя примерно. Не дай бог, что натворишь – усугубишь дело. А так, думаю, только год условно получишь, - следователь делает акцент на слове «условно». В суд вызовут повесткой недели через две-три. Тянуть нечего, тут всё понятно.

После допроса. Михаил въезжает на территорию совхозного гаража на ГАЗ-51. Выходит из кабин. Встречающиеся на пути шоферы смотрят на него настороженно, машинально кивают головами. Подходит дружок детства Лёня Каймонов:

-Отпустили?

-А ты думал, я уже баланду на нарах хлебаю, - не подав руки на протянутую ладонь, недружелюбно бросает в ответ Михаил.

-Да ты чё? Брось обижаться! – недоумевает Лёня Каймонов.

Михаил проходит мимо и направляется к диспетчерской. Заходит и застает такую картину: завгар Григорий Максимович снимает с Доски почёта его фотографию.

-А не рановато, Максимыч? Вроде я по-

куда не за решёткой, - с обидой говорит Михаил.

Молодая диспетчерша Раиска поднимает голову от путёвок, ждёт, что завгар ответит. А тот прячет фотографию в свой нагрудный карман:

-Пусь покамесь полежит. Сохраннее будет.

Михаил подходит к Раиске. Хорохорясь, напевает по-бллатному:

-Позабыт-пазброшен... - И, неожиданно, похлопывая себя по груди, будто собирается цыганочку сплясать, выпаливает: - Абара!

Раиска прыскает от смеха, а стоящий рядом завгар осуждающе качает головой.

У здания нарсуда, расположенного в райцентре, где находится знакомый нам по предыдущему эпизоду военкомат, стоит Михаил - в окружении родных: матери, жены, сестры Нади. Мать подаёт Михаилу что-то в горсти:

-Бери, это мак. Как зайдёшь к судье, сразу незаметно бросай себе под ноги и три раза повторяй про себя: «Как вам мак не собрать, так вам мне не отказать».

-Придумаете тоже... - Михаил неохотно берёт мак и сует его в боковой карман брюк.

-Слушай, Миня, чё мать говорит, - поддерживает свекровь Галина.

-И главно - не вздумай с судьёй спорить, - завершает наставления сестра Надя.

В мрачном зале районного суда средних лет судья-женщина зачитывает окончание приговора:

-...Гражданину Протасову Михаилу Иннокентьевичу назначить меру наказания в виде лишения свободы сроком на один год - условно.

Напряжённые доселе лица Михаила и родственников преображаются. Елизавета Гавриловна вытирает носовым платком слёзы. Улыбаясь, Галина глядит на пострадавшего односельчанина. Тот тоже вздыхает с облегчением. Он уже без гипса, но пока с одним костылём.

Возвращаются с суда. В кузове ГАЗ-51 - сестра Надя и пострадавший односельчанин. За рулём автомашины - Михаил, рядом в кабине - жена Галина с Елизаветой Гавриловной.

Все молчат. На лицах - спокойная радость. И тут Галина насмеливается:

-В столовой место кассира освободилось. Меня зовут туда работать. Может, и заведующей сразу поставят. Старая увольняется, а у меня как-никак образование.

Елизавета Гавриловна бросает неодобрительный взгляд на невестку. Михаил молчит, он находится ещё под впечатлением гуманного решения суда и сразу не придаёт значения словам жены. А когда понимает смысл сказанных слов, то бросает:

-Чё придумала! Те и в магазине неплохо.

Глава 13 Обкомовские гости и семейный разлад

Вскоре после разговора в кабине. Просторная столовая совхоза. Очередь работаяг у стойки-раздачи. Две поварихи едва успевают наливать и накладывать первое и второе в тарелки. За отдельным столом возле стойки-раздачи сидит Галина и считает общую сумму блюд на деревянных счётах.

-Девять рублей ровно с тебя, Иван Матвеич, - говорит она мужчине лет 48-50.

-Это по-старому или по-новому?

-По-старому, конечно, новые деньги же пока не в ходу.

-А-а-а... Точно. Покамесь вроде тока постановленье в «Правде» напечатали, - отсчитывает нужную сумму Иван Матвеевич. - От, без сдачи.

И тут к раздаче подходит директор совхоза - представительный мужчина (35-37 лет) - в наглаженной чистой одежде и начищенных ботинках.

-Чем кормим, девчата? - интересуется директор.

-Голодным не оставим, товарищ директор, - бойко отвечает одна из поварих

- Дина-уркаганка, ярко накрашенная, худощавая женщина-брюнетка неопределённого возраста.

-Покамесь никто не жаловался, - не теряется и другая, средних лет повариха, сноровисто наливая аппетитный борщ в глубокую тарелку.

-Что есть будем, Борис Фёдорович? - спрашивает Дина-уркаганка, кокетливо поправляя поварской колпак на голове.

-А что дадите! - весело отвечает Борис Фёдорович.

Галина, слыша, как повариха бойко разговаривает с директором, оглядывается на него.

С полным подносом подходит он к Галине. Ставит поднос на стол, достаёт из внутреннего кармана купюры, и... тут они встречаются глазами. Заминка.

-Это Вы новая заведующая столовой? – чуть волнуясь, спрашивает директор. Бравада его тает на глазах.

-Я, а что? – едва сдерживая волнение, серьёзно отвечает Галина. – Я первый день всего, так что пока и за кассира.

-На днях в совхоз приедут проверяющие из обкома партии, надо бы посолиднее их обслужить.

-Проверяете, вкусно ли сможем накормить? – кивает Галина на блюда директора, подсчитывая их сумму. - С Вас десять рублей и тридцать копеек.

-Держите «сталинскую портянку», – протягивает большую купюру достоинством в десять рублей директор, - и вот ещё мелочь. Вопросы ко мне будут? Может, чем помочь столовой надо?

-Не откажемся. Нам бы своё небольшое овощехранилище построить, а то даже картошку негде хранить.

-Сделаем, если надо для дела, завтра же двух рабочих отправлю, покажите им всё на месте, – не отрывая глаз от миловидного лица Галины, обещает Борис Фёдорович.

Через несколько дней. На кухне столовой суматоха.

-Ой, девчата, не опозориться бы, - волнуется Галина, пробуя из кастрюли её содержимое.

-Как, Николаевна? – спрашивает Галину Дина-уркаганка.

-Да вроде вкусно.

-Понравится – куда они денутся. Такой гуляш им и дома-то никто не приготовит, - не сомневается Дина-уркаганка.

-И котлеты, девки, получились пышные, сочные. Я в фарш немного манки добавила, да луку не пожалела. Должны нам благодарность записать в жалобную книгу, - переворачивая котлеты на сковороде, говорит средних лет вторая повариха.

-Ага, догонят и ещё раз запишут, - подводит черту в разговоре Галина.

...В обеденный зал совхозной столовой степенно входят несколько представительных мужчин в шляпах и элегантных паль-

то. Это проверяющие из области. Они осматриваются.

-Здравствуйте, хозяюшки! – за всех отдувается старший в этой делегации.

-Здрасьте! Проходите! – почти одновременно отвечают Дина-уркаганка и Галина.

Обкомовские товарищи моют руки – Дина-уркаганка поливает им воду над тазиком прямо из ковшика, а Галина подаёт белое вафельное полотенце. Директор совхоза Борис Фёдорович приветливо приглашает:

-Прошу всех за стол! Чем богаты...

Галина и две поварихи обслуживают гостей: приносят новые бутылки водки, свежие блюда, уносят пустые бутылки и тарелки. За длинным столом идёт заинтересованный разговор.

-Тебе, Борис Фёдрыч, надо на будущий год взять повышенные социалистические обязательства. Все условия для их выполнения в совхозе есть, - не спеша говорит тот самый «старший» - чувствуется, опытнейший кадровый обкомовский работник.

-Только ты механизации уделяй особое внимание, - более энергично добавляет другой гость из области. - Без техники далеко не уедешь. Особенно сейчас. Комбайнов для уборки зерновых у тебя маловато... Наращивай и наращивай механизацию, не останавливайся! А мы поможем – обращайся, если трудности возникнут с сельхозтехникой.

Трапеза проходит в деловом русле. Но всё же без шуток не обходится. Один из членов комиссии рассказывает анекдот. Слышим только его окончание:

-...хозяйка – б..., котлеты ваши - из копиньи, видал в гробу я ваши именины.

Вокруг все хохочут.

-А вот ещё, - продолжает этот же рассказчик. – В океане встречаются две рыбы. Белуга мимо: «Здравствуй, любимец народа!» В ответ: «Привет, обкомовская б..!»

Смех вокруг ещё больше.

Неожиданно зевнув, едва успев прикрыть рот, опытный кадровый обкомовец вдруг просит:

-Хоть бы кто песню спел.

Борис Фёдорович почти влетает на кухню:

-Галина Николаевна, выручай! Гости песню просят. Спой, а? Мне Дина твоя подсказала...

-Да какая из меня артистка! – испугавшись предложения директора совхоза, отвечает Галина, положив на тарелку две котлетки.

-Да ты ж поёшь замечательно, - уже на «ты» настаивает Борис Фёдорович.

-Так гитары нет с собой, - пытается отвязаться Галина.

-Спляши тогда! – нагло не отстаёт Борис Фёдорович, пытаясь ухватить молодую женщину за локоток.

-Больше ничего придумать не могли?! – отстраняется от приставаний Галина.

Под одобрительные возгласы обкомовских гостей Галина стройными ножками в модных туфлях артистично отплывается дроби и «лесенку» назад. Захмелевшие гости в восторге аплодируют. Галина с чувством исполненного долга, разгорячённая, кланяется и хочет быстрее уйти, но когда проходит мимо стола, то тот самый опытный кадровый обкомовский работник ловко перехватывает её за руку и, облизывая полные губы, громко говорит через стол Борису Фёдоровичу, кивая на Галину:

-А ты здесь неплохо устроился, Борис. Красиво жить не запретишь...

Вокруг смеются.

-Скажите тоже, Игорь Петрович, - улыбается Борис Фёдорович.

Смузённая Галина высвобождает руку и быстро уходит.

-Эх, был бы я на двадцать лет моложе, - вздыхает Игорь Петрович, подмигивая сидящему напротив коллеге.

За Галиной спешит Борис Фёдорович, чуть не сбивая с ног повариху Дину-уркаганку. Догоняет в подсобке молодую женщину:

-Галина! – сильно прижимает её к себе, та не успевает увернуться, и он нахально, взасос целует её в губы.

В это же самое время. Осенняя уборочная страда. Михаил за штурвалом комбайна. Напряжённое лицо трудяги. Впереди – огромный лоскут нескошеной ржи. Рядом идёт грузовая автомашинка, в кузов которой из бункера комбайна сыплется обмолоченное зерно. Михаил вытирает пот со лба и глаз.

И представляет себя (картинка) за рычагами танка, гусеницы которого «утяжат» немцев, только что вылезших из

своего горящего «Тигра». В танке рядом с Михаилом – отец (мы видим его таким, какой он уходил на фронт, только уже в танкистском шлеме и чёрном комбинезоне), он кричит сыну:

-Дави их, сынок! Дави!

Михаил устало открывает глаза. И нет уже рядом отца, впереди – снова жёлтая рожь. А по чёрным от копоти щекам текут слёзы:

-Отец... – едва слышно произносит он.

Вечером после произошедшего в столовой. Галина в доме матери, Марии Прокопьевны, сидит возле заснувшей на кровати дочки. Потом появляется на кухне.

-Пойду домой, а то всё равно начнёт искать, - озабоченно произносит она.

-Ой-ёшеньки, хоть бы все живы остались, - тревожится Мария Прокопьевна, убирая кухонную утварь в шкаф-буфет. – И зачем ты тока в эту столовую устроилась! Соседка Капа перед тобой заходила, так говорит, что донесли уже твоёму Миньке. Хорошо, что корову было кому подоить. Надька у них хоть и вредная, а всегда выручит, если чё...

-Во-во, она и рассказала Миньке.

-А ей кто?

-Динка-уркаганка, кто же... Они вроде задружили с Надькой.

-Успели када-то, паразитки!

После короткого молчания Галина идёт к вешалке и тихо повторяет услышанные из уст обкомовского Игоря Петровича фразу:

-Красиво жить не запретишь.

-О как! Первый раз тако слышу, чё-то новенько, - Мария Прокопьевна пристально смотрит на дочь, надевающую демисезонное пальто и модные лакированные туфли, в которых недавно отплывала в столовой.

-Как в туфлях-то добежишь?

-В октябре-то чё не добежать, не снег же на улице.

-Будь там поосторожней, не связывайся. Если чё – беги назад. Да и не ходила бы совсем, обязательно, чё ли?

-Пойду, а то хуже будет.

-В новом костюмчике Риточку в садик завтра вести? И так вроде сёдня не замаралась...

-В новом отведи.

Дом Протасовых в темноте, вид с улицы. Галина нерешительно стоит возле калитки, затем всё-таки отворяет её. Медленно идёт по ограде. Собравшись с духом, входит в дом. А ей навстречу бросается разъярённый пьяный муж с кулаками:

-Наплясалась!?

Галина бросается к двери. Выбегает в ограду. Едва успевает захлопнуть за собой калитку, как в них с силой врезается топор – Михаил бросает его с размаху вдогонку.

На улице возле забора лежит неровная куча брёвен. Галина подлезает сбоку под верхние брёвна и приседает на корточки – прячется.

Михаил выскакивает на улицу, осматривается и быстро направляется к соседям напротив – бабе Даше и деду Ивану.

Галина, видя, что муж скрывается в ограде соседей, убегает в другую сторону.

На крылечке сидят дед Иван и Михаил. Дед Иван в белых подштанниках и такой же нательной сорочке, на плечи наброшена телогрейка. Он недоволен поздним приходом Михаила, но терпит такое положение, курит папиросу и успокаивает разгорячённого соседа:

-Нет, ты пошто не веришь, что у нас иё нету? Странный ты человек, Миня...

-А где ей быть? К матери она не успела бы убежать... Я в улице никого не видел... Скажи, я пальцем Гальку не трону. Тока пусь дома ночует, а, деда Ваня?

-Ей-богу, ты миня прям удивляшь!.. – всё больше раздражается дед Иван. - Ишо построились напротив нас... То за стенкой вас наблюдали, а теперь через дорогу концерты по заявкам...

-А баба Даша дома? – о чём-то догадавшись, недослушивает деда Михаил.

-В больнице сёдни дежурит, тока завтра припрётся.

-В больнице? – переспрашивает Михаил. – Ладно, тада я пошёл, - встаёт и идёт к калитке.

Дед Иван поднимается со ступенек крыльца и чуть виновато произносит соседу вдогонку:

-Миня, ты на седьмо ноября приходи, я самогонки выгоню.

Стол в больничном коридоре. На нём горит настольная лампа. За столом сидят баба Даша, напротив – Галина. Баба Даша

гадает ей на картах, очки с толстыми линзами съехали на кончик носа.

-Откуль-то король взялся, - удивляется гадалка. – Ну... этот, понятно дело, твой Миня – червовый, а этот – крестовый... Да с каким-то интересом к те. Не пойму я, девка, не пойму... - рассуждает как бы про себя баба Даша, а сама испытывающе смотрит на притихшую Галину.

Раздаётся требовательный стук во входную дверь больницы.

-Каво это нелёгка принесла? Езли больной какой, то придётся из дому врача вызывать, - баба Даша семенит к двери. - Кто там?!

В дверь опять сильно стучат.

-Кто, спрашиваю?!

Михаил с другой стороны двери:

-Свои!

-Свои все дома! – так же громко отвечает со своей стороны двери баба Даша. - Твой вроде, - испуганно шепчет она подошедшей Галине. - Не откроем – дверь вышибет. Спрячься в бытовой!

Едва Галина убегает по коридору в самую дальнюю комнату, как баба Даша сбрасывает крюк с двери.

На пороге взъерошенный Михаил:

-Здесь Галька?

-Нету её здеся!

-Говори, баб Даша, а то сам найду – плохо обоим будет, - предупреждает Михаил.

-А ты чё тут угрожать вздумал?! Тут иль государственно учрежденье, а не проходной двор. Выметайся подобру-поздорову! – наступает баба Даша от страха.

Но Михаил уже не слушает её: быстро идёт по коридору, заглядывает в первую палату – женскую. Там только две старушки лежат:

-С богом, с богом, мил человек, - испуганно машет сухонькой ручонкой проснувшаяся от шума древняя бабулька, указывая Михаилу на дверь.

Михаил заходит в другую палату – мужскую, а там паренёк с перебинтованной головой да дряхлый старичок. Следом заходит и баба Даша:

-Уходи с миром, Михаил. Сичас шум подымется – медсестра с того краю прибежит...

-Ладно, пошёл домой, - вроде уже миролюбиво соглашается Михаил и выходит из палаты.

А баба Даша задерживается у постели не спящего подростка:

-Сильно болит голова?

-Не очень.

-И как тя угораздило! Мать-то уже приходила в больницу?

-Приходила.

-А-а, ну ладно, спи, не обращай внимания на наш «концерт».

И слышит в этот момент душераздирающие крики Галины. Спешит из палаты к бытовой комнате, подбегает к двери, она заперта.

-Минька, открой, паразит! - изо всех сил баба Даша дёргает за ручку двери, пытаясь её открыть. - Сейчас на помочь мужиков позову! - грозит она и с досады машет рукой.

Подбегает встревоженная дежурная медсестра:

-Чё случилось?

-Да! Дело семейное, - спешит успокоить баба Даша.

В этот момент дверь бытовой комнаты распахивается. Выходит сам не свой Михаил, направляется к выходу из больницы.

Женщины быстро входят в бытовую комнату и видят, что на полу клубком лежит плачущая Галина, она поворачивается лицом к вошедшим: под глазом опухоль, а на щеке видны ссадины...

Баба Даша, обнимая Галину за плечи, возмущённо охает:

-От, паразит, чё натворил!..

-Вы зачем впустили постороннего? – строго начинает медсестра средних лет.

-А дверь вышиб – лутче б было? – не теряется мудрая баба Даша.

Михаил, вернувшись из больницы домой, достаёт из-под сиденья машины, стоявшей в ограде, припрятанную бутылку водки, срывает зубами алюминиевую крышку-закупорку, отпивает из горла, ставит на подножку машины. Затем открывает задний борт кузова и уходит вглубь двора. Через несколько секунд возвращается с досками, приставляет их к открытому сзади кузову. Снова идёт в тёмный угол двора, откуда выкатывает металлическую бочку и начинает закатывать её в кузов по доскам-«лёткам», приговаривая:

-До Анадыря бензина хватит, однаха! Абара!

...По тёмным улицам села Ключи с включёнными фарами гоняет ГАЗ-51. Во

дворах начинают лаять собаки. В одном окне дома, а потом и в другом зажигается свет. Отдёрнув шторку, какой-то старик всматривается в улицу: кто там так поздно разъездился?

Над ночным селом валит и валит густой снег. ГАЗ-51 замедляет ход, останавливается. Михаил сидит в кабине машины, глушит мотор, обхватывает руль руками, кладёт на него голову, тяжело вздыхает:

-Абара...

На другой день. На улицах лежит первый снег. Возле закрытых ворот дома Протасовых стоят сани. Видно, что в них лежат несколько узлов. Возле саней, переминаясь с ноги на ногу, покуривают дед Иван и Адам Егорович.

-И чё молодым не живётся в мире и соглась? А, Иван? – сокрушается Адам Егорович.

-Да хто поймёт, чё им надо...

-Мы-то тожа в молодости не лутче были, вспомни, Иван, - признаётся Адам Егорович.

-Да-а-а... Всяко бывало, чё греха таить.

Из открытой калитки выходят с оставшимися узлами друг за другом баба Даша и Галина, на лице которой видим припуренный синяк под глазом. Она закрывает за собой калитку. Женщины грузят свои ноши в сани. Дед Иван:

-Последне? Аль ишо чё забыли?

-Всё, - отрешённо отвечает Галина, пристраивая в санях большой узел. - Спасибо, соседи, чтобы я без вас делала, - Галина забирается в сани.

-Всегда поможем, Галя. Обращайся, - с пониманием отвечает баба Даша.

-Чё Миньке-то передать, езли искать начнёт? – на всякий случай интересуется дед Иван.

-Ничё не говорите, будто и не знаете. Ему и без вас доложат. Спасибо ещё раз за всё! Поехали, Адам Егорыч!

Извозчик не спеша берёт вожжи в руки и произносит привычное:

-Но-о-о, пошла!

Сани трогаются. Адам Егорович, немного пройдя рядом с санями, пристраивается возле узлов сбоку.

-Успели хоть погрузиться, а то, не приведи господь, Минька б застал – прибил чего доброго, - глядя на удаляющиеся сани, с тревогой в голосе говорит баба Даша.

-И нас заодно – как пособников, - добавляет дед Иван.

Галина едет в санях, придерживая одной рукой зеркало-трельяж с закрытыми боковыми створками, другой – один из узлов. На пути попадаются односельчане, провожая её – кто удивлённым, а кто сочувствующим взглядом. Галина ни на кого не обращает внимания, у неё словно застывшее лицо.

Через неделю. Над входом в сельский клуб висит транспарант: «Да здравствует 43-я годовщина Великого Октября!» Односельчане – кто поодиночке, а кто компанией – спешат в клуб.

…На клубной сцене проходит вручение почётных грамот передовикам сельского хозяйства. В зрительном зале – парадно одетые рабочие и работницы совхоза. Во втором ряду – Галина с матерью, в первом, с краю, – Михаил: в чистой расстёгнутой телогрейке, надетой на голубую рубаху. Он мнёт в руках зимнюю шапку, озираясь по сторонам. Видно, что пришёл в клуб с неохотой.

Директор совхоза Борис Фёдорович зачитывает с трибуны:

-За высокие показатели в социалистическом соревновании почётной грамотой и денежной премией награждается также механизатор-комбайнёр Протасов Михаил Иннокентьевич.

Односельчане искренне аплодируют Михаилу. Тот встает со своего места, бросает на сиденье шапку и выходит на сцену. А когда берёт из рук директора совхоза грамоту, то недружелюбно смотрит на него. Борис Фёдорович, не глядя на Михаила, привычно протягивает для рукопожатия ладонь, но Михаил не отвечает взаимностью. На этом пока и расходятся.

Галина и её мать, Мария Прокопьевна, напряжённо наблюдают за моментом вручения грамоты. Слава богу, обходится без скандала, и обе облегчённо вздыхают.

Глава 14

Попытка примирения

Зима 1961 года.

Сугробные улицы села Ключи.

Галина с матерью в её доме пекут хлеб.

Мария Прокопьевна на деревянной лопате несёт круглое по форме тесто к русской

печи и аккуратно кладёт его к другим хлебным заготовкам на специальный противень, который задвигает в русскую печь. Садится передохнуть:

-Лишь бы не прокараулили хлеб... А Минька твой - дурак! – продолжает она начатый разговор. – Горбатого, видно, тока могила исправит.

-Меня это уже не касается, - отвечает Галина, аккуратно раскладывая уже выпеченный хлеб на чистом вафельном полотенце, а затем прикрывая его таким же.

-Опять же, как на иво посмотреть, - рассуждает Мария Прокопьевна. - Он ведь весь пошёл в своёва дедушку Ганю родимого, в Гаврилу Ильича. Кровь ить не водица. Тот, бывало, мне бабы рассказывали, как чуть чё ни по нём, да ишо и подопьёт, за-прягал тройку лошадей – и-и-и... - Мария Прокопьевна показывает рукой вперёд, - по деревне вдоль и поперёк... Куражился! Дня три, а то и с неделю прихватывал. А потом снова впрягался в работу: тут уж никто иво догнать не мог. Иной раз подолгу в рот ни капли не брал, а потом снова отпускал вожжи... Чё поделать – натура у человека така!

-И не уговаривай – не вернусь к нему. Не хочу всю жизнь синяки носить.

-А мне чё, дело ваше – молодое. Милые бранятся...

-Это ни про нас, - не даёт досказать Галина.

-Ой, доча! – вздыхает мать. - Как ни крути, а ребёнку родной отец нужен, чужие-то ребятишки никому не нужны. Проверено на сто рядов!

Несколько секунд женщины молчат.

-Весь в дедушку Ганю! – опять начала уговаривать мать. - Гаврила Ильич его звали...

-Ты уж говорила...

- Так от... Он приходится отцом твоей свекрови. Говорели, что двухэтажный дом в центре Шаманово, где сельсовет был, принадлежал этому Гавриле. Они при царе-батюшке-то справно жили, не то что мои отец с матерью – по ссылкам да по каторгам...

-А ты своих отца с матерью помнишь?

-Я ж вам в детстве рассказывала...

-Ну ещё раз скажи, может, чё новенько-го вспомнишь.

-А чё тут – никаких тайн. Отец был из ссыльных, тут их раньше полно было,

даже одно время в Александровском централе сидел, это недалеко от Иркутска, там самого Дзержинского встречал.

-Это ты не говорила нам.

-Потом вышел на поселение, познакомился с моей матерью. Я родилась недоношенной, кой-как выходили. Потом и Аркадия соорудили. Он не родился, а отец уже помер от чахотки. Тут революция... Вскоре мама сгорела от тифа, нас в детский дом с Аркашой забрали. Я подросла - направили учиться в сельскохозяйственную школу, там и с вашим отцом встретилась, царствие ему небесное. Руку на меня сроду не подымал, жалел сироту.

Мария Прокопьевна замолчала, вытерла навернувшиеся слёзы уголком кухонного фартука, потом продолжила обычным тоном:

-Были бы ранешни времена, так выходит, что ты за внука кулака замуж-то вышла. Как коммуну в двадцатых стали создавать, дом этот у их и реквизировали. А кто говорит, что сами отдали, во что я нешибко-то верю... Гаврилы этого и его жены к тому времени, однако, уже не было. И приспособили этаки хоромы под сельсовет, потом колхозное правление поселилось, это ты знаешь. Одно время на втором этаже милиция располагалась, ты не помнишь, маленька совсем была, после войны её в Покосное перевели, участкового тока оставили.

-Дом забрали, а их куда - на улицу? - перебивает рассказ матери Галина.

-Они себе поменьше домишкы подыскали, тут заброшены каки-то стояли. Но не помогло, всё равно раскулачили. Говорят, лошадей у их много было. Их отправляли в ссылку, а мы как раз в Шаманово с вашим отцом и Юркой, годик ему всего был, в село заехали по разнарядке райкома партии. Это было перед посевной в тридцать третьем году. По дороге даже переговорили накоротке, кажись, со старшим братом твоей свекрови. Он нам успел совет дать, в како время рожь садить. Мы-то, городские, посмеялись над мужиком, а вскоре убедились, что он правильно нам подсказывал. Слух потом прошёл, что передвойной всех этих кулаков расстреляли как врагов народа. Времечко тако было - сильно строго! Хорошо, что мы с вашим отцом бедными оказались, а то бы и нас подмели. А чё с ихними жёнами да детишкам - ни-

кто толком не знат, а Гавриловну я чё-то не спрашивала.

-А дети-то при чём?

-Ой, лучше б я ничё не говорила... Ты помалкивай об этом, а то мало ли чё...

-Арестуют, что ли?

-А ты как думала, могут и арестовать,

-не на шутку тревожится Мария Прокопьевна.

-Ладно, ты мне ничё не говорила, а я ничё не слышала, - обещает Галина.

-То-то и оно, доча.

На другой день. Михаил с дружком Лёней Каймоновым в зимней рабочей одежде (шапки-ушанки с кожаным верхом, чёрные валенки с загнутыми голенищами, ватные штаны и телогрейки, подпоясаные армейскими ремнями) стоят у забора совхозной столовой, возле своих грузовых ГАЗ-51. Курят.

-По личному опыту знаю, все бабы - одинаковы. Стряпывают из себя много, а самим лишь бы хвостом крутить туда-сюда, - показывает рукой вправо-влево Лёня Каймонов.

Михаил помалкивает. В это время из столовой выходит Галина. Мужики, как по команде, бросают папиросы.

Дружок засматривается на чужую жену и уже другим, дружелюбным тоном приветствует приближающуюся Галину:

-Здравствуй, Галя! Как дела? Контора пишет?

-Котлеты стряпаются, - снисходительно роняет Галина, поравнявшись с Михаилом и его дружком.

Михаил стоит по «струнке», ждёт, что скажет ему Галина. А она, проходя мимо, нарочно не глядит на него.

Дружок смотрит ей вслед, восхищаясь лёгкой походкой, а Михаил - с горечью и обидой.

Вскоре. К дому Марии Прокопьевны подходит Михаил с матерью. Осторожно открывают калитку ворот. Заливистым лаем их встречает пёс на цепи.

-Верный, Верный! Не узнал? - Михаил пытается расположить к себе пса.

Пёс умолкает, завиляв хвостом.

Входят в дом:

-Разрешите? - громко спрашивает с порога Елизавета Гавриловна.

-Проходите, проходите, - осторожно приглашает гостей вышедшая из кухни удивлённая Мария Прокопьевна. За ней выходит и внучка Риточка, ей на вид чуть больше года.

Увидев гостей, девочка смущённо прячется за Марией Прокопьевной.

-Риточка! Иди-ка к бабуне, - протягивает руки навстречу внучке Елизавета Гавриловна.

-Ей надо привыкнуть, месяца полтора вас не видела - отвыкла.

-Да мы бы раньше пришли, так Галина не велела, - пытается оправдаться Елизавета Гавриловна.

-А вы её не встретили, что ли? Она от тока за водой в баню вышла. Счас вернётся, проходите пока, раздевайтесь...

Сняв выходную ватную телогрейку, Михаил достаёт из её кармана расписную куклу-матрёшку и подходит к дочке:

-На, дочка, играй.

Рита с осторожностью принимает подарок отца и молчит, потому что говорить пока не начала.

-От так открутишь, - Михаил откручивает верхнюю часть, - а тут другая матрёшка, - показывает он дочке игрушку. Та с интересом смотрит.

-Внученька моя любимая, - обнимает Риту Елизавета Гавриловна и кладёт ей в ладошку несколько конфет, - держи крепче. Придёшь к бабуне в гости? С мамой вместе приходите.

...На стене потикивают часы с кукушкой. С русской печки на все происходящее в доме смотрит серой масти кот.

В разных углах дивана в большой комнате-зале молча сидят непреклонная Галина и виноватый Михаил. Елизавета Гавриловна с Марией Прокопьевной перешёптываются на кухне:

-Ночи не спит, - тихо говорит Елизавета Гавриловна.

-Хоть бы сладилось у их, - также тихо отвечает Мария Прокопьевна, - пойдём в зал, сватья, - и несёт закуску в тарелках в зал. На правах хозяйки она приглашает всех за круглый стол, накрытый почти новой скатертью-клёёнкой. - Садитесь за стол, пообедам вместе.

-Садись, поешь, зятёк, - недружелюбно и специально громко говорит Галина Михаилу. - Небось, оголодал на холостяцких то харчах?

И тут Михаил неожиданно для всех опускается перед ней на колени, беря Галину за руку:

-Прости, Галя, если можешь! Мне пить совсем нельзя - дурак дураком...

-Да вроде не такой уж пьяный был, когда за мной с топором гнался, - высвобождая руку, напоминает дурное Галина.

-Не помню я! Говорю же, дурак! - Михаил встаёт с колен и садится рядом с Галиной на диван.

-А-а-а, память сразу отшибло! - не сдаётся Галина.

-Чё старое вспоминать! Давай лучше мириться, дочь у нас растёт...

-Знаешь, что я скажу: пьяница проспится, а дурак - никогда, - Галина резко встаёт и сквозь слёзы переходит на крик: - И не приходи больше! Я уеду к сестре, в город, а ты тут живи, как хочешь!..

-Галя, да я пить совсем бросил! - оправдывается Михаил. - С осени не живём вместе, пора бы сходиться, а? Чё врозь-то жить, людей тока смешить...

Мария Прокопьевна и Елизавета Гавриловна с укором слушают слова молодых.

-От так у вас и идёт: один - задириха, другой - неспустиха, - не выдерживает Мария Прокопьевна.

-Не говори, Маша. Мало ли чё по молодости бывает? У многих так поначалу, а потом, глядишь, и жить стали мирно, - Елизавета Гавриловна с тревогой наблюдает, как сын угремо подходит к вешалке, кое-как натягивает на себя телогрейку.

-Постой, Михаил, не посидели, как следует, - пытается остановить зятя возвращенная Мария Прокопьевна и кивает Галине на мужа, мол, остановливай, а то уйдёт.

Михаил, не оглядываясь, машет рукой, мол, всё бесполезно. И выходит из избы.

-Не сердись, сватья, и ты, Галя, на нас зла не держи, - просит Елизавета Гавриловна, вставая из-за стола. - А ты, внученька, приходи к бабуне, я блинов напеку, - обнимает она внучку и целует её в щёку. - С мамой приходите и с бабой Марусей.

Во дворе Михаил безучастно проходит мимо ласково виляющего хвостом пса.

На улице Елизавета Гавриловна торопится за сыном. Догнав, просит:

-Не иди так шибко, а то я запыхалась...

- И пытается на ходу подбодрить сына:

- С первого раза мало у каво получатся. Бабы любят, када их уговаривают... И гроши ценя, езли б сразу простила. Тепери от ходи – добивайся.

-Не собираюсь я уговаривать: не хочет – не надо. Полутче найду – девок и баб, чё ли, мало в деревне? Как собак нерезаных, тока свистни.

-Ерунду мелишь!

-«В город уеду», - передразнивает Михаил Галину. – Да езжай! – Поворачивается в сторону дома Марии Прокопьевны: – Ждали тя там!

-Думать надоть было раньче, а тепери – от хоть на божничку посади иё и молись!

-Ага, счас...

-А ты как хотел! Распустил руки – тепери терпи! - неожиданно резко высказывает своё мнение мать.

Мать и сын заходят в ограду дома Михаила. Сын чуть впереди.

В доме Елизавета Гавриловна раздувает лучину в печке. Огонь разгорается, она подкладывает в топку ещё сухих поленьев. Смотрит на сына, отрешённо сидящего за кухонным столом.

-Чай закипит – поешь с шанежкой, - ставит она на печку чайник. - Сам пошто ничё не готовишь? Картошка – в подполье, сало с мясом – в кладовке. Свари хоть супишко какой. Или ко мне пойдём – поешь борща горяченького. Или лутче принести сюда?

-Хватит носить. Сварю, - думая о своём, отвечает Михаил.

-Зайду завтра, пирожков с картошкой напеку – принесу. Корову Надька будет так же приходить доить. Ни о чём плохом не думай. Сердце мне подсказывает: скоро вы снова сойдёtesь, от увидишь... Ложись пораньче сёдни спать, завтра на работу ни свет ни заря.

Дверь за матерью закрывается.

Михаил смотрит на чайник – вода в нём кипит вовсю, а он с места не встаёт.

На следующее утро. Михаил открывает глаза. В доме уныло. Через зимние узоры стёкол едва пробивается свет. Михаил нехотя садится на кровати, зевает, поёживается, берёт со стула будильник, смотрит на циферблат. Выходит во двор. Из стайки навстречу с подойником спешит младшая сестра Надя:

-Здорово, братка. В гараж не торопишься?

-Я же на ремонте, чё спрашивать...

-А-а-а, - понимающе тянет Надя. И показывает в ведро-подойник: - Зорька ваша совсем молока давать не хочет – полподойника едва набирается. Не хочет меня признавать.

-Доить надо лутче, - бросает на ходу Михаил.

-Скучет по хозяйке, - обиженно отвечает вслед брату Надя.

-Скоро отскучатся, - цедит сквозь зубы Михаил, открывая калитку, выходящую в огород, и направляется по тропинке в сторону уборной.

На кухне дома Михаила Надя проце-живает через марлю молоко в трёхлитровую банку. Когда управляется, то смотрит в окно кухни, выходящее на огород, где в дальнем углу находится уборная.

-Где он там застрял? Дрисня, чё ль, прорала... - вслух беспокоится Надя.

Уборная. Дверь закрыта. За ней слышны такие слова, произносимые отрывисто:

-И никто... не узнает...

Потом раздаются хрипы, звук отламывающейся доски и грохот падающего чего-то тяжёлого. Дверь уборной распахивается... Из неё выходит Михаил с петлёй на шее; на конце верёвки болтается кусок отломившейся, покерневшей от времени доски...

-Чё же доски-то... гнилые... мне кум подсунул... - с придаханием, еле-еле говорит Михаил.

А тут на огороде уже сестра Надя. Видит брата с петлёй на шее - побелела, слова в горле застрияли, только рот открыт...

В доме на стульях сидят Михаил, потрясённые Елизавета Гавриловна, Надя. Михаил время от времени потирает шею. Надя взволнованно рассказывает:

-Я ишо думу: где он так долго? Дрисня, господи, прости, может, прорала...

-Ой-ешеньки, беда-беда... Ты чё ж удумал, Минька! - Елизавета Гавриловна легонько двигает своим кулачком в висок сына. - На это... от, чё ты натворить хотел – большова ума ить не надоть. Дочка маленька – иё ить ростить, да ростить...

Наклепать-то - дело нехитро, а ты от вырасти, выведи в люди, да погордись на старости годков. – И, помолчав несколько секунд, собираясь с мыслями, горестно добавляет: - А ты ишо загадал мне жить до ста лет... Проживёшь тут с вам! Езли тока наоборот - раньче времени окочуришься... Минька! - умоляет мать, - не сходи с ума – времечко-то лечит. Надоть тока обождат. У людёв она-ка чё быват и ничё – как-то приспособляются, - продолжает убеждать мать.

-Слушай, Миня, чё мама говорит, она плохого не посоветует.

Михаил отрешённо помалкивает.

-Ходят слухи, что Галина из столовой снова хочет вернуться в магазин, - осторожно сообщает Надя

-Точно? – словно очнувшись, спрашивает Михаил.

Глава 15 Примирение

12 апреля 1961 года.

Свисающие сосульки с крыши деревенских домов. Осторожная капель.

Сельский магазин, одна половина которого отдана под промышленные товары, а другая – под продовольственные. За прилавком – Галина. Она обслуживает покупателей – девушки и парня, взвешивая в бумажный кулёк конфеты.

В ожидании привоза хлеба несколько старух с хозяйственными сумками и сетчатыми авоськами тихо переговариваются у окна:

-Интересно, скоро хлеб-то подвезут?

-Вроде через час Галина сказала.

Уже знакомый по предыдущим эпизодам дед Адам Егорович, в роговых очках, сломанная дужка которых перевязана грязноватым бинтом, рассматривает товар в стеклянной витрине. Старательно читает вполголоса:

-Кунка в шоколаде. - Недоумённо, как бы сам себя, спрашивает: - Это как понимать? – Громко бращается к Галине: - Это чё у вас за конфеты таки?

-Каки, Адам Егорыч?

-От, глянь, - показывает дед на ценник.

Галина быстро подходит, берёт ценник в руки, читает про себя, вроде не разбирая буквы, потом громко и уверенно произносит:

-Кунка в шоколаде.

Дед не сдаётся:

-Где же кумка, када там кунка?

Старухи стали прислушиваться, о чём речь. Галина объясняет, как глухому:

-Это буква «мэ», а не «нэ». Учись читать, Адам Егорыч.

Поняв, в чём дело, старухи оживляются, одна из них, моложавее и побойчее, подначивает деда:

-Ну ты даёшь, Егорыч, не можешь уже хрен от пальца отличить...

-У голодной куме одно на уме! - дед отмахивается рукой с «сеткой». – Кулёмы!

- и снова углубляется в изучение витрин.

Входит в магазин Михаил. Он в чёрном, очень модном по тем временам мужском полуупалто фабрики «Москвичка». Кивает старухам: «Здрасте!» Те вразнобой ему отвечают: «Здорово, Михаил».

Галина бросает в его сторону короткий взгляд, но вида не подаёт.

Михаил встаёт возле места, где на полках стоят книги, в основном русская классика 19-го века. Галина видит, что он смотрит на книги и, между делом, взвешивая очередной покупательнице макароны, усмехается. А Михаил неожиданно громко спрашивает, чуть повернув в её сторону голову:

-Почём «Война и мир»?

Галина не успевает отреагировать, как в магазин врывается завгар Григорий Максимович:

-Галя! Включай радива, сичас будут передавать экстренно сообщение!

Старухи замирают, одна испуганно крестится, еле выговаривая слова:

-Господи, царица небесная, неужель опеть война...

Галина включает висящую на стене радиотарелку, из которой слышится знакомый всем голос диктора Левитана:

-Внимание! Сообщение ТАСС! Впервые в мире на космическую орбиту выведен советский пилотируемый корабль. На его борту советский космонавт, старший лейтенант Юрий Алексеевич Гагарин...

Односельчане слушают, затаив дыхание. Левитан продолжает:

-Партия и правительство поздравляют весь советский народ с величайшей победой человечества! Свершилась давняя мечта человека и советских учёных – вырваться в космическое пространство. Ура, товарищи!

Через несколько секунд все понимают, что новость пришла необыкновенная, начинают радостно шуметь и улыбаться. Адам Егорович вытирает большим застиранным носовым платком слёзы, сморкается. Галина с полными от слёз глазами смотрит на Михаила, а он с мольбой о прощении – на неё. Не замечает даже, как Григорий Максимович воодушевлённо обнимает его:

-Победа, Минька! Опеть наша взяла!

Сумерки. По апрельской слякоти несёт Михаил на руках свою худощавого телосложения Галину из магазина. Держит крепко. Она ему:

-Отпусти. Устал, поди?

-Своя ноша не тянет, - ставит её на низенькую лавочку возле чужого дома. - Счас... немножко осталось, - обнимает жену, целует в губы, а та и не сопротивляется.

-Ой, давай уж я сама пойду, сердчишко-то как бьётся, - наклоняясь, крепче прижимается к мужу Галина. А он, передохнув чуток, дальше понёс свою ненаглядную – радостный и возбуждённый.

Входят в дом. Галина зябко передёргивает плечами:

-Холодно как.

-Счас печку растоплю, - обнимает свою Галину Михаил. - Я быстро!..

И - бегом из дома.

Из поленницы в ограде, торопясь, накладывает в руки дрова.

Галина же пока осматривается в кухне: на столе в тарелке видит только корки чёрного хлеба. Горько улыбается.

А на пороге уже Михаил с охапкой дров. Громко кладёт их у печки, проворно снимает верхнюю одежду, кладёт её на стул и со знанием дела, но на этот раз шустрее, берётся за растопку печи. Кладёт поленья в топку, достаёт с припечи лучину, из кармана полупальто-«москвички» - коробок спичек, зажигает лучину.

Торопится, а сам приговаривает:

-Счас... счас... согрею... Не дам те замёрзнуть... Ты покамесь в пальто посиди.

Галина не сдерживается, упрекает:

-Чё ж ты голодный-то сидел? Даже не варил ничё.

Михаил закрывает дверцу топки, где уже разгораются дрова, вплотную приближается к любимой, обнимает её за плечи:

-Да не голодный я...

-Как же, вижу! Аж глаза горят...

Дружно потрескивая, в печи жарко горят дрова. А в постели, под ватным одеялом в белом пододеяльнике, - тоже страсти...

В открытой печи - самый жар. За кадром - заключительные возгласы...

Супруги лежат на спине, укрывшись до плеч одеялом. Михаил радостно прижимает к себе Галину:

-Американцам фигу показали. Здорово, что Гагарин в космос полетел. - И неожиданно предлагает: - Садись на меня!

Галина вроде как испуганно:

-Ты чё - с ума сошёл?

-Ну давай попробуем, покамесь дома одни, - уговаривает Михаил.

-Ты где это научился?

-Да где я мог? Сам догадался.

-Совсем обнаглел, - ласково произносит Галина.

И понемногу их голоса на фоне угасающих угольков в открытой топке стихают:

-Давай, - настаивает Михаил

-Потом, - не решается Галина.

-Када потом, немаленькая уже...

Утро. Супруги Протасовы спят, как голубки. Будильник показывает половину шестого. Звонит. Михаил просыпается первый. Не глядя, нащупывает рукой кнопку. Смотрит на будильник, потом на Галину, с улыбкой вспоминает, что было вчера вечером, обнимает крепче жену и начинает её тихонько целовать в шею...

-Рано ещё. Поспим... - нежится Галина, прижимаясь к Михаилу.

-Засоня, скоро на работу.

-От засони слышу...

А Михаил потихоньку и всё настойчивее продолжает её ласкать, с удовольствием вдыхает запах под мышкой жены:

-Как у тя под мышкой вкусно пахнет...

-Скажешь тоже...

-Правда, вкусно, - Михаил не отступает.

-Точно голодный, - сдаётся Галина. И начинается...

Едва успели закончить, как в дверь се-

ней застучали. Галина почти сбрасывает с себя мужа:

-Мама, наверно, пришла, - догадывается она.

-Подожди, сам открою.

В чёрных сатиновых трусах, сапогах на босу ногу и наброшенной на голое тело ватной телогрейке Михаил открывает дверь в сенях. На пороге – недовольная тёща:

-Галька у тебя?

-Здесь она, - спокойно отвечает Михаил.

Из-за спины Михаила подошедшая Галина:

-Мам, не шуми.

-Да я разве против, что вы опять сошлись, но хоть бы предупредила, где ты, я всю ночь не спала. Уж не знала, чё и думать...

-А трудно было догадаться? – встревает в разговор Михаил.

Тёща сгоряча и брякнула:

-Откуда я знаю, здесь она, - кивает на дом, - или где у подружки.

Галина таращит глаза на мать, та понимает, что сказала лишнего, стала на ходу придумывать:

-Думаю, может, с подружкой какой день рождения отмечат...

-Схожу-ка я на двор, - произносит Михаил. – А вы тут разберитесь, - и уходит из сеней.

Галина оправдывается перед матерью, стараясь смягчить обстановку:

-Я же Адаму Егорычу наказала, он всё равно из магазина мимо тебя шёл, чтобы зашёл и сказал, где я.

-Адам твой мимо моих ворот пролетел, тока иво и видали. Будет он помнить, кому и чё передавать... Он себя-то уж непомнит, нашла на каво надеяться!

-Иди, мама, я скоро приду. Собирай пока Риточку, уведу в садик.

Появляется Михаил:

-Разобрались?

-От тебя не спросили, - не церемонясь, роняет разгорячённая тёща и спешит к воротам. Возле калитки оглядывается и уже ровным голосом обращается к дочери и зятю: - Вещи-то када будете от меня перевозить?

-Сёдня вечером, в крайнем случае – завтра, - отзыается Михаил.

-Ладно, живите, дочь у вас, куды деваться-то, - негромко произносит Мария Прокопьевна и скрывается за воротами.

-Это чё, она нас так поздравила? – удивляется Михаил.

-Не обращай внимания, - поднимается по ступенькам крыльца Галина, - нам с тобой жить, а не ей.

Глава 16

Много ли надо человеку для счастья?

Июнь 1962 года.

У залива четверо мужиков выгружают невод, который подаёт им Михаил из кузова грузовика ГАЗ-53.

Рыбаки - Михаил, дед Иван, шурин Юрий Князев, Лёня Каймонов - кто в болотных, а кто в кирзовых сапогах; все в брезентовых линялых куртках.

-В прошлом где мы здесь девять мешков рыбы на берег вытянули, - вспоминает дед Иван.

-Сплюнь, а то рыба услышит, - шутливо предупреждает Михаил.

-Рыба ноне хитра пошла: как человек – всё понимат, - поддерживает разговор Лёня Каймонов.

-И не говори, паря, - подводит черту шурин Юрий Князев.

...Гладь воды - тихая и загадочная. Но вот на её поверхность падает невод – кончилось умиротворение природы. Двое, Михаил и дед Иван, медленно двигаясь на лодке, дугой опускают невод длиною 100-110 метров в воду. А трое, закрепив другой конец невода на берегу, держат его на специальном берёзовом коле, крепко вбитом в землю.

Мужики, не торопясь, полукругом тянут невод к берегу; лица у всех сосредоточенные, глаза внимательно следят за движениями соседей – работать надо слаженно, тогда рыба не уйдёт из невода.

И вот уже на траве трепещется большой улов. Серебристая рыбья чешуя «играет» на солнце.

-Давай мешки, мужики, - командует дед Иван, - в каждый по пять вёдер должно уместиться.

-С опушкой, однако, получится, вёдра шибко больши, - сомневается шурин Юрий Князев.

-Нич-ё-ё! – уверяет опытный дед Иван. - Запас карман не тянет... Отбавим, езли чё.

...Вокруг большой рыбной кучи располагаются рыбаки, они складывают улов в вёдра, а затем пересыпают его в мешки.

-Эх, а таймень уже не попадается, - грустно замечает Михаил.

-Он речну воду любит – проточну, как и осётр, а тут заводь получилася, как эту ГЕС построили, будь она неладна, - рассуждает дед Иван.

-Хариус тоже, видно, насовсем ушёл, - сожалеет в свою очередь Лёня Каймонов.

-Ладно, хоть сорога с окунем остались, - успокаивает шурин Юрий Князев.

-Рыба это одно, а от не стало рыжей лисицы, зайца-беляка поубавилося, ястребы куда-то в други края подалися, - сокрушается дед Иван. – По моим прикидкам не будет нам боле такой вольготной охоты да рыбалки, как раньче бывало.

-А улов-то неплохой получился! – встаёт с колен Лёня Каймонов и оглядывает мешки.

-В оккурат восемь мешков. По два на брата, - констатирует шурин Юрий Князев.

...Михаил вскакивает на подножку своего ГАЗ-53, заглядывает в кузов, в котором рассаживаются возле мешков с рыбой мужики:

-Все сели?

-Все. Трогай! - за всех отвечает Лёня Каймонов.

Михаил садится за руль, и машина трогается с места. Мужики, хоть и устали, но довольные, на ходу закуривают папиросы.

В этот же день в ограде своего дома Галина чистит рыбу: ловко вспарывает ножом брюшки и удаляет из них внутренности.

Очередная чищенная рыба падает в деревянный, средних размеров бочонок. Видим, что уже засолено полбочонка. Галина берёт открытую пачку соли и посыпает сверху нужным количеством. Потом бросает взгляд на ещё неочищенную рыбу, её пока много в оцинкованной ванне. И тогда Галина устало просит Михаила, сидящего на чурке и натачивающего нож:

-Минь, иди позови тётку Анфису-вдову, пускай поможет, а мы ей рыбки дадим, тут мелочи хватает.

-Сами, чё ль, не управимся? - просто-дущно ворчит Михаил, - счас помогать те буду.

-Ты лучше приготовь место в подвале, разгреби там лишнее, - Галина поправляет косынку на голове.

Теперь рыбу чистят вдвоём. Анфиса-вдова рада, что её позвали. Работает она споро, да всё приговаривает:

-Жирна рыбка, с икрой много, - кладёт она икру в стоящий рядом эмалированный тазик. - Мой Филипп до войны, царствие ему небесное, тоже заядлым охотником да рыбаком был. Бывало, приволокёт рыбинши – не знашь, куды и девать. И солили, и так жарили, и коптили.

-А каким деревом коптил дядя Филипп? – спрашивает подошедший Михаил. – Не осиной же...

-Что ты! На осине Иуда-христопродавец удавился. Коптил талинником, этого кустарника полно тут в низинах растёт. Бывало, стока рыбы накоптит!

-А пива нет! – улыбается Михаил.

-Откудова? Пиво тока в городе, - подтверждает Анфиса-вдова.

Через две недели. На огороде возле бани из небольшого строения, похожего на высокий шкаф, Михаил в летней рабочей спецовке вытаскивает натруженными загорелыми руками золотисто-коричневую сорогу и окунь. С удовольствием нюхает копчёную рыбу. И с сожалением говорит дружку Лёне Каймонову, сидящему рядом на чурке:

-Хоть бы раз в Ключи пиво мужикам завезли! А то одна водка – запейся не хочу.

-Не запьёмся, Миха, - трепетно вытаскивает из-за чурки бутылку водки Лёня Каймонов. – Обмоем твой мотоцикл. С покупкой тя, Миня!

-Денег тока своих не хватило - пришлось подзанять у сестры, у иё же муж, ты знашь его, куркуль, деньжата к его рукам сами липнут. Теперь от отдавать надо...

-Отдашь – куда денешься.

-А Надькин мужик знашь чё удумал?

-Чё?

-Лис в клетках будет разводить.

-Рыжих?

-Сам ты рыжий! Чернобурых, у него сводный брат под Иркутском живёт, этим делом давно балуется.

- Ну чё, молодец мужик - кулаком хочет стать, - смеётся Лёня Каймонов.

...Под навесом возле бани стоит новенький мотоцикл с коляской «Урал», «пристёгнутый» массивной железной цепью. Внушительная цепь продёрнута через спи-

цы переднего колеса и замкнута амбарным замком.

Михаил, уже пьяненький, подходит с дружком Лёней Каймоновым, который в таком же состоянии, к мотоциклу:

-Ты не думай, Лёнька, мне эту цепь разорвать – раз плонуть! – он скрипит зубами и показывает руками, как бы он её порвал об колено. - Но я обещал Гальке, что буду ездить тока трезвый – как стёклышко.

И вот они уже вдвоём едут пьяные по селу на «Урале». Дружок Лёня Каймонов горланит в люльке:

-Ветер в харю, я х...ярю, - последнее слово заглушается рёвом мотоцикла.

На другой день. Высокие луговые травы. Галина с дочкой Риточкой собирают лесную землянику. Дочка уже устала накибаться за ягодкой:

-Мам, я пить хочу!

-Потерпи немного. Чуть-чуть - и мы с тобой ведро доберём. Собери ещё кружечку, доченька.

Михаил в это время на стареньком пиджаке возле коляски мотоцикла мучительно ворочается с боку на бок с перепоя. Вокруг жужжат пчёлы, стрекочут кузнечики... Благодать! Но ему не до этого, трогает лоб. Тяжело!

-Какой хрен моржовый это похмелье придумал?.. - произносит он тихо, тяжко вздыхая при этом.

Подходит Галина с дочкой.

-Пап, мы цело ведро с мамой собрали, - хвастается дочка.

-Молодцы, - без всяких эмоций отзыается Михаил. С трудом встаёт со своей «лежанки»: - Поедемте домой - голова раскалывается... Мне завтра надо вместо Лёньки Каймона отработать.

-Что, запой продолжается? – не слушает его Галина. - Понятно, снова причину придумал, как из дома улизнуть. Мотоцикл они обмывали!

-Он потом меня тоже подменит, мне скоро мать надо вести в район на обследование.

-Ты и так её отвезёшь, отгул возьмёшь.

-Ладно, лутче отработаю.

-Конечно! В первый раз, что ли! – продолжает злиться Галина. – Не можешь придумать, как отказать любимому дружку? Ни выходных, ни проходных, - ворчит Галина, ставя ведро в люльку и усаживая

в неё дочку. – День и ночь в своём гараже бутылками трезвоните. И куда тока начальство смотрит?!

Михаил молча заводит мотоцикл. Садится, крепко взявшись за руль. Сзади него, ловко забросив одну ногу, как при посадке в седло лошади, устраивается Галина, обняв мужа за пояс. И семья Протасовых едет в село Ключи. Вокруг – живописные лес, луга, поля.

Ноябрь 1962 года.

Улицы села Ключи. По первому снегу Михаил на тракторе ДТ-54 везёт на больших санях-волокушах брёвна сосны и лиственницы. Пожилые односельчанки, идущие навстречу, останавливаются, провожая одобрительным взглядом Михаила:

-За ум взялся, молодец! С каких уж пор держится!

-Душа не нарадуется, када мужики в бутылку не заглядывают... Не то, что мой! Пропади она пропадом эта водка!

В этот же день. Сваленные брёвна у дома Протасовых. Ребятишки, в их числе и дочка Михаила и Галины, четырёхлетняя Рита, отыскивают застывшую смолу на брёвнах и, поудобней пристроившись, сгрызают её зубами и жуют как серу.

-Колька, иди, тут серы много, - зовёт рукой Рита соседского мальчишку.

В это время Михаил уплетает щи на кухне. Галина подливает ему густую добавку в глубокую тарелку:

-Погуще, как ты любишь...

-Завтра часа в четыре утра с дедом Иваном на охоту тронемся.

-А не рано? Вроде разрешения ещё не было.

-Было, не все просто слышали. Это-то ладно... Сохатых нынче стало мало. Ушёл куда-то зверь. Распугали!

-Ну смотри, - Галина всё ещё беспокоится. - Не попадитесь за браконьерство. Штрафы, говорят, большие.

-Да говорю ж, всё в порядке, дед Иван бы так ни за что не пошёл.

-Это он-то? Хотя мне Поля-почтальонша говорила, что в Варгалике мужики уже потихоньку охотятся.

-От! А ты заладила – браконьерство, браконьерство...

Зимняя тайга. Светает. Михаил, затаившись за валежником, ждёт зверя с «тозиком» в руках. Смотрит внимательно на поляну, где вот-вот, как он предполагает, появится зверь.

Несколько диких коз появляются в поле зрения охотника. Михаил прицеливается в самого крупного зверя и стреляет. Испуганные козы устремляются в разные стороны, а одно животное пробегает ещё с десяток метров и начинает отставать от своих собратьев, оставляя на снегу кровавый след...

К Михаилу и его добыче, по не глубокому ещё снегу, пробирается дед Иван. Видно, что года уже не те и, подойдя вплотную к Михаилу, тяжело дыша, он как бы оправдывается:

-На тя вышли... А я сижу за валежником, слышу – выстрел... Сёдня ты фарточный!

-Вроде крупный зверь попался... Центнера на полтора, а то и больше, однако, потянет? – вопросительно рассуждает Михаил.

-Как же не потянет?.. Потянет! – радостно подтверждает дед Иван, глядя на добычу.

Ближе к полудню. Михаил в полуушубке сидит на корточках у постели дочки, кладёт ей под подушку конфетку и булочку. Дочка просыпается, и Михаил ей ласково сообщает:

-Это те гостиные зайчик с козочкой отправили.

Дочка берёт гостиные и спросонья лепечет:

-Правда, что козочка отправила?

-Правда. И наказала: передать гостиные от неё дочке Риточке, – Михаил чмокает дочку в щёку.

Тут с порога окликает мужа Галина:

-Миня, куда мясо положим?

-Счас приду, – отзыается Михаил.

Они выходят в ограду, где на санях под брезентом лежит туша зверя без шкуры.

-Кое-как довезли, – довольный собой поясняет Михаил жене, сбрасывая на снег брезент. – Дед Иван так ловко шкуру сразу ободрал, пока сохатый тёплый был, быстро так у него получилось, грит, мол, чё зря со шкурой таку даль ташить. Счас подойдёт – начнём делить, – деловито распоряжается Михаил. – Свою часть сложим в кладовке,

надо тока снегом побольше пересыпать, а то мясо обыгает, как в прошлый раз.

- Знаю. Не «обыгает», а обветрится – сколь раз те говорить. Мы же не челдоны какие, – поправляет мужа Галина.

-А кто же мы? – шутливо спрашивает Михаил. - Бурундуки?

За кухонным столом в доме Протасовых сидят Михаил и дед Иван. Они изредка поддеваю на вилки жареную картошку со сковороды, зато налегают на сохатиную сырью мёрзлую печень с луком – строганину. На столе стоит отполовиненная бутылка «Московской».

- Подрежь-ка ишо строганинки, Миня.

- Ты, я вижу,шибко уважашь сохатину печень, – охотно нарезает мёрзлую печёнку Михаил.

-Чё есть, то есть, – соглашается дед Иван. И берёт очередной кусок мёрзлой печени – макает в соль и ест с сырьим луком:

- Мёрзла да с лучком – одно удовольствие. Особо полезна для мужицкой силы, – помолодецки подмигивает он Михаилу.

-Давай выпьем за удачну охоту! – Михаил разливает в гранёные стаканы водку.

Чокаются, выпивают, с аппетитом закусывают.

-А ты с гонором мужик, – разговевшись, вспоминает дед Иван. - На прошлой охоте я те: «Стреляй, уйдёт!» А ты: «Не учи учёного». А ноне ты меня обставил. Старею, Миня. Вы, молодежь, идёте нам на смену.

-Зато ты стрелять не разучился! – подбадривает соседа Михаил.

-Это точно! Фронтовая выучка – куды иё денешь. Могём, мать вашу! – снова помолодецки подмигивает дед Иван.

Соседи-охотники смеются и с пониманием смотрят друг на друга.

-Эх, Миня, много ли надо человеку для счастья?.. От удачна у нас охота ноне, и мы довольны, дальше жить охота... чё-то делать, стремиться... вам, молодым, тем боле...

-Галчонок, садись с нами, выпей маленько, – Михаил подставляет к столу стоящую рядом табуретку.

-Некогда. Баня готова, пойду стираться, – Галину уже раздражает затянувшаяся выпивка в её доме. Она проходит мимо мужиков за русскую печку.

Дед Иван лукаво подмигивает Михаилу, кивая в сторону Галины. И тот, быстро вытерев губы кухонным полотенцем, устрем-

ляется за женой. Догнав, прижимает жену своим крепким телом спиной к печке, не даёт прохода: глаза в глаза, губы в губы...

- В другой раз двух сохатых завалю! - наступает Михаил.

Галина крутит пальцем возле виска, а сама уже улыбается. Михаил хочет поцеловать жену, но она мягко увёртывается:

- Потом.

Но муж уже впивается в губы жены.

В кухню случайно входит дочка Рита, видит целующихся родителей и забавно командаeт:

- Мамка с папкой, хватит целоваться!

Михаил с Галиной перестают целоваться, смотрят на дочку и смеются.

Через несколько дней. Галина стирает пыль с зеркала-трельяжа, стоящего на комоде в спальне. Попутно смотрится в это зеркало, подкрашивает губы яркой помадой. Поднимает волосы над лбом, смотрит, как ей будет с высокой прической. Затем открывает дверцу высокого односторончатого фанерного шифоньера. Придирчиво смотрит, слегка перебирая рукой висящие на плечиках два платья, мужской двубортный бостоновый костюм. Выдвигает нижний ящик шифоньера. Там аккуратно стоит одна пара женских туфель. Галина вытаскивает их, рассматривает ближе. Чёрные, лакированные, на высоких толстых каблуках (в них она плясала перед обкомовскими работниками в столовой). Надевает их, проходит несколько шагов по дому - легко, артистично.

- Ой-ой, завыбражала-то, - разговаривает при этом она сама с собой. Подходит ближе к окну, видит, как мимо куда-то быстрым шагом, с пустыми сетками-авоськами, направляются золовка Надя (родная сестра Михаила) и почтальон Поля.

- Куда это золовка торопится? - пытается понять Галина.

У магазина стоит автолавка, возле которой толпятся бабы, среди них Надя и Поля. Подходит Галина, делая вид, что не замечает родственницу Надю, и как к хорошей знакомой громко обращается к продавщице автолавки:

- Любя, здравствуй, что стоящего привезла?

- На тебя, Галя, туфли есть модные, на

шпильках - я такие пока что не завозила. Костюмчики детские - шерстяные.

- И всё? - расспрашивает дальше Галина.

- Забыла... Есть китайские шубы...

- Искусственные?

- Они самые. Модные счас.

- Дай посмотреть, - просит Галина.

- А плюшевые жакетки опять не привезла? - интересуется почтальон Поля.

- Прошла мода, девоньки! - бойко отвечает продавщица, доставая из-за коробок китайскую шубу. - Их уже и не шьют на фабриках. Спрашивайте вот шубки.

- Да в жакетках привычнее как-то, - скромно не соглашается Поля.

Люба-продавщица подаёт через головы покупательниц шубу бежевого цвета с коротко стриженным искусственным мехом:

- Тебе пойдёт, Галь.

Женщины вокруг наблюдают за Галиной. А та, нисколько не смущаясь и не обращая внимания на холод, быстро снимает своё старое тёмно-синее зимнее пальто и даёт подержать его ближней от неё односельчанке средних лет. Одна из молодых баб завистливо замечает:

- Форс морозу не боится.

- Не подковыривай, Тамарка, - даёт отпор Галина и ловко надевает шубку.

- Как на тебя шили! - восклицает продавщица.

Женщины, кроме Тамарки и золовки Нади, тоже любуются:

- Идёт те, Галя.

- К лицу...

- Бери, у меня всего две таких шубы было. Одну продала вчера в Варгалике - учительница одна взяла, тёмно-коричневую, и вот эта осталась, рыженькая.

- Прям в ей и иди домой, - улыбаясь, советует односельчанка, державшая старое пальто Галины.

И вот Галина спешит домой в новой шубке! Настроение отличное: дома кажутся ей очень красивыми, а встречающие по пути односельчане - все приветливые. В руках она несёт старое пальто и ещё какую-то завёрнутую в бумагу покупку.

Михаил в это время раскалывает колуном во дворе чурки на дрова. Увидев жену, застывает с колуном в руках.

- Куда эт ты вырядилась?

- Хорошо мне? - Галина крутанулась перед мужем.

-Хорошо-то, хорошо... Но мы же за мотоцикл покамесь не отдали...

-Да шуба-то дешёвая совсем – китайская. Рите костюмчик шерстяной ещё купила, - Галина показывает на свёрток. - На тебя, правда, ничё не было.

-Ничё мне и не надо, - недовольно ворчит Михаил и делает взмах колуном, чтобы расколоть приготовленную чурку.

-А за мотоцикл рассчитаемся, не переживай, не у чужих людей занимали, подождут, - спешит успокоить мужа Галина.

-Тихон вроде мужик спокойный, ни то что его Надька. Ох, и завистлива мне золовка попалась!

Тут в ограду через открытые большие ворота входит мать Михаила и сразу начинает беззлобно выговаривать:

-Ворота всегда у их полы стоят – заходи, бери чё хошь...

-Зато кое-кто на заложке всё время сидит, - Галине не понравилось замечание свекрови.

-Это я чё ли? – Елизавета Гавриловна поняла, что камень прилетел в её огород.

Желая перевести разговор на другую тему, Михаил показывает рукой на жену в шубке:

-От.

-Вижу. С обновой вас... Да вроде вы ишо за мотоцикл должны, – недоумевает Елизавета Гавриловна. – Надька мне на днях напомнила, мол, чё-то братец с отдачей долга тянет. Када андавать-то собираетесь?

-Скоро! – одновременно, не сговариваясь, произносят Михаил и Галина и с удивлением смотрят друг на друга.

-Да-а-а... Правду говорят, что муж и жена – одна сатана, - с пониманием момента произносит Елизавета Гавриловна. - Покамесь тока деньги на ветер! Шубы ни шубы...

Глава 17 Счастливый Новый год

30 декабря 1963 года.

К новому дому Протасовых подъезжает «Москвич». В кабине остановившейся машины старшая сестра Галины, Александра, и её муж Георгий.

-Вот сюрприз будет сестрёнке, - радуется будущей встрече Александра.

-Света нет, спят, наверно, - предполагает Георгий, пристально глядя через лобовое стекло на дом родственников жены.

-Разбудим! – и Александра решительно открывает дверцу машины.

Вместе с морозными клубами в дом Протасовых вваливаются гости. За ними – Михаил:

-От кто в ворота-то стучал. Городские Скобовы! – сообщает он Галине, вышедшей в прихожку встретить гостей.

Радостная суматоха.

-Здорово, сестрица! – обнимает Галину Александра. – Думаем, заедем сразу к вам, а потом к маме.

-Шура! – радуется Галина. - Молодцы, что приехали! Зачем маму так поздно будить, у нас и заночуете. А Наташеньку чё с собой не взяли?

-Доченька наша после простуды слабенькая пока, свекровь не отпустила, у неё и осталась, - отвечает Александра. - Гоша, - поворачивается она к мужу, держащему сетку-авоську с мандаринами, - положи на стол гостинцы.

Георгий передаёт сетку с мандаринами Михаилу, а тот кладёт их на табуретку.

-Гоха, давай за приезд по пять грамм, - обрадованно потирает руки Михаил.

-Может, до завтра потерпим? – Георгий мнётся, искоса погладывая на жену.

-Ты таку даль ехал, чтоб спать завалиться? – едва дослушав, шутливо и радостно уговаривает Михаил. - Моя Галина такого холода наварила! Завтра закатим пир горой. Встретим Новый год! - И, понизив голос, сообщает: - Я счас в баню сгоняю, у меня там самогонка стоит...

-И не замёрзла? – нарочно «удивляется» Георгий, подыгрывая Михаилу.

-Первач-то? – понимает намёк Михаил. - Да ты чё! Баню каждый день подтапливаю, гоню втихаря. Лутче всяких магазинных поллитровок... Лишь бы дружки не пронюхали, а то отбоя не будет. Жди, - подмигивает Георгию, - я мигом.

-Я с тобой, - не отстаёт Георгий. - Кое-что из машины надо взять.

Возвращаются вместе. Георгий кладёт на стол небольшой свёрток:

-Колбаса «Докторская», - поясняет он подошедшей Галине, - у вас же здесь не продают.

-Да зачем она нужна, у нас мясо есть, холодец. Спасибо, конечно, ради интереса подрежем, - смущается Галина.

-Гоша, ты маме там оставил в машине,

что мы ей приготовили? - предусмотрительно интересуется Александра.

-Не переживай, всё там на месте, укрыл в коробке покрывалом, - спешит успокоить жену Георгий, - хотя коробку надо бы в дом занести – гарантированно не замёрзнет.

Михаил и Георгий за кухонным столом вдвоём. В очередной раз чокаются стопками с самогонкой.

-Давай, Гоха!

-Давай, Михаил!

Две сестрёнки сидят в комнате на диване. Галина порывается пойти на кухню:

-Пойду хоть воду на посуду поставлю греть.

-Да успеешь, передохни – только погуянили, - останавливает её сестра Александра. - Кого завтра пригласили-то?

-Вы от. Мама, свекровь, Минькина сестра Надя с мужем, братья Минькины – Гриня с Сёмкой, наш с тобой брат Юра со своей Машей, соседи баба Даша с дедом Иваном... Тётка Татьяна, вдова дяди Пети, к сыну в Калтук уехала, а то бы пришла... Дальше - моя подружка, работали вместе в столовой – если ещё придёт, конечно, я сильно-то не приглашала, у неё муж год назад умер, сказала так... один раз. Может, Минька кого из своих дружков позвал... Лёньку-то Каймонова обязательно, как же без него, он же гармонист, сыграет нам, его жена будет. Да, забыла, Григорий Максимыч, он теперь завгар в Минькином гараже.

-Ну, его-то я отлично помню, можешь даже не рассказывать. В общем, целая компания подбирается! И всех надо накормить-напоить. Я бы такую ораву не выдержала.

-Вы в городе живёте, продукты все покупные, а у нас тут всё своё. Ой, да у меня всё готово! - хвастается Галина. - Пельмени налепили и наморозили, не поверишь, два ведра. Фарш свиной накрутили, котлеты с утра нажарим! Холодец получился – закачаешься! Язык говяжий отварила – вкуснее всякой колбасы. Сырчики с клубникой наморозила. Блины перед вашим приездом закончила фаршировать - с печенью и творогом, завтра чуть подогреем и на стол, а можно и не греть, так пойдут. Даже

сыр свой сделала по рецепту свекрови, вроде получился. Закуска вся есть: огурцы, помидоры, грибы, капустка квашеная – всё стоит в подвале. Минька же подвал летом соорудил! Ой, нынче такой урожай грибов был! Зря вы не приехали в августе. Груздей, рыжиков наросло – завались.

-Дашь с собой, когда обратно поедем? - сразу подговаривается Александра.

-Дам, конечно. И капусты квашеной возьмёте и картошки... Будешь мне, Шура, завтра помогать – вдвоём мы быстрее стол накроем, - радуется приезду сестры Галины.

-С утра только к маме заедем, а потом я в твоём распоряжении.

-Мама может обидеться, что сразу к ней не заехали...

-Свои люди – разберёмся.

-Вот именно!

-А я тебе модную кофточку привезла, недорого возьму. Сама понимаешь, зарплата у учителей не такая высокая, у Георгия алименты высчитывают по первому браку, так что, извини, сестра, кручусь, как могу.

-Ой, ну что ты! Дай посмотреть, может, на Новый год как раз и одену.

-Минуточку! – Александра вытаскивает из сумки завёрнутую в газету шифоновую голубую блузку: - Померь, должна подойти.

Галина надевает, смотрится в зеркало-трельяж:

-Просвечивает как-то всё... Тут комбинацию надо под цвет подбирать.

-У тебя нет никакой?

-Есть, тока не голубая – белая.

-Подойдёт! Если что – завтра успеем сбегать в ваш сельмаг, там иной раз такие товары увидишь, каких в городе не найдёшь.

-Это точно. Но раз на раз не приходится. Если что – надену то платье, что мне тёть Клава привозила.

-А, то красивое? Если денег на кофточку нет, то давай обменянемся «тряпками»: мне тёти Клавину платье тоже нравится.

-Посмотрим... Скока, Шура, за кофточку просишь?

-Сорок. Один раз всего надёваная.

-Дороговато, конечно. Мой Миня в месяц тока девяносто рублей получает, да я семьдесят.

-Не могу, сестра, сбросить: материал дорогой – шифон, портниха за шитьё заплатила, - лукавит Александра. - Но можно в

рассрочку: сейчас двадцать и потом столько же.

-Ну так ёщё куда ни шло, хотя... — продолжает сомневаться Галина.

-Галя! Ты должна быть женщиной, а не дояркой. А для этого надо красиво одеваться! Чтоб ты шла по улице, а на тебя все оглядывались. Особенно мужчины!

-Скажешь тоже!

-А что? Один раз живём! А у тебя счастливо при тебе — молодость, фигурка он какая-точная! Ножки французские!

-Да ну тя! — с улыбкой отмахивается Галина.

-Не отмахивайся, сестра, чуть-чуть это женское богатство привести в порядок — и всё! Так что носи на здоровье и меня с благодарностью вспоминай! — настаивает на своём Александра. И неожиданно добавляет: - Ещё и любовника себе заведёшь!

-Придумала же! — смеётся Галина, воспринимая слова старшей сестры как шутку. - У самой-то есть?

-Целых два! — тоже смеётся Александра.

-В следующий раз привезу тебе журнал мод, посмотришь, как теперь современные женщины одеваются.

Захмелевшие мужья продолжают на кухне «заседать» — уже с керосиновой лампой.

-Миха, я хоть и в деревне родился, а не смог бы жить вот так, при керосиновой лампе. У нас в городе свет вообще не отключают. Круглые сутки горит!

-А у нас до двенадцати ночи и всё! — Михаил делает своеобразный жест. - Ложитесь спать. Хотите — не хотите, а баю-бай.

-ГЭС запустили, а к вам, смотрю, провода не успели прокладывать. Вот прокладут ЛЭП — это линии электропередач, — последние два слова Георгий выговаривает с трудом, стараясь произнести правильно, — всегда будете жить при свете. По справедливости!

-Согласен, дай пять! — протягивает ладонь для рукопожатия Михаил.

-Отвали, моя черепашня, — беззлобно отстраняет протянутую ладонь Георгий.

-Не манди, Гоха. — Михаил чуть повышает голос: - Абара!

-Поехали за шампанским! — вдруг предлагаёт Георгий. — Двадцать минут — и мы в Харанжино. По льду перекинут мостик! У меня там блат.

-Откуда? — удивляется Михаил.

-Обижаешь... Я же... какой-никакой, а начальник, кое-где бываю... Собирайся!

-Галчонок, мы с Георгием ненадолго отлучимся, — на всякий случай предупреждает Михаил, слегка трогая за плечо спящую жену.

-Куда эта ночь собрались? — сквозь сон равнодушно произносит Галина.

-Скоро будем, вы спите...

За рулём едущего «Москвича» Георгий Скобов. Машина словно скользит по льду. Вот она выезжает на береговую дорогу.

Едут по сельской улице Харанжино. Подъезжают к какому-то деревенскому дому. Георгий выходит из автомобиля, внимательно смотрит на закрытые ставни дома, подходит с другой стороны к «Москвичу» и, как заговорщик, наказывает в открытую Михаилом форточку:

-Посиди пока, я один проведаю. Может, она уже и не живёт здесь.

-Ладно, — соглашается Михаил.

Георгий заходит в палисадник дома, стучит в ставни. Во дворе нехотя начинает лаять собака, в доме загорается свет, его видно сквозь щели закрытых ставней.

-Это я, открои, — негромко просит кого-то Георгий.

Затем возвращается из палисадника и подходит к калитке. Некоторое время топчетесь возле неё, а когда ворота кто-то отпирает — исчезает из поля зрения Михаила.

Михаил поёживается от холода в машине, протирает стекло дверцы, смотрит, не возвращается ли Георгий. Но видит только запертые ворота. Потом выходит из машины, садится на место водителя, поворачивает ключ зажигания — мотор заводится. Михаил немного газует, прогревая его. Снова смотрит на ворота.

-Куда запропостился? — рассуждает вслух Михаил.

И только произносит эти слова, как из ворот выходят Георгий с молодой по виду женщиной. Та на ходу поправляет пуховую шаль на голове, застёгивает зимнее пальто.

Георгий садится за руль, женщина — на сиденье сзади. Михаил оглядывается и видит её приятное лицо.

-Здрасьте, — здоровается чуть взволнованная женщина. И говорит Георгию: —

Подъедем к магазину, скажи сторожу, что приехал с комиссией, как в прошлый раз... Помнишь?

-Помню, Лидунчик, - чуть ли не масляным голосом отвечает Георгий, с улыбкой глядя на свою знакомую в переднее зеркало.

Из ограды магазина Георгий выносит ящик с шампанским. Михаил проворно вылезает из машины:

-Помочь?

-Донесу, багажник открай. - А когда следом за ним появляется продавщица Лида, громче добавляет: - Силёнкой бог не обидел.

Лида в ответ смеётся.

За ворота территории магазина выходит дед-сторож, провожаяочных посетителей.

-С наступающим, Сан Саныч! - оглядываясь, радостно поздравляет на прощанье сторожа Лида и садится в машину на прежнее место.

-И вас... тем же концом по тому же месту, - отвечает хмурый сторож, но его слова уже никто не слышит.

«Москвич», в котором только Георгий и Михаил, так же уверенно возвращается по ледовой дороге.

-Ты её чё? Успел? - понимающе спрашивает Георгия Михаил.

-Куй железо пока горячо! - довольный собой отвечает Георгий. - Эх, приятная женщина... Молодая совсем!.. Хоть бы родила кого, раз не может замуж выйти.

-От тя, чё ли? - взглянул на Георгия Михаил.

-И от меня можно, - простодушно соглашается Георгий. - Потихоньку бы помогал. Детей много не бывает, Миня, после нас хоть какой-то след на земле останется, - философствует Георгий.

Михаил и Георгий вваливаются в дом Протасовых с ящиком шампанского, который несёт уже Михаил.

-Девчонки, шампанского хотите?! - кричит с порога Георгий.

-Ещё бы! - выходит из комнаты заспанная Александра. - Вы где так долго пропадали?

-Места знать надо! - весело отвечает Георгий.

Встреча Нового года в доме Михаила и Галины. Три стола, застеленные розовыми полиэтиленовыми клеёнками, составлены буквой «Г» и ломятся от сытной домашней еды. Многочисленные бутылки с самогоном (в бутылках из-под водки «Московской»), красным вином и шампанским красуются на середине стола. Народу семнадцать человек - родственники, соседи, друзья. Все те, о ком накануне говорила Галина сестре Александре. Начало застолья, гости ещё ведут себя скромно, все только в предвкушении.

Михаил на правах хозяина встаёт с полным гранёным стаканом в руке, оглядывая гостей:

-У всех налито? - смотрит он на другой конец стола. - Женщины, кому шампанского, говорите...

-У всех вроде всё есть, никого не обидели, - за всех отвечает Мария Прокопьевна, мать Галины.

-Тада давайте будем провожать старый год, - предлагает Михаил.

-Проводим! - потирая руки, воодушевлённо заверяет дед Иван, за что баба Даша его тут же одёргивает за рукав парадного пиджака.

К Михаилу подбегает дочка Рита:

-Пап, дай блинчик, - показывает она пальчиком на стол.

Галина быстро встаёт со своего стула, берёт дочку за руку:

-Пойдём, на кухне всё есть, - и быстро уводит дочку от гостей.

-Дети завсегда к столу лезут, хоть чё им положи, - говорит Мария Прокопьевна. - Продолжай, зятёк.

-У меня в доме... - продолжает Михаил.

-У нас, - негромко поправляет на ходу вернувшаяся к гостям Галина.

-У нас... - соглашается Михаил, - городские гости - сестра Гали, Шура, и её муж Георгий. Георгий, бери слово!

Георгий торжественно встаёт, но без стакана в руке. Говорит так, словно выступает на партсобрании:

-Мы с женой Александрой рады побывать у вас, на своей, так сказать, малой Родине.

Собравшиеся пока слушают внимательно.

-Уходящий год был для советских людей знаменательным! Как вы знаете, продолжалось освоение космоса. На косми-

ческой орбите побывали первая в мире женщина-космонавт Валентина Терешкова и лётчик-космонавт Валерий Быковский. - Георгий хочет дальше продолжить, но замечает, что пора заканчивать - гости уже хотят выпить. - Если хозяева не возражают, то выпьем за результативный 1963 год! - и тут же поднимает стоящий рядом гранёный стакан, наполненный до краев водкой.

Чоканье, мужики выпивают залпом, женщины - осторожнее, понемногу, при этом морщатся. Дружное аппетитное закусывание. Причём без разговоров: молча подкладывают себе в маленькие тарелки угощение и кушают. Если общие большие тарелки с едой далеко, то подают друг другу.

Но вот наступает тот момент, когда алкоголь ударяет в голову, и тогда все начинают друг с другом говорить шумно - получается вроде развороченного пчелиного улья.

Видим лица и слышим фразы общающихся между собой гостей:

-Хватит, Юрка! Ты по полному стакану мине боле не наливай, - придерживает за рукав своего соседа по столу, Юрия Князева, дед Иван, а то встретимся под столом.

-А у нас ить как - чё у трезвого на уме, то у пьяного на языке, - доверительно говорит о ком-то через стол баба Даша Елизавете Гавриловне.

-Ты не помнишь такова чудилу? Иво ишо все звали Ваня-солнышко?.. Наверно, ты не захватил то время... - завгар Григорий Максимович внушает свои мысли рядом сидящему чернобровому парню, среднему брату Михаила - Грине (23 года).

-Моя кума Ефимовна не даст соврать, вышел на сцену, да как даст-даст чечётку! - делится своим восхищением жена Лёни Каймонова с подружкой Галины по работе в столовой, женщиной средних лет в цветастом крепдешиновом платье с короткими рукавами-фонариками.

-Ишо ничем ничё, а он к ей пристал: дай и дай бутылку. Доправлят и доправлят... Повадился! А потом чё с ём прилучилося... Так и «сгорел» от водки, - рассказывает чью-то трагедию баба Даша рядом сидящей младшей сестре Михаила - Наде.

-Рая («разве» по-сибирски, - прим. автора) так хто делат? Прошлый год така же музыка - дома нет и нет, докуль же

ждать? - кого-то ругает Елизавета Гавриловна, общаясь с Марий Прокопьевной.

-А он ей в ответ пишет с армии: «Жду ответа, как соловей лета», - сообщает о ком-то Лёня Каймонов мужу Нади, неболтливому Тихону.

-Смотрю, а она губы отля-я-чила, - озорно изображает кого-то захмелевшая Маша, жена Юрия, обращаясь к Александре.

-А чё иму оставалося делать - не болтаться же, как говно в проруби, - констатирует дед Иван соседу по столу - Юрию Князеву.

-Да-да, - кивает Мария Прокопьевна, поддерживая мысль Елизаветы Гавриловны. - У Егорки всегда отговорки.

-Хватился жених, када ноченька прошла...

-А чудила этот вразнос пошёл! - по-прежнему убеждает в чём-то завгар Григорий Максимович Гриню, среднего брата Михаила. И тут же спрашивает: - А Сёмка-то ваш чё не пришёл?

-В городе остался, у него там девушка.

-А ты када думашь жениться?

-Подожду покамесь, обжиться надо.

-Ты с етим делом не тяни, а то останешься от как я...

-Ну хоть бы для близира спросил! Нинка тада и говорит тестю: наше дело предложить, ваше - отказаться, - разговор Нади через стол со столовской подружкой Галины.

-Галя, холодец - пальчики оближешь, - восхищается Александра, вкушая очередной кусочек холодца. Сёстры сидят рядом со своими мужьями. - На такой пище я точно растолстею...

-А ты не думай об этом, ешь и всё. В городе отдохнёте от деревенской еды, - Галина подкладывает сестре пышную котлету на тарелку.

-Дни тянутся, а годы ой как летят! - восклицает Мария Прокопьевна. - А помнишь, Гавриловна, как в войну слали на фронт рукавицы, кисеты, махорку? Где тока не сеяли эту траву. Сами-то никто не курил шибко, старики в основном табак нюхали, а пришлось ростить для бойцов, поди, молоденьких совсем. К куреву их там приучали...

-И пацаны наши пристрастилися кое-кто... Да и взрослые мужики стали покуривать, хто с фронту возвратился, - поддерживает разговор Елизавета Гавриловна.

- Да и попивать шибко стали – тока держись! Всё ж до войны меньше иё окаянну потребляли.

-От именно! Тока по большим праздникам, да и то не так хлестались, как нынче, - соглашается Мария Прокопьевна.

-А када собака ест, особенно када кость грызёт, её трогать нельзя, - жестикулируя, рассказывает Михаил рядом сидящему Георгию Скобову. – А он тронул, чудак!

-А нам бы налили, да мы бы выпили! – смело встаёт со стаканом в руке Надя. Елизавета Гавриловна неодобрительно косится на дочь, но молчит. Тем более, что женщины помоложе бросаются плясать и петь частушки, отбивая в туфлях дроби.

Надя озорно поёт:

*А вы потише, господа,
Пол не проломите,
У нас под полом вода -
Вы не утоните!*

-И-и-их! – озорно подхватывают женщины, а затем одна из них, жена Лёни Каймонова, горланит:

*Ты, подружка, дроби дроби,
А то я буду дробить.
Ты, подружка, люби друга,
А то я буду любить!*

Тут и Елизавета Гавриловна не выдерживает, слабым голосом поёт с места, разводя руки в стороны:

*Ой, штаны, мои штаны,
Волоконны гачи,*

*Едет Ванька-полевод
На колхозной кляче!*

Лёня Каймонов берёт в руки гармошку:

-Покажем, Миха! - и начинает наряжать «Подгорную».

Михаил выходит в круг и начинает плясать – лихо бьёт дроби, потом – вприсядку. В этот момент картинка из прошлого: до революции его дедушка Ганя куражисто, в подпитии, пляшет в своей лавке перед дружками, которых зритель видел в начале истории в санях, запряжённых в тройку лошадей.

В Ритиной комнатке на кровати попрёк спят в одежде троёк детей – она сама и дети шурина Юрия Князева. Сон сморил ребятню.

Из дома Протасовых шумно выходят в ограду гости, все навеселе: Лёня Каймонов и Юрий Князев с жёнами, подружка из столовой, которую пытается взять под ручку завгар Григорий Максимович, а она сопротивляется. Изрядно подвыпившего деда Ивана баба Даша поддерживает под руку и всем своим полноватым телом:

-Иди, Ванча, смирно, нам тока через дорогу перемахнуть и - на боковую... бай-бай...

Спускаются с лестницы и Мария Прокопьевна с Елизаветой Гавриловной, переговариваются устало:

-Ох, и нагулялися! - говорит Елизавета Гавриловна. – Пора и честь знать, как любил говаривать мой тятя.

-И не говори, Гавриловна. Раньше, не припомню, чтоб мы так спрашивали Новый год.

-Да када нам было гулеванить-то?.. Рождество да Паска – это-то мы всегда знали...

-А наша молодёжь пускай хоть до утра куролесит. Гриня ваш тока чё-то раньше всех ушёл?..

-Невеста у иво кака-то образовалася... Хоть бы женился.

-Женится! Парень видный – девки схватят.

-А ребятишек-то видала, как сон сморил?

-Ну а чё же... Юрка завтра своих заберут, раз отец с матерью погулять шибко любят. Марея хоть уговорила домой пойти, а то как бы он поплёлся в клуб - еле на ногах стоит...

Галина, Александра и Надя расположились в спальне дома Протасовых. Галина сидит на кровати, городская Александра пудрится у зеркала-трельяжа, бойкая Надя переодевается в мужские брюки.

-Ой, девки, я с детства любила машка-раваться (*наряжаться*, – прим. автора), - говорит весёлая Надя, шустро натягивая брюки брата. Надев, вставляет в ширинку на пуговицах варежку: – А с этим, - трясёт варежкой, - будем за бабами в клубе гоняться! – при этих словах все хохочут.

В спальню заглядывает Михаил:

-Нас с Гохой нарядите?

-Зови давай родственничка! - смело машет рукой Надя.

-А он тут, чё иво звать, – Михаил тащит за рукав Георгия. - Заходи, Гоха, счас

нас бабы наряжают – всех распугам. Твоёва, Надька, тоже звать?

-Ой, пусь лутче на диване покамесь поспит – наклюкался, Тишенька. Если чё – пусь у вас остаётся до утра.

И вот уже шумная компания вваливается в клуб. Впереди – Михаил в романовском полушибке нараспашку, на голове полушибок. Как только он заходит в клуб, то сбрасывает полушибок в руки следующих за ним гостей. И остаётся в женском узком платье, том самом, что купила Галина у тёти Клавы; губы у него сильно накрашены, брови густо нарисованы.

Собравшиеся в клубе на новогоднюю ночь односельчане, смеясь, показывают пальцами в сторону озорной компании, на Михаила, его волосатые ноги в капроновых чулках, пристёгнутых на резинки-пажи, которые видны из-под короткого для него платья. Стрелки чулок сзади «гуляют» в разные стороны. На ногах валенки с завёрнутыми голенищами.

В расстёгнутом зимнем пальто следует за Михаилом его младшая сестра Надя. Озорная, она, как только входит в клуб, начинает махать рукавицей, торчащей из ширины мужских брюк, и в шутку пристаёт к девушкам и молодым женщинам.

Георгий, тоже в платке, с накрашенными губами и нарисованными бровями, одет в обтягивающее его крепкое тело пальто жены Александры, а она веселится в его просторном пальто. Галина же заходит в клуб в своей недавно купленной китайской шубке и тех самых фетровых немецких ботиках, купленных у тёти Клавы.

А возле крыльца клуба в это время происходит незлое мордобитие двух захмелевших парней – для разнообразия праздника. Дерущихся разнимает девушка:

-Хватит! Пойдёмте в клуб!

Парни останавливаются, и один из них, поднимая слетевшую с головы шапку из собачьего меха и отряхивая её от снега, произносит почти дружелюбно:

-Извините, если чё не так.

В сельском клубе звучит вальс «На сопках Маньчжурии» в исполнении того самого местного гармониста Василия, который играл на «полянке», когда Михаил вернулся домой со стройки ГЭС. Кружатся в

вальсе смеющиеся пары. Галина кружится с Георгием. Михаил с его женой Александрой, Надя – с незнакомым молодым парнем, который страшно смущён «рукавицей», а ей хоть бы хны. Всеобщее новогоднее веселье и кураж!

Через два дня. Возле дома Марии Прокопьевны идут проводы городских гостей после новогодних праздников. Георгий с Михаилом стоят у открытого капота заведённого «Москвича».

-Ты главно, Гоха, на поворотах газ сбрасывай, а то я посмотрел, как ты лихачишь, - даёт наставления Михаил.

-Ладно, - закрывает капот Георгий.

В это время Галина ставит уже в набитый деревенскими соленьями багажник трёхлитровые банки – с солёными помидорами и огурцами. Подходит Александра, улыбается:

-Спасибо, сестра, всего нам в дорогу напихали.

-Шура, спроси у мамы, чем бы ещё укрыть, чтоб банки не заморозить, пока до дома доедете, - беспокоится Галина.

В воротах появляется Мария Прокопьевна, она тащит свиную замороженную ляжку.

Хоть бы кто из зятьёв помог, - ворчит она.

Зять Георгий спешит навстречу, подхватывает внушительный кусок мяса. Затем открывает заднюю дверцу, но не решается положить.

-Мам, дай старую тряпку подстелить, - просит Александра.

-И ёщё одну – закрыть банки в багажнике, - напоминает Галина.

-Идите, девки, сами поищите в амбаре или кладовке, - отмахивается Мария Прокопьевна, переводя дух. – Да и так замёрзнуть не успеет – тут ехать-то. А мясо надо положить в багажник, банки же поставьте под ноги и на заднее сиденье можно, тока аккуратно – не побейте.

Дочери уходят искать тряпки. Подходят Юрий Князев с женой Машей. В руках Юрия полмешка какой-то снеди.

-От, на дорожку вам сушёной сороги, - обращается он к Георгию.

-Да у нас уж весь багажник забит, - принимает подарок довольный Георгий. – Но не откажемся, в городе всё сгодится. Теперь, наверно, до лета к вам не приедем.

-А чё так? – интересуется Михаил. – Дорога счас нормальна, три часа и вы у нас.

-Меня на курсы повышения отправляют, - авторитетно сообщает Георгий внимательно слушающим его родственникам.

-Внучку мне привезите на лето, а сами – как хотите, - напутствует Мария Прокопьевна.

-Если приедем, то все вместе, мама, по грибы-ягоды походим, - успокаивает вернувшаяся к машине дочь Александра.

«Москвич» отъезжает от дома Марии Прокопьевны, ему вслед машут Галина, Михаил, Мария Прокопьевна, Юрий Князев и его жена.

Когда машина скрывается за поворотом, Мария Прокопьевна зовёт всех в свой дом:

-Пойдёмте в дом, я воду на пельмени поставила. Да и по рюмочке мужикам налью. – И добавляет строго: - Но третьего января, как штык, всем на работу!

-Да куда мы денемся! – бодро отвечает за всех сын Юрий, потирая руки и подмигивая Михаилу.

Все дружно заходят в большие открытые ворота усадьбы Марии Прокопьевны. После чего Юрий с Михаилом проворно закрывают их с ограды.

Супруги Скобовы проезжают на своей машине мимо деревенских домов.

-Всё-таки приятно иметь таких гостей-приимных родственников, - улыбается довольная Александра.

-Да, славно погуляли, – соглашается Георгий.

Глава 18

Легкомыслие в Троицу

Июнь 1964 года.

Палисадники многих деревенских домов украшены ветками берёз с ярко-зелёными листочками. Молодые срубленные берёзки стоят и у некоторых ворот.

По улице, от дома к дому, бегут вездесущие ребяташки, стучат в ворота и вышедшим или выглянувшим из окон хозяевам кричат:

-Кто на Троицу – машины от деда Ивана и дяди Юры!

У дома деда Ивана и бабы Даши стоит старенькая «полуторка», в кузове которой собирается народ: детей и женщин с

плетёными корзинами и авоськами подсаживают мужики, покуривающие возле борта машины папиросы, среди них завгар Григорий Максимович и муж Нади – Тихон. В кузове видим Елизавету Гавриловну, Надю, Марию Прокопьевну, Адама Егоровича. Но как только из ворот своего дома выходит дед Иван и баба Даша, то мужики, как по команде, бросают окурки и живо залезают в кузов.

Дед Иван, стоя на подножке своей «полуторки», заглядывает в кузов:

-Все залезли в мою «лайбу»?

-Все – кто хотел, - бойко отвечает за всех Надя.

-Тада поехали, - дед Иван не спеша садится в кабину «полуторки», где уже сидит баба Даша. И машина, чуть переваливаясь с боку на бок на кочках и ухабах сельской дороги, движется по улице.

-Вань, ты не шибко разгоняйся, а то чё-нить отвалится и отберут у нас твою «лайбу». Гришка в кузове уж, наверно, карауляет, - переживает баба Даша.

-Не отберут. Кто на ей, кроме меня, согласится ездить?..

-То-то и оно, - поддерживает мужа баба Даша.

В это время «лайбу» обгоняет грузовая машина ГАЗ-53 Юрия Князева, из кузова которой весело машут руками односельчане, мол, обогнали вас. Среди них Лёня Каймонов с женой.

За рулём смеётся Юрий Князев:

-Дед Иван так на своей «лайбе» токак вечеру доковыляет, - говорит он жене Маше, держащей на руках дочку лет 1,5-2, а рядом с ними на сиденье примостился сынок лет 8-9.

-Ты лучше подумай, как сёдня не напиться, а то как обратно поедем? – настраивает мужа жена.

-Не боись, Марея, всё будет в ажуре.

Маша в ответ только вздыхает.

-Не дуйся, первый раз, чё ли? Гаишников вокруг нет – доедем.

-Во-во, Минька Галькин так же говорит. Не выехали они – не видел?

-Нет вроде.

Из ограды усадьбы Протасовых выезжает машина-водовозка с номером на цистерне 04-21 ИРК, за рулём – Михаил.

Следом из калитки ворот выходят Галина с дочкой. У Галины на голове в виде

чалмы повязан газовый шарф. С дочкой они садятся в кабину.

-Чё так долго копался с машиной? - упрекает Галина. - Все давно уехали.

-Догоним! - в приподнятом настроении отвечает Михаил. И спрашивает: - Ворота чё не закрыли?

-Я думала, ты сам закроешь, - вредничает Галина.

-Ладно, ждите, - Михаил вылезает из кабину.

Пока Михаил отсутствует, Галина направляет на себя переднее зеркало, висящее сверху в кабине, и придирчиво смотрится в него. Рита внимательно наблюдает за матерью и произносит с детским восхищением:

-Какая ты у нас модная, мама!

Возвращается Михаил, садится в кабину, заводит стартер, крепко берётся за руль. И бросает взгляд на жену:

-Это чё у тя на голове? Сними, засмеют, - снисходительно советует он.

-Было бы кому! - дерзко отвечает Галина, но чалму снимает. - Потом надену.

-Одень, мам, - просит дочка Рита. - Как в журнале будешь.

-Всё, поехали! - решительно произносит Михаил.

Видно, как уже за околицей водовозка набирает скорость, и от этого на ухабах её немного подбрасывает.

Компания односельчан и родственников дружно расположилась у залива. Сидят кругом. В центре, на вафельных полотенцах, разложена еда: варёные мясо, яйца, блины фаршированные, булочки всех мастей и конфигураций, солёные огурцы, домашний сыр, сало солёное и т.д. И, конечно, везде «красуются» бутылки с мутноватой самогонкой и прозрачной водкой «Московской».

Михаил замечает, что в метрах пятидесяти расположилась другая компания. В ней в основном семьи специалистов совхоза – управляющих трёх отделений совхоза, главного агронома, зоотехника, ветеринарного врача, заведующей клубом и т.д. В центре – директор совхоза Борис Фёдорович. О чём говорят в этой компании – не слышно. Съёмка глазами Михаила, наблюдающего за происходящим у соседей. Он слегка щурит глаза, недобро усмехает-

ся. Но думать о плохом уже некогда, дед Иван толкает в бок:

-Наливай, сосед! Накатим в честь праздничка! – торопится добродушный дед Иван.

-Иму бы тока какой случай. От и Троица подвернулася, - говорит баба Даша всем, кто её слышит рядом.

И пошла-поехала шумная, дружная трапеза: женщины подают еду вездесущим ребятишкам, сами успевают закусывать, а мужики, пока жёны заняты с детьми, успевают одну за другой опрокидывать в рот наполненные граненые стаканы и стопки. Занюхивают сразу хлебом, а потом тянутся кто за солёным огурчиком, кто за ломтиком сала. За такой картиной жёны уже наблюдают подозрительно, сами они почти не пьют. Лёня Каймонов только хочет опрокинуть стопочку, как его бдительная жена молча хватает мужа за локоток:

-Сбавь-ка обороты!

И пришлось Лёне нехотя поставить стопку обратно.

-Пропустишь, ничё с тобой не сделается, - констатирует Лёнина жена.

Зато Михаилу Галина не мешает. Она снова в чалме. И хотя сидит рядом, на мужа внимания не обращает и ненароком бросает взгляды в сторону соседней развеселившейся компании, где Борис Фёдорович, размахивая руками, словно дирижёр, громко тянет песню «Ой, мороз, мороз, не морозь меня...»

На фоне этой песни Галина, шепнув мужу «пройдусь с бабами», встаёт и вроде незаметно направляется в берёзовую рощицу, попутно сорвав ветку, которой помахивает – вроде мух от себя отгоняет. Михаил некоторое время провожает её недоверчивым взглядом, но потом отвлекается на призывы дружков выпить:

-Миха, держи, - протягивает ему наполненную до краёв стопку дед Иван.

Галина идёт вдоль леса, продолжая помахивать веткой.

Мужики, уже навеселе, начинают обсуждать сугубо «мужскую» проблему:

-Я те говорю, не вытянет ЗИС-160 на подъёме больше тридцати километров! – горячится Михаил, доказывая свою истину Юрию Князеву. – Спорим? - протягивает он ладонь шурину.

-Спорим! – отвечает несогласный Юрий.
– Лёнька, разбивай.

Лёня Каймонов энергично разбивает рукохватие спорящих ребром ладони.

-Кто спорит, тот говна не стоит, - замечает дед Иван, наблюдая за спорщиками. И обращается с другим разговором к сидящему напротив Адаму Егоровичу: - От хошь проверить человека – дай иму портфель. Помнишь, у нас сразу после войны бригадир был - Вовка-барбон его звали?

-Чё-то не припомню такова... Из молодых, чё ли? - пытается вспомнить Адам Егорович.

-Из молодых да ранних, - продолжает дед Иван. – Дорвался до власти.

-А-а-а... Таких надоть, итиу мать, сразу на место ставить, - соглашается Адам Егорович.

Тем временем Галина, проходя мимо соседней компании, более энергично отгоняет от себя веткой мух. Её замечает Борис Фёдорович и незаметно для окружающих следит, в каком месте в лесочек сворачивает Галина.

-Живой думат о живом, - продолжает разговор про Вовку-барбона дед Иван. – Я иму: «Жирно хрюкать будешь, Вова», а он мне нагло так: «Не веришь, как доказать?»

-Помнишь, Ванча, - начинает свой рассказ Адам Егорович, - одно время на замке Петрован Перетолчин жил? Иво ишо язва желудка мучила...

-Ну.

-Царство иму небесное, справедливый мужик был. Так от кто-то иму подсказал, что надоть ись тока до первой отрыжки. Он так и делал, а остално своёму Байкалу андавал. Хошь на дне чё в котелке останется – никада не доедал. Так от кобель так повадился, что тока хозяин за ложку, он тут как тут, возле иво ног - ластится, ждёт. А езли невтерпёж, так и гавкнет, мол, давай ешь быстре, я тожа хочу...

За «столом» на траве остались одни муки. А женщины, среди которых Елизавета Гавриловна, Мария Прокопьевна и баба Даша, расположились кто на поваленных деревьях, кто на пенёчках, обсуждая своё, женское.

-А от када муку просеешь, хорошо бы её

минут на пятнадцать-двадцать вынести на мороз – «подышать», - делится опытом Мария Прокопьевна.

-А не замёрзнет? – сомневается жена Лёни Каймонова.

-Как она замёрзнет, в ей ить нет покамесь ни яйца, ни молока! - уверяет Мария Прокопьевна.

-Ой, ну тя, сватья, скажешь тоже... «подышать»... Зачем время лишно тратить – ждать, када эта мука опеть «согрется» в избе, - не соглашается Елизавета Гавриловна.

Другой разговор рядом среди молодых женщин, среди них Надя, младшая сестра Михаила и Маша, жена Юрия Князева:

-Зайдёт, бывало, Демьян Савелич из рабкоопа к нам в магазин и всё нам наказывает: «Смотрите, девки, за товаром!» А куда нам смотреть-то? – рассказывает подружкам Надя. – Как будто нам было, куда по сторонам смотреть! – смеётся она вместе с другими женщинами. - Ну как чё сказаёт! Безвредный был...

-А от... - рассказывает баба Даша, – перед войной, в сороковом году, в феврале, как сичас помню, в небе стояли красные и белые столбы света, и собаки сильно по ночам выли. Старики говорели, что это к войне.

-От на следущий год она и началася, проклятушка... Ох-ох... – с затаённой болью произносит Елизавета Гавриловна. И все вокруг умолкают.

Панорама тихой глади воды залива. Рядом, ближе к берегу, в воде стоят недавно затопленные деревья с листвой – в основном берёзы (по мере наполнения водохранилища в связи с пуском в эксплуатацию Братской ГЭС вода постепенно пожирала всё новые и новые участки благодатной земли).

-Так от потихоньку и Шаманово наше затопило, - глядя на деревья в воде, горюет баба Даша. – Езли отсюдова по прямой, так выходит наше Шаманово километров (*ударение на вторую гласную, - прим. автора*) в трёх, али чуть поболе?

-А ведь точно! – поддерживает Мария Прокопьевна. – Как раз напротив нас. Мы хоть и позже к вам приехали, но успели полюбить эти места. А так теперь одна дум-

ка о своём Николке: не перевезла его гроб, а вдруг как могилу размоет, да косточки иво... Ой... страх-то какой!

-Не верится, что от тут, рядышком, под водой, наше село, - с горечью произносит Елизавета Гавриловна.

-Жалко-то как... Чуть-чуть не хватило, а так бы мы здесь и жили, ни об чём не тужили, - вздыхает баба Даша. - Лина, а дом-то твоёва тяти так, видать, никто и не взялся перевезти, а то бы слышно было...

-Лучче и не напоминай мне об етим, - откликается Елизавета Гавриловна.

-Чё ихний дом, када из старого Братска даже старинный острог не хотели перевозить, мне золовка писала в письме, - говорит Мария Прокопьевна. - Это уж потом спохватились, так перевезли.

-Какой ишо острог? - не понимает Елизавета Гавриловна.

-Ну в котором поп этот сидел, имечко тако... не нашенское... - силится вспомнить Мария Прокопьевна. - Знаю ведь, а от подзабыла...

-Не Вакум ли? - подсказывает баба Даша.

-Он самый! - обрадовалась подсказке Мария Прокопьевна. - Протопоп Аввакум.

Из лесочка доносятся радостные вскрики - будто кто-то за кем-то нарочно гонится.

-Галька, чё ли? - тихо спрашивает Надя у Маши, жены Юрия Князева.

-А леший её знат, - равнодушно отвечает Маша, отвлекаясь на свою маленькую дочку.

В это время из березняка на секунду выскакивает Галина, а за ней - Борис Фёдорович.

-В догонялки решили поиграть, - еле слышно, укоризненно произносит Елизавета Гавриловна, проводив взглядом исчезнувших в лесочке невестку и Бориса Фёдоровича, и переводит взгляд на выпивающего сына Михаила.

Тут и в мужской компании замечают «игры на свежем воздухе». Сидевший рядом с Михаилом Лёня Каймонов толкает его в бок и шепчет на ухо:

-Ты чё, паря, муди развесил, не видишь, как твоя Галка по лесу козой скачет?

-Закрой поддувало! - сквозь зубы цедит Михаил. - Налей-ка лучче по одной, - выдавливает он из себя и низко опускает голову.

-Ну ты даёшь! - разливая водку, удивляется Лёня Каймонов.

Чокаются. Михаил молча выпивает, тянеться за ломтиком сала и хлебом, тщательно затем пережёвывает еду, проглатывает. А потом вдруг вызывающе говорит:

-Ешь, Лёха, пока рот свеж!.. - И тяжело добавляет: - А то завянет...

Молодые женщины и дети, человек восемь-десять, отплывают от берега на большом плоту. Оставшиеся на берегу старухи беспокоятся:

-Как чё придумают... - ворчит одна.

-Покататься им захотелось!.. - вторит ей другая.

Плот уже отплыл метров на пять-семь от берега, как неожиданно для всех Михаил встаёт из-за трапезы и, раздевшись у воды до семейных чёрных трусов, быстро заходит в воду и плывёт вразмашку за плотом.

Елизавета Гавриловна ешё пытается вернуть сына, кричит ему:

-Минька, вернися!

-Недаром грят: пьяному - море по колено, - тревожится баба Даша, стоящая рядом с Елизаветой Гавриловной.

-Раскаркалася, ворона! - останавливает в сердцах добрую бабу Дашу Елизавета Гавриловна.

-Гавриловна... - чуть не плачет от обиды баба Даша.

А Михаил доплывает до плота и пытается на него залезть, но угол накренивается так, что с него один за другим падают в воду испуганно кричущие женщины и ребятишки.

С берега бросаются спасать оказавшихся в воде мужики сразу из двух компаний. Доплыv до барахтающихся в воде, они, поддерживая детей на плаву, возвращаются с ними на берег. Одного мальчика выносит на руках отец. Ребёнок лет пяти-шести не подает признаков жизни. Отец кладёт его на проворно подстеленную одной женщиной мужскую рубаху. Ветвач со своей женой начинают делать ему искусственное дыхание. Вокруг стоят бабы и мужики, среди них и Галина с Борисом Фёдоровичем. У всех испуганно-растерянные лица.

Последним из воды выбирается Михаил. Он тяжело садится на поваленное дерево. Никто к нему не подходит, односельчане бросают в его сторону осуждающие взгляды. Бросает недобрый взгляд и Борис Фё-

дорович. В ответ Михаил презрительно на него смотрит, тот виновато отводит взгляд. В этот момент он понимает, что дикий поступок Михаила был спровоцирован легкомысленным поведением его и Галины.

Мальчика откачивают, и он открывает глаза. Стоящие вокруг облегчённо вздыхают.

Отец спасённого ребёнка подходит к Михаилу:

-Твоё счастье, что Генку откачали, а то бы те не жить...

Михаил молча выслушивает эти гневные, справедливые слова и сплёвывает в сторону.

Возвращаются с Троицы. Галина быстро идёт с дочкой за руку по дороге, вдоль которой лежат горы выкорчёванных пней и коряг – результат освоения целинных земель.

За Галиной на черепашьей скорости следует на водовозке Михаил и, высунувшись из кабины, уговаривает:

-Галька! Садись в машину! Я кому говорю!

-Едь своей дорогой, мы сами доберёмся! – повернувшись вполоборота к мужу, кричит в ответ настырная Галина и спешит с дочкой дальше.

-Слова больше не скажу!

-Мам, у меня ноги устали, – просит дочка Рита.

-Потерпи, – не сдаётся Галина.

Видя такой поворот событий, Михаил решил нарочно попугать своих близких и стал на малой скорости вроде как наезжать на Галину и дочку. Те в испуге стали забираться на пни и коряги.

-Дураком был, дураком и померёшь! – гневно кричит жена мужу; испуганная дочка плачет.

-Садитесь в машину! – настаивает Михаил.

-Отстань, пьяница! – кричит в ответ Галина.

Наконец Михаил понимает, что жена будет стоять на своём и уезжает вперёд. Машина скрывается за поворотом, и Галина облегчённо вздыхает, успокаивая всхлипывающую Риту:

-Не плачь, доченька, скоро будем дома.

Но как только они выходят из-за поворота, то видят стоящую поперёк дороги знакомую водовозку.

-Чёрт с тобой! – сдаётся Галина.

И вот уже все трое в кабине.

-Папка, не гони так сильно, – просит дочка Рита.

-Хочешь, папка те даст порулить? Сама будешь ехать, – немного протрезвевший Михаил готов пойти на всё, чтобы помириться с женой.

-Не придумывай! – злится на Михаила Галина. – Лучше на дорогу смотри! Ханыга!

-За собой бы смотрела, – негромко произносит Михаил, намекая на лесную прогулку жены с директором совхоза.

Галина молчит.

-Чё убежала-то раньше времени? Народ весь остался, а ты фыркнула...

-На дорогу смотри!..

Заключительный, вечерний аккорд празднования Троицы. На завалинке дома Протасовых сидят баба Даша с дедом Иваном и уже знакомая нам повариха Дина-уркаганка – с подведёнными чёрными бровями и папиросой в зубах. Видок у неё ещё тот! Не трудно догадаться, что она, как говорится, Крым и Рим прошла. Михаил с Галиной сидят по краям компаний. Рядом с Галиной стоит её семиструнная гитара.

-Как погуляли-то на заливе? Меня на Троицу не захотели взять, – с укором выказывает Дина-уркаганка бабе Даше.

Та помалкивает, не зная, что ответить. Выручает дед Иван:

-Дина, ты, када освобождалася, то сама выбрала наше село для поселения? – спрашивает заплетающимся языком дед Иван.

-Сама, ни сама – какая те на хрен разница, дедуля, – развязно отвечает подвыпившая Дина-уркаганка.

-Ты, дорогуша, на поставленный вопрос не ответила, – не унимается дед Иван, которого за рукав старенького пиджака предусмотрительно дёргает баба Даша.

-Я и прокурору-то не на все вопросы отвечала, а ты хочешь, чтоб я тебе дала... Много захотел... – затягивается папиросой «Беломорканал» Дина-уркаганка. – Запомни: кто много хочет – тот мало получит. Закон джунглей. Слыхал?

Из-за поленницы, сложенной возле забора дома Протасовых, осторожно выглядывает симпатичный мужчина лет 30-33. Это выглядывание замечает Дина-уркаганка:

-Виктор! – машет она рукой, делая в имени ударение на французский манер – на последнюю гласную. – Иди сюда, мой король. Сбацай-ка нам чечёточку! За неё тебя и полюбила на «милой» Колыме...

-Во мужья пугливы пошли, - замечает Михаил и кричит выглядывающему Виктору: - Витька! Выходи, составь компанию!

-Отстаньте от него, - безнадёжно машет рукой Дина-уркаганка. – Захочет - сам придёт.

Галина настраивает семиструнную гитару, потом тихо начинает петь «Белые туфельки»:

*Осень кошмарная,
Слякоть бульварная...*

Но взглянув на вульгарную Дину-уркаганку, ставит гитару рядом:

-Настроения чё-то нет...

-Спой, Галюшка, - уговаривает баба Даша.

-Спой, соседушка, люблю твои «туфельки», - просит и дед Иван.

-Потом как-нить, - отнекивается Галина.

Тогда Михаил берёт гитару, переворачивает её обратной стороной и начинает стучать - попеременно то локтём, то костяшками кулака, напевая на мотив знаменитой индийской песни «Бродяга» собственные слова:

*Пусь умрёт моя жена,
Но водку пить не брошу я.
Абара!*

-Трави душу, Миня! – под слова песенки Михаила, которую он повторяет трижды, Дина-уркаганка, задрав подол юбки чуть выше колен стройных ног, бросается танцевать на индийский манер между грядками лука, но всё время попадает ногами в синих кедах на уже подросший лук-батун.

Галина без злобы смотрит на этот «концерт», а потом встаёт и уходит во двор своего дома. Михаил сразу сникает, ему становится неинтересно без жены.

А Дина-уркаганка совсем расходитя:

-Минька, ты хоть бы в баньку пригласил, раз подтопил, да веником отхлестал!

Баба Даша ей простодушно:

-Иди в нашу баню, покамесь совсем не остыла.

-В вашей мне без интереса! Да и дедуля ещё приставать начнёт, - вызывающе смотрит мутными глазами на деда Ивана Ди-

на-уркаганка.

-Да уж отприставал своё, - запросто «рассекречивает» своего дедушку баба Даша.

-Чё-то ты, стара колода, разболталася, - обижается обескураженный дед Иван. – Пора, однажа, и на боковую. Он и хозяйка уже ушла, - кивает в сторону ушедшей Галины дед Иван.

Через некоторое время. Галина подходит к окну своей бани и при тусклом освещении видит, как совсем голая Дина-уркаганка лежит на верхней полке на животе, а Михаил стоит в трусах и хлещет её распаренным березовым веником по спине и голому заду.

Динке нравится процесс:

-Добавь парку, Миня, добавь...

Галина стучит в окно и кричит строго:

-Заканчивайте! Распарились тут! – и уходит, не дожидаясь ответа.

Наутро Галина просыпается и обнаруживает, что Михаила нет рядом.

-Совсем обнаглел, - зевает она спросоны.

В этот же день. Галина сидит в белом халате в подсобке магазина и считает на деревянных счётах. У нее что-то не сходится, она сбрасывает костяшки и вновь начинает считать.

Заходит Дина-уркаганка и давай виновато заговаривать с Галиной:

-Здравствуй, Галина Николавна!

В ответ Галина даже головы не поднимает, только бросает короткий взгляд.

-Галина, ты тока ничё не подумай – твой вчера с моим Витькой до утра самогонку пили, да в карты резались...

-Никого не проиграли? – по-прежнему не поднимая головы, спрашивает неподступная в эти минуты Галина.

-Да ты чё?! - удивляется Динка-уркаганка.

-А ничё! - Галина поднимает глаза от счёта и в упор смотрит на случайную соперницу.

Дина-уркаганка поспешно достаёт из кармана сеточку для волос, сплетённую из шелковых нитей:

-Тебе, Николавна, специально связала, будешь на шиньон надевать, как счас модно.

-Всю ночь вязала? - снова принимается, только сильнее, стучать костяшками счёт Галина.

-Да брось ты! Я же по-хорошему с тобой...

-Слушай, отстань, а... У меня мука никак «не отходит», а тут ещё ты со своей сеточкой привязалась! - не выдерживает Галина.

-Как скажешь. Пойду кашеварить, надо начинать фарш крутить. Зря ты от нас из столовой ушла... Так бы вместе и работали дружно, - Динка-уркаганка убирает сеточку в сумочку и направляется к выходу.

-Веник-то не весь спарили? - выговаривает ей вдогонку Галина.

-Какой веник? - Дина-уркаганка оглядывается.

-Такой! Я в окно в баню заглядывала, - раздражённо признаётся Галина.

-Ой, да ничё и не было! Минька твой пососедски меня немножко похлестал, а тут и Витька мой заявился, меня потерял, и к нам все пошли.

-Ладно уж! - машет рукой Галина. - Иди, крути свой фарш.

Когда дверь за Динкой захлопывается, Галина презрительно бросает ей вслед:

-Уркаганка хренова!

Выйдя из подсобки магазина, Динка-уркаганка недоумевает вслух:

-И чё она злится? Хоть бы чё было... Сеточку ей зачем-то ещё хотела подарить...

Глава 19 Последствия

Несколько месяцев спустя. Галина с бабой Дашей тихо, временами переходя на полуслово, разговаривают в доме бабы Даши.

-Покаместь мой не пришёл, - оглядывается на дверь баба Даша, - давай по-быстрому объясню. Значица так. Эту травку зальёшь кипятком в поллитровую банку и поставь на приступок печки. Пусь несколько часов настаивается в тепле. Потом пей как чай. Не пугайся, если боли начнутся внизу живота. Всё выйдет из тя - будто месячны.

-Понятно, - Галина берёт бумажный кулёк с травой.

-Ой, девка, чё ты удумала - лутче б рожала, в силах же, - пробует отговорить баба Даша свою соседку.

-Не хочу больше детей от Михаила. Да и... - недоговаривает всей правды Галина.

-Как это «не хочу»? Он муж твой! Не бось, када женились, любили, поди, друг дружку.

-Всё как в тумане было... Минька настоящая. Я и не поняла - выскочила замуж и всё.

-Ой, Галя, это обида в те на иво говорит. Неужто к Динке-уркаганке приревновала?

-Как бы не так!

-Не пойму я вас, молодых... Войны, слава те, господи, нету. Живи, да радуйся!

-Минька - не моя половинка.

-Да где ж её найти - свою-то половину? Это езли один раз на миллион попадёт и то хорошо. А так, в основном, все друг дружку терпят: бабы - мужиков, а мужики - баб.

-Я так не хочу.

-Э-э-э... Езли б нас спрашивали - хочем мы аль не хочем...

-Тока не говори, баб Даша, что терпение и труд всё перетрут, - Галина заставляет себя слегка улыбнуться.

-И скажу! Ну чём твой Миня не мужик? - рассуждает дальше баба Даша. - Выпиват - не без этого. А ты найди у нас хоть одного мужика, который бы в рюмку не заглядывал!.. Про больных я промолчу. А так-то он ведь хозяйственный: дом какой отгрожал, баню, стайки, летнюю кухню, подвал... - загибает пальцы левой руки баба Даша. И спешит добавить: - Под твоим руководством, понятно, сделано, но всё-таки мужицкими руками-то.

-Нужно мне это хозяйство! - нетерпеливо перебивает её Галина. - Мы, может, завтра жить с ним не будем, а тут - «хозяйственный», - растягивает с ироничной важностью последнее слово Галина.

-А ты кака хозяйка! Любо-дорого поглядеть! Всё у тя в руках «горит», - не унимается баба Даша. - Куды ни глянь - везде у тя, Галя, чистота и порядок. Везде успеваш - и на работе, и дома.

-Да.. - равнодушно машет рукой Галина.

-Чё значит «да»? Кто же тада хозяйка, езли не ты? Да ты же... - баба Даша не заканчивает мысль. И переходит на другое: - А, может, твой Михаил слабоват по мужской части, а? Так у миня зелье есть...

-Ой, скажешь тоже, чтобы он... да слабоват был!

-Ну не знаю тада...

-Ладно, баб Даша, спасибо. Ни к чему

весь этот разговор. Считай, что его у нас не было.

-Ох, не то ты задумала... Не то... - укоризненно качает головой баба Даша. - Срок-то хоть, правда, маленький? А то ведь может и не помочь, - всё выспрашивает баба Даша, провожая Галину до двери.

-Не переживай, травка твоя сильная. Бабы рассказывали, как ты их выручаешь...

Галина, корчась от боли, кричит в бане:

-Господи! Мать защитница-богородица, не дай умереть...

По осенней распутице везёт Михаил в районную больницу жену, накрытую пикейным покрывалом в кабине своей грузовой машины. Галина полулежит на сиденье. Ноги, сложенные одна на другую, приподняты вверх и упираются в пассажирское боковое стекло. Так и едут. Михаил за рулём подавленно молчит, поглядывает то на дорогу, то на стонущую жену.

-Скоро доедем?.. - выдавливает из себя стонущая Галина.

Михаил, бросив тревожный взгляд на жену, не отвечает.

В больничной палате на четыре койки. Галина, заметно побледневшая от большой потери крови, лежит на кровати под одеялом с закрытыми глазами, поджав ноги. Три женщины-абортницы средних лет, сидя на кроватях в казённых, линялых цветных халатах, не спеша разговаривают:

-Ой, бабы, сколь яabortov уже переделала! Сколь нагрешила, - признаётся первая.

-Лучше не думай об этом, а то с ума сойти можно, - отзыается вторая.

-Это точно. А тех, что родила, свекровь покрешила. Сама она - верующая. Грит, на меня за это бог не обидется, раз ни одной церквушки в округе (*ударение на вторую гласную, - прим. автора*) не осталось. Ещё и спасибо скажет, господь этот, - говорит первая.

-Твоя свекровь, поди, и Библию читала? - спрашивает третья.

-Не то слово, почти что наизусть знает, - отвечает первая.

-Хоть бы одним глазком взглянуть на эту Библию, - снова говорит третья.

-Да где ж ты её возьмешь? Она же запрещённая, - говорит вторая.

-И чё в ей такова написано, что читать не разрешают? - не унимается третья.

-Какое там читать, и поминать-то бояться. Я однажды подсмотрела, где свекровь Библию прячет. Интересно же. Тока открыла эту толстенную стару книгу - и свекровь тут как тут. Отругала меня, грит, не болтай, где попало, а то отымут, - признаётся первая женщина.

В это время с улицы кто-то протяжно зовёт:

-Га-а-ля-я!

-Тебя, наверно? - поворачивает голову в сторону Галины вторая женщина. - Чё сказать-то? Или сама подойдёшь к окну?

-Счас подойду.

Галина осторожно садится на кровати. Встаёт в полусогнутом состоянии, опираясь о тумбочку, не спеша подходит к окну. Видит стоящих внизу Михаила и Надю. Машет им рукой, давая знать, что сейчас выйдет к ним.

В больничном коридоре Надя и Галина с Михаилом сидят рядом на лавочке. У Галины в руках авоська-сетка с литровой банкой солёных огурцов, бутылкой молока и завёрнутыми в газету другими продуктами.

-Када тя выпишут, Галя? - интересуется Надя.

-На следующей неделе обещали. Вы больше не приезжайте. Я сама на автобусе доеду.

-Ты, главно, не переживай: не ты перва, не ты последня, - утешает Надя. - Дома всё в порядке. Риточка в садик ходит, корову я дою.

Михаил не знает, что спросить, смотрит попеременно на говорящих женщин.

-Ты чё молчишь, братка? - слегка подталкивает в бок Михаила сестра Надя.

-А чё говорить? Приедет домой - наговоримся, - как-то многозначительно произносит Михаил.

-Давай выздоравливай, Галка, - Надя поднимается с места и целует в щёку свою родственницу. - Миня, я тя в машине подожду.

Михаил и Галина молча провожают её взглядом. И когда Надя скрывается за входной дверью, начинают трудный разговор.

-Не пойму я тя, - с трудом произносит Михаил. - То кричала, что тройню мне на-

рожашь, я о сыне всё время мечтал – кто бы фамилию мою продолжил... А тут такое...

-Понимай, как хочешь, - отворачивает от него лицо Галина.

Мимо проходят две медсёстры.

-Ребёнок-то хоть мой был? – выдавливает из себя Михаил.

-Какая теперь разница...

-Ну ты даёшь - «какая разница»... Папан хоть был?

-Все твои сыновья теперь на помойке вальяются.

-На какой «помойке»? – не понимает Михаил.

-Да это я так. Там же не понять, где что... Сгустки крови - и всё. Их потом, вроде, выбрасывают как помои, точно не знаю.

Михаил с ужасом смотрит на свою жену: что она такое говорит?!

-Твой ребёнок, твой, - спешит успокоить Михаила Галина.

-Был бы не мой...

-Не знаю... - еле слышно произносит Галина, Михаил не слышит этих слов. И спешит добавить: - А вот детей у нас больше может и не быть.

-Обрадовала... - Михаил раздавлен таким признанием.

-А что «обрадовала»? Лучше, когда какой-нибудь слабоумный родится – ты же постоянно пьяный.

-Непостоянно, - слабо возражает Михаил.

-Конечно, перерывы раза два в году бывают. Да и много ты со мной по-настоящему спал – по пальцам пересчитать можно.

-От загнула-то!

-Не так скажешь?

-Чё-то не пойму я, куда ты клонишь? Я один, чё ли, из мужиков пью? Вернее, выпиваю...

-Хрен редьки не слаще!

-Думай, чё мелишь!

-Думай не думай, а сто рублей – не деньги, - невпопад произносит услышанное в палате Галина.

-Это ты чё?

В это время из противоположного кабинета с табличкой «Процедурная» выглядывает медсестра лет 45, обращаясь к Галине:

-Протасова! Заходи на укол, раз пришла!

-Иди, Миня. Риточку за меня поцелуй.

Пускай не скучает, скоро буду дома.

Галина встаёт и направляется в процедурную, а Михаил всё сидит и смотрит вслед жене, теребя в руках кепку, – в растерянности и недоумении. Потом тяжело поднимается и направляется к выходу.

Глава 20

Встреча с инженером ГЭС

Май 1965 года.

Михаил в кузове грузовой машины ГАЗ-53 принимает связки книг от двух работниц библиотеки средних лет. Когда одна из них подаёт очередную связку, видим рядом с ней вывеску «Районная библиотека». Женщина постарше беспокоится:

-Ты потом брезентом укрой, а то мало ли – дождик пойдёт...

-Не беспокойся, Максимовна, он понятливый, в прошлый раз всё довёз как надо, - успокаивает другая, подавая очередную связку книг.

С высоты птичьего полёта – отъезжающая от библиотеки машина с грузом (под брезентом угадывается кучка книг).

За рулём едущей машины - Михаил, он еле слышно напевает привычное «абарая». Сначала едет по светлу, тракт проходит через тайгу. Настроение у водителя хорошее: скоро будет дома. На переднем стекле автомобиля отражаются сосны.

На пути попадается придорожная будка, возле которой «голосует» парень в чистой рабочей куртке, свитере, резиновых сапогах. Михаил останавливает машину. Парень подбегает к кабине:

-Подбросишь до Покосного?

-Садись.

-Вот спасибочки-то, - парень живо усаживается на сиденье, со всей силой закрывает за собой дверцу кабины.

-Ты сильно-то не хлопай, а то отвалится, - с улыбкой делает замечание Михаил.

-Учту.

Немного проехав, Михаил первым затевает разговор, украдкой бросая взгляд на незнакомца:

-Вы, видно, приезжий?

-Да, а как Вы угадали? – парень дружелюбно настраивается на беседу.

-Да так... - пожимает плечами Михаил.

- По виду нездешний. Вы когда «голосо-

вали», я сразу приметил, что не из наших краёв птица.

-Я в управлении строительства гидроэлектростанции работаю, инженер по образованию, здесь мастером числюсь. А так – москвич.

-От оно чё...

-Окончил гидротехнический факультет Московского энергетического института. Мы, восемь выпускников МЭИ, так сокращённо наш институт называется, приехали сюда по комсомольской путёвке.

-От оно как! Долго добирались из Москвы?

-Пять суток на поезде. А перед дорогой однокурсники, их распределили на другие стройки, поближе к столице, на волжские гидроооружения в основном, - уточняет москвич, - такие проводы нам устроили в Лефортовском студгородке! Провожали до утра – пили грузинское вино, пели песни под гитару, и так всей компанией поехали на Ярославский вокзал.

Михаил не перебивает, видно, что любит слушать рассказы незнакомых людей, да ещё таких – из самой Москвы.

-К перрону подали поезд сообщением Москва – Иркутск и к нему два прицепных вагона Москва – Лена. Застучали колёса, - и, развивая волнующее повествование, инженер вполголоса запел на мотив известной песни «Любимый город» (музыка Никиты Богословского), которую исполнял Марк Бернес в кинофильме «Истребители»:

*В далёкий Братск товарищ уезжает.
И стук колёс, как песня, зазвучал.
И Ярославский в снежной дымке тает...
Прощай, Москва!
Прощай, Лефортовский наш вал!*

Инженер вдруг умолк, шевеля губами. Видно было, как он пытается вспомнить продолжение.

-Чё остановился? Пой дальше...

-Дальше подзабыл... А заканчивается второй куплет так:

*Прощай, свободная судьба студента!
Нас поезд мчит к краям таёжным
и глухим...*

-А чё это глухие-то? – обижается Михаил. – Так, наверно, и дружки твои думали, что тут медведи по улицам бродят... А тут давным-давно люди живут, места кругом

обжитые. Да чё сравнивать! У нас везде в Сибири бани, а у вас, на западе, я слыхал, избы есть, а бани не принято строить, в корытах моется. Так что надо ишо посмотреть - кто отсталый...

-Бань нет, потому что леса мало, на избу бы нарубить. Это тут лес кругом – стройся не хочу. На Украине вон в хатах до сих пор у многих ещё пол земляной – леса нет.

-Ну-ну... Леса у них нет... – недоверчиво усмехается Михаил.

-Вот ты утверждаешь, - москвич перешёл на «ты», - что места обжитые... Это спорный вопрос. Электричество же у вас нет в избах?

-Как это нет? Есть. До двенадцати ночи дизельная установка электричество даёт.

-Вот! А теперь и после двенадцати свет будет.

-А он зачем нам ночью? Ночью спать надо, сил набираться, мы ведь в пять утра поднимаемся. Скотина ить ждать не будет, покамесь мы выспимся, да вылежимся.

-Это всё понятно... Но...

-Ничё те непонятно. От нас со своим села с каких пор спровадили на другое место, ГЭС вроде как построили, земли наши затопили... А свет всё покамесь от дизеля, как и раньше было. Где же ваши обещания?

-ЛЭП мы тянем, скоро и до вас доберёмся. Как твоё село называется?

-Ключи.

-Ну вот! Линии электропередачи будут у вас на следующий год, если в срок управимся.

-Хоть какая-то от вас польза.

Инженер сообразил, о чём сказал Михаил:

-Это ты про то, что мы приехали и вашу привычную жизнь нарушили?

-Допустим.

-Ну так твои предки, русские казаки-первоходцы, пришли сюда тоже незваными и отвоевали у бурят, тунгусов да эвенков эти земли...

-Мы-то земли не топили! Так тока... потеснили их маленько. Земли да тайги тут на всех хватило!

-Ну, братишка, - инженер слегка разводит в стороны руки, - научно-технический прогресс не остановишь. А то две-три бабки повозмущались, и вы сразу – народ, народ!..

-Эх, чё с тобой, паря, говорить! – отмахивается Михаил.

-Да не спорь, глухомань она и есть глухомань.

-Да чё вы понимаете! У нас тут в старом Братске, тоже с вашей помощью он теперь на дне, пристань была, пароходы ходили, капитальна железна дорога через Ангару была проложена, поезда ходили...

-Железнодорожный мост был?

-А ты не знал?!

-Ну так-то слышал...

-Разобрали его втихоря... твои дружки... Всё у нас было для жизни! А тут вы понесяхали... Задурили людям головы!

Въезжают в Покосное, подъезжают к магазину. К нему приближаются двое парней в спецовках.

-Ждут меня, бродяги, - заулыбался инженер. - Спасибо, что подвёз. Сколько я должен?

-Нисколько.

-Вот все вы такие, сибиряки, - открывая дверцу инженер.

-Какие?

-Бессеребренники, - и инженер спрыгивает с подножки на землю.

-Да уж каки есть! Нам чужого не надо, не то что некоторым...

-Обиделся... - инженер всё ещё не уходит, пытаясь найти примирение с местным населением.

-Да с таких, как ты, я денег не беру, - грубо отвечает Михаил.

-А с других как?

-Да и с остальных тоже.

-Ну вот и поговорили. - И неожиданно обращается с просьбой: - Кстати, нет у тебя тут никого знакомого, на постой надо определиться - вот мне и двум моим корешам, - кивает он на подошедших совсем близко парней в спецовках.

-Есть один дедок знакомый... Но с ним надо для начала самогонки выпить, а то не примет на жильё.

-Выпьем, какой разговор!

Через некоторое время в избе знакомого деда. Двое парней в спецовках в отрубе лежат валытом на железной койке, дед прилёг на топчан возле русской печи, а за столом изрядно поддатые Михаил и молодой инженер ведут разговор. Говорят в основном москвич:

-Хотите верьте, бурундуки, хотите нет... Михаил, мы ехали сюда за длинным ру-

блём. Это, так сказать, романтика в душах! Мы же первооткрыватели! Ведь совершенно ясно: именно здесь, на Ангаре, делается история, и ты, то есть я, - непосредственный её участник! Но... с рублём в кармане!

-Понятно, - вдыхает Михаил.

-Понятно, что?

-Понятно, что понесяхали на заработки, нас посгоняли с насиженных мест. Мы-то вам кто? Так себе! Бурундуки, челдоны, чё с нам щитаться... И так проглотим!

-Нет, товарищ, ты не прав. Для вас же, странные вы люди, стараемся! Чтоб вы жили по-человечески, чтоб свет в каждом доме горел...

-Он у нас и так есть, без вас бы обошлись.

-Ну что там ваш допотопный дизель... Сравнил! Мы вам целую гидростанцию построили!

-А чё ж тада построили, а света от ГЭС как не было - так и нет? - стал повторяться Михаил.

-А это мы пока ЛЭП до вас не дотянули.

-И када дотянете? - продолжает приставать Михаил.

-Скоро, обожди немного.

-Ну-ну, обождём, нам не привыкать ждать.

-Да не переживайте вы так! Мы же вам сюда привезли циви... цивилизацию, - кое-как выговаривает пьяный инженер, - чтобы вы тут с медведями (*ударение на третью гласную, - прим автора*) совсем не подружились...

-Чё-чё? Стиляга!

-Циви... - снова не может выговорить инженер, - научно-технический прогресс, словом... - инженер медленно опускает голову на стол: дедовская самогонка дала о себе знать.

Михаил глянул на инженера, хотел что-то возразить, но передумал и махнул рукой, добавив вполголоса:

-Чё с малохольного взять!

Через несколько часов. Дед трогает за плечо спящего Михаила:

-Миня, вставай, ты наказал тя к вечеру разбудить. Покамесь светло - поезжай.

Михаил, не открывая глаз:

-А где... эти... москвичи?

-Спят, как голубки, не буду до утра трогать, пусть робята проспятся. Под дождик-то как справно спится.

-А чё, дождь был? – Михаил открывает глаза, садится на топчан:

-Ливанул на часика два. Иди чайку горяченького хлебани, я грузинский пли-точный заварил.

-Иду, - поднимается с топчана Михаил. - И лаврушку дай пожевать. Есть у тя?

-Лежит уж на столе.

Михаил выходит на улицу, видит, что задние колёса машины стоят в луже. Садится в кабину, заводит стартер и пытается двинуться с места. Однако колёса буксуют.

Мимо проходит группа местных молодых ребят, один парень кричит Михаилу:

-Помочь?!

-Подтолкните сзади!

Парни толкают машину, ухватившись за задний борт:

-Эх, взяли! Ещё раз... взяли!

И машина пошла-пошла. Выбралась из лужи. Михаил останавливает машину, выскакивает из кабины:

-Молодцы! – И достаёт пачку папирос из кармана: - Закурите, молодёжь?

-Неа, - отвечает за всех тот парень, что предложил помочь.

-А чё так?

-Ды мы бросили, наши девушки ругаются! – лукаво улыбается другой парень.

-Ну бывайте тада! – Михаил хочет сесть в кабину, но задерживается на подножке, скакливая об её край налипшую грязь с сапог.

-А чё, у деда Степана лэповцы будут жить? – поинтересовался третий парень.

-Будут недолго, - Михаил догадывается о намерениях местных ребят. – Тока вы ихшибко не лубцуйте, они так-то грамотные... Из самой Москвы приехали.

Глава 21

Опять двадцать пять!

Михаил ведёт машину дальше. Издали замечает, что на повороте стоит девушка. Вот она машет рукой.

Михаил достаёт из внутреннего кармана лавровый лист, начинает жевать, чтобы запах перегара перебить. Тормозит машину. Подавшись к окну пассажира, через открытое стекло громко спрашивает:

-Далёко?

-Нет, рядом, - показывает рукой обрадованная девушка с чемоданчиком-балет-

кой, - километров десять, село Ключи, может, знаете?

-Чудачка! Это ж моя деревня, я туда и еду. Садись!

Едут. Михаил по-прежнему нет-нет, да и обронит себе под нос «абарая». Девушка незаметно (так ей кажется) поправляет волосы под серый берет.

-Чё-то я Вас раньше не встречал, Вы к кому-то в гости? – начинает знакомиться Михаил.

-Я к вам недавно приехала, устроилась фельдшером в больнице, - отвечает девушка.

-Да ну?! И я об этом не знаю? - Михаил начинает играть роль ухажёра.

-Плохо интересуетесь своей сельской медициной, - с улыбкой подыгрывает девушка.

-Так нигде ж ничё не болит! – весело, но не сильно хлопает по рулю Михаил.

-А заболит, так сразу прибежите?

-Обязательно!

-Вот-вот...

-И как Вас зовут, если не секрет?

-Лена.

-А меня Михаилом назвали.

-Хорошее имя.

-Не обижаюсь. А Вы замужем?

-Разведена.

-А ребёнок есть?

-Не успели.

-Не переживайте, это дело наживное.

Машина едет по тракту. Вид с высоты птичьего полета.

Девушка-фельдшер замечает на крышке «бардачка» нацарапанные слова, пытается их прочесть, слегка наклонившись вперёд. Михаил замечает это и выручает:

-Люби машину, как жену, а гоняй, как тёщу!

Попутчица понимающе улыбается. На несколько секунд оба замолкают.

-Быстро как темнеет, - уже серьёзно и немного грустно говорит Михаил. – Мне ещё в школу надо, книги им везу.

-Много книг?

-Не щитал, просили привезти, от и везу. Если не успею, груз в машине будет ночевать.

-Тихо едем?

-Да с моей «старушки» по такой дороге больше полста не выжмешь.

Машина въезжает в село Ключи: под колёсами – весенние лужи, грязь. Фельдшерица всматривается в дома, забавно вытянув при этом шею:

-Возле того дома остановитесь, - показывает она рукой.

-Было бы сказано...

Михаил заворачивает руль вправо и тормозит. Попутчица начинает рыться в «балетке» в поисках денег.

Михаил спокойно:

-Да закрой ты свою «балетку». Лучше скажи, у тя спирт в больнице водится?

-Есть, конечно, - машинально отвечает девушка, ещё не сообразив, в чём дело.

-Ну от и договорились. Зайду как-нить, не откажешь?

Фельдшерица теперь понимает намёк. Лукаво улыбнувшись молодому симпатичному мужчине, открывает дверцу кабинки и задерживается на подножке:

-А прямо счас, с устатку, не хочешь?

-Прямо счас не могу, - чуть улыбнувшись, отказывается Михаил. - Жена меня с дочкой ждёт.

-Так ты ещё и женатый! – игриво восклицает фельдшерица.

-А ты как думала! – улыбается Михаил.

– Такие, как я, нарасхват.

Спрятав на землю и захлопнув дверцу, попутчица озорно предупреждает:

-Только спирт иногда кончается – смотри не опоздай!

Михаил в ответ поднимает руку как для приветствия:

-Понял.

Подъезжает к своему дому, открывает большие ворота, загоняет машину в ограду. Закрывает ворота. Направляется к входной двери дома. В это время за его спиной видим, как из стайки выходит баба Даша и окликает его:

-Михаил! Слышу, машина подошла, а я корову дою, не оторваться. Ты вроде из рейса завтра должен приехать? Привёз запчасти?

-Привёз, но покамесь не запчасти, а книги для школы. А где Галька моя? – недовольно спрашивает Михаил.

-Сразу прям с расспросами, - не знает, что говорить баба Даша. - В конторе у као-то сёдня юбилей, от иё подружка, Олька-кассирша, пригласила за компанию. Риточку Галя к бабушке Маше отвела. Скотину

сама накормила, сена дала. Корову тока не успела подоить, меня попросила. Ей же надо было ишо маненько причипуриться, там как-никак конторско начальство, - с испугу проговаривается баба Даша.

-Знаю я это начальство! - резко роняет Михаил и направляется к воротам, чтобы снова их открыть. Пока открывает, баба Даша стрекочет:

-Ты бы в дом-то зашёл. Голодный, поди... Можить, к нам пойдёшь, посидите с моим Иваном, он первачок с утра выгнал.

Михаил шагает к машине.

-Успею ишо к твоёму Ивану, пусь подальше свой первачок прячет, – Михаил открывает дверцу кабинки и садится за руль. Заводит машину, сильно газует, будто проверяет мотор. Потом чуть сбрасывает газ.

-Чё Гале-то передать, куды подался? – кричит стоящая рядом с кабиной баба Даша.

-А она чё, дома собралась ночевать? – в голосе Михаила звучит угроза.

Сумрачная улица, по ней с зажжёными фарами едет машина Михаила. Подъезжает к одноэтажной деревянной конторе. В окнах нет света. Фонарь на столбе освещает вывеску «Совхоз «Коммунар». Подходит сторож Адам Егорович и не сразу узнает Михаила в кабине машины:

-Ты ли, чё ли, Миня?

-Здорово, Адам Егорыч! Как жись молода?

-Поманеньку. А ты као потерял? Здесь никоа нету. Оне гулеванят на фатере у агронома, иму сёдня полста стукнуло.

-Ясно. Ну давай, дед, сторожи, - машина трогается с места.

Дом, где в окнах видно весёлую компанию. Михаил вылезает из кабинки, из-под сиденья достаёт монтировку. Подходит к калитке, открывает. Залаял сидящий на цепи пёс. Михаил проходит в глубь двора и ласково зовёт:

-Тарзан, Тарзан, не узнал, чё ли?

Пёс несколько секунд рычит и замолкает.

Михаил идёт вдоль окон, заглядывает в одно. Видит, что в маленькой комнате на кровати играют в тряпичные куклы дети-девочки. Идёт дальше, заглядывает в другое окно, и ему открывается такая картина.

Дальше видим юбилей внутри самого дома. Застолье в разгаре. За праздничным столом гостей человек пятнадцать. Нарядные женщины, многие мужчины в галстуках – словом, конторские. На столе котлеты, солёные огурцы-помидоры, винегрет, селёдка с кольцами лука в двух селёдочницах, мясо с картошкой, голландский сыр и т.д. Из спиртного – початое «Шампанское» и несколько полупустых бутылок водки с этикетками «Московская».

Михаил всматривается в окно, но не видит среди гостей свою жену.

Снова происходящее внутри дома. Рядом с юбиляром сидит пухлый мужчина и талдычит ему на ухо:

-Я давно тебя зауважал, Сергей Игнатьевич, ещё до твоего юбилея. Специалисты во какой! - характерный жест большим пальцем. - И вот такой, - снова этот жест, - ты мужик! Выпьем за тебя! - Обращается ко всем: - Выпьем за дорогого юбиляра! Пускай ему будет всегда... - замялся, икнул, - ...так же хорошо с нами, как нам с ним.

Какая-то солидная женщина с тонкими губами шепчет рядом сидящему мужчине:

-Алексей Иваныч, не забывайте ухаживать за дамами.

-А! – спохватывается тот. - Счас налью, - и пока разливает, с чувством пропевает:

*Выпьем за Родину,
Выпьем за Сталина,
Выпьем и снова нальём!*

Застольный шум. Гости чокаются и выпивают в очередной раз.

Этот же пухлый мужичок с бутылкой в руке зовёт:

-Бабоньки! Долго вы там шептаться будете? Идите к нам!

Две «бабоньки», а с ними и Борис Фёдорович, выходят к гостям из комнаты, в окно которой Михаил не заглядывал, одна из них Галина – с кудрями, в той самой голубой шифоновой кофточке, что купила у сестры Александры.

Михаил, увидев жену, стал пристальнееглядываться в окно.

Продолжение в доме. Пухлый мужичок:

-Галина Николаевна, душенька, спой-ка нам «Белые туфельки», именинник просит, – и указывает наполненной рюмкой на юбиляра.

Галина берёт с дивана гитару, поудобней садится за стол. Быстро настраивает инструмент. Первые аккорды. Гости стихают. Смотрят на Галину: женщины кто с завистью, а кто просто внимательно, мужчины в основном как кобели, один даже покусывает губы. Алексей Иванович пытается незаметно для окружающих гладить её голую коленку, но Галина больно наступает ему на ногу, и тот отстает. А она начинает петь проникновенным грудным голосом:

*Осень кошмарная, слякоть бульварная
Острыми иглами душу гнетёт.
В беленьких туфельках крошка
печальная,
Словно шальная, по лужам бредёт.*

*Белые туфельки были Вам куплены
С аукциона богатым купцом.
В этот же вечер Вы
стройными ножками
Вальс по паркету кружили вдвоём.*

Михаил слушает, отворачивается, закуривает папиросу. Покурит, посмотрит в окно, снова отвернётся. Сделает затяжку и снова прильнёт к окну. А там – куплет за куплетом.

Галина обворожительно поёт:

*Вы отнеслись к нему слишком
доверчиво,
Он же, подлец, никогда не любил.
Вы отнеслись к нему слишком
застенчиво,
А через месяц он Вам изменил.*

*Выгнал на улицу, одеть было нечего,
Белые туфельки снова на Вас.
Белые туфельки, белое платьице,
Белое лицико - словно атлас.*

*Радуйся, деточка,
смерть Ваша близкая,
Радуйся, деточка,
смерть к Вам пришла,
Вас погубила та слякоть бульварная.
Вся ваша жизнь в белых
туфлях прошла!*

И когда заканчиваются последние слова песни, Михаил с размаху бьёт монтиров-

кой по оконному стеклу. Стекло – вдребезги. Остервенелый лай собаки.

За столом встревоженные возгласы гостей. Испуганное лицо Галины.

Когда вместе с гостями она выбегает на крыльцо, то видит, как от дома удаляется ГАЗ-53.

Взволнованный юбиляр недоумевает:
-Это кто же мог так меня поздравить?!

Михаил, разбив стекло в доме юбиляра, едет в машине по селу, сильнее обычного бьёт по рулю и в разных оттенках настроения напевает «абарая» - то отчаянно, то зло, то хитро, то вопросительно...

Проезжает мимо больницы... Совсем мимо... Потом ГАЗ-53 вдруг даёт задний ход. Подъезжает ближе к забору больницы, останавливается, глушит мотор:

-Однаха проведаю медицину.

Стучит в окно небольшого деревянного строения, где обычно живут приезжие медики:

-Есть кто дома?!

Из глубины комнаты, через оконное стекло, слышится громкий женский голос:

-Кого надо?!

-Открой, это я! - отвечает Михаил.

-Кто это «я»?! - всё ещё громко спрашивает невидимая пока нам женщина.

-Да я, подвозил тя сёдня... Мне бы капли успокоительные.

В окне появляется лицо фельдшерицы Лены:

-А-а-а... – узнаёт она Михаила. - Иди к дверям.

Входная дверь открывается, на крыльце выходит фельдшерица – на цветастый халатик наброшен большой коричневый платок:

-Ты, что ли? - молодая женщина смущена.

-Ну я, сама ж звала за спиртом, - оправдывает свой ночной визит Михаил.

-Так я не думала, что ты такой шустрый, - поправляет на плечах платок медичка.

-Думала, я три года ждать буду? - вызывающе говорит Михаил. И смело обнимает её за талию: - А у моей Наталии...

-Меня Леной зовут, забыл?

-А меня Борькой, - начинает придуриваться Михаил.

-Как борова, чё ли? Конспиратор! – смеётся в ответ Лена.

-Больно смешно! – Михаилу не хочется дальше шутить. - Меня вообще-то Михаилом зовут.

-Да помню я.

-Лутче бы в гости позвала.

-И позову. Только для начала, может, в баньку сходишь, - глядя на рабочий вид «ухажёра» предлагает Лена. - Ещё не остыла. С дороги в самый раз!

-Пойду, раз медицина чистоту любит. Покамесь я там шель-шевель, ты спиртягу приготовь.

-Приготовлю-приготовлю, - хитро улыбается Лена. – Книжки-то сдал?

-А чё? Принести почитать? Вы же к нам все грамотные приехали! Это мы тут – темень...

-О-ё-ё... завёлся с полуоборота... Я ж просто спросила.

-Не успел, завтра с утра сдам. Далёко банька-то?

-Да ты что, вон она, во дворе, не знал, что ли?

-Так вы, поди, в ней мертвячих больных обмываете?

-Ты чё? Чё придумал...

-Да где мне, полоумному-то, у меня четыре класса и коридор, - Михаил нарочно произносит вместо «р» букву «л». – И совсем наглеет: - А спинку потрёшь?

-Посмотрю на ваше поведение. Жди, счас полотенце принесу.

Лена уходит в своё жилище. Михаил остаётся один на крыльце:

-Куда тя занесло! - удивляется он сам себе. – Абарая...

На крыльце снова появляется Лена, подаёт Михаилу чистое махровое полотенце:

-На, а мыло там на окне найдёшь. – И добавляет игриво: - Не запарься смотри.

На фоне луны, которую зрители видят в окно, такой диалог:

-Нет, ты мне как медик скажи, чё это сёдня со мной? – недоумевает Михаил.

-И часто это у тебя? – Лена-фельдшерица недовольна.

-Какое «часто»! Первый раз в жизни. Обычно – всё чин-чинарём. Сам не пойму, чё случилось. Мало выпил, наверно. Давай ишо по стопочке, а?

-Ты почти месячный спиртовой запас прикончил.

-Да ты чё? У меня ни в одном глазу...

-То-то я вижу – ноль целых, ноль десятых.

тых, - намекает на мужскую несостоительность Лена-фельдшерица.

...Ещё через некоторое время. Михаил лежит с открытыми глазами, курит. Рядом лежит фельдшерица - то ли спит, то ли притворяется.

-Мне жена изменяет, - признаётся Михаил.

Фельдшерица сонливо:

-Понятно, почему притащился.

-Скоро уйду.

-Да уж побыстрее бы, задымил тут всё, хоть топор вешай.

-Ишо про спирт напомни.

Михаил садится на кровати, натягивает брюки. За окном уже светает.

Одетый, Михаил подходит к двери, стараясь не шуметь, аккуратно её открывает и так же тихо закрывает за собой.

Фельдшерица с открытыми глазами приподнимается на локте и с досадой произносит:

-Нашла приключение на свою... - И, поправив удобнее подушку, отворачивается лицом к стене.

Раннее утро. Село Ключи просыпается: петух прокричал, коровы замычали, котелки-подойники загремели.

Галина спит с дочкой на кровати у своей матери. К ним подходит Мария Прокопьевна:

-Галя, вставай, время уж полпестого. Корову пора доить. С той недели, говорят, пастух уже будет, трава со дня на день ползет.

Галина открывает глаза, осторожно, чтобы не разбудить дочку, садится на кровати:

-Михаил не приходил?

-Нет. И зачем ты пошла на эти именины? - беспокоится мать. - Мужика своёва не знаешь? Теперь ругани не оберёшься. Тока всё промеж вас наладилось...

Галина одевается:

-Ой, не надо с утра пораньше. Риточку сама отведу в садик, пускай поспит.

-Да ладно уж, отведу. А ты корову дои и на работу собирайся.

Галина осторожно отворяет калитку ворот своего дома. Волнуясь, входит в ограду. Видит, что входная дверь дома на замке. Достаёт ключ из щели над дверью.

Открывает, входит. Быстро снимает с себя нарядную одежду, переодевается в старый халат, подвязывает голову косынкой, берёт подойник и вдруг слышит, как к дому подъезжает машина. Встревоженная Галина застывает с подойником.

ГАЗ-53 газует, давая понять, что хозяин на месте.

Галина почти выбегает из дома и торопится к стайке, где в ожидании дойки нетерпеливо мычит корова. С Михаилом они пока не встречаются.

В дом заходит Михаил, видит на стуле голубую шифоновую кофточку. Берёт её в руки, мнёт ткань в пальцах, а потом одной ногой наступает на рукав и с силой рвёт вещь. Рукав сразу отрывается. Разорванные куски бросает в топку нерастопленной пока печи.

Выходит из дома в ограду. Заходит на скотный двор, направляется в стайку, где Галина доит корову. Стоит в открытой двери стайки:

-Ну и чё мне с тобой делать?

Галина молчит и не оглядывается.

-Ты чё выкомариваешь? - продолжает Михаил. - Кровь из меня по соломинке пьёшь...

Закончив дойку, Галина хочет выйти из стайки, но муж не пропускает, перегородив ей дорогу рукой.

-Не дури, ничё не было. От где ты был всю ночь?

-Где я был?! - взрывается Михаил. - Я где надо был, а от ты... «Ничё не было»... Пакостливая, как кошка, а трусливая, как заяц!

-Может, не будем здесь на всю улицу-то орать. Пойдём в дом...

-Не увиливай!

-Я у матери с Риточкой ночевала. Русским языком говорю: ничё не было.

-Как это «ничё»? А кто песенки распевал?

-Нашёл чем укорять...

-Галька, я тя в последний раз предупреждаю: будешь хвостом крутить - пристрелю как собаку. Хватит изгалаяться!

-Хоть бы умное чё сказал, - Галина решительно убирает руку мужа и направляется к дому.

-Да где уж мне до твоих конторских! - кричит вдогонку Михаил.

Галина оборачивается:

-Да я себя на людях хоть женщиной чувствую.

-Чё-чё? А со мной нет, да?

-Бурундук ты неотесаный!

-Ни много ли на себя берёшь?

-Тебя не спросила!

-Спросишь! Правильно мне мать говорит...

-От тогда иди и живи со своей материю!

Сидит там на заложке целыми днями...

-Ты мою мать не трожь!

-Да больно надо...

-Правильно, что ворота закрывают, одна себе в доме...

-Минька, пойми: будешь мне на горло наступать – совсем уйду от тебя. И не пугай - не боюсь. Пуганая уже... Руки распускать – большого ума не надо. Как хочу, так и живу. И ты мне – не указ.

-Связалась с пузанами... – Михаил мутильно подбирает нужные слова. - И раньше так было – одни работают, а другие жируют, а ты, дура, их ублажашь, песенки им поёшь... На всё готова!

-Кто бы говорил! Кулачье отродье!

-А это-то при чём?

-При том! Привыкли, чтоб тока повашему было. Забыл своёва дедушку Ганю? Он-то мало куражился?

-Нашла сравненье! Он всю жись сам работал, и сынам своим прохлаждаться не давал, потому и жил в достатке, а эти твои... на всё готовенько привыкли! На окладах прижились!

-От что ты к ним прицепился? Завидно, да? Отобрали у вас добро, от ты и бесишься... С ума сходишь...

-Ну придумала! Это када было-то?! – Михаил от возмущения вертит головой, будто что ищет вокруг.

-Какая разница, когда было, кровь-то - не водица... Подкулачник хренов!

-Зато ты у нас дочка идейного коммуниста!

-Да мой отец новую жизнь сюда приехал налаживать! Надсадился от работы и помер раньше срока.

Оба замолкают – разговор становится бессмысленным.

-Лучше сбрось с поветей сена корове, - Галина отворачивается и идёт дальше

Михаил, не найдя больше слов для выяснения отношений с женой, молча смотрит ей вслед. Взгляд недобрый.

У крыльца Галина поворачивается:

-Окошки-то зачем бить? Выказал себя!

Теперь чё доброго штраф заставят платить.

-Не заставят! А надо будет – дом подожгу!

-Дурак дураком!

Михаил после разговора с женой направляется через дорогу к деду Ивану. С порога решительно машет рукой сидящему за столом соседу:

-Наливай, дядя Вань!

-Чё наливать? – косится дед Иван на присмиревшую у печки с вязанием бабу Дашу и понимает, что та уже проболтала про самогонку. И нехотя встаёт из-за стола, чтобы пойти за спиртным собственно приготовления: – Эх, Дарья, Берии на тя нету... Садись, Михаил, сичас я... Нервишки маненъко успокоим.

...Изрядно подвыпившие соседи сидят в обнимку. Дед Иван:

-Твой отец в танке сгорел на Курской дуге, а я пол-Европы по-пластунски, на брюхе... До Берлина! До логова! Но Гитлера живова уже не застал, - с сожалением произносит он. - Зато застал в целости и сохранности их тёпленьких фрау.

При этих словах баба Даша, ставя очередную тарелку с едой, грозно зыркает на своего благоверного. А тот и ухом не ведёт, а наоборот, вызывающе повышает голос:

-Нашу Маньку не сравнить с ихней Франькой! - И сразу резко меняет тему: - А вообще-то, ты зря на Гальку руку не подымай. Баба – она... как собака! От ты собаку пни, дак она извернётся и тя же укусит. Так и баба – ты её лупишь, а в ей против тя тока злость разрастается. И заметь - никакой покорности.

-От кого-то я уже это слышал, дядя Ваня.

-А наши пластинки сходятся, - рассуждает дед Иван.

-Мою обидишь, самого кого хочь к стенке поставит. Грит, я неотесаный... Ей, видите ли, свобода нужна... Воля! - уже крепко подвыпивший, со слезой, делится своими переживаниями Михаил.

-А кому она не нужна! Я бы тоже от своей, - кивает на кухню дед Иван, - ослабонился. С удовольствием! А теперь куды я иё дену, за печку же не задвину? Да она туды и не поместится, - показывая широкие габариты жены, дед Иван разводит руки в стороны.

Баба Даша выглядывает из кухни, в руках у неё сковорода.

-Ишь... как раздобрела-то со мной, - глядя на жену, продолжает развивать тему дед Иван. - А всё кричит, что я – никудышный... А сама-то – чита (*ударение в слове «чита» на первую гласную, - прим автора*) мангазейская!

-Как огрею сейчас сковородкой – договоришься мне, - баба Даша многозначительно покачивает в руках чугунную сковороду.

-Ой, испугала-то как! Аж поджилки дрожат, – хорохорится дед Иван.

-Сейчас за хлебом в магазин схожу и точно огрею тя, кобеля старого.

-От чё я говорел! Хуже собаки, - обращаясь к Михаилу, подтверждает свои мысли дед Иван.

Галина с белой сумочкой, в приталенном демисезонном пальто чёрного цвета и такого же цвета ботиночках выходит из ворот своего дома и спешит на работу. По дороге встречает бабу Дашу с тремя буханками хлеба в сетке-авоське. Поравнявшись, соседки останавливаются.

-Баба Даша, гони Миньку домой, прогул ведь запишут, счас с этим строго.

-Ой, дева, мой Ванята ни на шутку разошёлся - достаёт и достаёт откудова-то самогонку, видно, напрятал от меня, гад, во все свои заначки... Дайче, кажись, аж с огорода приволок.

-Закопал, что ли?

-А кто иво, лешева, знат... Пойду... попробую твоёва домой спровадить. Всю ноченьку просидели с моим, куды тока чё лезет. Под утро прикорнули вальтом на Ванятыной койке, а чуть свет – опеть за бутылку схватились...

-Гони, баба Даша, гони! Пускай спится хоть до завтра. На работу же надо.

-Попробую, – неуверенно обещает баба Даша.

И расходятся.

Продолжение запоя. Михаил в доме соседей в изрядном подпитии, с чёрной щетиной на лице, ударяет по столу:

-Хуже собаки! Чем так жить, лучше умереть. И почему я не сгорел вместе с тятей в танке?! – Плачет: - Деда Ваня, у тя карабин заряжен?

-А иво давно у меня нету, - лукаво начинает плести дед, - пришлось сдать властям,

миня ж как браконьера поймали в прошлую зиму, када сохатова завалил...

-Не доверяешь... Ладно, у меня свой «тозик» есть, - Михаил хлопает деда Ивана по плечу, кое-как поднимается со стула и, шатаясь, направляется к выходу.

-Миня, ты куды направился? Давай на посошок, - дед поднимает наполненный наполовину самогонкой гранёный стакан, – как слеза, для соседа старался...

Но Михаил уже не обращает внимания на слова деда Ивана и уходит.

В этот же день. Возле ворот дома Протасовых собирались односельчане. Они тревожно переговариваются, кивают на ворота:

-Ворота на заложке, никому не открывают, - сообщает подошедшим новым «зрителям» Адам Егорович.

-Надо участкового звать, чё-то неладно он там задумал, - говорит баба Даша, - у моёва Ваняты чё-то про карабин спрашивал.

-Да сообщили уже участковому, скоро будет, - отзыается пожилая односельчанка.

-Ну всяко бывает между мужем и женой – обязательно стреляться, чё ли? – рассуждает баба Даша.

Подходит взволнованная Надя, младшая сестра Михаила. И сходу давай защищать брата:

-Это его Галька довела. Б... такая!

-По себе не суди, Надежда, - вступается за соседку баба Даша.

-Чё ты сказала, бабка Дарья? – прищурив глаза, огрызается Надя.

-Конечно, брата жалко, но на Галину-то зачем всё сваливать, - стоит на своём баба Даша.

-Ты лутче шла бы отсюда к своему дедушке! Напоил мужика, - зло кивает на дом родного брата Надя, - а сам, небось, дрыхнет...

Баба Даша, укоризненно качая головой, от греха подальше отходит в сторонку.

-Пошла бы лутче разбудила, раз така умная, - настаивает Надя, - да пусть идёт сюда, его-то Минча должен пустить, может, как-нить и уговорит...

-Ладно, попробую привести, - соглашается баба Даша и послушно направляется через дорогу к своему дому.

-Он там один, чё ли? - спрашивает Адама Егоровича только что подошедший загар Григорий Максимович.

-Да говорят же, никого не пускат, - подтверждает Надя. - Здорово, дяй Гриша...

К воротам спешит перепуганная Елизавета Гавриловна, её сочувственно пропускают вперёд. В это время за воротами раздается выстрел «тозовки». Бабы одна за другой вскрикивают: «Ой, чё натворил!», «Горе-горюшко-то како!»

-Сынок! Миня! Чё же ты с собой наделал!.. - плачет у запертых ворот сама не своя Елизавета Гавриловна.

-Мужики, перелезьте через заплот, можить, он тока ранил себя, в больницу тада надо везти, - со слезами умоляет Надя.

В это время подъезжает на мотоцикле «Урал» худощавый участковый (45-47 лет) в тёмно-синей милицейской форме. Бабы ему тут же наперебой сообщают:

-Тока что стрелял!

-Один выстрел был!

Участковый резко к мужикам:

-Ворота-то чё - открыть не могли?!

И видит, как подоспевший Лёня Каймонов стал ловко перелазить через забор. Через секунду он уже с той стороны открыл калитку ворот. Участковый сразу направляется в ограду, преградив путь остальным:

-Оставайтесь здесь. - Видя, что в ограду хочет пройти завгар Григорий Максимович, участковый просит: - Ты тоже побудь здесь, Максимыч. Успокой народ.

И уходит, закрыв за собой калитку. Осматривается в ограде. С ним - Лёня Каймонов.

Заходят в дом - нет никого. Тут на пороге объявляется заспанный дед Иван, докладывает:

-В бане он.

-Живой? - машинально спрашивает участковый.

-Вроде и не ранетый даже, - произносит дед Иван. - Настрополил бы ты иво...

-Развелось артистов! - вырывается у участкового.

-Ага, и все из погорелого театра, - пытается пошутить ещё не пропрозвевший дед Иван.

На пороге открытой бани сидит с понурой головой Михаил, тоже не пропрозвевший толком. Рядом стоят Лёня Каймонов и Григорий Максимович. Участковый смотрит в дуло ружья марки «ТОЗ»:

-Давно чистил? - спрашивает он Михаила.

-Не помню, - нехотя отвечает Михаил.

-Понятно. Браконьерством потихоньку занимаешься, - догадывается участковый.

Подходит дед Иван:

-Сообщил бабам, мол всё в ажуре. Живой! Но пусть покамесь за воротами (*ударение на предпоследней гласной*, - прим. автора) постоят. Адамка их там сторожит. - И осуждающее обращается к соседу-сбутыльнику: - Ох, Михайло, чётвориши, паря...

-А кто меня два дня самогонкой поил - забыл? - беззлобно отвечает Михаил.

-Да кабы я знал, чё так всё закрутится у тя в мозгу... - пытается оправдаться дед Иван.

-Ага, Иван Никодимыч, прокололся. Аппарат я у тя сёдня же заберу. Не вздумай даже прятать, - строго предупреждает участковый.

-Да я чё... Так... с копелюшку ко Дню Победы подготовил, чтоб помянуть своих дружков, с кем в окопах вшёй кормил, да фрицев сапёрной лопаткой крошил...

Тут к ноге Михаила стала ластиться кошка, ему это не нравится:

-Ты-то чё привязалась! - берёт её за задние лапы и со злостью отбрасывает подальше.

-Кошка-то при чём?! - повышает голос участковый.

Михаил молчит. Участковый ему рассудительно:

-И чё мне с тобой прикажешь делать, со-лист художественной самодеятельности?

-А чё хошь, - отрешённо смотрит перед собой мутно-красноватыми глазами Михаил.

-Значит так, я вызвал дежурный наряд, скоро подъедут.

-Небось, Галька заявление написала? - ухмыляется Михаил.

-Так! Кто чё написал - потом разберёмся, а пока поедешь в Покосное, там тя на пятнадцать суток определят. Понятно? Хоть пропрозвишишься, да поразмыслиши маленько...

В разговор вступает завгар Григорий Максимович:

-Эх, Михаил, Михаил, такой скандал устроил, мать чуть до разрыва сердца не довёл, ревёт там белуженьки за воротам... Я уж про прогул не говорю.

Михаил молчит, потом сменившимся тоном, похожим на блатной:

-Закурить на воле не дадите, гражданин начальник?

-Не лезь на рожон, Михаил, — советует Лёня Кайманов.

-Долбо... ты, Минька! - не выдерживает дед Иван.

Михаил только собирается что-то резкое ответить, но участковый опережает:

-Тихо всем!

Подъезжает милиционерский «бобик». Два милиционера скрываются за воротами дома Протасовых. Через некоторое время выводят под руки Михаила. Тот идёт покорно. За ним неотступно следуют Елизавета Гавриловна и Надя. В голос заступаются:

-Куды вы иво увозите? - беспокоится мать. - Он за всю жись «вресь» никому не сказал, - вытирает она глаза кончиком головного платка.

-На каво он детей своих бросит?.. — просит Надя.

Милиционеры средних лет стали сажать Михаила в «бобик» и вдруг... Он начал сопротивляться: то упрётся руками в крышу автомашины, то за дверь зацепится. Руки — как клешни краба. Милиционеры разозлились, стали заламывать ему руки назад. Кое-как удаётся втолкнуть его в машину и захлопнуть заднюю дверь с решёткой на стекле.

-Ребяты, вы уж сильно иво в кутузке не лубцуйте, - умоляет милиционеров Елизавета Гавриловна. - Он так-то спокойнушкий... Мухи не обидит...

Когда «бобик» проезжает мимо магазина, то Галина, стоявшая на крыльце, успевает на миг увидеть за стеклом проезжающей машины лицо мужа. Ей становится не по себе.

Через десять суток. Здание районной милиции с вывеской «Отделение милиции Братского района».

Михаил и исхудавший мужчина лет 45, по виду бывший заключённый, молча метут самодельными мётлами из прутьев милиционерский двор. Потом садятся на перекур. Бывший зэк достаёт две припрятанные за ухом папиросы, одну протягивает Михаилу. Затем из кармана потрёпанных брюк достаёт коробку спичек, не спеша вытаскивает из коробка спичку, зажигает её,

даёт прикурить сначала Михаилу, а потом прикуривает сам.

-От так у меня полжизни и прошло: бери больше — кидай дальше, — начинает свой рассказ почти беззубый зэк. — В сорок первом в такой переплёт наша часть попала, что потом мстил гансам без остановки... Лутче не вспоминать! Пленных никада не брал, некада с имя было валандаться. Раз траншею у фрицев отбили... Смотрю, немец сидит на дне, руки трясутся, тянет их кверху: «Капут, капут...» Пацан совсем, вроде даже жалко стало... А потом смотрю — ребята вперёд попёрли, вторую траншею надо сходу брать. Ну, думаю, отстану от них, покамесь с немцем тут застряну, иво ж надо в тыл как-то отправлять... Навёл на иво ППШ, а он: «Найн, найн...» «Нет» поихнему. Какое на хрен «найн»! «Прошил» я иво очередью и дальше за своими побежал, — пауза. — Зацепило меня за всю войну дважды всего, один раз, правда, сильно. Полежу в госпитале, раны затянутся и снова на фронт — мстить за корешей своих. Лежат они теперь в братских могилах...

Михаил задумчиво слушал зэка-фронтовика. А тот продолжал:

-Веришь, када польскую границу перешли... Орлы-ребята! Ни в бога, ни в чёрта, тока в Сталина верили! Слыхал, поди: «За Родину! За Сталина!» Я с фронта, в обратнюю сторону, домой, почти месяц на крыше товарняков до Сибири добирался. Молодой — не застудился даже, хоть и тяжёлое ранение имел. И всё о матери думал: как она там, сердешная, без нас, мужиков — ни дров наколоть, ни воды натаскать... Всё самой... А по дороге, на станции под Красноярском, забыл её название, долго стояли... Драка по пьянке вышла, да воровство мне приписали. И... загремел я на полную катушку, — фронтовик складывает пальцы крестом. - За Родину, за Сталина! И потом, за колючкой, малось натворил делов... Я ж в последний год войны в полковой разведке служил, кой-каки замашки остались. - Помолчав, спрашивает Михаила: - У тя, паря, семья есть?

-Жена и дочка.

-А я так и не завёл. До войны сопляк ишо был, а после мой дом родной — барак да нары. Ни жены, ни детей. И мать в прошлом году померла. От так и копчу небо!

-Ты на Курской дуге был? — возвращается к теме прошедшей войны Михаил.

-Неа, - делает очередную затяжку зэк-фронтовик.

-А-а-а...

-А чё спросил?

-Отец мой, танкист, погиб там, наверно, в танке сгорел.

-Да-а-а... Слыхал от ребят в полку, что там така мясорубка была... И обгоревших танкистов после боя приходилось видеть - не приведи господь, как говорится...

В это время из окна милицейской дежурки Михаилу кричит пожилой милиционер:

-Протасов! Зайди в дежурку!

-Иди, может, освободят пораньше, - со знанием дела предполагает зэк-фронтовик.

Михаил аккуратно ставит метлу у входа в здание милиции, входит в дежурную часть.

-Иди к начальнику, - говорит ему дежурный.

Михаил отворяет дверь кабинета начальника милиции:

-Вызывали?

Сидящий за столом капитан средних лет машет рукой:

-Проходи, садись.

Михаил садится на стул рядом со столом начальника и ждёт, что тот ему скажет дальше.

-Тут на тебя положительная характеристика из совхоза пришла, просят досрочно отпустить домой. Рабочих рук, как всегда, не хватает. Так что собирай вещички, счас в вашу сторону как раз попутка пойдёт, - сообщает милиционер.

Во дворе милиции Михаил жмёт на прощание руку зеку-фронтовику:

-Будешь в Ключах - заходи. Спросишь Миньку Протасова, меня там все знают.

-Живы будем - не помрём! - подмигивает зэк-фронтовик и хлопает Михаила по плечу. - А мне скоро снова туда, откуда пришёл, - он показывает головой назад. - На воле жить навряд ли смогу.

Михаил едет в кабине «полутонки», с водителем не разговаривает, да и тот тоже не из болтливых попался.

-Наверно, всю войну прошла? - спрашивает, наконец, Михаил из приличия, осматривая глазами чужую кабину. - ГАЗ-АА?

Водитель согласно кивает:

-Ей в тылу досталось, а списать никак не могут. Те где притормозить?

-Можно он у той своротки, - показывает рукой Михаил.

-А от неё далёко шагать?

-Да почти что рядом.

-Я б тя завёз, да мне надо побыстрей, - водитель вроде как оправдывается.

Михаил хочет войти в магазин, где работает его Галина, но не решается. Ему на встречу выходят из магазина двое знакомых молодых мужиков:

-О, Михайло вернулся!

Другой в шутку:

-Надолго иль тока с проверкой?

-Насовсем, - не обижается Михаил.

-А мы тут так девятое мая отметили в клубе! - хвастается первый мужик. - Жалко тя не было! Первый раз так с размахом отпраздновали! Народищшу собралось!

-Молодцы, чё тут скажешь, - без энтузиазма воспринимает новости Михаил.

Мужики пожимают Михаилу руку и уходят. А он ещё немного стоит на крыльце магазина, будто о чём-то раздумывает, но потом поворачивается и уходит.

Но и мимо своего дома он тоже проходит, лишь глянув на него.

Михаил стоит возле палисадника дома матери. Лицо мрачное, виноватое, заросшее щетиной. За ограждением из штакетника Елизавета Гавриловна вскапывает грядку. Сын тихо её зовет:

-Мам... - Потом громче: - Мама!

Та оборачивается, поправляет платок, который съехал почти на глаза, и вроде даже не удивляется:

-Вернулся, слава богу. - Потом испытуемое: - Совсем отпустили?

-Вроде, - пожимает плечами сын. - Характеристику из совхоза прислали, потому и выпустили.

-Пойдём в дом, Миня, там прохладно. - И добавляет на ходу: - Как ты тихохонько подошёл, что я и не заметила...

...В маленькой кухоньке с русской печью Миня молча сидит на табурете, наблюдая за матерью, как та из алюминиевой старой кастрюли наливает до краёв в глубокую тарелку щи, кладёт туда столовую ложку густой сметаны, нарезает белый

хлеб, наливают в граненый стакан молоко из глиняной крынки, приглашает сына:

-Ешь, сынок. Кормёшка, наверно, была кое-как. Щи тока тёплы уже стали, к обеду варила. С квашеной капусткой, как ты любишь...

-Нормально, я таки люблю, - Михаил берёт со стола алюминиевую столовую ложку и с аппетитом принимается за еду.

-Был бы отец живой – не обрадовался бы твоёму поведению, Миня, - осторожно говорит мать.

-То-то и оно – был бы живой, - вздыхает Михаил и продолжает есть щи.

Сын по-мужски уплетает щи, а мать сидит рядом, смотрит сначала на сына, а потом поворачивает голову и смотрит в окно. Вспоминает...

Февраль 1935 года.

Баня у замёрзшей реки. Начинается метель.

В полуутёме бани измученное болью, с испариной на лбу, лицо молодой Елизаветы Гавриловны.

-Не рожу я, Мотя, сил нет... Зови Акулину, - устало говорит она Моте, старшей сестре мужа Елизаветы Гавриловны, наливающей в это время горячую воду в железный таз.

...В дверях бани вместе с морозными клубами появляется повитуха Акулина – грузная старуха с добрым лицом, на котором почти нет морщин.

-Хиус-то какой! Пошто сразу не позвали? - снимая овчинныйromanовский полушибок и тёмно-серую шаль, стала выговаривать Акулина.

-Сказывали, будто ты, Акулина Петровна, с радикулитом слегла, - оправдывается Мотя, принимая в руки верхнюю одежду повитухи.

-Я уж второй дён как на цырлах приплясываю, а миня всё в радикулитниках держат, - продолжает ворчать повитуха и начинает мыть в тазу руки с хозяйственным мылом. Затем Мотя льёт ей на руки чистую воду из банного ковша. Акулина Петровна споласкивает руки и вытирает их о чистое вафельное белое полотенце, которое так же покорно подаёт Мотя.

Всё это время Елизавета Гавриловна безучастно наблюдает за женщинами, а когда повитуха подходит к ней, сразу просит:

-Помогай, Акулина Петровна...

-Да уж сама, дева, вижу. Давно воды-то отошли?

-Часа три как, - спешит ответить за роженицу Мотя.

-Матрёна, ты сядь покамесь в уголке. Понадобишься – позову, - твёрдо просит повитуха.

Метель разыгралась не на шутку, кое-как уже можно различить очертания бани.

Снова измученное лицо Елизаветы Гавриловны – роды идут трудно.

-Тужься, Лизавета, будто по-большому ходишь – так ловчее рожать, - командует Акулина Петровна, стоя в ногах роженицы. – Тужься, как говорю, не бойся... От так... так... Передохни чуток... Немного уж осталось. Это у тя по счёту каки родыто?

-Вторые, - переводя дыхание, отвечает Елизавета Гавриловна.

В углу тихо плачет Мотя, она сильно переживает за жену брата.

-Ну, дева, они у тя должны уж сами выскакивать... Давай-ка, подтужься... Тужься сильне... Сичас точно выскочит... От... от... головка показалася... Башковитый какой просится... От... от... пошло дело...

Лицо роженицы напряжено до предела. Мучительные стоны... И - первый крик новорождённого.

-Мужик на свет появился, - показывает младенца довольная и тоже уставшая повитуха, а у Елизаветы Гавриловны нет сил улыбнуться, только слёзы текут по щекам.

-Радуйся, дева, здоровенький он какой. А подрастёт чуток - крестить приносите, раз я у вас тута и за кушерку, и за попа... Слава те, господи! – крестится Акулина Петровна. – А начнёт криком изводиться, так от грыжи заговорю...

Мотя заглядывает в красное лицо племянника:

-В нашу породу, вылитый Кеша.

-Горячей воды лутче подлей, эта остыла, надоить обмыть наследника, - добродушно командует Акулина Петровна. И обращается к Елизавете Гавриловне: - Придумали, как назвать-то?

-Михаил... В честь нашей церкви Михаила Архангела, жалко сгорела, - устало отвечает Елизавета Гавриловна. И просит

Мотю: - Мотя, сходи в избу, можить, Кеша, с дровам уже вернулся - позови.

-Архангел Михаил, - с умилением глядя на чмокающего губами младенца, со значением произносит повитуха. И добавляет врастяжку: - Арха-а-нгел...

Вернувшись из воспоминаний, Елизавета Гавриловна грустит вслух:

-Езли всё вспоминать... Сама мучаюсь и вас нарожала мучиться. Так вся жись и проходит, Миня...

...Мать и сын разговаривают уже в горнице, сидя на диване.

-Я ей говорю: давай, Галька, забудем все обиды, а она... - не находит подходящих слов Михаил, - как об стенку горох!

-Смирись, Миня. У людей не лутче: в каждой избушке - свои погремушки.

-Ага, кошка скребёт на свой хребёт, - гнёт своё Михаил.

-Остепенись! Бросай свои выходки! От отколошматил ты иё, хошь и было за чё, а дале-то как жить? Учишь вас, учишь - всё без толку, как об стенку горох. Хошь кол на голове теши. А мать рази плохова своёму дитя посоветует?

Михаил, наконец, стал внимательно слушать мать. У неё своя правда.

-Езли и дале пойдёт у вас, как кошка с собакой, то ить жись о-о-й какой длинной покажется! Кому-то надоть уступать. Любишь свою Гальку - стисни зубы и терпи. А там, глядишь, и она чё-нить поймёт. А нет, так... Баба есть баба: с ней бороться - тока сибе на погибель... Запомни это, сынок.

- Поймёт она... Как же...

- Всяко бывает. Тут не знашь, чё завтри будет, а ты на всю жись хошь загадки загадывать.

-Посмотрю ишо на её поведение, - изо всех сил не поддаётся Михаил.

-И смотреть нечива: или живите, или разбегайтесь врозвь, чтоб нервы друг дружку не трепать.

Михаил молчит.

- Так-то, сынок, - уже не с такой силой убеждения продолжает мать, - все мы не без греха, чё уж тут рассусоливать... Ты в бутылку-то боле не заглядывай, она ить к добру не приведёт. Сколь от иё мужиков пострадало!

Михаил не находит, что ответить, потом просит:

-Я у тя маленько поживу?

-Живи, какой разговор. Это твой родной дом. А там - всё равно мириться надоть, езли невмоготу без иё. Куды деваться?.. Тока опеть сходиться, да и доча у вас растёт.

Неделю спустя. Михаил привычно управляет машиной ГАЗ-53, проезжая мимо околицы своего села. Затем дорога проходит мимо зарослей черемухи у ручья. Подъезжая к нему ближе, видит возле кустов парочку влюблённых. Узнает фельдшерицу Лену и парня Александра, недавно вернувшегося из армии. Кавалер заботливо набрасывает на плечи подруги свой двубортный пиджак. Михаил сбавляет ход, наблюдая, как Александр ломает ветку цветущей черемухи и вручает её Лене. Та чуть наигранно смущается, опуская глаза. А Александр, заметив, что Михаил сбавил ход, показывает ему незаметно рукой за своей спиной: мол, проезжай скорей, не мешай.

В следующем кадре в кабине едущей машины Михаил и Галина. Молчат, лица у обоих хмурые. В кузове - сторож Адам Егорович. На месте, где недавно гуляла пара, Михаил останавливается, выскакивает из кабины, торопливо ломает ветки цветущей черёмухи.

Жена наблюдает за мужем. Адам Егорович косится на Михаила из кузова и бормочет себе под нос:

-На то она и молодежь (*ударение на первую гласную, - прим. автора*), чтоб с ума сходить.

Михаил возвращается к машине и неуклюже бросает благоухающую охапку в руки Галины. Та прижимает ветки к себе, но ничего не говорит.

Едут дальше. Галина уткнулась в белые цветки черёмухи. Но потом кладёт их на сиденье рядом, давая понять, что ещё не простила мужа.

Михаил от обиды прибавляет газу, и машина прыгает на ухабах. В кузове стало сильно подбрасывать деда, он едва удерживается на перевёрнутом ведре. Свалившись с «сиденья», сердито стучит по кабине:

-Эй! Не дрова везёшь!

Михаил же, не сбавляя скорость, неодобрительно поглядывает на Галину, которую тоже подбрасывает, но она терпит.

Глава 22 Трагедия

Апрель 1966 года.

На территорию гаража въезжает ГАЗ-53, за рулём Михаил – осунувшийся, небритый. Из окна диспетчерской его видит начальник гаража Григорий Максимович и выходит навстречу.

Из кабины вылезает Михаил, спрыгивает с подножки на землю. Обычное рукопожатие.

-Здорово, Максимыч.

-Здорово. Ты чё такой сердитый? На сердитых воду возят – слыхал?

-А-а! - Михаил с досадой машет рукой.

-Опеть, чё ли, поругались со своей? И чё вас мир никак не берёт?.. Молодые, чё с вас взять! Думате, вся жись ишо впереди... А она пролетит и не заметите.

В это время в дверях диспетчерской появляется диспетчерша Раиска, кричит завгару:

-Вас к телефону!

-Миня? – переспрашивает Григорий Максимович, показывая на себя пальцем.

-Вас! Директор на проводе!

-Иду!

На ходу оборачивается к Михаилу:

-Дождись меня, на днях со своим шурином в командировку отправитесь...

-Притормози, Максимыч, закурить не найдётся? - останавливает завгара Михаил.

Завгар быстро вытаскивает пачку «Беломорканала», пытается второпях вытащить папиросу, но пальцы не слушаются, и он отдаёт Михаилу всю пачку:

-На покамесь!

Михаил садится на лежащий рядом баллон от грузовой машины, не спеша достаёт из пачки папиросу, продувает её, сплющивает один конец, берёт в рот, затем достаёт из кармана рабочих брюк спичечный коробок, вытаскивает спичку, зажигает её и закуривает.

В дверях диспетчерской снова появляется Раиска и «подкатывает» к нему. В её движениях явное кокетство:

-Здравствуй, Михаил.

-Здорово, коль не шутишь.

-Да уж каки тут шутки! Подвинься-ка...

Михаил нехотя отодвигается, машинально вытаскивает из пачки ещё одну папиросу и кладёт её за ухо.

-Как тока тя Галина терпит? Куряшиша такого, – Раиска присаживается на баллон рядом.

-А у тя и такого нет.

-Так бы и повыривала у вас, мужиков, языки! – притворно обижается Раиска.

-Не обижайся, я так - для связки слов.

-Для связки слов у вас матерки, - начала было «воспитывать» Раиска, но тут из диспетчерской выходит завгар Григорий Максимович, машет ей рукой:

-Раиса! Иди дежурь!

Раиска нехотя поднимается с баллона и небрежно роняет:

-Ну, бывай... - И «проплывает» мимо идущего к Михаилу Григория Максимовича.

Тот бросает ей вслед осуждающий взгляд, подходит к Михаилу:

-Ко всем липнет... И чё ей с Витьком не жилось? Хоть бы кто бабёнку снова замуж взял.

-От ты и возьми, - ни то в шутку, ни то всерьёз предлагает Михаил. - Не всё ж одному жить.

Григорий Максимович крутит пальцем у виска:

-У тя все дома-то? Я ей в отцы гожусь. Да и... силёнки уж не те. От бы годков двадцать сбросить...

-Ну?..

-Баранки гну. Давай о деле, Михайло. Хотел я вас с Юркой Князевым за запчастями через недельку послать, када дорога маненько подсохнет, да директор совхоза тока от звонил, хочет, чтоб я завтра же машины в сельхозтехнику отправил.

-Об чём разговор, в пять утра и рванём, - мрачно соглашается Михаил.

-Михаил, ты, понятно, не сердися на меня, не моё это дело... Ты ему вроде как «насолил»?

-Кому? – прикидывается Михаил.

-Да ладно те, все ж знают...

-Я не знаю – скажи.

-Да брось ты!

-«Насолил»! – зло усмехается Михаил. - Это кто кому...

-Гляди, палку-то не перегибай. Нашёл с кем связываться, он всё ж директор совхоза. Да ишо из-за бабы... - и вовремя осёкся.

-Сопи по-стариковски в две норки, Максимыч, и не лезь не на свою телегу, - дерзко реагирует Михаил.

-Ладно! – миролюбиво соглашается зав-

гар. - Иди за путёвкой, Раиска там выпишет.

Михаил поплёлся к диспетчерской, а за него ему осуждающе тихо вслед:

-Э-э-х... Совсем озверел со своей Галькой!

Рано утром едут друг за другом по грунтовому тракту две пустые грузовые машины - ГАЗ-53 и ГАЗ-51. За рулём первой - Михаил, второй - шурин Юрий Князев, который безмятежно бубнит себе под нос:

Крепче за баранку держись, шофер...

Сквозь лобовое стекло пробивается пока несильное солнышко. Михаил поправляет зимнюю потрёпанную шапочку, какие носили в то время солдаты советской армии. Смотрит в боковое стекло, видит сзади машину шурина Юрия Князева. Не отрывая взгляда от дороги, правой рукой открывает «бардачок», нащупывает там ржаной сухарь. Достаёт и грызёт его.

Машины проезжают указатель с надписью «Малая Мамырь». Въезжают в село, останавливаются у одноэтажного бревенчатого строения с вывеской «Чайная». Вылезают поочередно из кабин. Юрий показывает глазами на чайную:

-Перекусим?

-Давай, - соглашается Михаил, потирая ладонью по телогрейке в области желудка.

- Тока ты меня сёдня покормишь.

-Понятно... Опять ругань у вас...

В чайной народу немного. За буфетной стойкой - яркая брюнетка, с накрашенными бордовой помадой губами, отмечает что-то на бумажке карандашом. За столом в дальнем углу сидят четверо шоферов, они что-то пьют из граненых стаканов, громко разговаривают.

Михаил с Юрием садятся за свободный стол. Юрий выкладывает из холщовой сумки несколько варёных яиц, хлеб, кусок солёного сала, завёрнутого в газету. Из кармана ватной телогрейки достаёт складной нож, разворачивает газету и начинает прямо на ней нарезать сало.

Михаилу неудобно, что ему жена Галина ничего не собрала в дорогу, поэтому старается смотреть не на еду, а в сторону, вроде процесс приготовления к приёму еды его не касается. Когда уже можно приступить к трапезе, говорит Юрию:

-Сиди, счас по сто грамм принесу, у меня рупь случайно в кармане завалялся, - поднимается со стула и направляется к буфетчице.

-Мне бы горячего чаю стакан, - просит вдогонку Юрий.

Но Михаил уже не слушает, подходит к буфетчице:

-Нам с корешем по сто грамм.

Буфетчица, привыкшая к вольному поведению шоферни, глазом не моргнув, достаёт из-под полы бутылку водки и наливает её содержимое в граненые стаканы. Получилось по половине стакана.

Юрий с Михаилом выпивают, начинают закусывать. Но Михаил на еду сильно не налегает. Шурин ему:

-Закусывай, Минча, не стесняйся, - радушно приглашает шурин.

-Успею, - Михаил тянется за кусочком солёного сала.

-Не жрёшь ни хрена... Захмелешь быстро.

-Учёного учить - тока портить. Сиди, счас снова по сто грамм закажем, деньги покамесь есть, - Михаил снова направляется к буфетной стойке.

Юрий осоловелыми глазами оглядывается по сторонам, замечает в дальнем, тёмном углу разгулявшихся шоферов, кого-то там узнаёт, приподнимается со стула:

-Пашка! Кадэля!

Из угла неуверенно:

-Юрка - ты?

...Сидят уже одной компанией за столом тех, четверых шоферов. Голоса явно пьяные. Пашка-кадэля, обняв за шею Юрия, рассказывает своим напарникам:

-Это мой армейский дружок. Вместе в Маньчжурии служили. Три года из одного котелка хлебали... Давай, паря, выпим!

Чокаются гранеными стаканами, выпивают. На столе видны две бутылки водки «Московской». Одна - пустая, в другой ещё половина.

В чайной плывёт папиросный дым. Михаил начинает плохо различать лица сидящих. Едва, как сквозь вату, слышит голос Юрина дружка:

-Юрка, почему твой кореш всё время молчит? Разговаривать с нами, работягами, не хочет? Ты чё молчишь, чудак? - обращается Пашка-кадэля через стол к Михаилу.

Подходит буфетчица, убирает со стола

пустую бутылку и строго предупреждает:

-Больше водку не продам! Чую счас прнесу, заканчивайте тут!

Вечер. На крыльце чайной лицом вниз неподвижно лежит Михаил. Юрий его тро-мощит:

-Поднимайся, Миня, поехали дальше.

Михаил кое-как приходит в себя, с трудом садится, трогает окровавленное ухо.

-Ни хрена себе перекусили... Юрка, чё было-то? Где твой однополчанин?

-Все давно разъехались... Дали те втром по балде и смотались.

-А ты где был?

-И мне успели поддать. Даже друг не смог удержать.

-Хреновый у тя кореш, раз...

-А драку-то ты затеял, - перебивает Юрий.

-Зачем?

-А спроси себя!

-Ухо порвали, кажись, - трогает окровавленное ухо Михаил.

-Заживёт как на собаке. Давай подымайся, да ночлег в этой деревне будем искать. Я - тоже пьянёхонек. Проспимся и с утречка махнём дальше.

Рассветает. На полу возле сундука, на серых овчинных рогожках, спина к спине спят в рабочей одежде Михаил с Юрием, укрытые своими мазутными телогрейками. Хозяйка-старуха щиплет лучину для растопки русской печи. У неё выскальзывают полено из рук и с грохотом падает на пол. От этого звука просыпается Михаил. Открывает глаза, не может понять, где он, приподнимается на локте, осматривается...

На улице, возле ограды дома, Михаил с Юрием прогревают свои машины: заливают из ведра горячую воду в радиаторы, газуют, проверяют двигатели.

На крыльце выходит бабуля, пустившая их вчера на ночлег:

-Идите, ребята, хоть по кружке чая выпейте.

За столом в тесной кухоньке Михаил осторожно начинает:

-Хозяйка, ничё покрепче нету?

-Нету, милок. Давно самогонку не гоню. Как дед на кладбище определился - так и не занимаюсь энтим делом.

-Ну, на нет и суда нет, - Михаил начинает чистить от кожуры варёную картошку в мундире.

-Сама сроду не пивала, а продавательством нету-ка желанья канителиться, - для большей убедительности добавляет пожилая женщина.

После завтрака мужики выходят на крыльце. Михаил находит в пачке последнюю «беломорину», комкает пустую пачку и бросает её подальше от крыльца. Закуривает.

-Пойду... отолью перед дорожкой, - Юрий спускается с крыльца и уходит за угол дома.

Тут бабуля выходит на крыльце.

-А-а-а, - с укором качает она головой, видя, как Михаил курит. - Молодой, а так разбаловался. Это пущай курют, кто с фронту возвернулся. Оне через огни и воды прошли... Им положено. А вы-то, молодежь (*ударение на первой гласной и вместе «ё» после буквы «д» произносит «е», - прим. автора*) с чиво дым почём зря пускать?

-Не ругайся, Антоновна. Скажи лутче: лёд на заливе покамесь толстый? Успем проскочить?

-Та как сказать... - прикидывает Антоновна. - Броде с неделю назать проезжали шофера. А эти дни никаво не видала. Си-час ить как - день быстро прибывать стал! Может, и поубавился лёд. Хотя ночью морозец прихватил, вода в бочке в сенях замёрзла, а ведь сёдня уж пято апреля. Но всё равно лутче вам по тракту дале ехать - надёжне так-то.

-Время мы потеряли, - виновато вздыхает Михаил и бросает окурок на землю, предварительно поплевав на него.

-Рисковать - судьбу испытывать, - резонно замечает старуха Антоновна.

-Так-то оно так, - соглашается Михаил.

Тут Юрий возвращается:

-Ну чё, поехали?

-Спасибо, хозяйка, за хлеб-соль! - благодарит Михаил.

-Извиняйте, если чё не так, - добавляет Юрий.

-С богом! Тракт просох: оглянуться не успете, как на месте будете, - говорит на прощание Антоновна.

Михаил и Юрий стоят на берегу залива:
-Думашь, проскочим, Юрка?
-А хрен иво знат! Пойдём хоть на лёд зай-
дём – проверим.

Ходят по льду, слегка подпрыгивают,
проверяя лёд на прочность.

-Вроде крепко ишо держит, - с надеж-
дой в голосе произносит Михаил.

-Хоть бы проехал кто – тада бы точно
знали, - шутит Юрий.

-Неделю назад вроде ездили, - уговари-
вает себя Михаил.

-Неделю! Ты бы ишо сказал – месяц! –
сомневается Юрий.

-Лёд вроде покамесь толстый – должны
налегке проскочить, а?

-Так-то вроде должны, - мнётся Юрий. -
Перемахнём - покамесь порожние...

-Время сильно сэкономим, Юрка, - на-
стаивает Михаил. - Пять минут - и мы на
Стрелке. А там и до Заярска рукой подать.

-В полынью бы тока не угодить, - про-
должает сомневаться Юрий.

-Ты главно не тормози нигде. Проскоч-
им! И дистанцию смотри держи!

...Михаил заводит машину, за ним -
Юрий. Михаил заезжает на лёд первый.
Колёса хорошо идут по видимой дороге.
Постепенно машина разгоняется. Михаил
смотрит в боковое стекло: Юрий, соблюдая
дистанцию, едет следом. Колёса машин
уверенно скользят по льду.

Вот и берег. Михаил с облегчением выво-
дит на него по наезженной колее машину.
Останавливается, выскакивает из кабины,
смотрит, как едет ещё по ледяной перепра-
ве машина Юрия. Вроде всё нормально. До
берега осталось меньше двадцати-пятнад-
цати пяти метров, как вдруг под задним
правым колесом стал трещать лёд.

-Не сбавляй ход! – орёт во весь голос
Михаил.

Но Юрий, почуяв неладное, высовы-
вается из кабины, вертит головой, отвлека-
ется от дороги...

-Вперёд! Вперёд! – бежит навстречу Ми-
хаил.

Однако машина шурина стала быстро
проваливаться в воду...

Юрий пытается открыть дверцу водите-
ля, но её придавило льдом. Стал вылезать
из открытого окна дверцы, но телогрейка
намокла и мешает выбраться...

-Держись, Юрка, держись! – Михаил
изо всех сил бежит к нему, на льду под-

скальзывается, падает, встаёт, снова бе-
жит...

Но в этот момент Юрий вместе с маши-
ной стремительно уходит в ледяную воду!

С высоты птичьего полёта видно: чёрное
место в заливе, где скрылась под водой ма-
шина. К нему бежит Михаил с нечеловече-
ским криком:

-Держи-и-и-ись!

На краю места, куда провалилась ма-
шина Юрия Князева, готовятся к работе
водолазы. Один в специальном резиновом
костюме погружается в воду, другой стра-
хует его. Рядом за происходящим наблю-
дают участковый милиционер и Михаил.

-Здесь вроде и недалеко от берега, а вот,
поди ж ты, глубина какая - хватило, чтоб
утонуть, - рассуждает милиционер (50-55
лет), нескладный мужчина в тёмно-синей
форменной одежде, с глубокими морщина-
ми на лице, по виду – бывший фронтовик.
Он искоса глядит на Михаила, но тот, по-
трясённый случившимся, только расте-
рянно смотрит в чёрную воду.

Едущая машина ГАЗ-53, в кабине за
рулём мрачный Михаил и милиционер,
присутствующий при водолазных работах.
В кузове лежит мёртвый Юрий Князев,
укрытый с головой простынёй и сверху -
брзентом.

Машина медленно приближается к дому
шурина в Ключах, где у открытых настежь
ворот уже собрались односельчане.

-Тот дом, чё ли? – догадывается мили-
ционер, вытянув голову вперёд.

Когда машина въезжает в ограду и оста-
навливается, народ обступает её. Михаил
не торопится вылезать из кабины. Мили-
ционер, приоткрыв дверцу, перед тем как
выйти из кабины, внушительно наказы-
вает Михаилу:

-Давай, паря, тока без лишних подроб-
ностей, - кивает в сторону людей, - особен-
но родным – у их и так нервишки на преде-
ле. И про морг – ни слова.

Спрятав на землю, милиционер обра-
щается к мужикам и подошедшему к нему
загару Григорию Максимовичу:

-Здорово, мужики. Жена и мать в доме?

Не успевает Григорий Максимович от-
ветить, как за их спинами раздаётся душе-
раздирающий крик:

-Покажите мне иво, живова покажи-и-

те-е-е-е!.. - к машине неровным шагом, в тёмно-коричневом платке приближается обезумевшая от горя мать Юрия – Мария Прокопьевна. Её поддерживают под руки, тоже заплаканные, жена Юрия и Галина.

Милиционер и ещё какой-то мужик пытаются открыть кузов, но у милиционера плохо получается, и он, заглянув в кабину, где всё ещё неподвижно сидит Михаил, командует недовольно:

-Чё сидишь, помогай!

Но справляется сам. А когда Михаил вылезает из кабины – виноватый и бледный, то Галина, показывая взглядом на мужа, не сдерживается:

-Это он нарочно!

Бабы и мужики вокруг стали оправдывать такое поведение Галины и, обращаясь к Михаилу, негромко произносят:

-От горя и не так ишо скажешь...

-Знал бы, где упасть...

Односельчане многозначительно вздыхают, а кое-кто рукавами ватных телогреек и слёзы вытирает.

Только Михаилу от их понимающих вздохов и взглядов не легче. Как неприкаянный, отходит он к бревенчатой стене дома, прислоняется к ней спиной. Кто-то из мужиков подаёт ему папирису и спички, а он в ответ лишь молча отводит руку, мол, не до того сейчас. И стал наблюдать, как Григорий Максимович с мужиками осторожно снимают с кузова закостеневшее тело шурина, поправляя брезент, чтобы тот не слетел. Когда Юрия Князева кладут на приготовленные доски, лежащие на табуретках, милиционер приоткрывает лицо мёртвого, хочет обратиться к завгару, но тот даёт в этот момент какие-то указания мужикам, и он обращается к матери и жене:

-Вы подтверждаете, что это Князев Юрий Николаевич?

В ответ женщины только с новой силой начинают реветь.

-Кто распишется в протоколе опознания? – снова спрашивает милиционер.

-Давайте, я родная сестра, - вытирая слёзы краем платка, Галина берёт заправленную тушью ручку из рук милиционера и расписывается, где он указывает пальцем.

Григорий Максимович командует мужикам:

-Ты, Никодим, - обращается он к лысо-

ватенькому мужику, - поднесите с Егорычем гроб поближе к бане. Как обмоет баба Нюра, оденете вместе... И смотрите там – без посторонних.

Завгар отводит в сторонку милиционера, они о чём-то тихо переговариваются, а затем подходят к Михаилу. Григорий Максимович начинает лукаво:

-Участковый говорит, что ты не виноват, мол, дело случая, а ты как думашь?

-Если так говорит, значит, знает, чё к чёму, - малодушно соглашается Михаил.

-Ладно, время покажет. Предстоит те, однаха, ишо объясняться в органах, - угрожает завгар.

-Как понадобится – следователь вызовет через сельсовет повесткой, - заключает милиционер.

-Как вы на льду-то оказалися, кто вас сманил, дураков? - не унимается завгар.

-Бог – ни Микишка, у иво своя записана книжка, - выныривает из-за спины Григория Максимовича местная сплетница Ефимовна.

-Иди, Ефимовна, занимайся своим делом, - отправляет её подальше завгар. И снова отводит милиционера в сторону: - Может, переночуете? Можно у меня. А завтра с кем-нить отправим. У нас пошли каждый день машины в вашу сторону идут.

-Рад бы, да дел по горло. На тракт выйду – кто-нить попутно подберёт.

Прощаются рукопожатием. Милиционер напоследок многозначительно смотрит на притихшего Михаила, поднимает ладонь вверх: мол, бывай. И вот он уже шагает по деревенской улице. Навстречу ему попадаются мужчины и женщины, спешащие к дому погибшего.

Похороны. По улице несут гроб с телом Юрия. За ним – родственники и огромная толпа односельчан. Гроб мужики несут на белых вафельных полотенцах, перекинутых через их шеи: трое справа и столько же слева. Среди них – Михаил: лицо напряжённо-виноватое. Процессия останавливается. К мужикам, несущим гроб, подходит смена. Михаил машинально снимает с шеи полотенце, передает Лёне Каймонову и отходит в сторону. Когда все трогаются снова с места, он немного отстает, но какой-то идущий сзади дед молча подталкивает его за локоть: мол, пошли, не отставай. И Ми-

хайл идёт вместе с людьми дальше, опустив голову. Чувствует, ох как чувствует он свою вину!

Глава 23

Надо жить дальше

Вскоре после случившейся трагедии. Раннее сибирское апрельское утро. Кругом проталины, но снег ещё не везде окончательно растаял. Михаил с хмурым лицом торопится на работу: в мазутной телогрейке, кирзовых сапогах. Идёт по узкой обледеневшей тропинке, иногда сапоги соскальзывают с нёе на землю. Впереди виднеется высокий забор гаража – разной высоты доски (горбыль) с колючей проволокой наверху. Подойдя к забору, Михаил отодвигает одну доску и пролазит в дыру.

...Завгар Григорий Максимович подводит Михаила к одной из брошенных у забора неисправных машин:

-От. Извиняй, лутче не нашли.

Михаил, глядя на полуразобранную на запчасти машину, помалкивает.

-Чё молчишь? Можешь вдоль забора сам пройтись, - завгар показывает на несколько стоящих в ряд у забора сломанных машин. - Можить, лутче найдёшь...

Михаил косится на предлагаемые грузовые автомобили:

-Да где уж тут лутче, если тока хуже...

-От и я грю – эта машина хоть и не нова, но вполне пригодна для ремонту.

-«Пригодна», - усмехается Михаил. Он залезает на переднее крыло, открывает капот и присвистывает: - Да тут «внутренностей» совсем нет. Специально, чё ли, за ночь расташили?

-Миня, охолонись. С запчастями поможем. Опять же кузнец у нас, Василь Васильевич, и токарь этот, как иво... Ионас-литовец – мастера на все руки, сварганят те каку надо деталь.

Михаил что-то трогает в оставшихся «внутренностях», словно проверяет на прочность:

-Ни двигателя, ни кардана от ходовой к мотору...

А завгар не умолкает, хлопает машину по деревянной кабине и говорит так, словно заученный текст:

-Первый советский дизельный грузовик серийного производства – ЯАЗ-200, - при этих словах дверь слетает с верхней петли и теперь висит косо. – Рабочий объём дви-

гателя около пяти тысяч кубических сантиметров...

-Где его тока взять? – тихо вздыхает Михаил.

-...Мощность двигателя сто десять лошадиных сил, грузоподъёмность кузова семь тонн. Семь тонн! – для убедительности завгар хлопает ладонью деревянный кузов. И одна сторона его с грохотом открывается.

-Хорош зубы-то заговаривать. Каракатицу мне подсунул и радёхонек.

-Я дело грю – слушай. Небось, не зря я получал знания на шестимесячных курсах. Всё помню! Я ведь, можно сказать, знатно учился и сдавал все предметы на «хорошо» и «отлично» – всё с первого раза (*ударение на вторую гласную, - прим. автора*).

-«Я, я», - беззлобно передразнивает его Михаил, спрыгивает на землю и отряхивает друг о друга ладони. – «Я», Григорий Максимыч, чтоб ты знал, последняя буква в алфавите.

-Чёрт с тобой! Делай, чё хошь! - завгар поворачивается и уходит.

Михаил без энтузиазма смотрит на сломанную машину:

-И чё мне тут с тобой делать? Разорваться, чё ли?..

На фоне мотива песни из индийского кинофильма «Бродяга» Михаил вместе с бывалым кузнецом Василием Васильевичем выковывают заклёпки на главную ведущую шестерню. Потом идёт к токарю Ионасу-литовцу и наблюдает, как тот тщательно растачивает внутренние тормозные барабаны. Михаил уважительно смотрит на мастера, а когда работа готова, рассматривает её в руках и довольный, с размаху («дай пять!») жмёт руку токарю.

И снова Михаил копается в моторе, что-то прилаживает и примеряет. В следующем кадре он уже вдвоём с Лёней Каймоловым – дружки ставят на место какой-то механизм. Слышино, как они переговариваются:

-Чуть правее возьми, - подсказывает Михаил Лёне.

-А ты болт ровнее держи... во... закручивай, - отзыается Лёня.

Получилось. И мужики радостно переглядываются. Лёня искренне сочувствует другу:

-Эх, Миха, те бы грамотёшку – стал бы механиком. «Котелок» у тя здорово «варит».

-Стартёр надо бы ишо поменять, - улыбается Михаил.

Через два месяца. Завгар Григорий Максимович подходит к отремонтированной машине Михаила, тот садится за руль, заводит двигатель, делает прогазовку, затем глушит мотор и довольный выглядывает из кабинки:

-Чё скажешь, завгар?

-Эх, Михаил, грамотёшки бы те на браться – цены б те не было. Механиком бы точно стал! А так чё у тя?.. - разводит руками Григорий Максимович.

-А то ты не знаешь... Четыре класса и колидор.

-Да-а-а, война, война... Одни полегли, други не выучилися... Ладно, шамань тут покамесь, а после обеда решим, куды тя завтра отправить, работы полно, сам знаешь, - и завгар уходит по своим делам.

А Михаил, спрыгнув из кабинки на землю, берёт с крыла промасленную ветошь и, вытирая ею руки, изучающим взглядом окидывает оставльные брошенные под забором машины:

-Развели бесхозяйственность! - и бросает ветошь на крыло.

Глава 24

Легкомыслие продолжается

В августе этого же года. Михаил на корточках сидит в бане перед топкой, в которую подкладывает полешки дров. Слышишь, как во дворе начинает лаять собака. Выходит из бани. Приоткрывается калитка ворот, показывается фигура Бориса Фёдоровича, директора совхоза.

-Михаил! Собаку убери! - просит он ми-ролюбиво.

Михаил подкатывает небольшую чурку к будке и таким образом закрывает в ней лающего пса. Нехотя подходит к директору совхоза. Обходятся без рукопожатия.

-Здорово, Михаил! Извини, что беспокою. Мне Галина Николаевна нужна, - бодро начинает Борис Фёдорович.

-Она в доме убирается. Баня пропотится - стираться пойдёт, - недружелюбно отвечает Михаил.

-Придётся уборку немножко отложить. Надо срочно кое-какие продукты со скла-

да выдать в бригаду целинников, - как-то вкрадчиво просит Борис Фёдорович. И добавляет, словно оправдываясь: - Едут на дальние деляны, там будут пашни разрабатывать. А как без запаса продуктов?

-Понятно. А кроме неё никто больше не может? Есть же второй продавец...

-Даключи-то у не одной.

В это время из дома выходит Галина. Увидев директора, вся подтягивается. И он тоже волнуется, забыв, что муж рядом.

-Здравствуй, Галина Николаевна. Извини, что в выходной беспокою, поработать немного надо, продукты бригаде выдать...

-Я счас, токаключи возьму, - спешит назад в дом Галина.

Михаил берёт топор и с силой вонзает в чурку. Директор совхоза оглядывается, но не произносит ни слова. Молча смотрят друг на друга. В это время выбегает уже переодевшаяся Галина, на ходу бросает мужу:

-Я быстро!

Михаил в ответ только недоверчиво смотрит ей вслед. Потом возвращается в баню, открывает топку, видит, что горящих углей ещё много, берёт кочергу, шурует ею угли, снова закрывает топку.

...Заходит в дом, смотрит, как дочка играет с котёнком: на ниточке подтягивает клубок из тряпок и котёнок бежит за ним. Михаил уговаривает дочку:

-Пойдёшь в гости к бабе Даше и дедушке Ване?

-Пойду! У них пирожки с капустой, мама говорила, - радуется Рита. И бежит к вешалке: - Пап, сними мне кофту!

Михаил протягивает дочке шерстяную светло-зелёную кофточку.

И вот он уже ведёт за руку через дорогу к соседям радостную дочку. А едва переступив порог соседского дома, просит:

-Баб Даша, посиди с часок.

Та в недоумении:

-А ты куды торопишься? Галина-то где, дома?

-Мама с директором уехала! – спешит сообщить Рита.

-А-а-а, от оно чё, – баба Даша будто о чём-то догадывается. Помогает Риточке снять кофточку и обращается к Михаилу:

-Ты ненадолго?

-Да нет, надо тут кой-каво проверить, - и Михаил скрывается за дверью.

Баба Даша спешит к окну, с любопытством наблюдает, как Михаил выезжает из ограды на своём недавно отремонтированном ЯАЗ-200.

-Опять концерты по заявкам началися, - тревожно вздыхает баба Даша.

Машину Михаила подъезжает к совхозной конторе. Сторож Адам Егорович выходит на крыльце.

-Дед, тут твой начальник не проезжал? – громко спрашивает Михаил, высунувшись из кабины.

-Так он, поди, на Подберезовой заимке. Там у иво дела – нам незнамые!

-Точно на Подберезову укатил?

-А кто иво знат? Может, и на Сплоть подался...

-А на реке-то ему чё делать?

-А кто иво поймёт, холеру таку...

Михаил на малой скорости едет по лесной дороге, впереди замечает стоящий на обочине директорский «бобик», останавливает свою машину рядом. Вылезает из кабины, вытаскивает из-под сиденья монтировку. Осторожно, не хлопая, прикрывает дверь кабины и бесшумно удаляется в глубь леса.

Вот он выходит на опушку леса. За сваленными старыми сосновами слышит голоса. Сначала тихие, слов не разобрать, потом, по мере приближения, – внятные. Михаил останавливается, прислушивается, прислонившись к стволу сосны.

...Галина и директор совхоза, уже одетые, милуются на растеленном на траве пикейном покрывале.

-Борис Фёдырыч, ты больше так не приезжай за мной. Муж ведь не дурак – догадается.

-Вкусная ты какая, - целует Галину в плечо через тонкую кофточку Борис Фёдорович.

Галина игриво смеётся:

-Какая же я вкусная – не пирожок ведь...

-Ближе к зиме путёвку на юг возьму: поедешь со мной?

-Сбрендил? Куда мне ехать – хозяйство, корова...

-А ты скажешь, что полечиться на юге надо.

-От чего?

-Ну что-нибудь там по-женски...

-Да здоровая я!

-Вот и хорошо, что здоровая – такая ты мне и нужна.

-Ой, муравей заполз, - Галина находит повод увернуться от очередного поцелуя.

И тут Михаил не выдерживает, ловко запрыгивает сначала на поваленные деревья, а в следующую секунду оказывается рядом с парочкой:

-Счас вы на пару муравьёв жрать будете!

Борис Фёдорович испуганно вскакивает, на ходу застегивая ремень на брюках:

-Михаил, подожди, давай разберёмся...

Галина лихорадочно пытается застегнуть на груди блузку, но пальцы не слушаются:

-Минька, это первый раз, первый раз так вышло... Ничего и не было!

Михаил замахивается на неё монтировкой:

-Убью, подстилка!

Борис Фёдорович перехватывает руку с монтировкой:

-Сядешь, дурак! – вырывает монтировку и отбрасывает её в сторону.

-Да лутче отсидеть, чем на вас, голубков, смотреть, - и со всей силой отталкивает Бориса Фёдоровича в сторону. Тот, не удержавшись на ногах, падает. Но быстро встает. Замахивается кулаком на Михаила. Однако тот опережает его и первым наносит удар по подбородку. Завязывается отчаянная мужская драка.

-Падаль! Я те покажу, как чужих баб уводить! – Михаил наносит очередной удар сопернику.

-Сволочь! Уволю!.. - грозит Борис Фёдорович.

-Уволишь, если будет чем увольнять, - наступает с ударами Михаил.

Галина испуганно кричит:

-Минька, посадют тебя!

-Не посадят! Я ишо вас, сволочей, переживу... - и поддаёт Борису Фёдоровичу кулачищами, тот уже слабо сопротивляется, всё-таки он постарше, силёнок поменьше.

Наконец оба устают. Борис Фёдорович, трогая скулы, тяжело опускается на поваленное дерево - рубаха на груди разорвана, лицо в кровоподтёках, дышит тяжело:

-Твоя взяла...

Михаил тоже в изнеможении садится рядом, возле губы видна кровь:

-Сивый мерин... - вытирает он кровь рукавом, - я те отбью охоту... - И прика-

зывает плачущей Галине: - Иди к машине! Рядом с вашей на дороге стоит.

Галина боязливо уходит, оглядываясь на Бориса Фёдоровича и мужа.

Борис Фёдорович пытается загладить вину:

-Чёрт попутал... Виноват, не сдержался.

-И скока раз не сдержался? - допрашивает Михаил.

-Первый раз, хоть у Галины своей спроси.

-Хоть и не первый – разве признаетесь... У этой малохольной куда ветерок, туда и умок, а с тобой я ишо разберусь. Будешь приставать к моей бабе – захаркаешь кровью.

- Не угрожай...

Михаил встаёт и напоследок отчётиливо произносит:

- Надо бы тя по партийной линии пропесочить, парторгу намекнуть...

-Не дури, Михаил. Поверь, чёрт попутал... С кем не бывает!

-Тада жене твоёй расскажу, - не сдаётся Михаил.

-Не вздумай, у неё сердце больное, она блокадница.

Михаил машет рукой, словно прощает, и уходит.

После случившегося Галина с Михаилом в кабине едущей машины. Некоторое время молчат, пока Галина не решается заговорить, едва сдерживая слёзы:

-Будешь попрекать - уйду насовсем.

Михаил резко тормозит. Глушит мотор. Тяжело смотрит на жену. Та испуганно:

-Ты чё удумал? Дочку осиротить хочешь?

Михаил продолжает смотреть на жену. Той не по себе. Она пытается открыть дверцу, но муж не даёт. Галина испугана не на шутку, плачет:

-Пусти!

Наконец Михаил отпускает руку и выдавливает из себя:

-Хоть и подых ты меня шибанула, но убивать не стану. Не бойся – не смогу.

Заводит машину, и они едут дальше. Кругом тайга, а впереди – длинная дорога. Такая длинная, что кажется – уходит в никуда, в небо...

Через неделю. Уже знакомое зрителям неказистое строение диспетчерской сельского гаража.

Внутри шумно: спорят завгар Григорий Максимович и Михаил. Свидетели – диспетчерша Раиска и молоденький светловолосый паренёк.

-Я те второй раз русским языком повторяю: передашь свою машину Витальке Узоркину, – показывает рукой на паренька Григорий Максимович. - Парень тока «фазанку» кончил – где ему опыта набираться? Где мне ему машину исправну взять? Новы придут тока в конце года, как обычно. А ты себе ишо каку машинёшку под забором найдёшь и отремонтируешь, руки у тя золотые.

-Ты, Максимыч, када мне подножку ставишь? Счас само время деньжонок заработать: силос пошёл – вози не перевози, на носу уборочна – дел невпроворот, а ты меня снова на ремонт пихаешь!

-Так кто ж виноват, друг мой ситный, что ты у нас теперь снова вроде как пропштрафился, с тя и спрос ноне особый, - проговаривается завгар.

- Это какой такой спрос? Договаривайка...

-Всё! Разговор окончен! – хочет подытожить завгар, да не получается.

-Максимыч, ты под чью дудку пляшешь? – негодует Михаил, догадавшись о мщении Бориса Фёдоровича. – Смотри, как бы каблуки перед начальством не стоптать!

-А ты не намекай, не намекай! - отбивается завгар.

-Эх ты! Кикимора болотная! Слезь-ка с моёва пиджачка, - захватив линялый пиджак, на который в запале разговора присел завгар, Михаил направляется к выходу.

...Тоскливым взглядом смотрит он на вереницу брошенных под забором автомобилей. Подходит к одной, залезает на крыло, открывает капот, осматривает «внутренности», залезает в кабину без дверей, немного сидит в ней, чуть подумав, заглядывает в кузов. Подходит к другой разобранной машине – та ещё хуже смотрится: без колёс, вместо них подложены чурки – не машина, а остов. Михаил развертывается и снова направляется в диспетчерскую, где завгар беседует с новобранцем Узоркиным – притихшим и обескураженным таким скандальным началом своей трудовой биографии.

-Ты, главно, Виталя, начальство слушайся... - не договаривает Григорий Мак-

симович, и при виде вошедшего в диспетчерскую Михаила, показывает кивком головы в его сторону, - ...не перечь, как этот...

-Максимыч! - напористо начинает Михаил.

-Ну? - нехотя отвлекается от беседы завгар.

-Мне отпуск полагается?

-Допустим.

-Не «допустим», а точно скажи.

-Ну, полагается, - завгар ещё не соображает, к чему клонит Михаил.

-Так от считай, что с завтрашнего дня я в отпуске. Заявление прямо счас напишу. Рая, дай какой-нить листок, - дружелюбно обращается к диспетчерше Михаил.

Раиска с готовностью вырывает листок из школьной тетради и подаёт Михаилу:

-На, Миня... От и карандаш - обмусоль, химический.

-Ну, пиши-пиши, - не одобряет поступок шофёра завгар.

-Рая, как написать-то? - доверительно спрашивает Михаил диспетчершу.

-Директору совхоза такому-то... от водителя такого-то... Прошу предоставить мне отпуск с такого-то числа и подпись твоя... - охотно подсказывает Раиска. - Да, и сёднешне число поставь.

-А с тобой, Максимыч, и с кем ишо - сам знашь, - не отрываясь от листка бумаги, Михаил старательно выводит буквы, - встретимся када-никада на узкой тропинке... Их тут полно в округе-то.

-А ты мне не грози, я ить тожа не пальцем деланный, - находит, что ответить завгар, - разберуся, чё к чему.

-Разберёшься, как же, - дописывая заявление, Михаил говорит себе под нос. И дерзко добавляет, протягивая листок бумаги завгару: - На, держи крепче! Начальство!

Глава 25

Поездка в гости, или Тайны сталинизма

Через неделю. На деревянном крыльце совхозной столовой и чуть поодаль, вдоль её забора, собирались односельчане, чтобы поехать в город по своим делам. Несспешно переговариваясь, они ждут рейсовый автобус. К остановке подходят Михаил с Галиной и дочкой. Он одной рукой несёт

полную хозяйственную дермантиновую сумку, а другой держит за руку дочку. У Галины в одной руке дамская лаковая умочка, в другой - сетка-авоська с какими-то завёрнутыми в газету гостинцами. Останавливаются возле средних лет женщины, здороваются, та любопытничает:

-Далёко собрались?

-Дядю с тётей проводать, - отвечает Галина. - У Мини отпуск, а я отпросилась на недельку.

-А скотину на каво оставили? - не унимается односельчанка.

-Родни, чё ли, мало! - отрезает расспросы Михаил.

-Тада канешно, - отстаёт односельчанка.

Увидев, что автобус приближается, народ засуетился, ринулся к нему.

Водитель едва успевает открыть дверь перед толпой, злобно крикнув молодому парню:

-Куда прёшь?! Дверь сломаешь!

Михаил с дочкой на руках и сумкой протискивается в салон автобуса, усаживается на сиденье во втором ряду и машет рукой жене:

-Я место тут занял!

Галина с трудом пробирается к Михаилу.

Атмосфера посадки в автобус: шум, суета. Последним в автобус с трудом поднимается пожилой инвалид на «деревяшке».

Водитель обращается к нему с уважением:

-Алексеич, ты где раньше был? Я б тебе место забронировал.

-Како «место»? - добродушно отвечает инвалид. - От моё место! - и кладёт плашмя свой фанерный чемодан возле кабины водителя; устраивается на нём поудобней, вытянув ногу с «деревяшкой» в проход, затем вытирает рукавом потрёпанного пиджака пот со лба.

Михаил, наблюдая за инвалидом, подаётся туловищем вперёд, протягивает руку и трогает деда за плечо:

-Давай-ка, деда, поменяемся ролями.

А тот упрямится, похлопывая свой чемодан по бокам:

-Что ты! Он мне с хронту служит! Вся надёжа на иво! Не подведёт!

-Как устанешь - скажи.

-Ладно! Сидите! - благодушно разрешает дед-инвалид. И добавляет на всякий случай: - Кажу, езли чё.

...Едет старенький автобус по грунтовому тракту, кругом – тайга. Дочка уснула на руках Галины, которая, чуть улыбаясь, любуется видами природы в окно. Ей нравится сам процесс поездки.

А Михаил сосредоточен, искоса поглядывает то на довольную жену, то на спящую дочку, то на устроившегося на своей «фанере» Алексеича. Инвалид дремлет, его веки чуть подрагивают.

На перроне группа пассажиров, ожидающих поезд. Ждут его и Галина с дочкой. Девочка сидит на хозяйственной сумке, а Галина напряжённо смотрит на входную дверь железнодорожного вокзала – одноэтажного кирпичного здания. Это тот самый вокзал, та самая станция, на которой сошёл Михаил вместе с другими демобилизованными солдатами в 1956 году.

-Мам, а папка скоро билеты купит?

-Скоро-скоро, - машинально отвечает Галина.

Из репродуктора раздаётся неподражаемый голос дежурной по вокзалу:

-На первый путь прибывает поезд сообщением Москва - Лена. Повторяю: на первый путь прибывает поезд сообщением Москва - Лена. Стоянка поезда пять минут.

Из дверей железнодорожного вокзала выбегает Михаил с билетами в руках. Подбегает к жене и дочке:

-Последние взял, в купе тока остались, - он хватает в одну руку хозяйственную сумку, в другую – авоську: - У нас пятый вагон...

Семья спешит к нужному вагону, ориентируясь по направлению состава. Галина, держа дочку за руку, почти скороговоркой:

-А я уж думала: всё, не уедем сегодня, у сестры придётся ночевать. Они с Гошой и не знают, что мы в гости поехали.

Едут в купе пока втроём. Галина достаёт из хозяйственной сумки на столик еду: варёные курицы, яйца, ватрушки с творогом, молоко в бутылке из-под водки, в горлышко бутылки вместо пробки воткнута свёрнутая в несколько рядов тетрадная бумага.

Рита просится на верхнюю полку:

-Мам, я наверху буду есть.

Галина сажает её на верхнюю полку, а потом кладёт рядом с дочкой еду:

-Тока ешь аккуратно, потом молоко в кружке подам.

Только начинают трапезу, как в дверь стучат.

-Все дома! – весело отвечает Михаил, глядя на закрытую дверь.

Дверь открывает пожилой, худощавый мужчина в парусиновой светло-бежевой шляпе и такого же цвета летнем плаще:

-А вот и не все.

И уже зайдя в купе, приветливо улыбается:

-Разрешите потеснить.

-Проходите, - отвечает Галина.

Мужчина снимает шляпу и, показывая ею на нижнюю полку, где сидит Галина, вежливо просит:

-Если можно, то я бы не отказался от нижней полки.

-Какой разговор, - Галина мигом пересаживается на другую сторону к Михаилу.

-Она и не наша, - добавляет Михаил. - Наши места сверху, - он показывает кивком головы на верхние полки, на одной из них кушает дочка Рита, - да от эта, - слегка хлопает он ладонью нижнюю полку, на которой они сидят теперь с Галиной.

Сняв шляпу и плащ, незнакомец неторопливо усаживается на свободную нижнюю полку.

-Присоединяйтесь, - жестом руки Галина приветливо приглашает попутчика к столу.

-Спасибо, немного отдохнусь... Чуть не опоздал, пока с товарищем прощался, пришлось в первый попавшийся вагон садиться. Почти через весь состав прошёл, пока добрался до своего места.

За окном вагона красивые пейзажи сибирской тайги и речушек, несущих свои прозрачные воды вдоль железной дороги. Мелькают разъезды. Михаил сидит напротив незнакомца у окна за столиком, жена - рядом, дочка на верхней полке уплетает ватрушку, запивая молоком из эмалированной кружки.

-Давайте знакомиться, молодёжь, - предлагает пожилой мужчина, и первый протягивает руку Михаилу: - Стефан Маркович.

-Михаил Иннокентьевич, - тоже протягивает руку Михаил. - Можно просто - Михаил.

-Нет уж, лучше по батюшке. Отменно звучит: Иннокентьевич! А это супруга Ваша и дочурка?

-Жена Галина, - Михаил обнимает Галину за плечи, - и дочка Рита, - показывает взглядом на верхнюю полку напротив.

-Вот и познакомились. Люблю знакомиться с попутчиками. Любопытно узнавать, как другие люди живут.

-Да Вы лучше кушайте, ещё успеем на говориться, - снова простодушно приглашает Галина, показывая рукой на еду.

-Спасибо, премного благодарен, - Стефан Маркович смотрит на угощение. И тут же спохватывается: - Ох ты, да как же это я! - раскрыв свою хозяйственную сумку, он достаёт из неё полбатона варёной колбасы. - А вот мы её сейчас порежем, - достаёт он складной нож из сумки, - да и слопаем!

-Мам, я тоже хочу, - тут же сверху просит Рита.

-Подайте дочке, пускай покушает ребёнок, - улыбаясь, поддерживает просьбу девочки Стефан Маркович, нарезая колбасу.

-Ой, ей всё подряд надо попробовать, - Галина смущённо берёт со стола ломтик варёной колбасы и протягивает вместе с куском хлеба дочке, да снова наказывает: - Аккуратно смотри кушай, не кроши хлеб.

За окном купе: переезд, возле которого стоит молоденькая дежурная с жезлом, а потом - всё тайга и тайга.

Трапеза в купе продолжается.

-Эх, жалко - выпить ничё нету! - воодушевлённо потирает ладони Михаил.

Галина ему осуждающе:

-Договорились же...

-Ладно, не буду, - покорно соглашается Михаил. - Хотел маленько про наш совхоз рассказать... - И обращается к Стефану Марковичу: - Тада Вы чё-нить расскажите. По делам или в гости?

-Да как сказать... - неопределённо начинает Стефан Маркович. - Еду навестить другого друга. Вернее, его могилу. В сорок девятом он мне жизнь спас: оформил как доходягу в лагерную больничку.

Супруги переглянулись, а попутчик продолжил:

-Не удивляйтесь, скоро поймёте. А сам через год мой спаситель сгинул: умер от туберкулёза. Через семь часов станция будет - Незримая. Вот в тех местах он и захоронен. Хорошо, что я тогда место запомнил, а когда освобождался - зарисовал даже на бумажке, чтоб как-то ориентироваться, а

то бы и не найти то кладбище и ту могилку, она первая от леса. А, может, и не найду теперь, кто знает. Может, всё сравнялось давно... заросло... Знаешь, Иннокентьевич, сколько здесь безымянных захоронений! - кивает в сторону леса за окном попутчик.

В это время за окном, как по заказу, метрах в пятидесяти, показываются две старые, почерневшие от времени и чуть покосившиеся, заброшенные лагерные вышки, остатки ограждения из колючей ржавой проволоки. Жуткая картина!

-Эх, Галка, - вздыхает Михаил, - зря ты бутылку не взяла! Душевно бы поговорили...

-Не жалей, Иннокентьевич, мне лично врачи не разрешают, здоровье совсем хилое стало. Да и на эту тему лучше на трезвую голову разговор вести, а то ведь у нас как: с вечера под рюмочку поговоришь, а утром уже не вспомнишь - о чём, а бывает, что удобнее и не вспоминать, - серьёзно рассуждает Стефан Маркович, деловито подрезая колбасу. - Придёт время - подробнее всё узнаете и поймёте, - и протягивает наверх кусок колбасы Рите: - Держи ещё!

Рита с верхней полки:

-Мам, вкусная! Дай мне ещё ватрушку. Та ей в ответ строго:

-Хватит просить, - и протягивает ватрушку.

Стефан Маркович задумчиво продолжает:

-Вы молодые, можно сказать послевоенные, много чего не знаете. Про культ Сталина, например, слышали?

-Да вроде по радику чё-то передавали, - осторожно признаётся Михаил.

Галина настороживается, слегка толкает локтём мужа. Стефан Маркович замечает этот тревожный жест и спешит успокоить:

-Да вы не бойтесь, я не враг народа. И вот эту железную дорогу, по которой следуем поезд, своими руками строил.

-Ага, бесплатная рабсила, - машинально замечает Михаил. - А чё? Денег платить не надо...

-Это верно, Иннокентьевич. И комсомольцев не надо звать, им-то всё равно пришлось бы платить, бытовые условия создавать. Много здесь людей от непосильного труда и плохого питания умерло. Я, к счастью, остался жив. Судьба так распорядилась... - И, задумчиво глядя в окно, с грустью добавляет: - Зачем-то я ещё нужен на этой земле...

-Как же вы работали-то? – тихо спрашивает Михаил.

-Вкалывали? А так. Я сначала лес валил... Заключённых поднимали рано утром, и в любую погоду - и зимой, и летом. Под охраной конвоиров вели к месту лесоповалы, который находился в шести, а то иногда и в двенадцати километрах от лагеря. На деляне топорами да ручными пилами валили лес, обрубали сучья у поваленных деревьев, и всё это под бдительным оком конвоиров. До сих пор в моей голове, - Стефан Маркович слегка постучал указательным пальцем по своему высокому лбу, - сидят слова вертухаев, мол, шаг влево, шаг вправо – считается побегом, стреляем без предупреждения. Норма выработки на человека была три-четыре кубометра. Кто не укладывался в эту норму, то вечером получал только половину суточной пайки хлеба. Вот так я и стал доходягой.

В это время дочка Рита, очистив колбасу, случайнороняет обёрточную плёнку в виде кольца прямо на голову Стефана Марковича. Кольцо повисает на его ухе. Галина грозит дочке пальцем.

-Оно само упало, - оправдывается дочка.

А Стефан Маркович нисколько не сердится, спокойно снимает упаковочное кольцо с уха, кладёт его на стол:

-Нет-нет, да и колбаса стала появляться в магазинах. Жить стали лучше, жить стали веселей. У вас телевизор дома есть?

-Нет покамесь, - смущённо отвечает Михаил, - у нас ни у кого из родни нет. Видно, на всех не хватат, раз в сельмаг ни разу не завозили.

-А мы со своей старушкой скопили денег на «Рекорд», это марка телевизора. Старушка моя, как декабристка, на поселение ко мне приехала. С тех пор мы не разлучны. А вот первая жена отказалась от меня вскоре после моего ареста, да-а-а... А заодно и сын с дочкой. Но я их не виню, время такое было... Теперь они выросли, выучились, переписываемся, я был у них в гостях, они со своими детьми, моими внуками, ко мне приезжали.

-Родные всё-таки, - с сочувствием поддакивает Галина.

-Вот именно! Что обижаться на них! Хорошо, если вас эта напасть не коснулась! - и снова о чём-то своём задумывается Стефан Маркович, глядя в окно.

Молчат и Михаил с Галиной. Дочка тем временем уже спит на верхней полке, свернувшись калачиком. Галина встаёт и правляет у неё тёмно-синее с белыми полосами по краям поездное одеяло.

Стали проезжать железный мост над быстрой сибирской рекой. Мелькающие опоры, тени от них отражаются на лицах Галины, Михаила, Стефана Марковича.

-А у нас тоже много шамановских мужиков передвойной позабирали, - Михаил решается продолжить начатую попутчиком тему. - Кому расстрел присудили, а кого на каторгу спровадили. Мои родные дядьки по материиной родове домой так и не вернулись, кулаками их признали - крепкими хозяевами были, много лошадей имели. Сначала в ссылку куда-то вместе с семьями на север отправили, а потом снова вспомнили про них и уж оттуда арестовывали. Вроде всех расстреляли, мать сама толком не знает. А отец в сорок третьем на Курской дуге в танке сгорел, похоронка пришла, када мне восемь лет было. В нашей родове старших мужиков практически совсем не осталось, кроме дяди Пети и дяди Ильи-инвалида, тягинных родных братовьёв. И те уже поумерали. А так мы росли сами себе хозяевами (*ударение на предпоследнюю гласную*, - прим. автора).

-Повезло, – подавленно молвят Стефан Маркович.

-Чё повезло? - не понимает огороженный словами попутчика Михаил.

-Я к тому, что твой отец погиб как герой, и вы это знаете. А кто в лагере сгинул – безвестным остался. Пока справедливость восторжествует, да всех реабилитирует, оправдают значит – много воды утечёт, близкие могут и не дождаться.

-Коль они не виноваты, зачем же их тада арестовывали? – Галина в недоумении.

Стефан Маркович смотрит на супругов и не находит в этот момент нужных слов для ответа.

-А Вы где работаете? – спасает положение Михаил.

-Я ёшё в тридцать девятом окончил политехнический институт в Москве, по профессии инженер-строитель, в основном по северным стройкам мотался, только два года назад с женой домишко под Пятигорском купили, маленький фруктовый садик при нём, нам хватает. Приезжай-

те – посмотрите тёплые края, я вам адрес оставлю.

– Ну что Вы! У Вас же дети, внуки, пускай они и гостят у дедушки, – поспешно отказывается Галина, опасаясь брать адрес у «врага народа».

И тут Михаил брякнул:

– Вы так на еврея похожи.

Галина снова одёргивает мужа за рукав, да что толку, его уже не остановить.

– Ну а чё, кудряшки на голове, – Михаил простодушно показывает на голову попутчика.

– Верно, я еврейской национальности, – спокойно подтверждает Стефан Маркович.

– Хотя в паспорте записано, что русский.

– А я русских так узнаю: если добрый человек – значит наш, русский, какой бы нации он не был. От у нас до войны... прислали агронома, звали Абрам Моисеич – стоящий был мужик, жалко на фронте погиб. Помнишь, Галя?

– Вроде говорила мне мама.

– А говнистых нам не надо...

– Не ругайся, – одёргивает мужа жена. – Что о нас человек может подумать...

– А чё я сказал?

– Не ругайте его, – заступается за Михаила Стефан Маркович. И продолжает: – Так вот какая история получается: врач, русский, спас меня, в лагерную больничку положил, а до этого врачом был еврей, так он спас моего товарища, русского по национальности, вот у него я был счас в гостях...

– Ну-ну, это вы к тому, что все одинаковы, – понимает Михаил. – И я про то же. А вот слыхал, евреев сильно Гитлер не любил, и чё они ему плохого сделали? – искренне недоумевает Михаил.

– Евреев и Сталин особо не жаловал. Чуть что – евреи виноваты. Думаете, почему писатели и поэты с еврейскими фамилиями на русские поменяли? Михаил Светлов, например? И другие писатели и поэты. А чтоб не раздражать ни власть, ни простой народ.

– А кто такой этот Светлов?

– Да был такой поэт – «Гренада, Гренада, Гренада моя...», учили, наверно, это стихотворение в школе?

– Да-а-а... – пожимает плечами Михаил.

– Мы в восьмом классе проходили, – выручает Галина.

– У неё не голова, а Дом советов, – хватит жену Михаил.

– А Вы сколько классов закончили? – обращается Стефан Маркович к Галине.

– Десять. У нас в Шаманово как раз десятилетку построили, от я и успела.

– А от, правда, что евреи умнее русских? – Михаилу всё ещё интересна еврейская тема.

– Хватит, Михаил! – Галина решительно хочет свернуть со «скользкой», как ей кажется, темы. – Все люди одинаковы, те же сказали. Чё ты прицепился к человеку?..

– А я чё-то против имею? – не понимает Михаил. И с улыбкой гладя свою голову снова за своё: – Кудряшки... – не может он остановиться.

Вместе с ним с улыбкой проводит по своим курчавым волосам и Стефан Маркович.

– Ну и чё? – Галина всё больше злится на мужа. – У нас у Дёмки Фёдорова таки же кудряшки и чё? Он тоже еврей? Пристал к человеку...

– Да я не обижаюсь, очень даже забавно, знаете ли, – всё больше улыбается Стефан Маркович.

– У Дёмки? – Михаилу становится совсем весело. – Видно, тоже... того... Они же в наше село када приехали?

– Када?! – не принимая игры мужа, всё ещё выходит из себя Галина.

– Сразу после войны, не помнишь, чё ли?

– Ой! – отмахивается Галина. – Не слушайте Вы его! – обращается она к попутчику. – Как чё начнёт болтать! Нарочно придуривается... Ему пошутить, видите ли, охота, а людям вокруг, может, совсем не до смеха...

– Да пускай, я же понимаю, – следом за Михаилом смеётся Стефан Маркович, деликатно поддерживая настроение Михаила, – наш брат везде чудится... Давайте лучше о вас поговорим, а то рассоритесь чего доброго. Вот какая у тебя фамилия Михаил Иннокентьевич?

– Протасов.

– Ух, ты! – искренне удивляется Стефан Маркович. – Так вот... О дворянском роде Протасовых есть глава в одной книге, не вспомню её точное название, вроде так и называется – «Дворянские фамилии Российской империи», или как-то по-другому. У меня жена учитель истории, счас бы подсказала.

– И как же эти дворяне в Сибири оказались? – сомневается Михаил. – Тут сроду таких не водилось.

-Скорее всего, когда Сибирь русские казачки захватывали, то есть покоряли, как вам в школе объясняли, то царём посылались сюда и сыны боярские, они же будущие дворяне. А были посланы они для выполнения какого-то задания, то есть миссии, может быть, воеводами поставлены или ещё кем, тут и задержались. Со временем перемешались с местным населением, пустили корни, как говорится, стали первыми людьми на селе, торговали, лавки свои имели, – рассуждает Стефан Маркович.

-Нам учительница в десятом классе рассказывала, что когда сосланный Екатериной Второй Радищев, первый революционер, – с трудом, чуть не по слогам, произносит последнее слово Галина, – проезжал наше село к месту своей ссылки куда-то под Илимском... По нашему селу тракт шёл, – уточняет она. – Так от он останавливался у купца Протасова, Минькиного, получается, по крови родственника, пил у него чай, менял лошадей. Словом, немножко дух перевёл от длинной дороги.

-Чё-то ты мне раньше про это не рассказывала, – заинтересовывается Михаил.

-Да разговор об этом не заходил. А может, и говорила, так ты мимо ушей пропустил. Ну вот, знаешь же ты, что двухэтажный дом, где до затопления был расположен сельсовет, принадлежал твоему деду по матери – Гавриле Ильичу Вотякову?

-Всю жись точно не знал, а мать призналась тока када перевозил её из Шаманово, – говорит Михаил. – А так бы до сих пор не знал...

-Так ты у нас, Михаил, со всех сторон, выходит, кулак? – улыбается попутчик.

-Как бы не так! – вдруг обижается Михаил. – Сколько себя помню, всё время в нужде жили. Мать замуж вышла за бедного, хоть и, как вы говорите, в прошлом богатого. В чём яшибко совневаюсь...

-А ты не сомневайся, верь! – по-доброму улыбается Стефан Маркович.

-Да! – отмахивается Михаил. – В войну и после иё всю крапиву переели, голодалишибко, всё же надо было сдать государству, а себе уж чё останется... Это от тока счас немножко разжились. Дом свой на новом месте после затопления нашего села построили, скотиной обзавелись.

-А село почему затопило? – уточняет Стефан Маркович.

-Так тут же Братскую ГЭС построили, я сам после армии на ней немножко поработал, Ангару первый раз с армейскими дружками со льда перекрывали на МАЗах.

-Перекрыли? – не терпится узнать попутчику.

-С первого-то раза тока одну сторону. Это уж потом, года через два, всю реку перекрыли. Ей тада, бедняжке, деваться было некуда, от она и пошла на наши обжитые места.

-Старики до сих пор плачут по Шаманово. Места видные были, грибов и ягод – завались, земля на полях – один чернозём, – добавляет Галина.

-А мы, молодые, почему-то нешибко жалем, – признаётся Михаил. – На новом месте быстро прижились. Так тока иногда вспомнишь, как благодатно в Шаманово было... Чё жалеть? Никто бы нас и спрашивать не стал, раз таку стройку затеяли. Нет, счас грех обижаться, все условия в деревне есть – тока не ленись, работай. У нас он какой совхоз образовался! Скока целины распахал ПМК – кругом поля, сади, чё хочь – пшеницу, рожь, хоть кукурузу! Всё вырастит с удобрениями – урожайность сильно повысилась. У нас «кукурузник» с воздуха удобрения распыляет над полями, всё растёт, как по заказу. Иногда, правда, «летуны» промахиваются и лес прихватывают – листья сразу желтеют... А так ничё.

-Мы даже перестали на своём огороде огурцы с помидорами садить, на совхозных полях всего полно, иной раз даже под плуг идёт, что не успели колхозники разобрать, – говорит Галина.

-Радищев... Радищев... – возвращается в прежней теме разговора попутчик. – Александр Радищев – вспомнил! Это тот, кто написал крамольную по тем временам повесть «Путешествие из Петербурга в Москву». Екатерина Вторая была сильно недовольна и отправила его в Сибирь. Так вот где он наказание-то отбывал...

-Ага, где-то в Нижне-Илимском районе, в остроге, – пытается вспомнить Галина. – Точно не скажу, как нам на уроке рассказывала учительница Ида Моисеевна, она тоже из ссыльных, потом уехала к себе куда-то.

При упоминании еврейского имени и отчества учительницы Стефан Маркович

уже серьёно провёл ладонью по своим седым курчавым волосам на голове и добавил со знанием дела:

-Чего-чего, а каторжанами этот край всегда был богат. Один протопоп Аввакум чего стоит!

...За окном купе, на перроне, накрывает дождик. Стефан Маркович, сняв шляпу, на прощание машет ею Михаилу и Галине, а те ему в ответ. Поезд трогается, и Стефана Марковича уже не видно.

-Чудной какой-то, - начинает Галина.

-А чё тут непонятно: при Сталине сидел!

-Тише ты! – Галина вскакивает и испуганно выглядывает из открытого купе в пустой коридор.

-Ну, ты как моя мать! Точно говорят: у страха глаза велики, - покачивает головой Михаил.

-А почему он нам доверился? Мы же ему совсем посторонние люди.

-Потому и доверился, что он нас, а мы его видим в первый и последний раз, - уже раздражённо говорит Михаил. – Никто никому не расскажет. Слез с поезда и поминай, как звали.

-Тока умного из себяшибко не строй. Ты-то тоже язык распустил... Все карты ему раскрыл про своих кулаков.

-Давай подкулачником меня обзови! Нет, зря всё-таки я с собой бутылку не прихватил.

-Приедем скоро, - зевнув, как ни в чем не бывало, произносит Галина.

Ночь. К перрону медленно подходит поезд и останавливается. На одноэтажном деревянном здании вокзала виднеется название станции – Затопляемая. Дождь усиливается.

По ступенькам вагона сходит сначала Михаил, принимает на руки дочку, из рук Галины – сумку и сетку-авоську. Последней на перрон осторожно сходит Галина, прижав к себе дамскую сумочку.

Промокшая от дождя семья входит в зал ожидания железнодорожного вокзала. Михаил с Галиной оглядываются, с трудом отыскивая глазами в дальнем углу свободную лавку.

-Идите покамесь туда, а я про машину узнаю, - отправляет Михаил жену с дочкой на свободные места.

Он выходит на привокзальную площадь,

оглядывается – ни одной машины вокруг. Мимо проходит рабочий в железнодорожной спецодежде. Михаил его останавливает:

-Не подскажешь, земляк, до Заозёрного как добраться?

-Тока попуткой. В семь утра туда машина с почтой пойдёт, попроситесь – может, подбросят. Вроде иногда выручают, хоть и не положено. Два рубля им заплатите и договоритесь.

...В кузове машины, где брезентом укрыта куча почтовой корреспонденции, едут Михаил и сопровождающий милиционер с кобурой на боку. Он поглядывает в заднее стекло кабины, где сидят Галина с дочкой. Оглядывается и Михаил.

В кабине разговор. Водитель в годах интересуется:

-В гости?

-Ага. Вырвались наконец-то.

-Надолго? – уже веселее спрашивает водитель.

-Пока не выгонят, - в тон отвечает Галина.

-В Заозёрном леспромхоз хороший, работа есть, а от средняя школа тока в соседнем посёлке, но практически рядом. Там интернат для ребятишек построили в прошлом году.

-Да мы не насовсем едем. Так, от деревни отвлечься, посмотреть, как родственники живут.

-Везде жить можно, - произносит бывалый водитель. И добавляет с улыбкой: - Везде хорошо, где нас нет.

Возле широкого крыльца добротного бревенчатого дома дядя Галины - Аркадия Прокопьевича. Он радушно встречает нечаянных гостей. Обнимаются, целуются по-родственному. Мужское рукопожатие.

-Как доехали? – спрашивает дядя у племянницы. - Как там моя сестра?

-Нормально, дядя Аркадия. От мамы вам привет большой, потом всё расскажу. Извините, что так вот нагрянули. Письмо не успела вам написать, закрутились с хозяйством...

-Свои люди – разберёмся. Кланя тока сильно удивилась, прихорашивается там в доме. Постели бегом застилает... Дадим ей пять минут!

-Не рассердится на нас тётя Клава? – Галине всё же неудобно за свой нечаянный визит.

-Да брось ты! Не переживай, она понятливая у меня, – успокаивает дядя племянницу.

-Ну и забрались вы! Аж на поезде пришлось ехать, - поддерживает разговор Михаил.

-А дочка-то как подросла, - Аркадий Прокопьевич вроде не слышит слова Михаила, берёт на руки Риту и приподнимает вверх. – Сколь тебе годков, внученька?

-Шесть! – неожиданно громко отвечает Рита, да ещё и показывает растопыренную пятерню, а на другой руке поднимает указательный палец.

Глядя на бойкую девочку, взрослые смеются.

-В декабре семь будет, - подсказывает Галина.

-От как! В этом году в школу?

-Посмотрим! Может, на следующий, чё торопиться-то, - говорит Галина.

-И вправду, пускай детство подольше продлится, - соглашается Аркадий Прокопьевич. И спохватывается: - Да что же это я вас у порога держу... Кланя там, небось, уж марафет навела... Проходите в дом. Проходите, гости дорогие.

И уже в сенях громко, врастяжку, оповещает, чтобы в доме жена услышала:

-Хозя-я-я-йка-а! Принимай гостей!

В доме Аркадия Прокопьевича накрывается праздничный стол в большой комнате-зале. Очередное блюдо на круглый стол с белоснежной добротной скатертью ставит хозяйка – Клавдия Петровна. На её лице не видно особого радушия, как у мужа, скорее – озабоченность.

Михаил и Аркадий Прокопьевич стоят в это время возле висящего над диваном большого персидского ковра, по краю которого висят бинокль и фотоаппарат в коричневом кожаном футляре. Аркадий Прокопьевич снимает бинокль:

-Это фрицевский трофеи. Мне его знакомый разведчик из дивизии подарил. Я ему – аккордеон... У меня их два было, - смеётся, - а он мне эту немецкую штуковину. Посмотри, Михаил, тут и по-немецки что-то написано. Гляди, от тут, на гравировке...

-Я-то точно не прочитаю, тока и знаю, что хэндэ хох, - улыбается Михаил.

-Это-то все знают... Всё хочу знакомую учительницу немецкого языка попросить перевести - и всё забываю.

Михаил смотрит в бинокль, обозревает всё вокруг. Тут дочка стала приставать:

-Пап, дай посмотреть.

И Михаил, не выпуская из рук трофей, даёт ей посмотреть в бинокль:

-Виши, как всё близко. - Потом переворачивает другой стороной: - А от так всё далёко.

-В-и-ижу, - довольная дочка смотрит в бинокль.

Аркадий Прокопьевич с улыбкой хозяина наблюдает за действиями гостей. Когда интерес к биноклю угасает, переходит к фотоаппарату, повесив бинокль на место.

-А это мой верный друг - «Зенит», - и достаёт фотоаппарат из футляра. - Летом фотографирую, а зимой проявляю и печатаю.

-А вы нас пофораграфируете? – коверкая сложное для произношения слово, встревает в разговор вездесущая Рита.

-Да я бы с удовольствием, - обращаясь то к ней, то к Михаилу, отвечает Аркадий Прокопьевич. - Плёнки счас нету, давно не завозили в магазин, всё купить никак не могу.

В кухне в это время Галина помогает Клавдии Петровне: нарезает белый хлеб. Сама же хозяйка заканчивает нарезать свежие огурчики повдоль, посыпая их солью:

-Огурцы хорошо идут, в парнике вдоволь нарвала, а от помидоры придётся ждать до конца августа, в открытом грунте они поздно наливаются, так что много зелёных срываем, до ноября спеют в доме, тока успевай есть. - Клавдия Петровна не договаривает, поднимает с пола открытую трёхлитровую банку с консервированными красными помидорами и начинает аккуратно доставать их из стеклянной ёмкости столовой ложкой. - Подвал у нас, слава богу, отличный, все заготовки как свежие, хранятся подолгу.

-Как у вас всё аккуратно, тётя Клава, а я бы уже рукой в банку залезла, - искренне восхищается Галина.

-Пожила бы с наше в Германии - не то бы ещё научилась, - снисходительно замечает Клавдия Петровна. И тут же с улыбкой осторожно интересуется: - Надолго к нам?

-Да хотели сначала на недельку, раз уж вырвались, но в дороге передумали - дня на два, не больше. Дома ведь хозяйство осталось: корова, телёнок-бычок, два поросён-

ка, тридцать кур-несущек... Попеременки там управляются то моя мама, то сестра Михаила – Надя. Она в основном.

-И куда вам стока хозяйства? - искренне сокрушается Клавдия Петровна.

-К зиме бычок подрастёт - на мясо пойдёт, или живым весом сдадим в райцентр на мясокомбинат. Одного поросёнка к ноябрьским забьём - всю зиму с мясом и салом будем, - рассуждает Галина, - запас карман не тянет. А другой поросёнок пускай подрастает, в мае тока по дешёвке купили у знакомого, у него матка так славно опоросилась – двенадцать штук принесла.

-Ничё себе! – откликается Клавдия Петровна. - Галя, окорок и копчёное сало, что вы привезли, будем счас нарезать? – Клавдия Петровна достаёт из шкафа завёрнутые в холщёвые белые тряпицы большой кусок окорока и шмат копчёного сала.

-Вы делайте, как вам лучше, тётя Клава, мы же все гостицы вам привезли. Мама мне подсказала, что вы счас свою скотину не держите. Окорок – это она вам передала.

-Ну, тогда давай подрежем немножко: на одну сторону тарелки окорок, а на другую - копчёное сало. Курица же ещё тушится, так что мясного хватит. – И добавляет невзначай:- Ты меня лучше Клавдией Петровной называй, а то я не люблю, когда «тётя Клава». Как-то по-деревенски. Раньше вроде ничё было, а счас я постарела и «тётя Клава» как-то несолидно.

-Ладно, тётя Клава. Ой, Клавдия Петровна!

-Да-а-а! – снисходительно машет рукой Клавдия Петровна. – Зови, Галя, как получится... Тем более, что мы сегодня все тут свои.

Глядя на тарелку с мясными деликатесами, Галина не выдерживает:

-Культурно как всё! А мы бы набуровили как попало, по-колхозному, - продолжает искренне восхищаться Галина, наблюдая за действиями опытной хозяйки.

Клавдия Петровна, понюхав сало уже на тарелке, от удовольствия закатывает глаза:

-Ох, и запах! Коптилью давно соорудили?

-Да нет, Минька как в отпуск пошёл, так сразу и сколотил, сразу давай сало коптить. Кум надоумил: чтобы оставшееся с зимы сало не пропадало, а то пожелтеет,

так потом кое-как на жарёху уходит. Позже рыбу подкоптишь, счас пока не успели. И чё раньше кум не надоумил...

-Надо Аркаше про коптильню-то напомнить, вроде тоже собирался поставить за баней, да переключился на другие дела.

-Да её делать-то – за день управится.

-А мы никак не насмелимся поросёнка завести, – возвращается к теме хозяйства Клавдия Петровна, помешивая ложкой готовившуюся пищу в жаровне, - постоянный уход, баню всё время топи, чтоб не пахло от тебя чушкой... Так вот и приспособились у людей здесь покупать на зиму сразу полпоросёнка – до весны нам вдвоём с Аркашой хватает. А сын из армии вернётся – больше покупать станем, а то и свою живность, наконец, заведём. А так на дворе только свои куры, яйца нынче так дружно несут. Да и домашний куриный бульон всегда на вес золота.

-Один запах чё стоит! – охотно соглашается Галина.

Застолье в разгаре. Чуть захмелевшая Клавдия Петровна в бордовом панбархатном платье, красиво облокотившись о стол, вдруг спрашивает Михаила и Галину:

-А вот скажите честно, молодёжь, вы женились по любви?

Аркадий Прокопьевич осторожно пытается остановить жену:

-Клав, не приставай: они прожили вместе мало – могли и не понять пока.

-Тётя Клава... Клавдия Петровна, а правда, что дядя Аркаша Вас крадучись с собой увёз в Германию? – вместо ответа просит рассказать Галина, хотя по глазам видно, что эту историю она давно знает.

-Правда, Галюшка. Хотя по глазам вижу, что эту историю вы знаете с Михаилом наизусть.

-Да не-е-т, - не признаётся Галина.

-Ладно, расскажу. Может, что и нового прибавлю, - улыбается Клавдия Петровна.

-Так вот, твоя старшая сестра Шура тайно носила от него, - показывает глазами на Аркадия Прокопьевича, - записки и передавала мне.

-Что поделаешь - любовь! – обречённо восклицает Аркадий Прокопьевич.

-Не перебивай, Аркаша. Дай дорассказать, - останавливает мужа Клавдия Петровна.

-Тока покороче, Кланя. Сказка сильно длинная, - улыбаясь, умоляюще просит Аркадий Прокопьевич.

-Не переживай, короче не бывает. - И, обращаясь к гостям, продолжает так, будто действительно рассказывает сказку: - Аркадий Прокопьевич, ваш дядюшка, приехал в нашу деревню в отпуск в сорок шестом глубокой осенью. Был он тогда в звании капитана, служил в финчасти. А меня любил с юности. Ну, про это вы тоже, наверно, слышали. Даже хотел свататься! Но был тогда бедным, молоденьким пастухом, и я его серьёзно не воспринимала. Так вот, Аркашу в тридцать девятом призвали в армию, а я вышла замуж за самого богатого жениха в нашем селе – Ваську Непомнящих. От него родила дочку Любочку. Через год началась война. Мужа забрали на фронт, где он пропал без вести. А Аркаша остался цел - служил в интендантских войсках, обеспечивал армию продовольствием и горючим.

-Ладно, Кланя, всё про войну да про войну, ты к любви переходи, - стал торопить жену Аркадий Прокопьевич.

-Прекрасно знаешь, что я не люблю, когда меня перебивают! – строго поставила на место мужа Клавдия Петровна.

-Молчу, как рыба об лёд, - Аркадий Прокопьевич шутливо прикрывает рот ладонью.

-В общем, после войны заявился к нам этот орёл! На погонах четыре звёздочки, хромовые сапоги блестят! Я его не сразу и узнала, когда встретила на улице, а он мне: «Что ж ты, Кланя, пастуха не узнаешь?..» Вот те раз! Какой же он теперь пастух, думаю я про себя. Ну, не буду дальше рассказывать, как мы сговорились. Словом, увёз меня крадучись. Дочку пришлось временно у своей матери оставить, вместе бы не получилось. И ни куда-нибудь увёз – в саму Германию!

-А у неё косы были – ниже колен. На пароходе, когда плыли из Литвы в Германию, тока и слышно было на палубе: «Сы... сы... косы», - с любовью глядя на свою красавицу-жену, с удовольствием дополняет рассказ Аркадий Прокопьевич.

-А правду говорят, что Вы без документов на корабль прошли? – снова спрашивает Галина Клавдию Петровну.

-Ой! Это целая история! – смеётся Клавдия Петровна. – Иду я по трапу за Арка-

дием, тряусь вся от страха. А мы заранее с ним договорились, что будто я роняю из рук билет в воду... Нашла какой-то старенький возле кассы, подлинного-то у меня и в помине не было, кто б мне его продал, мы ж с ним официально не зарегистрированы были на тот момент... Кто б меня, считай, постороннюю женщину, а не жену военнослужащего, в другую страну с ним пустил?.. Да и какие в то время документы в деревне были? Справкой из колхоза и той не запаслась, не говоря уже о паспорте, их тада вообще колхозникам не выдавали, а то бы все поуезжали в город... Так, без документов, и убегала с ним из Литвы, - показывает глазами искусственная рассказчица на Аркадия Прокопьевича. - В части потом всё и сделали. Расписали нас!

-И вот идёшь ты следом за мной по трапу парохода... – торопит жену Аркадий Прокопьевич.

-Подсказчик! – Клавдия Петровна снисходительно улыбается. – Карабкаюсь я за ним по трапу, ноги от страха дрожат... Народу впереди полно, всех проверяют, скоро наша очередь подойдёт... И вот я роняю этот старенький билет в воду... Кричу, плачу, что, мол, билет случайно выронила... Люди обращают на меня внимание... Подходим к военным, что стоят наверху трапа и пропускают пассажиров. Я ещё больше плачу, умоляю пропустить меня с мужем...

-Артистка ещё та! – с гордостью замечает Аркадий Прокопьевич.

-Пропустили? – на всякий случай спрашивает Михаил.

-Пропустили. Сзади народ подпирает, всем охота поскорее пройти на корабль, кто сильно будет разбираться. Военные, молодые ребята, спрашивают: кто видел, что эта гражданка уронила билет? И многие вокруг подтвердили. Так мы оказались в Германии. Там кое-как, не буду рассказывать всех подробностей, оформили в части наш брак, через год у нас родился общий сын Лёша, который служит счастлив в морфлоте во Владивостоке. Недавно письмо прислал, всё у него ладится.

Под впечатлением «немецкой истории» Галина представляет такую картину: что это её не пропускают на корабль. Она ещё делает вид, что слушает разговор за столом, по инерции улыбается. Но уже заметно, что отрешённо смотрит на всех.

Да, это она, в красивом осеннем пальто, с длинными русыми косами «случайно» роняет билет в воду, картинно закрывает мицловидное лицо руками в дорогих кожаных перчатках... Приходит Галина в себя, когда Михаил, наклонившись к её уху, громко спрашивает:

-Галя, дядя Аркаша спрашивает, када мы борова бить будем? Он хочет приехать на свиженину, - улыбается Михаил.

-Да я шучу! - спешит успокоить Аркадий Прокопьевич.

-Какого борова? У нас же бычок, - Галина не может молниеносно переключиться от своих фантазий и понять, о чём речь.

-А борова ты куда спрятала? - смеётся Михаил, продолжая шутить.

Смеётся от души и Аркадий Прокопьевич.

-Ой, не слушай ты своего дядю, - подключается Клавдия Петровна, видя растерянность Галины. - Одни разговоры, свинину мы и здесь можем купить у леспромхозовских, я же те говорила. Это он так пошутил иногда любит.

-Поверила, да? - Михаил пуще заливается смехом, а Галина всё ещё серьёзно на всех смотрит.

-Ладно вам, мужики! - заступается за Галину Клавдия Петровна. - Аркаша, лучше принеси-ка мне гитару, спою вам «Белые туфельки».

-Наконец-то! - обрадовался Аркадий Прокопьевич, вставая со своего места.

Над спящим посёлком Заозёрный звучит музыкальная тема песни «Белые туфельки», а на смену ей, как выдох, полушипотом: «Абарая!»

Наутро Клавдия Петровна входит в летнюю кухню - пока непричёсанная, в домашнем халате, по лицу видно, что не выспалась. Оглядывается по сторонам, будто что-то ищет. На полке сбоку находит бывшую в употреблении кисть для побелки. Разминает её в руках - годится ещё!

Возвращается в дом, где Галина аккуратно застилает постель пикейным покрывалом. Держа кисть в руке, Клавдия Петровна предлагает:

-Знаешь, Галюшка, пока мужики наши на рыбалке... В общем, ты ничё плохого не подумай... Не поможешь мне побелить

в доме? Я через неделю сама собираюсь, а вдвоём-то будет пошустрее!

-Какой разговор! - с лёгкостью соглашается Галина. - Тут делов-то - начать да кончить. Вторая кисть есть?

-Возьму у соседки, она недавно белила.

Быстрое течение сибирской реки средней ширины. Вода такая прозрачная, что кажется изумрудной. На берегу, умело расставив удочки и присев на брёвно-топляк, ведут неспешный диалог Михаил и Аркадий Прокопьевич. Поблизости играет дочка Рита: строит из палочек и щепок что-то вроде домика.

-Красиво место выбрали: река - рукой подать, - глядя на воду, задумчиво произносит Михаил.

-Уж точно не прогадали! После Германии, как вы все знаете, рванули с Клавдией и сынишкой на Камчатку, а потом, я тоже уже рассказывал, списались со своим бывшим сослуживцем и приехали сюда - поближе к своим родным местам, да и работа тут подвернулась хорошая: сразу устроился заместителем директора леспромхоза по кадрам. Это я тоже, наверно, говорил, когда заезжали с Камчатки в Ключи.

-Было дело, - подтверждает Михаил.

-Буду повторяться - скажи. Так вот, должность для отставника приличная, оклад соответствующий. До своего кабинета пятнадцать минут ходьбы от дома. Денег подкопим - поедем жить куда-нибудь на юг. Кости старые на солнце греть. Говорят, в Кисловодске климат мягкий, и в Пятигорске тоже. Представляешь - домик и при нём фруктовый сад...

-Это где?

-Пятигорск? На Северном Кавказе, там лечебные минеральные воды. Курортные места.

-А-а-а, - равнодушно отзыается Михаил.

Почти одновременно дёргаются поплавки удочек.

-Давай-ка, Миня, начнём дёргать. Быстро сёдня клюёт, видно, ты невредный, - спешит к одной из удочек Аркадий Прокопьевич. Вытаскивает крупную сорогу, снимает её с крючка: - А у тя чё? - бросая в ведро улов, интересуется Аркадий Прокопьевич.

-Окунь, - Михаил тоже снимает рыбу с крючка и бросает в общее ведро.

Видим уже полведра серебристой, трепыхающейся рыбы.

Вот и уха в котелке дымится на костре.

-Настоящая уха тока на костре получается. С дымком! - разливая по мискам уху, приговаривает Аркадий Прокопьевич.

-Дочка, иди поешь, - зовёт Михаил дочку.

Та тут же подбегает. Михаил аккуратно ставит её миску на бревно-топляк:

-Пусь немного остынет, а то обожгёшься.

-Ладно, - соглашается дочка, принимая из рук отца алюминиевую ложку.

-Знатная ушица! - нахваливает Аркадий Прокопьевич.

-Запахучая - мать моя говорит, - Михаил «вкусно» делает акцент на первом слове.

-В Сибири уху в старину звали «шарба», не слыхал?

-Неа.

-Спроси у своей матери, она должна знать. Я раньше много сибирских словечек знал, но потом, пока везде мотался, подзабыл наш деревенский язык.

Выпивают мужики по чарке, аппетитно хлебают ушицу, снова наливают по сто граммов водочки в гранёные стаканы. Разморило рыбаков, да ещё с похмелья. И уже текут откровенные речи, без женщин - мужской разговор.

-И как же вас на Камчатку-то занесло? Я тада за столом у тёши, када вы по пути сюда заезжали к нам в Ключи, так ничё и не понял, - с интересом спрашивает Михаил.

-О-о-о, - Аркадий Прокопьевич чуть задумался. - Это отдельная история... Я в прошлый раз и не распространялся сильно-то. Если в двух словах, то, когда наша дивизия стояла в немецком Фюрстенберге, а служил я в финчасти...

-А я думал у Вас ордена за бои, - упоминание о финчасти, когда его отец погиб на передовой, задевает Михаила. Дальше в этом настроении он и слушает родственника.

На удивление, Аркадий Прокопьевича не смущает замечание Михаила, он продолжает как ни в чём не бывало:

-Я же до войны месячные курсы бухгалтеров кончал. - Дважды два - пять, знаешь такой анекдот?

-От темы не будем уходить, - в душе Михаила всё сильнее нарастала обида, чему способствовал алкоголь.

-Ну вот... В пятьдесят третьем у нас в части большая ревизия проходила, и крупная недостача обнаружилась. Сталин к тому времени хоть и помер, но строгости не поубавилось. Начальник мой прям на складе, за мешками муки застрелился, а я оперативно подал рапорт. Успел подать! А то бы... - слегка водит рукой Аркадий Прокопьевич. - Все подробности тебе не надо знать - там всякие подводные камни были... Неохота вспоминать.

-Замнём для ясности, - снисходительно соглашается Михаил.

-Короче, рванули мы сразу на Камчатку. От греха подальше. Тогда вот по пути и заезжали к сестре в Шаманово в первый раз вместе с Клавой. Вы тогда ещё не поженились с Галей.

-Меня как раз в армию забрали, - вспоминает тот год Михаил.

-Вот-вот...

-И что - не прижились на новом месте?

-Да не то что не прижились... Красной рыбы и крабов поели вдоволь...

-От пуз, - вырывается у Михаила.

-Можно и так сказать. Климат оказался неподходящим - сильная влажность. Меня чирии замучили, сын Лёшка болел часто, лёгкие у него оказались слабые, - голос Аркадия Прокопьевича дрогнул. - А он у нас один с Кланей общий. А когда один ребёнок - трясясь над ним, хуже некуда. Надо хоть двоих иметь. У тебя тоже вот одна дочка... Пока молодые - рожайте. Всё пройдёт, Миня, а дети останутся! Для них и живём!

Михаил внимательно, чуть наступивши, глядит на Аркадия Прокопьевича. А тот ему шутливо:

-Ты что так на меня смотришь - как Ленин на буржуазию?

-А ловко с чужой женой-то жить? - захмелевшего Михаила понесло.

-О чём ты, Михаил? - Аркадий Прокопьевич даже не сразу понимает подвох. - Кланя мне не чужая, она - жена моя. Мы официально зарегистрировались. Ну, был у неё до меня муж... Светлая ему память, как говорится. - И неожиданно, надеясь на мужскую солидарность, с лукавой улыбкой замечает: - И вообще: нет чужих жён - есть красивые женщины, и наша задача их взять! - он сжимает кисть руки в кулак.

-От как вы устроились! - гнёт свою линию Михаил. - Покамесь вы там стрелялись где-то на складах, мы здесь – всё для фронта, всё для победы! Всю крапиву под заборами переели!

-Не надо путать! – тоном начальника начинает Аркадий Прокопьевич, но понимает, что разговор заходит в тупик: - Ладно! Давай лучше допьём эту злодейку, - он берёт в руки бутылку водки с этикеткой «Московская» и разливает по гранёным стаканам. - В рюкзаке, правда, ещё одна на всякий случай лежит, но не будем злоупотреблять. И этой хватило.

На последние слова Михаил лишь пожимает плечами:

-Хозяин - барин.

В это время Клавдия Петровна с Галиной наводят марафет в доме: гостья ловко белит потолок, стоя на кухонном столе, а Клавдия Петровна махает кистью по стенам. Работа спорится.

-Мужики наши придут, а мы марафет наводим! – смеётся Клавдия Петровна.

-Глазам страшно, а руки делают, - откликается Галина.

-Вот Аркадия-то мой удивится, что не согласовала с ним...

Вечереет. На берегу реки дочка Рита подбегает к отцу:

-Пап, пошли домой, холодно стало!

-Счас пойдём, дочка, - обещает Михаил. – Собирайся покамесь.

-Давай на посошок, Миня, раз открыли нашу запасную, - Аркадий Прокопьевич нетвёрдой рукой берёт уже давно початую ту самую запасную бутылку, которую не хотел вытаскивать из рюкзака, и разливает остатки водки по стаканам:

-Допиваем и - по домам!

По улице бредут изрядно навеселе Аркадий Прокопьевич (несёт на плече две удочки) и Михаил – куражистые мужики. За ними плетётся усталая дочка Рита и, дёргая отца за пиджак, который Михаил небрежно набросил на плечи, монотонно просит:

-Пап, скоро мы придём?

Тот ей в ответ, лишь бы отвязаться:

-Скоро.

-Михаил, зайдём к моёму сослуживцу, он тут, на соседней улице живёт. Отличный мужик! Мы с ним в конце войны пере-

секлись. - Аркадий Прокопьевич стойко держится на ногах и приказывает пошатывающемуся Михаилу: - Иди по струнке, Миня!

...Через некоторое время останавливаются возле одного из добротных домов. Аркадий Прокопьевич смотрит на табличку, прибитую вверху столбика калитки:

-Постой, неужели прошли?

-Даём задний ход? - уточняет Михаил.

-Как это мы с тобой умудрились проскочить?.. У них тоже дом прекрасный. Разворачиваемся, Миня.

Идут назад. Дочка снова за своё:

-Пап, пойдём домой.

-Счас пойдём, - привычно отвечает Михаил.

Аркадий Прокопьевич стучится в калитку дома сослуживца:

-Валерий! Встречай! Гости пришли - отворяй ворота!

И вот уже Михаил, Аркадий Прокопьевич и Валерий Иванович сидят в бане. Рядом функционирует самодельный самогонный аппарат. Через узкий змеевик капает в литровую банку заветная жидкость: кап-кап.

-Рассказывай, Валерий Иваныч, как ты докатился до такой жизни? - притворно серьёзно, как на партийном собрании, спрашивает Аркадий Прокопьевич. – Втайне от друга, то есть меня, запустил спиртзавод. Куркуль!

-От куркуля слышу, - не теряется Валерий Иванович, обрадованный приходом гостей, с которыми можно не только выпить, но и душевно поговорить.

В летней кухне жена Валерия Ивановича, Ева, угощает маленькую Риту. В одной руке девочки пирожок, а в другой - гранёный стакан с молоком, половина которого уже выпита.

-Кушай, милая, кушай, - Ева говорит с едва заметным польским акцентом. - Молочка есчё подлить? Давай-ка, - хозяйка подливает молоко в стакан, - парное, тока что коровку подоила.

-А у нас тоже есть корова, Зорькой зовут. Мама каждый день по целому ведру надаивает, - хвастается Рита. – Мы и сметану делаем на сипа... сипа... - затрудняется выговорить слово Рита.

-На сепаратор! – подхватывает жена Валерия Ивановича.

-Ага, - Рита с аппетитом откусывает пирожок.

В бане тем временем течёт оживлённая мужская беседа.

-Прошу тебя, не матерись, - уговаривает Аркадий Прокопьевич Валерия Ивановича, - какое впечатление останется о нас с тобой у гостя.

А Валерий Иванович ему:

-Я не матерюсь, а так – для связки слов и предложений. - И обращается к симпатичным ему гостям: - Давайте поднимем «бокалы» (в этом слове чётко произносит букву «о», получается немного пафосно, однако ударение на второй гласной, - прим. автора), а то ведь сухая ложка рот дерёт.

-И басня соловья не кормит, - заканчивает мысль Аркадий Прокопьевич.

-О! Уже стихами заговорил! – смеётся хозяин бани.

Выпивают из алюминиевых кружек, слегка морщатся, закусывают хлебом с солёным пожелтевшим салом и свежим огурцом. После чего, вытерев рукавом губы, Валерий Иванович затягивает слабым пьяным голосом «Песню о тревожной молодости» (музыка Александры Пахмутовой на стихи Льва Ошанина):

*Забота у нас простая,
Забота наша такая,
Жила бы страна родная
И нету других забот...*

К исполнению припева присоединяется Аркадий Прокопьевич:

*И снег, и ветер,
И звёзд ночной полёт...
Меня моё сердце
В тревожную даль зовёт.*

За соседним забором мелькает фигурка женщины. Она слышит, что в бане поют мужские голоса. Ловко перелезает через забор. И вот уже предстает перед мутными взорами трёх мужчин – средних лет, в чёрном плюшевом жакете, с приятным лицом.

-Ох, и темень на дворе – хоть глаз коли! – лукаво произносит непрошеная гостья.

Это соседка Валерия Ивановича по прозвищу Валька-плессировка.

-О! – восклицает хозяин бани. – Кто к нам пожаловал! Валечка-плессировочка... Соседушка дорогая... - И начинает петь второй куплет песни уже азартнее:

*Пускай нам с тобой обоим
Беда грозит за бедою,
Но дружбу мою с тобою
Одна только смерть возьмёт...*

Тем временем жена Валерия Ивановича входит в дом Клавдии Петровны, ведя за руку Риту:

-Принимайте, а то этих гуляк не дождёшься.

Клавдия Петровна, домывавшая пол в зале, сразу обо всём догадывается:

-Опять в бане заседают? Гони их, Ева, в шею!

А в бане продолжается гулянье. Симпатичная гостья тоже держит в руке кружку.

-Вот, Валя, не веришь, Паулюса видел... как тебя счас, - рассказывает ей Валерий Иванович. – Стоит, руки за спину. Холё-ё-ё-ный! Дескать, вот я какой! Хоть и заросший весь, со вшами, как пить дать... У кого их тада не было – и у солдата, и у генерала... Вот так, Валечка! Хлебанули мы лиха...

Аркадий Прокопьевич, глядя на Вальку-плессировку и сослуживца, подмигивает Михаилу и, чуть наклонившись к нему, произносит тихо, как заговорщик:

-Губу раскатал...

-Губа - не дура, - в таком же тоне отвечает ему Михаил.

-Может, домой пора? А? Пойдём, а то нас, наверно, как пить дать, жёны потеряли, – вдруг засобирался Аркадий Прокопьевич, тяжеловато поднимаясь с табуретки.

Но Михаила заинтересовал разговор про Паулюса, и он придерживает за край пиджака родственника:

-Посиди, дяй Аркаша.

Тот послушно присел на своё место.

-И какой он из себя? Чё сказал вам? – стал допытываться Михаил у Валерия Ивановича.

-Кто? – не понимает Валерий Иванович.

-Кто-кто? Паулюс твой, ёлки-палки!

-Да вот такой же, как и ты: о двух ногах,

о двух руках... Шибздик! Я его лично конвоировал, гада.

-Так ты чё, на фронте конвоиром был?

-А почему это Вас так удивляет, молодой человек? – строго начинает Валерий Иванович. - Я и здесь... - показывает рукой через плечо, - заключённых охранял – всяких разных довелось... Здесь и Евку свою присмотрел, куда ей было деваться, польской панночке? Про армию Крайова слыхал?

-Я тя сурьёзно спрашиваю! – не понимает ответ Михаил.

-А я те сурьёзно отвечаю! Служил в органах энкэвэдэ, охранял всяку нечись: и уголовников, и политических, и бэндеровцев! И даже японских военнопленных! Они тут все скопом «железку» и построили, а не комсомольцы, как вы все думаете. Ты по этой «железке» и прибыл сюда, больше к нам никаких дорог-то нету. Кроме охотничих троп, понятно дело... Не-е, ну, может, где и были эти комсомольцы, тока я их чё-то не встречал.

-Где-то я уже это слышал... – Михаил силился вспомнить. И вдруг выдаёт, в упор глядя на Валерия Ивановича: - А самогон-то твой – говно!

Сослуживцы недоумённо переглядываются. А Михаила уже не остановить:

-Разве это первач? От у нас дед Иван гонит так гонит – аж скулы сводит. Выпил, занюхал рукавом или хлебной коркой, дал в морду, кто под руку попался, и... - присвистнув, показывает он рукой вперёд.

-Сила есть – ума не надо, - с укором произносит Аркадий Прокопьевич.

-Не умеешь пить, как говорят в народе, соси говно через тряпочку, - криво усмехается Валерий Иванович.

-А вы за меня не переживайте, у меня всё путём... Всё в ажуре! – не сдаётся Михаил. - Правда, Валя? – ищет он поддержки у притихшей Вальки-плissировки.

-Не ругайся, - тихо уговаривает та в ответ.

-Михаил коров доил, котелочком брякал, - приговаривает Валерий Иванович, наливая в кружки новую порцию самогона. – На посошок, дорогие гости! Я сёдня сказочно щедрый...

К своему дому возвращается Ева, жена Валерия Ивановича, она открывает калитку, входит во двор.

Очертания бани в темноте. В светлом окошке, замазанном белой краской, угадываются тени махающих руками людей. Похоже на потасовку. Шум падающих тазов. Визг Вальки-плissировки. Выкрики - Михаила: «Ах ты, падла!», Валерия Ивановича: «Молокосос!»

На эти крики спешит от ворот к бане жена Валерия Ивановича. Открывав дверь бани настежь, сильным голосом командует:

-Марш все отсюдова!

В бане притихли. Первой с опаской выходит Валька-плissировка:

-Добрый вечер, Ева.

-Ночь уж на дворе, девушка, - с издёвкой замечает Ева. И меняет тон на снисходительный: - Валя, Валя... Плissировкой была – ею и останешься. Твоё счастье, что я добрая, другая бы на моём месте тебя с крыльца спустила...

-Крыльце низковатое, - огрызается та, а сама бочком-бочком направляется к забору, через которое перелезала к мужикам.

Ева, видя, как перелазит через забор шустрая соседка, кричит ей вслед с намёком:

-Юбку-то не порвала? Ноги, наверно, высоко пришлось задирать!..

-Не переживайте сильно, у меня юбка – плissировка! – Валька показывает преимущество юбки, растянув её как меха гармони.

-Иди, холера ты такая, потом поговорим! – Ева оглядывается на присмиревших в бане мужиков: - А вам что, особое приглашение надо?!

На крыльце появляется Валерий Иванович:

-Ева, - виновато просит он, - ты тока при людях не ругайся... Они с рыбалки мимо проходили, - оборачивается он к гостям и зовёт их рукой на крыльце: - На выход, гости дорогие.

-Удочки не забудьте, у ворот стоят, - Ева настроена решительно.

В ночной двор дома Аркадия Прокопьевича и Клавдии Петровны входят немного пропривевшие сам хозяин, который машинально ставит удочки возле забора, и Михаил.

Садятся на ступени крыльца.

-Готовься, счас начнётся! – предупреждает Аркадий Прокопьевич и достаёт из кармана презентовой куртки пачку папирос: - Перекурим это дело.

Михаил не унимается, еле шевеля языком:

-Прокопыч, так правда, чё ли, он Паулюса конвоировал и заключённых охранял?

-Опять двадцать пять! Ну прихвастнул человек при женшине – с кем не бывает! А вот родной брат его действительно под Сталинградом погиб. Хоть и артиллеристом был, а всё равно не уберёгся. Такая вот досада! А про остальное сказать не могу. Время такое было: сразу не поймёшь, кто чем занимался – одна половина вроде сидела, а другая – их охраняла.

-А где же вы тогда служили вместе?

-В военной контрразведке! СМЕРШ называется.

-Чиво-чиво?

-Не всё сразу, Миня. Потом расскажу. Счас не могу – давал подпись о неразглашении. Государственная тайна.

-От оно чё... Вас хрен поймёшь, заврались с потрохами...

-А откуда у меня, Михаил, тогда два ордена Красной Звезды и орден Отечественной войны? Не считая медалей... За доставку на фронт муки, что ль?

-Это я как-то недокумекал, - искренне признаётся Михаил. - А как же финчасть, недостача на складе?

-Это всё правда. Тока меня там не было.

-Ничё не понимаю...

-А тебе и не надо пока. Узнаешь, когда время придёт. А счас пошли сдаваться бабам, - Аркадий Прокопьевич бросает окурок на землю и не спеша поднимается со ступенек.

Заходят в дом тихо, стараясь не скрипеть входной дверью. А там их уже встречают: Клавдия Петровна с размаху хлестнула по лицу мужа кистью. У того на щеке остаётся известковый след, ему неудобно:

-Кланя, давай потом разберёмся.

А Михаил, видя такое же решительное настроение у Галины, проскальзывает в боковую комнату и садится там на стул у печки. В это время в комнату входит Галина, и ему с пьяных глаз кажется, что она тоже в руках держит кисть. Он в страхе захмуривается...

Открывает глаза уже в поезде, где он спал на нижней полке. В плацкартном вагоне почти пусто. Галина с дочкой сидят рядом, за боковым столиком, смотрят в

окно и негромко разговаривают. Михаил слушает.

-Мам, я когда вырасту, стану проводницей – буду на поездах везде ездить. Все города посмотрю, – мечтает шестилетняя Рита.

-Чудачка! Тогда уж лучше на самолётах летать – станешь стюардессой, - слово «стюардесса» Галина выговаривает неровно, потому что слышать слышала, а произносить самой пришлось впервые. Увидев, что Михаил проснулся, Галина к нему с упрёком: - Нафестилился?

...За боковым столиком сидят уже Михаил с Галиной, дочка спит на нижней полке, где спал отец. Супруги неотрывно смотрят в окно. А там проплывают те же почтенные от времени и чуть покосившиеся лагерные вышки, остатки колючей ржавой проволоки. Эту жуткую картину они видели, когда ехали в гости.

-От живём, Галчонок, и ничё не знаем, - задумчиво произносит Михаил и тяжело вздыхает.

-А чё мы такого не знаем? – не сразу понимает Галина.

-Да нет, ты не поняла...

-И чё мне тя понимать? Изучила как облупленного, - не желает поддерживать мрачные мысли мужа Галина. - Я знаю точно, что в город нам надо перебираться – дочь подрастает. Может, поступит куда учиться – на врача или на учительницу.

-Да скока можно мотаться с места на место?! Мы же не цыгане – бродить по свету... С Шаманово нас сорвали и опять в дорогу собирайся?

Михаил на секунду вспоминает (картина), когда пришлось перевозить свою мать из Шаманово – её заплаканные глаза, разобранные брёвна отчего дома...

-А чё на одном месте-то сидеть, – стоит на своём Галина, - мхом, чё ли, зарастать? Раз с Шаманово переехали, и ничё с нами не случилось, то и в город так же переедем. Мы же не старики какие – держаться за одно место.

-Зачёкала опять...

-Ой да ладно те!

Глава 26

Смотрини дома

Тот самый железнодорожный вокзал и перрон, с которого семья Протасовых отправлялась к Аркадию Прокопьевичу и

Клавдии Петровне. За их спинами трогается с места поезд, с него они только что сошли.

-Ну и куда теперь? – подхватывает с перрона полупустую хозяйственную сумку Михаил.

-Зайдём к сестре, должны быть дома в выходной.

-А, может, сразу поспрашиваем, кто дома тут продаёт?

-Успеем, а то обидятся, что были рядом и не зашли. По стакану чая хоть выпьем. А нет дома, так зайдём в каку-нить забегаловку, да перекусим. А там видно будет.

В квартире Скобовых переполох – с раннего утра нежданно-негаданно нагрянули родственники.

-Вы бы хоть предупредили! – обнимая сестру, смущённо говорит старшая сестра Александра. И командует вышедшему из комнаты мужу: - Гоша, встречай гостей!

-Да мы ненадолго, сильно не гоношитесь. В пять вечера наш автобус с автостанции отходит, – оправдывается Галина. – А надо ещё домишко в вашем городке присмотреть, переезжать будем из деревни.

-Что, Михаил, надоело быкам хвосты крутить? – дружелюбно поддерживает тему разговора муж Александры, Георгий, здороваясь за руку с родственником.

-Да разве её переспоришь, – Михаил кивает головой на жену.

-Моя такая же – это у них в крови, – понизив голос, шутливо жалуется Георгий. – Проходите, будьте как дома. – И обращается к жене: – Шура, ты чайник-то ставь, гости у нас.

Галина достаёт из авоськи-сетки газетный кулёк:

-Возьми, Шура, пирожки остались, тётя Клава напекла нам в поезд.

-Спасибо, счас чаём вас с дороги напоим.

Михаил с Галиной и Александра с Георгием подходят к одному из частных домов, на вид он небольшой, но аккуратный.

-Этот, кажется, продаётся, – предполагает Георгий.

-Этот-этот, я номер ещё у своих знакомых переспросила, – заверяет Александра.

- Самого хозяина Степан Арсентьевич зовут.

-Вы тока дом не хвалите, а то цену могут заломить, – напоминает Михаил.

-Ты лучше не забудь в подполье слазить, а то, может, у них там грибок завёлся, – наказывает мужу Галина.

Осмотр продающегося дома внутри. Хозяева, муж с женой преклонных лет, суетятся:

-Тут у нас печка ещё одна была, – хозяин показывает место, где была печка, – так мы её в прошлом году разобрали – незачем дрова без толку жечь и так тепло.

-Дом тёплый, добрым словом нас будете вспоминать, – подхватывает слова мужа хозяйка.

-Брёвна из лиственницы, сам заготавливал, дом вечный, не сгниёт, – продолжает хозяин. – Можем в подполье слазить, убедитесь, что грибка нет.

-Слазьте с Георгием, заодно подполье посмотрите, – указывает мужу Галина.

-А мы пока веранду поглядим, – зовёт Галину и Александру хозяйка. – Пойдёмте!

Женщины выходят на большую застеклённую веранду, стены которой выкрашены в салатный цвет. У Галины дух захватывает:

-Просторно-то как!

Обсуждение на улице после осмотра дома. В разговоре участвуют Михаил, Галина, Александра и Георгий.

-Ну и цену заломили! – возмущается Михаил. – Мне на этот дом вкалывать лет десять, а то и больше.

Галина соглашается:

-Да, кругом дорогоизъ... Хотя можем и подсобрать денежки – дом продадим, он же у нас новый совсем, бычка, свиней сдадим.

Вмешивается Георгий:

-Мы с Шурой можем тыщёнки полторы-две подкинуть. Отдадите, когда разбогатеете.

Александра в первый момент помалкивает, чуть поджав губы, но потом спохватывается:

-Свой своёму - поневоле друг, надо – поможем.

-Ой, спасибо, сестра! – радуется Галина. – Постараемся быстрее отдать.

-Да уж постарайтесь, – улыбается Александра, – нам деньги тоже нужны.

Идут дальше. Вдруг Михаил стал носом водить:

-Со скотного двора, чё ли, донесло?

Галина тоже принюхивается:
-Видать, хозяева и тут скотину держат.
-Переедем, тоже заведём, я место под
стайки видел, - откликается Михаил.
-Да нет, - Георгий хитро улыбается, - это
метилмеркаптан с элпэка.

-А чё это? – недоумевает Михаил.

-А это, Михаил, чтоб вы не пугались, -
заулыбался Георгий Скобов, - такие запахи
доносятся с лесопромышленного комплекса - ЛПК, там из дерева целлюлозу варят.
ГЭС же не зря строили, электроэнергию-то
куда девать? Пошла на крупные промышленные предприятия. Скоро и алюминиевый завод достроят. Самый крупный в стране, а то и в мире.

-Так от из-за кого нас затопили, - догадывается Михаил.

-А что – так каждый день пахнет? Вроде как куриное яйцо протухло, – беспокоится Галина. – Вы нам что-то не рассказывали об этом.

-Мы сами только месяца два как узнали, завод-то недавно пустили, - оправдывается Александра.

-Да не беспокойтесь вы! – стал успокаивать Георгий. - К нам всего раза два в месяц по заливу доносит, а так всё в центральной части города остаётся.

-Ой, Галчонок, куда мы переезжать собираемся, вонищу эту нюхать!

-А в стайке у себя не нюхаете? – улыбается Александра.

-Так там хоть знаешь, за чё. Мясо себе ростим, молоко... Есь за чё терпеть! А тут – даром нюхай и помалкивай.

Галина отмалчивается, хотя по лицу видно, что зловонный запах и её озадачил.

Проходят мимо кирпичного двухэтажного здания, наверху которого видны огромные буквы - Универмаг. Галина предлагает:

-Давайте в магазин зайдём.

-Галя, вы идите с Михаилом, а мы с Гошей пока домой пойдём, стол соберём. Да и дети там одни остались. Придёте - посидим по-родственному, расскажите подробней, как там дядя Аркаша с тётей Клавой живут.

В универмаге Галина выбирает себе пальто на вешалках. Посмотрит – то цвет не её, то размер.

Михаил стоит чуть поодаль и терпеливо

ждёт. Наконец Галина подходит к нему с выбранным пальто бежевого цвета и показывает:

-Ничё?

-Вроде нормально. Бери, если нравится.

-Пойду померю. - И уже выглядывая из-за шторки примерочной: - Минька, иди посмотри.

Михаил покорно подходит:

-Показывай.

-Ни малое?

-Да нет вроде. Тока светлое како-то, маркое.

-Счас мода такая.

-Ну, бери, раз мода.

Галина крутится перед зеркалом.

-Всё же выбрала бы потемнее, - снова высказывает своё мнение Михаил.

-Я не пойму: брать или не брать? У меня же демисезонное пальто уже старое.

-А я чё – против? Лишь бы те нравилось.

-И сколько, думаешь, стоит?

-Да не дороже денег, наверно. Деньги тока на обратную дорогу не истратить.

-Не истрачу.

...Продавец, молодая женщина, завертывает покупку в грубую упаковочную бумагу. Михаилу уже не терпится выйти из магазина:

-Галь, я тя внизу подожду.

Галина кивает, и он быстро направляется к выходу. А Галина, окинув прощальным взглядом отдел верхней одежды, переходит в другой. Задерживается возле витрины, где стоят духи. Замечает духи «Красная Москва»:

-Девушка, покажите мне «Красную Москву».

Продавец средних лет, видя заинтересованность покупательницы, предлагает:

-У нас не только духи есть, но и набор «Красная Москва», - она достаёт с полки красную фигурную атласную коробку. Открывает её: - Здесь духи, одеколон, пудра, туалетное мыло. Подарочный набор.

Галина с восторгом всё это осматривает, нюхает, открывает кошелёк, прикинув, сколько осталось, и решается:

-Беру!

За накрытым закусками столом у Скобовых. Родственники чокаются хрустальными рюмками.

-Обмоем Галино пальто, - предлагает Георгий.

-Скоро и дом будем обмывать, - подхватывает Александра. - Недели за две управитесь? Задаток я завтра же хозяевам отнесу. Переезжайте! Школа рядом, есть и музыкальная школа. - И обнимает племянницу: - Риточка, хочешь на пианино играть?

-Хочу, - охотно отвечает Рита.

-Наша дочь Наташенька, - Александра обнимает черноволосую девочку лет восьми-девяти, - уже второй год в музыкальную школу ходит. Будете вместе заниматься.

Михаил, видя такой напор со всех сторон, окончательно сдаётся:

-Куда деваться - станем городскими!

Михаил с Галиной и дочкой возвращаются домой тем же автобусом, на котором уезжали в гости. В руках Галины покупки, она довольно поглаживает их, улыбается...

-Притормози-ка возле нашего дома! - громко просит Михаил знакомого водителя автобуса.

Выходя из автобуса, супруги Протасовы тут же слышат за воротами своего дома мычащую корову. Галина оглядывается по сторонам, словно не узнаёт знакомых мест, но через секунду приходит в себя:

-Недоенная, чё ли?

-Чувствует, что скоро её продадут, - пытается шутить Михаил.

Глава 27

Переезд в город

Примерно через две недели. В доме Протасовых Галина с вдовой погибшего брата Юрия Князева, Марусей, с разных сторон белят известью русскую печку. Михаил снимает деревянные, без штор, гардины, ставит в углу.

-Послезавтра за вами машина придёт? - уточняет Маруся.

-До обеда Георгий обещал, он же теперь у Шуры начальник автобазы, грузовик отправит, - отвечает Галина.

-Белите, девчонки, я скоро приду, - направляется к выходу Михаил.

-Долго не ходи, скоро покупатели придут, - наказывает вдогонку Галина.

-Куда это он направился? - спрашивает Маруся.

-Да к матери своей подался.

Елизавета Гавриловна сидит в горнице своего дома за старинным самодельным сибирским ткацким станком - кроснами - и сосредоточенно ткёт из дранки (тряпичные ленточки) разноцветные дорожки-половики. На стук щеколды калитки мать оглядывается, в окне видит сына, идущего от ворот к входной двери дома.

И вот на пороге стоит Михаил:

-Здорово, мам.

-Здравствуй, сынок, проходи.

-Скока дней за краснами сидишь? (*ударение в слове «краснами» на второй гласной, - прим. автора*).

-Када ткёшь - дни не замечашь. Скоро закончу, дранка кончается. На всех дорожки наткала. И на вас тоже.

Устало встав из-за станка, Елизавета Гавриловна совсем близко подходит к Михаилу. Он выше её на голову и ей приходится смотреть на него снизу вверх.

-Всё-таки собралися уезжать? - голос Елизаветы Гавриловны дрогнул.

-А чё делать, жись не стоит на месте.

Мать с сыном садятся на старый дермантиновый диван.

-И чё вам не сидится? Куды-то всё ехать и ехать надо, - упрекает мать.

-А чё нам... привыкать на узлах-то сидеть? Раз стали переезжать, так чё останавливаешься...

-Дак с Шаманово мы не по своей воле, а тут вы сами.

-Один раз сорвались, и всё - пошло дело. Лиха беда начало, сама нам в детстве говорила. Так, глядишь, и до Москвы доберёмся.

-Ой, Миня, скажешь тожа, - мать слегка улыбнулась, поняв, что сын её подбадривает.

-Ну а чё? Чем чёрт не шутит...

-Картошку-то новым хозяевам (*ударение на последней гласной, - прим. автора*) оставлять? - вроде смирившись, стала расспрашивать Елизавета Гавриловна.

-Нам там тоже хозяева оставляют. Огород большой, копать много.

-Сколь соток-то?

-Весь участок с домом двенадцать соток, а под посадками вроде семь-восемь.

-Подполье смотрел - хорошее?

-Просторное. Есть где и картошку, и «мелочь» хранить. А с веранды лаз в подвал, там будем банки на зиму ставить. И кладовка вдобавок есть, бочку с капустой

будет, где на зиму разместить. Да всё в доме по уму сделано, хозяин был основательный мужик. Стайки потом дострою, если будем живность держать.

-Ну-ну... Ладно тада. Обживайтесь на новом месте, раз так порешили.

-Там школа совсем рядом, Рите как раз на тот год в первый класс, а может, Шура договорится в своей школе и её счас возьмут, необязательно с семи лет. Она у нас така понятлива – должна на пятёрки учиться. Главно, работы там кругом полно, ни то что тут, - Михаил будто уговаривает мать.

-Дело ваше... Лишь бы жили дружно. – И, помолчав немного, неожиданно, даже с какой-то обидой, добавляет: - А всё-таки переборола тя Галька, верёвки из тя вьёт. Отец бы живой был, дак подсказал бы те как мужик мужику, что бабушибко поважать нельзя, а то она живо верх возьмёт. Смотри, совсем подкаблучником не стань. Есь таки мужики – квашня квашней, господи, прости...

-Ничё, обойдётся. А кто старо вспомянет...

-Правильно, сынок. Надо забывать всё плохое. Всяко в жисти случатся. Я вас как учила: в вас бросят камушком, а вы обернитесь, да киньте хлебушком. Езли человек не дурак – поймёт. И запомни: каждый отвечат, перво-наперво, сам перед собой. Каждый сам себе судья.

-В том-то и дело, - соглашается Михаил. И сменяет тему: - Ладно, мам, не скучай, ты тут не одна остаёшься, Надька рядом. Не переживай за нас, будешь к нам приезжать, а мы - к тебе. Ты уж постараися пожить подольше.

-Поживёшь тут с вами! – срываются Елизавета Гавриловна. – Вся душа об вас изболелася! Попервости с вашим отцом об вас переживали, када вы ишо маленьки были. Кеша, када мужиков шамановских стали в тюрьму забирать, три ночи по ночам про запас дрова из лесу возил, а то, мол, как вы тут без миня, замёрзнете ишо... С соседом нашим, Савелием Бакаевым, возили на пару, того забрали. А нам как-то обошлось, Кеша тада всё время на доске почёта висел, в передовых трактористах ходил, старался... А на фронт забрали – всё мине одной досталось. Вы хоть подросли да помогали, а то бы – хоть в петлю лезь. Я ить, Миня, не для себя – для вас

живу, лишь бы у вас всё ладилося, а боле мине в ентой жисти ничё и не нада.

Елизавета Гавриловна встаёт, подходит к столу, на котором лежат свёрнутые сотканные дорожки, берёт два рулона и несёт их сыну.

-Поезжайте с богом! – протягивает она Михаилу цветастые самотканые дорожки.

– Постелите тама у себя, када и миня добрым словом вспомяните.

Сын принимает дорожки и уже на пороге спешит сообщить:

-Послезавтра Гоха Скобов машину отправит, приходи провожать.

-Приду, куды мине деваться, - Елизавета Гавриловна всхлипывает и садится на лавку у печки. – Иди, а то ждут, поди. Сообщите, как подойдёт машина, сразу и приду...

У ворот дома Протасовых собрались провожающие – родственники, соседи, знакомые. Грузовая машина стоит рядом, видим, что погрузка домашнего скарба закончена. Михаил закрывает задний борт и подходит к деду Ивану. Тот крепко жмёт руку Михаилу:

-Скучать без тя буду, Минча. Ох, и почудили мы с тобой – есь, чё вспомнить на старости лет.

-Рыба ишет, где глубже, а человек – где лутче, - понимающе жмёт руку Михаилу дружок Лёня Каймонов. – Не забывай дружков, Михаил.

Баба Даша обнимает Галину:

-Люби Михаила, Галя. Лутче соседа и соседушки у нас не было и не будет.

Мать Галины, Мария Прокопьевна, тут же, рядом с дочерью:

-Бери Миньку в руки! Хоть на новом-то месте людей не смешите.

-Мам, ну как чё скажешь...

Елизавета Гавриловна подводит сына к невестке, берёт их руки – соединяет ладонь в ладонь:

-Хочу на вашей золотой свадьбе погулять. Не подведите!

Следом бросаются обнимать Михаила и Галину родственники: родная сестра Михаила - Надя, его родной брат - Гриня, вдова шурина Юрия Князева – Маруся, повариха Дина-уркаганка со своим сожителем Виктором.

Из кабины выглядывает незнакомый городской шофер, нетерпеливо спрашивает Михаила:

-Долго мне ждать?

-Счас тронемся, не переживай.

...Всё дальше от провожающих удаляется машина, груженная домашними вещами семьи Протасовых. Ей вслед машут провожающие. И Михаил из кузова им тоже машет. Галина в кабине лишь бросает взгляд в боковое зеркало и, довольная переездом, поправляет плечики цветастого штапельного платья. Рядом с ней сидит дочка Рита.

Вскоре после переезда. Михаил и бывший хозяин купленного Протасовыми дома, Степан Арсентьевич, стоят возле бани.

-Вы в прошлый раз всё бегом смотрели, так я повторю. Баня хоть и не новая, но лет двадцать, а то и больше, ещё прослужит, - похлопывая тёмно-коричневые, а где и почерневшие брёвна бани, рассуждает Степан Арсентьевич. - Брёвна, правда, не сам в тайге заготавливал. Купил тут у одного времянку, разобрал, да сложил вот.

Михаил слушает его с досадой: ни он всё это строил, всё ему здесь чужое:

-Не я всё это строил! - вырывается у него.

-Конечно, не ты, - понимает Степан Арсентьевич. - Потом привыкнешь, сам чё-нибудь начнёшь строить-пристраивать. Вы там у себя скотину, кур держали, так здесь тоже, может, захотите продолжить. За баний места много, стайки можно соорудить. Короче, сам скумекаешь. Это моя «генеральша» не хотела мараться, а мне было некогда заниматься скотиной - всё время в разъездах. Да и, если честно, в магазинах мяса полно, снабжение здесь отличное. Да и на рынке всё время продают. Продавцов из сёл хватает!

Выходят к огороду.

-Вы в прошлый раз с женой торопились и огород даже, как следует, не посмотрели, - не унимается бывший хозяин.

-Земля она везде земля, - равнодушно замечает Михаил.

-Не скажи! Где вы жили, там климат потеплее, помягче, потому что южнее, а здесь мне пришлось тепличку сварганить.

- Теплиц мы сроду не знали, а от огуречные парники есть кой у кого.

В купленном доме тем временем разговор ведут женщины. Хозяйка, теперь уже бывшая, сидит на приготовленных к отъ-

езду картонных коробках и чемоданах, а Галина потихоньку раскладывает на полки кухонного шкафчика свою привезённую утварь.

-Этот дом мы со Стёпкой построили года через полтора, как приехали на стройку гидростанции, а до этого пришлось в паточном городке ютиться - я в женском бараке, а он - в мужском. Представляешь - семейка! Хорошо, что сын с дочкой уже к тому времени взрослые были, остались на Смоленщине, позаканчивали там институты, оба теперь семейные, на приличных должностях. Всё у них, слава богу, благополучно.

-А почему вы решили в Грузию переехать? Не к детям?

-У Стёпки в Поти родной брат с женой живут, тоже помотались по северным стройкам. Теперь болячки на черноморском берегу залечивают. Нам домик присмотрели, задаток за него внесли. Главное, пишут, сад замечательный - персики, абрикосы... Винограду - полно! Приезжайте к нам, Гая, с мужем отдохать. Спишемся и приезжайте. Может, не будем, конечно, загадывать, захотите перебраться в тёплые края.

-Может! Зарекаться не станем. Мой родной дядя с женой тоже собираются на пенсии махнуть на юг. А мы потом - за ними. Мне Сибирь нравится, всё-таки родилась здесь, люди у нас отзывчивые, но как подумаю, что раньше в эти места только на каторгу ссылали... А мы здесь сами, по доброй воле, живём... Привыкли.

-Завтра в контейнер вещи погрузим, сядем в поезд и - ту-ту-у-у, - мечтательно произносит бывшая хозяйка.

-Вообще-то я бы лучше в Молдавию махнул, - будто подслушал женский разговор Степан Арсентьевич. - Воевал в тех краях, места - благодатные. Рай!

-Так, может, передумаете?

-Не-е-т, какое там! Как говорится, механизм запущен. А работы тут тебе!.. Работай не хочу, - переключается на любимую тему Степан Арсентьевич. - Иди в любой леспромхоз - «Тобольский», «Полтавский», «Крымский», «Донецкий», «Киевский» - с руками оторвут. Заработки - ты сроду столь не зарабатывал в своём совхозе! Года за два-три на личную машинёшку капитал сколотишь.

-Да куда мне свою машину! – отмахивается Михаил. - На работе надоедает «баранку» крутить, хоть дома отдохнуть.

-О! Это ты счас так говоришь! – со знанием жизни произносит Степан Арсентьевич.

-Поживём – увидим.

Глава 28

Городская (другая) жизнь

Год спустя.

Михаил за рулём лесовоза. Нет-нет, да и стукнет ленонько по рулю, от усталости еле шевеля губами «абарая».

Подъезжает к построенной плотине ГЭС. Ставит лесовоз на грузовую площадку. Вылезает из кабины и идёт к ограждению из сетки-рабицы, чтобы вблизи посмотреть гидроэлектростанцию. Смотрит на ГЭС сверху вниз.

-Какую машину отгрохали! – вырываются у Михаила, и он на миг вспоминает (картинка из прошлого), как после армии вместе с другими водителями великой стройки принимал участие в первом перекрытии своенравной реки прямо со льда.

В лесу заканчивается погрузка бревён краном на базе автомобиля ЗИЛ-130 на грузовую площадку лесовоза. Михаил выполняет функции стропальщика. Его лесовоз стоит рядом с приоткрытой дверцей. Когда он закрепляет последнее бревно тростами, пожилой крановщик одобрительно кричит из окна кабины:

-Молодец, земляк!

После погрузки оба перекуривают возле груженого лесовоза.

-Советую тебе, Иннокентьевич, на курсы крановщиков записаться. Смежная профессия никогда не помешает, – говорит пожилой крановщик. И кивает в сторону спящего на куче еловых веток молодого парня: - Где тока водку берёшь, паразит. А если б ты не помог погрузить лесовоз?..

В другой раз картина в лесу такая. Краном управляет уже Михаил. Тот же молодой стропальщик, что спал на еловых ветках, с папиросой в зубах, которую не курит, а больше мусолит во рту, расторопно подцепляет бревна. А неподалеку, на куче еловых веток, прикорнул тот пожилой крановщик, что давал совет Михаилу учиться на крановщика.

После погрузки Михаил и молодой стропальщик устраивают перекур.

-Как дочку замуж выдал – так и не просыхал, - снисходительно кивает в сторону спящего пожилого крановщика молодой стропальщик. - Хорошо, хоть ты на курсы крановщиков устроился... Скоро и «корочки» получишь.

-А ты-то как оказался трезвым? – благодушно улыбается Михаил, обращаясь к молодому стропальщику.

-Налить некому, - в тон вопроса отвечает парень.

-А я перевожусь в «Донецкий» леспромхоз, там рейсов в месяц больше выходит, - сообщает Михаил. - Мужики рассказывают, что аж под шесть сотен выходит!

-Ну и правильно! Больше сделал – больше получил, - соглашается молодой стропальщик. – Это я пока холостой, так вроде на жись хватает. А женюсь – жена запилит... Давай и давай деньги!

И снова уставший Михаил за рулём своего лесовоза-трудяги. Этим они друг на друга даже похожи. Груженый лесовоз медленно выбирается по лесной разбитой дороге на грунтовый тракт, постепенно набирая скорость.

Михаил стоит в очереди у кассы. Работягам выдают зарплату. Подходит очередь Михаила. Его лицо в кассовом окошке:

-Протасов.

-Протасов... -ищет в ведомости его фамилию кассирша (лет 45-47 лет) в роговых очках. – Новенький?

-Старенький, - устало произносит Михаил. – Из другого леспромхоза перевёлся.

-А-а-а... вот, нашла. Пятьсот пятьдесят шесть рублей двадцать копеек. Расписывайся, - кассирша подаёт в окошко ведомость и ручку Михаилу. - Вот здесь, где галочка стоит.

Михаил старательно выводит подпись. Кассирша проверяет, где он расписался. А затем достаёт из сейфа шесть запечатанных пачек денег, с одной срывает контрольную банковскую ленту и отсчитывает несколько купюр. Михаил с удовлетворением следит за этим процессом.

На приставке в окошке перед Михаилом лежат пять нераспечатанных пачек денег и несколько отдельных бумажных купюр с копейками.

Михаил отходит от кассы, кладёт деньги в карманы рабочих брюк. Только успел спрятать, как к нему навстречу спешат новые коллеги по работе – средних лет стропальщик Фёдор и крановщик лет 45, Иван. Окружают с двух сторон, не пробиться из кольца:

-Первую зарплату надо обмыть, а то деньги в доме водиться не будут, - настаивает опытный Иван.

Стоят втроём за столиком в пивном баре. В кружки с пивом подливают тайком водку из бутылки, которую прячет во внутреннем кармане рабочей одежды стропальщик Федя. Закуска – по плавленому сырку и булочке. Всё это уже откусано не раз.

-Пятьсот с копейками – это не предел, - рассуждает крановщик Иван. - Можно спокойно шесть сотен с напуском выжимать. Скажи, Федька?

-Скажу! - с готовностью подтверждает Федя. - И семь сотен можно. Это же лес! Вози, сколь можешь, перевыполняй план, заколачивай рублики - оплата сдельная.

-Семь-то ты загнул! Это день и ночь из леса не вылезать, чё ли? – сомневается Михаил. – Подвинься медведь в берлоге, я тоже отдохнуть хочу...

Домой после пивной Михаил шагает, слегка покачиваясь. Калитку ворот оставляет за собой открытой. Вваливается в прихожую. Галина выходит встречать мужа в кухонном фартуке. Молча, с недовольным выражением лица, наблюдает за своим драгоценным добытчиком. А тот сразу лезет в карманы, откуда с трудом достаёт пять пачек денег вместе со скомканными купюрами:

-Галь!

-Наклюколся... Успел уже!

-Смотри, сколь твой Минька принёс... Все твои! – Михаил протягивает сжатые в кулаке денежные пачки. - Оставь... сколь надо, остальные – на сберкнижку... Пусть лежат, деньги к деньгам любят...

Галина забирает зарплату:

-Хорошо, хоть не пропил всё до копейки.

Из комнаты выходит дочь Рита, ей почти 8 лет.

-Вы мне пианино обещали купить! - настойчиво напоминает она родителям.

Михаил с уже знакомыми зрителю крановщиком Иваном и стропальщиком Фёдором сгружают из кузова машины пианино по специально подставленным для этой процедуры доскам. Предмет тяжёлый, выгрузка ответственная. Трезвые «грузчики» это осознают и держатся очень собранно. На крыльце дома за выгрузкой наблюдают Галина и дочка Рита.

Вот пианино мужики вкатывают в дом; ставят к стене в зале и облегчённо вздыхают, вытирая ладонями пот со лба.

-Садись, дочка, сыграй нам, - Михаил не без гордости открывает крышку пианино. Видно его название – «Приморье». – Тока с выражением...

-Да она только полтора месяца в музыкальной школе занималась, – беспокоится Галина.

-Я сыграю, - подносит стул к пианино дочка Рита. – Мы разучили вчера «Жили у бабуси два весёлых гуся».

-А я чё говорю! – радуется Михаил, приглашая жестом руки своих уставших помощников присесть на стулья.

Рита начинает играть, сбивается, снова начинает играть, напевая себе под нос:

*Жили у бабуси два весёлых гуся.
Один белый, другой серый –
Два весёлых гуся.*

«Зрители» терпеливо слушают, а Михаил объясняет им тихо, оправдывая неуверенную пока игру дочки:

-Второй месяц тока учится. Пальцы покамесь не разработались, - и показывает своими пальцами, будто перебирает ими по клавишам пианино.

-Нау-у-учится! – понимающе отзыается крановщик Иван.

-Главно - струмент теперь купили, - добавляет стропальщик Фёдор.

Один белый, другой серый...

-старателльно перебирает клавиши Рита.

Глава 29

Прошлое не отпускает.

День за днём...

Май 1974 года.

Продовольственный магазин. Галина сидит за кассовым аппаратом. Возле кассы очередь из трёх человек.

-С вас один рубль двадцать три копей-

ки, - говорит первому покупателю Галина. Взглянув на второго: - В какой отдел пробивать?

-Где мясо, - покупатель подаёт деньги.

-Второй отдел, - Галина пробивает чек. - Держите чек и сдачу: одиннадцать копеек.

Подходит очередь третьего покупателя. Это женщина лет 50-55, одетая под деревенски – простовато:

-Здорово, Галина. Не узнаёшь?

-О! – удивляется неожиданной встрече Галина. - Здорово, Ефимовна. Проездом?

-Да не совсем.

-В какой отдел выбивать и какую сумму?

-Три рубля восемь копеек. Колбаса. - И пока Галина выбивает чек и отсчитывает сдачу, Ефимовна успевает сообщить: - Слыхали, что всё у вас путём с Михаилом, деньги заколачивате.

-Да не жалуемся, - машинально отвечает Галина, не отрываясь от работы.

-Доча ваша прошлым летом, на каникулах, у нас в клубе на пианине так играла здорово! Все хвалили, мол, от кака доча у Мини с Галиной.

-Она у нас молодец, учится почти на одни пятёрки, - Галина отрывается, наконец, глаза от денег, ей приятно слышать добрые слова в адрес дочери.

-А я приезжала в больницу на обследование, - сообщает Ефимовна.

-Заболела?

-Да так, ничё сурьёзного, давление тока замучило. Анализы вроде неплохие. Жить буду!

-А-а-а... Держи вот сдачу, - Галина приготовилась слушать односельчанку, пока к кассе никто не подошёл.

-Новость те сообчу: помнишь парнишку Рыбаковых - Генку? Ну, тот, что чуть в Троицу тада не утонул?

-Ну, - перед глазами Галины на миг промелькнула немая картинка-воспоминание: пьяный Михаил переворачивает в Троицу плот с женщинами и ребятишками, и те падают в воду.

-Дак от этот Генка недавно зарезал троих спящих колымщиков – всех ножом прямо в сердце. Чё-то иму не понравилося, как оне иму ответили в магазине. Ночью подкрался и всех порешил.

-Да ты что?!

-Да, - подтверждает Ефимовна, - по сю пору следствие продолжается.

-А мужики, наверно, пьяные были? – уточняет Галина.

-Ну не трезвы же, раз он с имя троими управился.

-Да-а-а, вот это новость так новость...

-И в кого он такой?

-Видно, сам в себя.

-Мине Семёниха. када ишо по секрету говоривала, что Маринка парнишку этова от какова-то цыгана ишо в девках нагуляла. Помнишь, на Увале одно время табор месяца три стоял?

-Ну...

-От, видать, тада и подшухарили... А Вовка Рыбаков на ей потом женился. Он как раз с армии пришёл, Маринка и подлезла к иму, голодному-то...

-Вроде я тоже чё-то слыхала про это...

-От-от, а цыганска кровь – она ить горячушша!

-Наверно! - Галина замечает, что к кассе направляются покупатели. – Ну пока, Ефимовна, покупатели он идут. Всем привет от нас с Михаилом передавай!

-Бывай, землячка! Работай...

Ефимовна уже стала отходить, да вдруг снова возвращается:

-Само главно-то забыла те сказать: Борис Фёдырыч овдовел, перевёлся на работу в сельхоз управление. Тут он, недалёко.

Галина на несколько секунд застывает от такой новости, но потом справляется с волнением и привычным голосом говорит очередному покупателю:

-Если можно – поищите без сдачи.

А когда пробивает чек, бросает взгляд на входную дверь магазина, которая уже захлопывается за Ефимовной.

В это время порожний лесовоз, за рулём которого зрителю видит Михаила, приближается к бетонной эстакаде над дорогой, на ней наш герой успевает прочесть надпись над дорогой: «Главное, ребята, сердцем не стареть!»

Затем возле закрытого железнодорожного переезда. В кабине уже гружёного лесовоза Михаил наблюдает, как мимо проносится пассажирский состав с транспарантом на одном из вагонов: «Даёшь Байкало-Амурскую магистраль!»

-Эх, бродяги!.. – вырывается у коренного сибирияка.

Вечером к спящей на боку Галине укладывается Михаил. Он привычно обнимает её сзади, целует в шею.

-Отстань, - сквозь дремоту говорит недовольная Галина. - Фу-у-у, а перегаром-то несёт, - она теснее прижимается к персидскому ковру, висящему на стене.

-С мужиками в гараже по пять капель с устатку, - оправдывается Михаил. И всё плотнее прижимается к жене: - Галь, потройтай, всё на мази.

Галина вырываеться из объятий мужа, вскакивает и, прихватив с собой подушку, убегает спать на диван, укрываясь лежащим рядом на стуле пикейным покрывалом:

-Как всё надоело! Каждый день причиняй себе находите, шоферюги...

Михаил спешит за Галиной. Присаживается на краю дивана, начинает уговаривать:

-Галчонок, ты чё? Я ж не в стельку пьяный... Зубы почистил...

-Отстань, - стараясь казаться сонной, отвечает Галина. - Хоть десять раз чисти, всё равно водкой несёт, как из бочки...

-От как ты заговорила, - Михаил сгребает в охапку жену, тащит на кровать.

Галина беззлобно сопротивляется:

-Ну не дурак ли?

-От дуры слышу.

На кровати Галина снова упорно вырывается и укладывается спать на диване:

-Лучше не подходи! Риту разбудишь!

-Ладно, не буду больше приставать, - Михаил сидит на кровати, потом покорно укладывается спать. Отворачиваясь к стене, ворчит: - Потом сама попросишься...

Михаил мастерит новый парник. Видит, что ему не хватает двух досок. Это замечает Галина, она высаживает рядом рассаду огурцов в старый парник:

-Чё, досок не хватило? В лесу работашь, а досок нет? А это потому, что под лежачий камень вода не потечёт. Мозгами надо шевелить, как другие мужики!

Михаил, поняв, что начинается «чистка», садится перекурить.

-Вокруг столь этого добра валяется... Летнюю кухню када строить начнёшь?

-Бруса покамесь не достал. Выписывать - дорого. Может, где подешёвке с мужиками на пилораме договорюсь. Не переживай - будет те летня кухня.

-Хоть бы где доску украл, - едва дослушав мужа, продолжает жена.

-Ни для того меня мать родила, чтоб я чужое присваивал.

-Можно подумать! «Чужое»! Гляди, какой честный выискался!

-Воровать - себя не уважать, - спокойно замечает Михаил.

-Ещё почище сказанул. Святой! Не смеши одно место. Скажи ещё «сколько верёвочки не виться...»

-Всё, харе! Хватит нотации читать! - обрывается разговор Михаил. - Завтра доски привезу и закончу парник.

Оба замолкают. Михаил докуривает папиросу и, ласково глядя на жену, говорит:

-Знашь, Галчонок, када ты там, на юбилее у агронома, - показывает лёгким кивком головы в сторону, - пела свои «Белые туфельки» - ты мне как-то больше нравилась, чем счас.

Галина смотрит на Михаила и не может понять: правду он говорит или шутит. А тот, взяв метлу, стал подметать деревянный тротуар, ведущий от бани к дому.

Вскоре. Выпускной вечер в музыкальной школе. Над сценой висит плакат: «Приветствуем выпускников 1974 года!» Зрители, в основном родители, дружно аплодируют очередному выпускнику, отыгравшему на фортепиано.

-Скоро и наша дочка будет играть, - наклонившись к мужу, шепчет Галина, ей здесь 36 лет. Михаил, ему 39 лет, в ответ понимающе кивает.

Ведущая концерта, рослая ученица музыкальной школы, объявляет со сцены:

-Выступает Маргарита Протасова. Шопен, Ноктюрн си-бемоль, минор, - подглядывает в листочек, - опус 9, номер один.

Дочь Протасовых, здесь ей 14,5 лет, старательно играет произведение Шопена. Галина гордится дочкой и представляет её (картинка) играющую в огромном концертном зале с ослепительными хрустальными люстрами.

Михаил же вспоминает (картинка) своё военное детство...

Чернозёмное поле пашет колёсный трактор, сзади которого тащится металлическая борона, утяжелённая сверху бревном. За рулём - Миня (10 лет): в телогрейке,

кефке, кирзовых сапогах, чёрных сатиновых трусах, с голыми коленками. Сосредоточенно смотрит впереди себя. Останавливает трактор на краю поля, высовывается из кабины и кричит матери, которая сидит на поваленной берёзе и чинит его сатиновые шаровары (широкие брюки):

-Готовы?!

-Последняя заплатка осталася! Ты делай пока ишо один круг, Миня! – кричит в ответ сыну Елизавета Гавриловна и начинает вдевать нитку в иголку.

-Ладно, погожу, - негромко соглашается Миня и трогает колёсный трактор с места.

Дочка заканчивает игру на фортепиано. Звучат аплодисменты. Рита выходит из-за инструмента и кланяется зрителям. Аплодисменты продолжаются. Галина с Михаилом особенно горячо хлопают в ладоши. В глазах Галины стоят слёзы радости и гордости.

Домой возвращаются втроём. Рита уплетает мороженое в вафельном стаканчике. Галина несёт торт в коробке, перевязанной упаковочным коричневым жгутом, чтобы удобнее было держать, а Михаил в авоське-сетке несёт несколько бутылок пива марки «Жигулёвское».

-Молодчина, дочка, старательно играла, - хвалит Михаил. - Мы с матерью чуть не прослезились.

-Кто-то прослезился, а кто-то весь концерт про пиво думал, – беззлобно напоминает Галина.

-Мам, - Рита водит носом, - опять завяло.

-Да уж почуяла, с элпэка опять принесло, - шмыгает носом Галина.

-От, поганцы, в такой день и то влезли! - стал возмущаться Михаил.

Глава 30

Прелести юга

Через месяц.

Михаил и Галина стоят возле ограждения ещё не открывшейся с утра сберкассы. Спорят. Стараются говорить тихо, чтобы люди вокруг не слышали.

-А я чё - не зову тебя с собой?! - горячо доказывает своё Галина. - Давай поедем все вместе отдохнуть! Риточке хоть море покажем. Сами нигде не были и ребёнка никуда не свозили! Она вот музыкальную школу с отличием закончила, мы бы ей подарок –

Чёрное море. Накупаемся хоть вдоволь! На поезде пока через Москву будем ехать - всю страну посмотрим. На обратном пути заедем к дядя Аркаше в Кисловодск и нашим бывшим хозяевам в Поти, посмотрим, как они живут, погостим немного...

-Какое Чёрное море? Чуть-чуть осталось на машину подкопить, а ты опять ерунду затеяла, - возражает Михаил.

-Ты ещё скажи, ездить тебе не на чем!

-Своё есть своё. А лесовоз мне во как надоел! - Михаил проводит ребром ладони по своей шее.

-С тобой сроду вообще никуда не съездишь – так и сгниёшь в твоей Сибири, - обиженно твердит Галина.

-Ты, вроде, тоже здесь родилась...

-Родилась, а холод терпеть не могу. По мне бы лучше жить где-нибудь, где в садах абрикосы, виноград растут...

-Совсем из ума выжила! Это им хорошо, они родом с запада, а теперь в Грузии поселились – климат практически везде один, везде эти... «сады цветут». А мы-то родились здесь! Меня лично ни на какой юг за уши не затянешь.

-Нашёл, чем хвастать! Бурундук был – бурундуком и остался!

Некоторое время супруги, недовольные друг другом, молчат, потом снова за своё.

-Последний раз предлагаю: поедем отдохнуть втроём - ты, я и Риточка, - уговаривает Галина. – Ты сам-то в отпуске уж сколь лет не был? Пора бы отдохнуть, как все нормальные люди.

-Ага, обо мне вспомнила... То деньги те успевай заколачивать, а то вдруг – отдохни, Миньча... Полежи, позагорай...

-Вот зря не начинай...

-Да я и не начинал! А дочь, если ты забыла, мы к бабушкам в Ключи хотели отправить, те ждут, поди.

-Пропустит одно лето, ничё не случится.

-И какое отдохать, Галька? У меня счас самые рейсы пошли. Месяц-другой и «Жигули» купим или «Москвич» на худой конец! Приспичило те ехать на этот курорт!

-У тебя на уме одни только машины, - обиженно отворачивается Галина.

-Ладно, чёрт с тобой! Пойдём снимать, там нехудо скопилось. Не жили богато и не будем начинать! - машет рукой Михаил и достаёт из кармана брюк сберегательную книжку. – Вдвоём поедете. Путёвки-то сильно дорогие?

-Не дороже денег.

Как раз в это время открывается дверь сберкассы, народ устремляется в помещение Сбербанка. За ними входят супруги Протасовы: Михаил – опустив плечи, Галина – с нескрываемым блеском в глазах.

Сцены без слов. За кадром звучат энергичные народные абхазские мелодии.

Прекрасные виды города Сухуми на побережье Чёрного моря. Галина и дочка Рита в группе отдыхающих в ботаническом саду. Фотографируются на память, присев на парапет фонтана. К ним подсаживается кавказец лет 40, хочет вместе сфотографироваться, намеревается обнять Галину за талию, но та испуганно вскакивает и вместе с дочкой поспешно догоняет свою группу.

Галина с дочкой на палубе прогулочного катера, курсирующего по озеру Рица, в компании других отдыхающих. На лицах сибирячек – неописуемый восторг. Они жадно на всё смотрят, впитывают, запоминают. К Галине снова подходит кавказец, на этот раз пожилой, пытается с ней заговорить, показывает рукой на озеро: посмотри, мол, дорогая, какая красота...

Галина и Рита на автобусной остановке – с небольшими чемоданчиками и хозяйственной сумкой в руках. Садятся в подошедший автобус. Едут. Смотрят в окно на возвышающиеся вдали седые горы – красиво и заманчиво! Автобус проезжает мимо указательного знака, на котором обозначено название города – Поти.

Галина и дочка спускаются по узкой абхазской улочке, где расположены частные дома. Находят нужный дом. Стучатся в калитку. Навстречу им выходит хозяин – тот самый Степан Арсентьевич, у которого Протасовы купили дом. Подходит и его супруга. Они рады гостям. Обнимают их, приглашают в дом.

И вот уже разговор в саду – за столом с угощением.

-Я почему-то так себе и представляла ваш сад, когда письмо от вас получила! Чудо! – восхищается Галина. – Солнце – исключительное.

-Жить здесь спокойно, Галля. Домик хоть завтра пойдём присмотрим. Дома здесь хоть и не часто продают, но поды-

скать можно, – деловито рассуждает Степан Арсентьевич, наливая гостье красное вино в хрустальный фужер.

-Своё теперь вино делаем – чисто виноградное, с собой увезёте, сколько не тяжело будет. Пробуй, Галля, с него не опьянеешь, это тебе не чача какая, – приглашает отведать вино хозяйка. И приглашает Риту: – А ты, внученька, откушай персиков с нашего сада.

-Пенсионный возраст быстро подберётся – и не заметите, а здесь будете в тепле свой век доживать, – продолжает разговор Степан Арсентьевич, – опять же внуки к вам будут на лето приезжать гостить, в море вдоволь накупаются, фруктов всяких поедят. Приезжайте, будем рады жить с вами по соседству.

-Сама мечтаю пожить на юге, у моря, – признаётся очарованная черноморскими красотами Галина.

-За тебя, Галина, и за твоего труженика Михаила, – предлагает тост Степан Арсентьевич.

-Не отпускал нас одних, – Галина отпивает вино из фужера.

-Всё равно же отпустил, – защищает Михаила Степан Арсентьевич.

-А куда ему деваться! Дочке хоть Чёрное море надо показать.

-Погостите у нас, Галля, места всем хватит, – предлагает жена Степана Арсентьевича.

-Нам ещё надо к родному дяде в Кисловодск заехать, они недавно туда перебрались с женой, тоже домик с садом купили.

-На пенсию вышли? – уточняет жена Степана Арсентьевича.

-Ещё зимой. Так-то дядя бывший военный, а в Сибири деньги зарабатывали. Теперь нас к себе зовут. – И неожиданно Галина меняет тему: - А здесь грузины не пристают к русским женщинам? А то мне показалось, что проходу не дают...

-Да как тебе сказать... – замялся Степан Арсентьевич.

-Это смотря как себя поведёшь, – подсказывает жена. – А так все тут дружно живут.

Галина и Рита едут в автобусе, навстречу попадается дорожный знак с названием «Кисловодск».

Дядя Галины, Аркадий Прокопьевич, стоит возле открытой калитки своего не-

большого южного домика с распростёртыми объятиями:

-Вот это сюрприз!

...Немного спустя родственники собрались за столом вместе с тётей Клавой.

-Конечно, Галя, жизнь здесь легче, чем в Сибири, - рассуждает Аркадий Прокопьевич.

-Зимы здесь практически не бывает, никакой зимней одежды не надо – кучу шерстяных кофт, штанов тёплых, рейтяз, сама знаешь, - поддерживает разговор постаревшая, но неизменно красивая Клавдия Петровна.

-Так-то оно так, но что вы здесь делать будете? Михаил твой привык вкалывать на лесовозе, а здесь порядки другие, работа другая. Так что подумайте с переездом именно сейчас, - правдиво советует Аркадий Прокопьевич. - Переезжать, так вот как мы – на старости лет, с пенсиею в кармане.

-Не осторожничай, Аркаша! Сам звал, а теперь вдруг на попятную пошёл... Что им думать – пускай приезжают, никто тут ещё не пропал, - не соглашается с мужем Клавдия Петровна. - Они нам будут помогать, мы – им. Всё веселее вместе, а то даже не с кем «Белые туфельки» спеть, - пытается шутить Клавдия Петровна.

-Пойдёмте лучше в сад, там так легко дышится! – предлагает Галина.

-Идите, а я «В мире животных» хочу посмотреть, - направляется к телевизору Аркадий Прокопьевич.

...Галина и Клавдия Петровна сидят на скамейке в роскошном саду. Рита ходит по саду, срывает с деревьев то персик, то абрикос.

-Не могу, тёть Клава, уже в Сибири жить! Надоели эти морозы. Всю зиму то-пиши-топиши печку! Летом ждёшь, пока в теплице какой-нить помидор вырастит.

-Да-а-а, не на западе и на юге мы родились, - соглашается Клавдия Петровна. - Так уж совсем нет терпения? А у вас всё с Михаилом нормально? Любовь-то хоть немножко осталась?

-Не знаю, - уклончиво отвечает Галина.

Глава 31

Возвращение в Сибирь

На железнодорожных путях стоит пассажирский состав с плакатом на серединном вагоне: «Мы едем на стройку века!»

На перроне ждут приезда Галины с юга Михаил и супруги Скобовы с дочкой Наташей, на вид ей лет 17. Рядом с ними группа парней и девчат в бамовских куртках поют под гитару: «Веселей, ребята, выпало нам строить путь железный, а короче – БАМ!»

-Счас бамовский состав проводим, и через полчаса наш поезд подойдёт, - сообщает Георгий Скобов. - А то, Иннокентьевич, может, рванём на БАМ? – смеётся Георгий. - Пока не старые, а?

-Не слушай его, Михаил, - вступает в разговор Александра, сестра Галины.

-Не-е-е, Гоха, я своё отъездился, пускай молодёжь в палатках поживёт, - с улыбкой отзыается Михаил.

...Загоревшие Галина и Рита спускаются по ступенькам пассажирского вагона на перрон. Михаил с затаённой тревогой на лице смотрит на жену – похорошевшую, в новом платье, с новой прической. В одной руке у неё новый небольшой кожаный чемодан бежевого цвета, который он принимает, в другой – наполненный фруктами деревянный ящик с дырками.

-Здравствуй, сестра! – обнимает Галину Александра. И переключает внимание на племянницу: - Риточка, как на море – понравилось?

-Понравилось! – Рита довольна поездкой на юг.

-Привет отыхающим! – задорно приветствует Георгий Скобов.

-Похудела сильно, - говорит Михаил, когда подходит его очередь обнять жену.

-На юге есть совсем неохота, - отвечает Галина.

Михаил обнимает дочку:

-Как отдохнули-то, дочка?

-Здорово, пап.

-Дома всё по порядку расскажем, - обещает Галина, перекидывая через плечо новую модную сумочку.

Вся компания с дорожной поклажей идёт по перрону на привокзальную площадь. Скобовы ведут Протасовых к своей «Волге» образца середины 70-х годов прошлого века.

-Вот, вчера только купили. Сёдня одно и обмоем, - открывает заднюю дверцу Галине сестра Александра. - Садитесь. - И добавляет: - Я тут курицу с картошкой приготовила – разогреем и сядем за стол.

Александра, Галина, дочка Рита (примостилась на руках у матери) и дочь Ско-

бовых Наташа располагаются на заднем сиденье.

Когда Георгий Скобов ведёт машину, Михаил, сидящий рядом с ним на переднем сиденье, интересуется:

-Бензина много жрёт?

-Многовато. «Москвич» в этом плане удобнее был. Зато - солидно! - хвалит «Волгу» Георгий.

-Машина-зверь, - замечает Михаил. - А «москвичёнка» дорого продали?

-Да как тебе сказать, - неопределённо произносит Георгий.

-Чё-то и не говорили, что продавать будете, я бы у вас, может, и купил.

-Да всё молниеносно прокрутилось, как в кино. Почти совсем новую «Волгу» неожиданно предложили. У одной знакомой муж умер, вот она и решила машину продать - куда ей одной-то, тем более она в годах, замуж снова, навряд ли, кто возьмёт. А «Москвич» наш тут же товарищ по работе выпросил, у него деньги наготове оказались.

-Это-то понятно, - в словах Михаила слышится какая-то недосказанность.

Галина понимает, что чувствует в этот момент её муж, давно мечтающий о личном легковом автомобиле, но делает вид, что этот вопрос её не касается и смотрит как ни в чём не бывало в боковое стекло - на унылые деревянные двухэтажки, жёлтую бочку с пивом, возле которой стоят в очереди местные мужики.

-Вернулись домой, доча! - с грустью произносит Галина.

За круглым столом, стоящим на просторной веранде дома Протасовых, отмечаются возвращение Галины и дочки Риты из отпуска, а заодно и удачная покупка «Волги». На столе початые бутылки красного вина, водки «Пшеничной», подрезанные колбаска и голландский сыр, салат из огурцов с помидорами, куски жареной курицы с картошкой, фрукты, привезённые с юга.

Михаил подливает очередную порцию «Пшеничной» в рюмки:

-Лишь бы не пришлось в магазин бежать! - подмигивает он Георгию.

-Повезло, что завтра воскресенье, отоспимся, если что, - отвечает тот.

-Миня, это уже третья бутылка пошла, - вполголоса намекает Галина.

-Не щитай! - отмахивается захмелевший Михаил. - У людей он кака радость, на «волжанке» будут рассекать, - ставит на стол третью бутылку водки. - Давайте, чё ли, чтоб всё у всех было!

Родственники дружно чокаются и выпивают. Закусывают, но уже не так интенсивно, как в начале застолья, скорее по привычке.

Александра просит Галину:

-Принеси ещё раз фотографии посмотреть - ты там такая красавица, кругом пальмы... Особенно мне понравилось на озере Рица.

Галина, заметив, как хмурится Михаил, слегка толкает в бок сестру. А та уже подвыпившая, не понимает знаков сестры:

-Галка, ты что меня в бок тычешь? Слушай, продай мне то розовое платье с воланами, ты же не одно его купила на юге... Дорого отдала? Или там на «толкучке» всё дешевле, чем в магазине?

-Потом расскажу, - пытается остановить сестру Галина.

-Да ладно тебе, Галка, все ж свои, - смеётся Александра. А потом бросает взгляд на мужа и видит, что тот сосредотачивается: - Ой, вроде Георгий мой что-то сказать хочет. Говори, Гошенька.

-Михаил, ты меня извини, что разговор счас начинаю, но время меня поджимает, как говорится, - подбирается издалека Георгий.

Михаил пытается понять, что хочет сказать родственник, старается слушать внимательно.

-Михаил! Галя! - подключается к разговору Александра. - Георгия посылают на партийные курсы в Москву.

-На повышение квалификации. А если быть точнее - на учёбу в Высшую партийную школу, - со значением уточняет Георгий.

-Москва есть Москва - деньги там большие нужны. В общем, просим у вас в долг тысячу рублей. Было бы здорово полторы, но хоть одну. Сами понимаете, пришлось денег на новую машину добавить, «москвичёвских» не хватило, и мы теперь на мели. А тут такой шанс выпал, можно сказать, что один раз в сто лет. Мы же свои люди, у вас есть на машину отложенные - ты вроде говорила мне, сестра. Выручайте! - проникновенно, чуть не со слезой, заканчивает Александра и смотрит на Галину.

-Это вы не у меня, а у Михаила просите, - резонно замечает Галина, глядя на мужа.

- Я-то, Шура, всегда готова тебе помочь. Вы же нам на дом тыщу занимали. Если Миня согласится, то я не против.

-Как говорится, долг платежом красен, - снисходительно начинает Михаил. - Я не свинья какая и помню, что вы нас с домом выручили. Кое-что у меня на сберкнижке осталось, в понедельник сниму, какой разговор. Учись, Гоха! Станешь большим начальником – не забывай про нас.

Георгий крепко жмёт руку Михаилу:

-Спасибо, Михаил. Крупно помог, крупно! За это надо выпить, - и тянется к початой бутылке водки.

Дальше гулянка проходят внутри дома Протасовых. Галина ставит пальцы на клавиши пианино, начинает играть «Цыганочку», но сбивается.

-Разучилась за отпуск, как меня доча учила, - признаётся Галина стоящей рядом Александре. И снова пробует сыграть правильно. На этот раз получается, и она всё увереннее исполняет «Цыганочку», правда, аккорды повторяются одни и те же, по кругу.

-Давай, сестра, не сбивайся, я плясать буду, - настраивается Александра.

Мужья вольготно сидят на диване, наблюдают за жёнами осоловелыми глазами.

В это время в соседней спальне двоюродные сёстры Рита и Наташа рассматривают платья, привезённые с юга.

-Мне вот это больше нравится, с воланами, - говорит Рита на правах хозяйки, прикладывая к себе то самое розовое платье, которое выпрашивала у Галины за столом сестра Александра, - мама поносит, а потом мне его отдаст.

-Можно мне померить? – просит Наташа.

-Мерь, конечно, - великодушно разрешает Рита. И пока Наташа аккуратно надевает красивое платье, продолжает делиться впечатлениями: - Ой, там столько нарядной одежды продаётся! У нас здесь такой нет.

-Чавэла! – Александра заразительно пляшет «Цыганочку» в коричневых туфлях на шпильках. Георгий с Михаилом восхищённо смотрят на своих жён.

Галина вдруг бросает играть на пианино:

-Всё, Шура, пальцы устали!

-А я бы ещё сплясала! - нехотя останавливается Александра.

-А домой нам не пора? – для приличия спрашивает Георгий жену.

-Вспомнил, дорогой! А кто за руль сядет? Учи тогда меня - на всякий случай. Буду тебя с гулянок возить.

-Боюсь, что и тебе не понадобится, - Георгий слегка постукивает ребром ладони под своим подбородком, намекая, что и жена будет пьяной.

-Шура, оставайтесь у нас ночевать, - радушно предлагает Галина, - девчонки могут на веранде лечь, а вам с Георгием на диване постелим. А утром баньку затопим, что там ваша ванна! Попаритесь с берёзовым веничком!

-А я с утра в магазин сбегаю, - намекает на продолжение праздника Михаил.

-Где наше не пропадало! Предложение принимается! – радуется изрядно подвыпивший Георгий. – Пойду свою «волжанку» во двор загоню, - пытается встать с дивана Георгий, но не получается.

-Сиди, Гоха, я сам. Хоть за руль «Волги» подержусь, - Михаил легче поднимается с дивана.

Галина стоит на крыльце и наблюдает, как муж ставит «Волгу» во двор.

Заглушив мотор, Михаил не торопится выходить из машины. В темноте его не видно. Но вот он обнимает руль и подаётся вперёд. Теперь она видит его лицо, оно кажется бледным. А тяжёлый взгляд Михаила устремлён на Галину. Она не выдерживает и уходит в дом.

После гулянки. При лунном свете Галина лежит на руке Михаила. Оба ещё взвуждены.

-Как-то ты стала... понаглее...

-Скажешь тоже!

-Ни с кем там?

-Удумал! – Галина кулаком слегка толкает мужа в висок. А затем мечтательно произносит: - Эх, Миня, посмотрел бы ты, как люди живут! Пока никуда не ездишь – думаешь, что живёшь не хуже других... А как съездишь, посмотришь...

-И чё я там не видел? Море... У нас Ангара он какая! Никаких морей не захочешь...

-Ангара это Ангара, а море это море - оно тёплое, ласковое. Давай дом на юге купим! Дома там можно найти недорогие. В Кисловодске, недалеко от дяди Аркаши, такой славный домик продаётся! С фруктовым садом!

-Даже не начинай! - Михаилу неприятна эта тема. - К тому же мы деньги твоё сестре занимаем, теперь надо ждать, када отдашут, - специально напоминает про заём денег Михаил. - Может, нам там, на юге, как раз этой тыщи и не хватит.

Но жена словно не слышит мужа:

-Эх, Миня, ещё не раз пожалеешь... Там в саду виноград, сливы, персики, грецкий орех... - мечтает Галина.

-Мне и тут хорошо. Хариуса наловишь, груздей да рыжиков до отвала засолишь - и зимой как царь.

-Ага, как медведь в берлоге.

-Ой, Галька, хорошо там, где нас нет, - подытоживает Михаил.

-Да, кашу с тобой не сваришь...

-Кедровых орех, однако, нонче много будет.

-Кто о чём...

Вскоре. Михаил заносит во двор мешок с кедровыми орехами. Ставит их у крыльца своего дома. Навстречу добытчику выходят Галина с дочкой Ритой.

-Ничё себе, сколь кедрача набил, - говорит довольная Галина. - Недозрелый орех то?

-Покамесь такой, - Михаил вытаскивает из мешка молодую смолистую шишку, - попожжа и зрелый привезу, год урожайный.

-А с грибами как - много видел?

-Дожди пролили, скоро пойдут, я уж места приметил.

-Пап, а эти шишки сварятся, ореховая скорлупа мягче станет?

-Мягче, орешки там молочные.

-Пап, а что это у тебя из кармана торчит? - показывает пальцем дочка.

-Где? - осматривает себя Михаил. - А, это? Грамоту дали, - вынимает свёрнутый трубочкой листок, - за перевыполнение плана. На, дочка, положи, где все лежат.

...Вечером семья сидит у телевизора с чёрно-белым изображением (идёт сериал «Семнадцать мгновений весны») и щёлкает орехи, вынимая их из сваренных в кипятке молочных кедровых шишек.

Затем Рита сидит за столом и складывает грамоты в картонную коробку:

-Мам, у тебя пять почётных грамот, а у папки - семь.

-А ты всё меня ругашь, - Михаил пробует обнять жену за плечи.

-Ой, да ладно! - отмахивается от него Галина. - Кино он смотри.

Глава 32

Дочь уезжает учиться

Июнь 1975 года.

В доме Протасовых идут дорожные сбороны. Рита складывает вещи в чемодан.

-Доча, ты все вещи в чемодан сложила? Ничё не забыла? - беспокоится Галина, проходя мимо на кухню.

-Не забыла, - успокаивает Рита.

-Забудешь - с поезда не спрыгнешь, - не унимается Галина.

-Орехи, а лучше семечки с собой возьми, - напоминает дочери Михаил, сидя у экрана того же телевизора.

-Зачем они мне?

-Как зачем? Так быстрее время пролетит, - советует Михаил. - Всё-таки двое суток ехать.

-Я ей курицу с утра пожарю, а ты с орехами привязался, - возвращается из кухни Галина.

-Да я как лутче хотел, - Михаил отворачивается к телевизору, где идёт кинофильм Татьяны Лиозновой «Три тополя на Плющихе».

С экрана (крупный план) поёт героиня Татьяны Дорониной:

Опустела без тебя Земля...

Ой!

Михаил, Галина и Рита идут на железнодорожный вокзал - с полной хозяйственной сумкой и новым кожаным чемоданом, с которым вернулись в прошлом году с юга.

-Хоть вонь эту нюхать не буду, - рассуждает по дороге Рита, - а то вчера как с вечера принесло, так я уснуть никак не могла, окно даже пришлось закрывать. А ночью так душно стало, что снова пришлось открыть и нюхать это тухлое яйцо до утра. Потом хоть ветерок подул...

Галине не до отравленного воздуха, она переживает отъезд дочери в другой город и наказывает ей:

-Как приедешь, сдашь в училище экзамены, зачислят - сразу телеграфирай. Устраивайся там в общежитие, по вечерам никуда не ходи, город незнакомый.

-Смотри там, дочка, аккуратней, - добавляет Михаил.

-Не бойтесь, никуда не денусь, - успокаивает Рита родителей. - Сначала поступить надо, вдруг не примут...

-Да неужель не примут? Зря, чё ли, на одни пятёрки на пианино училась? - искренне недоумевает Михаил.

-Мне твоя учительница по музыке все семь лет говорила, что у тебя талант, отличный музыкальный слух, так что пускай тока попробуют не принять! - Галина настроена решительно.

-Да мало ли что... - на всякий случай предупреждает родителей Рита. - Только бы поступить, а после музыкализа можно продолжить учёбу в консерватории, она там рядом находится, я по карте города смотрела.

-Поехала бы тада после десятого класса, в эту... ну... начинается как консервы... - Михаил сбивается.

-Консерваторию, - подсказывает Рита.

-Кто музыкальную школу окончил, в музыкалище автоматически принимают, я узнавала у Ирины Алексеевны, - разъясняет Михаилу Галина. - Риточке надо счас ехать поступать, музыкалку-то год назад ещё закончила, хорошо хоть играть не разучилась, надо быстрей дальше учиться.

-Так бы сразу и сказали! Я-то переживаю, что восьмилетку тока кончила, а не десять классов, как все, - отзыается на разъяснение жены Михаил.

-Там такие же предметы будут, как в школе, сразу и аттестат получу, - теперь уже дочь объясняет отцу.

-От оно чё! - успокаивается Михаил.

На привокзальной площади садятся на лавочку.

-Дочка, куда стока вещей с собой набрала? - смотрит на чемодан Михаил. - Замуж там, смотри, не выскочи! - пытается шутить Михаил.

-Пап, ну кто тебя за язык тянет?! - волнуясь из-за отъезда, не понимает шутки дочь.

-Вот именно, - поддерживает дочь Галина.

В окне стоящего на пути вагона Рита машет родителям рукой и показывает: идите домой, не ждите. Но они стоят. Поезд трогается. Родители ещё немного следят за вагоном, пока лицо Риты становится не видно.

Проводив дочку, Михаил и Галина возвращаются домой под ручку. Галина вдруг останавливается.

-Подожди, кажется, палец на ноге стёрла, - снимает она с одной ноги туфлю.

-Эх, Галочонок, была бы у нас машина - возил бы тя везде, как королеву, - пользуясь моментом, напоминает Михаил.

-Опять попрекать взялся, - прихрамывая, Галина идёт дальше.

-Какие тут упрёки? Твои родственники долг покамесь и не начинали отдавать, а занимали на полгода. А теперь как в рот воды набрали. И не думают, наверно, отдавать. Как быльём поросло! Работай, Миня, вкалывай день и ночь... А мы будем по столицам разъезжать, на «Волгах» кататься... Так мне, дураку, и надо!

-Не заводись...

-Да как тут не заводиться-то? Мне пятый десяток пошёл, а чё я своего имею? Дом? Так и то не я его строил... Чужой он мне!

-Надеюсь, я-то хоть своя - не чужая? - притворно спрашивает Галина, зная заранее, какой будет ответ.

Михаил останавливается и, глядя жене в глаза, честно и просто признаётся:

-Никада ты мне не была чужой. От что хошь со мной делай!

Глава 33 Опасность разрыва

Апрель 1976 года.

И снова Михаил ведёт груженый лесовоз. Привычно смотрит в боковое зеркало: видит сзади ещё один лесовоз. Вскоре тот, второй, обгоняет его. Поравнявшись, водители обмениваются приветственными жестами рук.

В просторной подсобке магазина продавцы отмечают первомайский праздник. На несколько симпатичных женщин, среди них и Галина (38 лет), два грузчика - один неказистее другого.

-Галина, давай-ка в честь Первомая

нашу «Сигарету», - просит одна из продавщиц, Люда.

-Гитары нет, - отнекивается Галина.

-Васёк! Сбегай в хлебный отдел, я там гитару за коробками видела, принеси, - настаивает толстая, но миловидная продавщица Римма, на вид ей 41-43 года.

-Откуда? - Ваську не хочется идти.

-Оттуда! С прошлых Тамаркиных именин осталась. Иди! Одна нога - здесь, другая - там, - командует Римма.

-Тока если шестиструнная - не неси, - уточняет Галина. - Я на ней играть не умею.

-Я струны не считала, но вроде семь, - не уверена Римма.

Васёк нехотя плетётся к выходу. Римма кричит ему вслед:

-А пошустрой нельзя?!

Не оглядываясь, Васёк отмахивается рукой, мол, сам знаю.

-Девки! Анекдот пока расскажу - со смеху умрёте, - начинает Римма. - Разводятся муж с женой. Судья обращается к мужу: «Чем вас не устраивает ваша жена?» Тот отвечает: «Она кака-то ни така». И тут его жена встаёт, руки в боки: «Товарищ судья! Это я-то не така?! Два бидона молока, - продавщица приподнимает руками свои огромные груди, - по бокам - окорока, - показывает свои просторные бёдра, - чернобурка он кака!» - Римма пикантно прикладывает ладонь на интимное место.

Продавцы от души смеются, а другой грузчик в это время успевает разливать им в гранёные стаканы водку.

-Девки, а мы за любовь, однако, не пили? - вспоминает Римма.

-Римма, два раза уже за это «рюмки» держали, - отвечает другая продавщица, поддавая вилкой шпротину из консервной банки.

-И когда тока успели! - нарочно сокрушаётся Римма, поднося стакан к подбородку.

В дверях появляется грузчик Васёк с гитарой, а за ним - бывший директор совхоза «Коммунар» Борис Фёдорович: высокий и солидный, в демисезонном тёмно-сером пальто. Тот самый, которого Михаил застал со своей женой на берегу залива, когда они жили в селе Ключи.

-Тебя тока за смертью посыпать, - набрасывается на Васька толстая Римма и ставит на стол поднятый было стакан. - Подай быстрей Галине гитару! А это кто к

нам пожаловал? - замечает она гостя - Бориса Фёдоровича. - Девки, к кому ухажёр заявился? Признавайтесь!

-Здравствуйте, славные труженицы советских прилавков! - с улыбкой приветствует собравшихся в подсобке гость.

Галина, увидев сквозь сигаретный дым Бориса Фёдоровича, не успевает даже удивиться. Берёт в руки гитару, быстро подстраивает её и только потом отвечает:

-Девчата, это... Если больше ни к кому, то - ко мне. Проходи, Борис Фёдрыч, гостем будешь. Римма, налей гостю водочки, раз нет у нас коньяка.

-Налью, было бы сказано, - отзыается Римма, пожимая плечами.

-Здравствуй, Галина Николаевна, - едва успевает сказать Борис Фёдорович, как Римма сует ему в одну руку полстакана водки, в другую - бутерброд с докторской колбасой.

-За вас, дорогие женщины! - Борис Фёдорович выпивает, садится рядом с Галиной на подставленный Васьком табурет, начинает не спеша жевать бутерброд.

А Галина начинает душевно петь, мягко перебирая струны. Её глаза с поволокой смотрят то на продавщиц, то в полуоборот на Бориса Фёдоровича:

*Если девушка разлюбит,
Я грустить о ней не буду.
Закурю я сигарету
И о девушке забуду.
Сигарета, сигарета!
Ты одна не изменяешь.
Я люблю тебя за это,
Ты сама об этом знаешь.*

С сигаретами в руках продавцы дружно подхватывают припев (последние четыре строки). Видно, что эта полюбившаяся песня исполняется не впервые, став для их сплочённого коллектива своеобразным гимном.

В это время Михаил садится в кабину гружёного лесовоза и снова отправляется в дальний путь. Лицо у него усталое и сосредоточенное. Темнеет, и лесовоз едет с включёнными фарами.

Галина поёт третий куплет «Сигареты». Борис Фёдорович внимательно, с удовольствием за ней наблюдает. Изменилась

Галина. Но хуже не стала, напротив – добавилось в ней женственности.

*Может, может так случиться,
Если девушка вернётся,
Мы закурим сигарету –
Голубой дымок завьётся...*

И снова все разом подхватывают припев:

*Сигарета, сигарета!
Ты одна не изменяешь.
Я люблю тебя за это,
Ты сама об этом знаешь.*

Галина ударяет по струнам – заключительный аккорд. Шум, дружеские аплодисменты.

-Галка! Что бы мы без тебя делали?! – восхищаются продавщицы.

-Со скуки бы сдохли за прилавком! – задорно отвечает Галина. И снова смех, разлитие оставшейся водки.

-Девки! На посошок и - по домам, - привычно командует Римма.

В это время в дверях подсобки появляется ещё один мужчина (30-35 лет), стеснительный на вид.

-Людка! Твой встречать пришёл, - громко объявляет толстая Римма. – Проходи, мил человек, чё в дверях-то стоять, - нехотя приглашает она за стол мужа Людмилы.

-Да мне и тут неплохо, - скромно отвечает пришедший муж.

-Ой, девки, надо домой собираться, - не хочет уходить из компании подруг продавщица Людка.

-Собирайтесь-ка все живо! – продолжает распоряжаться Римма. - А то и ваши орёрики вот-вот заявятся. - И, лихо опрокинув напоследок содержимое стакана, сильно морщится и разводит руками: - Пить – так «Московскую», воровать – так миллион, любить – так генерала, падать – так в море, а не в лужу!

-Это ты точно сказанула, Римма! – на последок произносит Людка, медленно поднимаясь со своего места. И притворно кричит своему мужу, который пришёл за ней в магазин: - Иду, Олженька, иду, мой золотой!

На фоне заключительной суматохи Галина с Борисом Фёдоровичем удаляются в соседнюю кладовку и там целуются. А потом происходит такой разговор:

-Я как узнала, что ты овдовел, ждала -

вот-вот, думаю, объявившись, руки-то развязаны... Если, конечно, какая другая бабёнка под руку не подвернулась... Или подвернулась всё-таки? – испытывающее смотрит на Бориса Фёдоровича Галина.

-Не в этом дело, Галина, - спешит успокоить женщину Борис Фёдорович. - Раньше просто не решался. Я-то один, а у тебя – муж с дочкой. Зачем, думаю, зря в семью лезть... И так мы с тобой успели дров наломать. У меня с того раза с женой скандалы начались, дело чуть до развода не дошло. Вовремя вы тогда в город переехали, а то бы!..

-Понятно... А жена от чего умерла? Болела?

-Скончалась от рака, сгорела за полгода, царствие ей небесное. Так и не простила меня за измену.

-И правильно сделала. А счас зачем появился?

-Попроведать, - лукавит Борис Фёдорович.

-А-а-а, на всякий случай...

Двери магазина закрывает на амбарный замок толстая Римма, рядом с ней грузчик Васёк. Пьяненькая Римма тщётно ищет ключи в своей сумке:

-Васёк, тыключи не брал?

-Я, чё ли, в чужую сумку полезу? – обижается почти трезвый Васёк.

-Ну, может, случайно заглянул, а?

-Не видел я никакиеключи.

-Ладно... А пломбы где?

-В сумке – где же.

-А говоришь, не видел, - ворчит Римма.

Из дверей магазина выходят Галина с Борисом Фёдоровичем.

-Ну вы даёте – мы вас чуть с Васьком не закрыли, - удивлённо смотрят на них Римма.

-Я же говорил Вам, Римма Сергеевна, что ещё не все вышли, - робко напоминает Васёк.

-Муля, не нервируй меня, - Римма чуть не с головой залезает в свою сумку в поисках ключей. – Куда подевались, заразы...

Галина и Борис Фёдорович отходят от дверей магазина и останавливаются под горячим фонарём у ворот магазинного двора.

-Галина, если можешь, то выходи за меня, - Борис Фёдорович берёт руки Галины в свои.

Галина молчит, отворачивает голову в сторону.

-Я старше тебя, жизнь понимаю лучше. Если бы ты любила своего Михаила – не сидела бы здесь допоздна, а бежала домой сломя голову.

-И не целовалась по углам! – иронично добавляет Галина. - Да откуда тебе знать, Борис Фёдырыч? Минька мой просто в рейсе – вот я сёдня и задержалась, чтоб не скучно одной дома было. А что поцеловались... Так это так!.. Подумаешь! - Галина высвобождает свои руки. – Как говорится, для разнообразия. Выпила, слабину дала...

-Не обманывай себя.

-Да я правду говорю! Коров с поросятами мы здесь не держим, некого бежать кормить, и так всё есть в магазинах. Всё-таки город! Даже с курами больше не связываемся. Дочка в музыкальное училище прошлым летом в Новосибирске поступила, заканчивает первый курс, на каникулы скоро приедет. Да и от коллектива нельзя отбиваться, - ни в какую не признаётся Галина.

В это время мимо проходят под ручку Римма и Васёк. Римма бросает на ходу:

-Вы сторожить здесь остаётесь? Вон сторож идёт...

-Кто здесь посторонний?! – из глубины двора строго окликает старик-сторож. И подходит ближе: – Освобождаем территорию!

Галина с Борисом Фёдоровичем спускаются по тропинке вдоль высокого магазинного забора с колючей проволокой наверху.

-У меня машина там внизу стоит – довезу до дома.

-А сразу почему не сказал? Римму Сергеевну бы с Васьком подбросили.

-Да как-то не подумал...

...Едут по улице частных домов в новеньких «Жигулях» первой модели. Галина сидит на первом сиденье.

-Где твой дом? - вглядываясь в дома, спрашивает Борис Фёдорович.

-Дальше. Но лучше здесь останови, добегу, - просит Галина, - а то вдруг Минька уже дома, скандалов не оберёшься.

«Жигули» останавливаются на обочине улицы. Разговор в салоне машины.

-Знаешь, Борис Фёдырыч, не надо нам больше встречаться. Что было – то прошло.

-Галя, я забыл фотографии своего дома

показать, - не дослушав, торопится Борис Фёдорович и лезет в нагрудный карман. – Летом ездил к товарищу в Крым и купил там дом.

-Как сговорились все! - начинает сдаваться Галина.

-Вот посмотри, - протягивает он фотографии Галине. – Правда, чёрно-белые, но всё равно всё хорошо видно.

-Свет хоть включи...

-А-а-а, - спохватывается Борис Фёдорович и включает свет в салоне.

Галина внимательно рассматривает фотографии, одну подносит ближе к лампочке.

-Красивый дом, - с тоской произносит она.

-С мансардой. Десять минут ходьбы до моря. Сад отменный: персики, груши, яблоки, абрикосы, сливы – всё есть!

-А виноград?

-И виноград! Двух сортов – забыл, как называются... Одним словом, жёлтый и тёмно-синий, без косточек.

-Можно своё вино делать, - подсказывает Галина, вспомнив, как пила домашнее вино у знакомых в Поти.

-Конечно! – в надежде, что Галина всё-таки согласится, подхватывает Борис Фёдорович.

На несколько секунд отвлекаясь от уговоров, Галина снова видит картинку под музыку «Белых туфелек»: в белом платье и белых туфельках она скользит в саду, белом от весеннего цветенья. И кружится, кружится в вальсе с мужчиной, лицо которого ещё не видно. Вдруг он поворачивается – Михаил!

-А хозяйки в доме нет... - многозначительно произносит Галина, возвращая фотографии Борису Фёдоровичу.

-Хозяйкой, Галина Николаевна, можешь только ты стать, - с большой надеждой произносит Борис Фёдорович. И тихо добавляет, глядя впереди себя: - Я дорабатываю здесь последние месяцы, а ты пока подумай.

-А Михаила куда денем? Дочь, понятно, взрослая – ни сёдня-завтра сама замуж выйдет... А его куда? Один ведь остаётся...

Борис Фёдорович молчит.

-Не ве́шь же, просто так не бросишь, - продолжает свою мысль Галина. – Да и столько лет прожили вместе! Не знаю даже... - Галина вроде сомневается, хотя

в душе уже согласна на заманчивое предложение. Ведь сбывается её мечта - жить у моря!

Борис Фёдорович улавливает это настроение и осторожно сообщает:

-Да, только сразу не получится поехать в наш дом на юге. За ним пока моя сестра присмотрит, они рядом с мужем живут. Давай поработаем годика три на БАМе, а?

Галина внимательно смотрит на Бориса Фёдоровича.

-У меня есть друг-однокурсник, теперь он начальник УРСа в Северобайкальске, - торопливо излагает Борис Фёдорович, - устроит обоих в торговлю. Слышала, наверно, у тех, кто на БАМе работает, есть возможность заработать целевой чек на машину.

-Слышала и что дальше?

-Дальше то, что три года из твоей зарплаты высчитывают нужную сумму на будущую машину, а потом - получай чек, езжай с ним в любой автосалон ВАЗ и получай новенькие «Жигули». Ты получишь чек, я получу. Одну машину себе оставим, другую выгодно продадим тем же южанам. И будем припеваючи жить на старости лет на берегу Чёрного моря. А, Галина?

-С чего это на старости-то? - Галина обиженно поправляет причёску.

-Это я так, к слову! - спохватывается Борис Фёдорович.

-Не знаю, заманчиво, конечно, но три года ещё в этом холоде жить, - снова сомневается Галина.

-Ну больше ведь терпели. А тут всего каких-то три года, - настойчиво уговаривает Борис Фёдорович.

-«Каких-то»!..

-Да пролетят как один день - не заметишь.

-Скажешь тоже!

-А что? Дни тянутся, а годы летят - мне так один мудрый человек сказал.

-А ты всё рассчитал, - догадывается Галина. - Счас тебе пятьдесят два. Через три года - пятьдесят пять. Как раз северную пенсию заработаешь. Можно и на юга отчаливать. Да ещё и с новенькими «Жигулями»...

-Главное - с тобой, ненаглядная ты моя, - старается как можно ласковей говорить Борис Фёдорович, обнимая Галину за плечи, всё ближе приближая своё лицо к лицу молодой женщины.

-Ладно, подумаю, но сильно не обещаю, - неопределённо произносит Галина и открывает дверцу машины.

-Подумай - не пожалеешь! - твердит на-последок опытный Борис Фёдорович.

Глава 34

Развод по-русски

9 мая 1976 года.

Празднично одетые горожане идут колоннами к мемориалу Славы. В руках молодёжи в первых рядах транспаранты: «С Днём Победы!», «Наше дело правое - мы победили!»

Шагают в колонне и супруги Протасовы - Галина и Михаил, Скобовы - Александра и Георгий. Георгий в роскошном костюме, красном галстуке - в гору пошёл человек. Александра в модном кримпленовом пальто светло-зелёного цвета. Протасовы одеты по-праздничному, но скромнее.

Рядом шагают ветераны войны (50-70 лет) со своими близкими и друзьями. Один ветеран лет 55 - в старом танкистском шлеме - играет на гармошке и воодушевлённо поёт:

*Три танкиста, три весёлых друга,
Экипаж машины боевой!*

Окружающие дружно подхватывают припев. Кто-то в колонне пляшет, кто-то из старшего поколения выкрикивает: «С Победой, славяне!»

Возле вечного огня на мемориале Славы в почётном карауле пионеры салютуют «всегда готовы!» Вокруг люди, никто после митинга не расходится, многие идут искать на плитах мемориала фамилии своих погибших родственников-братчан.

Михаил, высоко подняв голову, чуть шевеля губами, читает на одной из бетонных плит фамилии земляков, погибших на фронтах Великой Отечественной войны:

-Погодаев... Прокудин... Пропустил, чё ли?

Наконец находит фамилию отца и выводит почти по слогам:

-Протасов Иннокентий Никифорович.

К Михаилу подходят Галина и Скобовы.

-Я своего отца тоже нашёл, - грустно сообщает Георгий.

-А нашего здесь нет. А мог бы, если бы не умер перед самой войной, - констатирует Александра.

Подходит к ним сгорбленная старушка в чёрном платке и с букетиком искусственных цветов:

-Вам случаем фамилия Московских не попадалася? Битый час хожу, а не могу сыскать...

-Пойдёмте покажу, это в другом конце, - предлагает помошь Александра.

Когда возвращаются от мемориала Славы, Георгий предлагает:

-Есть предложение - помянуть наших отцов. Тут недалеко кафе, давайте посидим.

За столиком в кафе родственники выпивают и закусывают. За соседними столиками сидят празднично одетые люди, среди них много совсем ещё нестарых ветеранов войны с орденами и медалями. У одного, бодрого и моложавого, на пиджаке их больше, чем у других. Михаил смотрит на такого и замечает недоверчиво:

-«Побрякушек»-то нацепил... За всю войну стока не заработашь.

-Не обращай вниманья, - говорит Георгий.

-Как это «не обращай вниманья»?! Мой отец в танке сгорел, а этот мордоворот!..

-Тише! - шипит на Михаила жена.

-Настоящие фронтовики пришли домой все израненные и сразу после войны на тот свет ушли! Догнали своих корешей... Или в госпиталях калеками до сих пор маются, - не может остановиться захмелевший Михаил. - Помнишь, Шура, - Михаил почему-то обратился к сестре жены, - у нас в Шаманово был пехотинец Назар, так он два года проболел и всё - помер. Всё тело осколками было напичкано... А танкист Витька, с которым я пахал?..

Видя, что Михаил опьянел, Георгий шепчет что-то Александре, чуть склонившись к её уху. Та согласно кивает:

-Галь, мы пойдём, завтра Гоше надо в область лететь первым рейсом - на встречу с секретарем обкома. А вы оставайтесь, если хотите.

-Куда ты, Гоха? Толком не поговорили, - недоумевает Михаил.

-Михаил, может, все домой, а? - предла гает Георгий.

-А чё дома-то делать? Тут хоть с народом, а в четырёх стенах - скукота, - Михаил только разгулялся. - Вы идите, раз пошли, а мы с Галчонком покамесь посидим.

-Я с вами, - решительно встаёт из-за стола Галина.

-А Михаила одного, что ли, оставил? - удивляется Георгий.

-Ну не насилино же его тащить!

А Михаил уже идёт вразнос:

-А она меня всегда бросает! Я не удивляюсь, Георгий. Идите, раз пошли! - и направляется с рюмкой водки к тому самому ветерану с «побрякушками», на ходу бормоча себе под нос: - Иди-иди... Психанула она...

...И вот они сидят с ветераном уже в обнимку. Оба пьяненькие.

-Михаил, из тебя бы отличный снайпер вышел - раз ты смолоду был охотником! - уверждает ветеран.

-Да! Мне всего четырнадцать было, а я уже по две-три козы за раз подстреливал. Отец погиб - я за старшова у матери остался... Приташу, бывало, сложу в баню... А их ить и ободрать надо... Как вспомнишь!

-Нет, Мишка, тогда лучше бы ты разведчиком стал.

-А может, и так! - соглашается Михаил.

-Не поверишь, я стрелять научился тока на фронте. Ты не смотри на мои медали, - ветеран бегло осматривает свои награды, - тут много юбилейных. А настоящий орден у меня всего один. От он, - показывает фронтовик, - орден Красной Звезды, под Кенигсбергом получил. Тяжело ранен был, чуть кровью не истёк, а связь восстановил. Да так, по мелочи - медали... От эта, - начинает перебирать рукой фронтовик, - «За освобождение Варшавы», хотя её тоже надо было заслужить, не всем ить давали. Другая медаль...

-Ты кем на фронте был? - перебивает Михаил.

-Говорю ж, связистом, связь с батальонами устанавливал.

-А мой отец в танке сгорел! На Курской дуге.

-Давай помянем!

-Давай!

И они со слезами на глазах чокаются рюмками с водкой, опрокидывают её в рот. Не закусывая, закуривают.

-Ой, сколь ж мы переработали в войну! – продолжает вспоминать Михаил. - И всё голодали, голодали, всё на фронт вам посылки слали! Себе-то пожрать ничё не оставалось. Всю крапиву переели!..

-Да-а-а... Что было, то было. Я сам в мае сорок четвёртого призывался из деревни в Пермской области, сюда-то я уж на стройку ГЭС попал. Так вот в колхозе подростком тоже голодал, зато в армии первый раз за всю войну поел от души. В сорок пятом снабжение на фронте вообще было без перебоев. А кто с сорок первого воевал, так рассказывали, как в окопах жрать было нечего. Бывало, по десять урючин в день выдадут и всё. Некоторые от недоедания в голодные обмороки падали. Это под Москвой было. А теперь живи и радуйся – всё в магазинах есть!

На другой день утром. В теплице Галина сажает рассаду помидор. Из-за теплицы раздаются неприятные звуки - Михаила рвёт после вчерашнего. Галина брезгливо морщится. Когда выходит из теплицы, то видит, что еле живой Михаил сидит на краю парника, вытирает большим носовым платком губы.

-Ой, Галька, всё, пить больше не буду... Бросаю!

-Только не клянись! Сыта по горло твоими клятвами, - Галина ставит на лавочку возле бани железный таз и начинает снимать с бельевой верёвки высохшие после стирки мешковины.

-Нет, всё, завязываю. Не выносит мой организм пьянки.

-Кто бы говорил! Как вчера с ветераном-то посидел? – с издёвкой спрашивает Галина.

-А чё – ветеран какой-то был?

-Допился! Скоро белая горячка начнётся!

-Нет, подожди... Я хоть ни с кем не поддался?

-Не знаю. Тебя вчера поздно вечером сын этого ветерана на машине привёз. А ты – ни тятя ни мама, вдвоём тя кое-как до дивана дотащили. Ты, оказывается, у них дома успел побывать...

-Ой!.. – тяжело вздыхает Михаил, держась за большую голову.

-Вот те и «ой»! Ты же, ханыга, ещё упирался, как осёл! Видно, назад к столу хотел

вернуться. Добрый ветеран тебе попался – к себе в гости пригласил, угостил, а ты...

Михаил стыдливо опускает голову:

-Скотина я последняя.

-Скотина и та не догадалась бы так нажраться. О чём я говорю! Свинья везде грязь найдёт...

-Больше такое не повторится... Я ж с восьмого марта держался - ни разу к рюмке не притронулся, днями и ночами с рейсов не вылезил, - оправдываясь, с трудом говорит Михаил.

-Говори-говори... Я больше терпеть не стану – разведусь! – Галина складывает последний мешок в таз.

-Ерунду каку-то городишь, - не верит в серьёзность намерений жены муж.

-Нет, Миня, я серьёзно – разведусь, - ставит точку в разговоре жена.

Вскоре Михаил и Галина разводятся в народном суде. Судья - женщина в белой кофточке с модными рюшами и чёрном костюме - строго спрашивает Михаила:

-Как часто Вы употребляете спиртное?

-Тока по праздникам, - чётко отвечает Михаил.

-А кроме праздников, с товарищами по работе, например? - допытывается судья.

-Ну... было иногда. Редко.

-Понятно. Вопрос к Вам, гражданка Протасова Галина Николаевна: Вы настаиваете на разводе?

-Да, - уверенно отвечает Галина.

-Я - против. Дайте нам отсрочку, - просит Михаил.

После суда Михаил и Галина стоят на автобусной остановке.

-Я своё решение не изменю, так и знай, - твердит Галина.

-Давай в спокойной обстановке поговорим. Здесь-то чё - люди кругом.

Напряжённый разговор дома. В большой комнате-зале Галина сидит на диване. Михаил – за круглым столом.

-Я не пойму: почти двадцать лет я тя устраивал... Ну, за исключением там... А теперь вдруг раз – и не устраиваю. Может, другого кого нашла – так прямо и скажи. А чё вилять хвостом – туда-сюда, - показывает Михаил ладонью в разные стороны.

-С тобой бесполезно нормально разговаривать.

-А мы в последнее время и не говорим совсем. Советы-то у нас какие: я с шести утра в рейс ухожу – ты покамесь не встаёшь, приезжаю поздно вечером – ты уже спишь.

Галина стоит на своём:

-Мы с тобой из разного теста слеплены.

-До чего договорилась!

-Разные мы! Что мучать друг друга!

На несколько секунд оба умолкают, собираясь с мыслями. Потом Михаил опять начинает уговаривать:

-Галчонок, нельзя нам останавливаться посерёдки, надо пройти весь путь до конца. Вместе. Ни ты, ни я, если разбежимся, жить одни не будем – кто-нить да подвернётся. Но это будут нам обоим – чужие люди! Пойми ты это!

-Давно поняла.

-Чё горячку-то пороть! Ишо не поздно нам...

Галина перебивает:

-Как мне надоели твои «чё» да «ишо»!

-Ты об чём?

-Да о том, что через слово у тебя «чё» да «ишо». Запомни – «ещё»! Неужели так трудно правильно говорить?!

-Зато ты у нас больно грамотная, я погляжу...

-Да уж не ишокаю, как некоторые.

-Чё ты пристала к этому слову? Как слышал с детства, та и говорю. От пристала!

-Ой, чё с тобой разговаривать – как об стенку горох!

Галина умолкает, слегка опустив голову, словно думает о чём-то своём.

И Михаил, сникнув, ужетише:

-Конечно, я простой работяга. Чё я в жизни видел? За «баранкой» с утра до вечера, копейку в дом несус. Ты хоть на югах побывала, а я чё? С малолетства тока и делаю, что мантую. Ни одной книжки не прочитал – некада. Навкалываюсь, устану – ни до газет, ни до журналов. Хотя нет, «За рулём» ты мне как-то выписывала одно время – я с удовольствием смотрел в нём картинки.

-Картинки он смотрел...

Снова умолкают.

-Может, страшный я для тя, так у нас в гараже толкуют: мужик должен быть чуть красивше обезьяны.

-Надоел ты со своим гаражом! Собрались там один лучше другого, круговую поруку перед жёнами устроили. Забулдыги гаражные!

-Ну не кончал я институтов – чё теперь?! – такое отчаяние в словах Михаила.

-Ни в этом дело, - лукавит Галина.

-А в чём? В доме всё есть – живи и радуйся. Может, как мужик я те уже не подхожу? Так-то вроде ты никогда не обижалась...

-Мне надоели твои вечные выпивки - капля камень точит. Всё рано или поздно надоедает...

-Да я пью не больше остальных! В лесу иной раз наморозишься – где и выпьешь для сугрева, не без этого.

-А летом – тоже холодно?

-А летом я тока пиво употребляю. Я же не алкоголик какой, в запое раза два и был всего, когда мы сюда переехали. И то на работу ходил, не отлёживался.

-Ходил он... Кое-как ноги передвигал. Работничек!

-Да я нормальный мужик. Таких, как я, целый Советский Союз.

-Ага, Союз нерушимый, как твой напарник поёт. Такой же забулдыга, не зря его жена бросила.

-Бросила, а теперь снова сходиться собираются.

-Ой, да кто тебе сказал?!

-Сказали.

-Сказали ему... Наврут – дорого не возьмут, а ты и уши развесил.

-Чё ж ты, Галька, жись нашу рушишь! Не нужон я те стал, брезгуюсь своёю музыка. Отвергашь, значит?..

-Опять ты разжалобить меня хочешь. Пожалейте бедного парнишечку...

-Чужой те дороже стал?

-Повторяю - никого у меня нет!

-Так я те и поверил!

-И не верь – я не прошу.

-Говорела мне мать, что другого ты поля ягода, да я не послушал. Выбери, мол, свою, деревенскую, простую, а не эту... шибко умную Гальку, у их ведь, Князевых, вся семейка идейная да поперечная.

-Ну и чё не послушался-то?

-Влюбился, дурак...

-Ой-ё-ё! Влюбился он!

-Ни стыда ни совести у тя нет.

-Кто бы говорил...

-Небось, жили бы в Ключах, так не осмелилась бы разводиться, а тут чё – никто тя не знат, разводись не хочу, никто слова не скажет. И чё я с тобой согласился пере-

ехать сюда?.. Дурак! Жили бы да жили в Ключах.

-При чём тут город? Вспомни, как Валька Перфильева Витьку бросила. Никого не побоялась. Уехала тайком к сестре в Нижнеудинск и поминайтесь, как звали. Хоть одного от этого придурка родила, а не целую бригаду.

-Ну и чё хорошего? Он-то женился через год, а она мужика потеряла, её-то покамесь никто чё-то не взял. Может, локоточки-то уже покусывает...

-Не придумывай! Витька вон как к ней ездил, просил вернуться назад... А всё! Раньше надо было думать. Развели как миленьких. Сына даже не выпросил, вырастет без него. Вот до чего ваша водка доводит! А женился-то... на такой же пьяничке, как сам. Не мог лучше подыскать...

Супруги опять замолкают.

-Одумайся, Галчонок, - до последнего не сдаётся Михаил, - потом ить хватишься, я тя изучил... Насквозь вижу!

-Всё, хватит одно по одному, - Галина резко встаёт с дивана и направляется в другую комнату.

Но путь ей преграждает Михаил:

-Развод не получишь.

-Посмотрим.

-Убью и сам застрелюсь!

Михаил на переговорном пункте в телефонной кабине. Кричит в трубку:

-Рита! Доча! У нас всё нормально.

Рита (видим её лицо) тоже кричит в трубку:

-Как нормально?! Когда мне мама письмо прислала и пишет, что вы развелись! Вы там с ума не сходите - я куда на каникулы-то поеду? Раз так, то я после практики у подружки в Новосибирске останусь!

Михаилу (на экране его грустное лицо) нечего ответить. В трубке слышно, как дочь кричит:

-Пап, ты что молчишь?! Говори, я тебя хорошо слышу!

-А чё говорить, доча... Развелись мы с твоей матерью, - с горечью признаётся Михаил и вешает трубку.

В доме Протасовых. Галина собирает вещи в две картонные коробки. Михаил исподлобья наблюдает.

-Заберу тока свои вещи. Поживу пока у Риммы, у неё одна комната свободная. По-

том комнатёнку в общежитии дадут, обещали через месяц, - хитрит Галина, зная, что они с Борисом Фёдоровичем скоро уедут на БАМ.

-Живи здесь, я тя не трону. Судья ведь дом пополам поделила. Давай, я вторую дверь прорублю - вход отдельный будет, не буду те мешать, - ешё на что-то надеется Михаил.

-Моя половина дочери достанется - мало ли как у неё жизнь сложится. Тут хоть будет крыша над головой. Ковры, мебель - всё тебе остаётся. Пользуйся. Всё-таки ты больше меня зарабатывал, - добавляет Галина. Смотрит на пианино: - Пианино тоже пускай здесь стоит, может, дочь когда будет приезжать - хоть поиграет.

-Пианино тяжёлое - не утащить, от и не надо те стало.

-Придумал! Я ж и ковры оставляю, ихто что - не унести с собой? Но не буду, начну всё с нуля.

-От возьму и убью тебя, - от бессилия снова грозит Михаил.

-Убивай! Бери нож - режь! Хоть на куски режь, - Галина спокойно смотрит на Михаила.

-Какая же ты стала... Знаешь, что у меня рука на тя не подымется.

-А когда-то подымалась!

-Это када было-то! Нашла, чё вспоминать. После того случая скока хорошего между нами было! Неужель нечего вспомнить? Или у тя память тока на плохое?

-Если я счас не уйду от тебя - потом уже никогда не решусь.

-У меня, Галька, почва из-под ног уходит. Я думал: ты любишь меня...

-Любовь здесь ни при чём, - холодно произносит Галина.

-Как ни при чём? А зачем же мы тада все эти годы жили вместе?!

-Не надо было меня, молоденькую со всем, в доме насильно удерживать...

-Дак я боялся, что ты мне не достанешься, - Михаил выглядит жалко.

-А я так и так твоей не была.

-Это как? Спали же вместе, - недоумевает Михаил.

-Спали-то, спали. А в душе я твоей не была. Никогда не была, - обидно говорит Галина.

-Постой, так ты, вроде, согласилась быть моей...

-Согласилась, потому что ты настоял.

-О-о-о-й! - Михаил со стоном берётся

обеими руками за голову. - Совсем ты меня за мужика не держишь!

Глава 35 БАМ – стройка века

Осень 1976 года.

Пассажирский поезд мчится к месту строительства Байкало-Амурской магистрали. Природа вокруг осенняя. Очарование ярких красок!

На нижней полке купейного вагона сидят рядом Галина и Борис Фёдорович. Напротив попутчики – молодые совсем мужчина и женщина. Начинается оживлённый разговор.

-Давайте знакомиться, раз на БАМ все едем, - предлагает Борис Фёдорович.

-Это можно, - с добродушной улыбкой принимает приглашение молодой мужчины.

-Моя жена – Галина Николаевна, - представляет Борис Фёдорович Галину, слегка обнимая её за плечи.

Молодые мужчина с женщиной недоумённо переглядываются. Борис Фёдорович замечает их реакцию.

-Моя Галинка моложе меня. Горжусь!

-Борис, - протягивает руку молодой мужчина Борису Фёдоровичу.

-Вот это да! И меня Борисом зовут, - принимает ладонь для рукопожатия Борис Фёдорович. - Борис Фёдорович.

-Супруга – Вера. Вера Александровна, бухгалтер, - продолжает знакомиться Борис-младший, кивая на сидящую рядом скромного вида женщину хрупкого телосложения, - сальдо с бульдо лихо сверяет, - смеётся Борис-младший.

-Так они с моей супругой, считай, коллеги. Галина Николаевна – торговый работник широкого профиля.

Попутчики понимающие переглядываются.

-По делам едете или в гости? – поддерживает дальнее знакомство Борис Фёдорович.

-Да разве в Сибирь отдохать едут? На заработки! На стройку века – Байкало-Амурскую магистраль. Мы сами-то из Воронежа. Слыхали, может, Воронеж не догонишь?

-Это присказка такая, что ли? - на всякий случай уточняет Борис Фёдорович.

-Да вроде того, - простодушно подтверждает Борис-младший.

-А мы здешние, - говорит Галина. – Я - местная, бурундушка, как у нас говорят, а Борис Фёдырыч родом из Забайкалья, гуран.

-Там родился, - подтверждает Борис Фёдорович, - там школу и сельхозинститут заканчивал. И в армию там призвали, немного с японцами в сорок пятом повоевал. Наград, правда, не имею – не успел.

-Ох, а в наших местах такие бои шли во время войны! – продолжает затронутую тему Борис-младший. - Вот верите, земля буквально железом напичкана. Жуть! У бабки моей даже немцы в хате стояли, вроде не злые попались, а один, пожилой солдат, даже её детей подкармливал, говорил, что у самого в Германии есть киндер.

-Во-во, а если б молодые да эсэсовцы... – подхватывает Борис Фёдорович.

-Ой, лучше об этом не думать. Так вот, мы с пацанами уже после войны на Дон бегали купаться, так на берегу везде гильзы находили, полные карманы домой притаскивали. Батя нас за это ругал. Он сам победу в Кёнигсберге встретил. Войну заканчивал шофером на «студебекере». Бывало, всё говорил моей матери: «Помру я скоро, Настасья. Ноги тянет, спина болит». А она ему из-за печки: «Помалкивай, старый, нас всех, как пить, переживёшь».

-И что? - осторожно спрашивает Борис Фёдорович.

-Жив! – с гордостью сообщает Борис-младший. - Кряхтит, а живёт – жилистый оказался батька. Матери пятый год как нет, а он живёт. Израненный весь, а вот, подиши ты, кому сколь отпущенено...

-Д-а-а... А мой отец и в войну, и потом маркшейдером работал. Инженер был – каких поискать! Вот эту железную дорогу и тоннели на ней строил. Здесь, - кивает за окно, - раньше одни заключённые вкалывали. Только об этом в газетах не писали.

Тем временем женщины, видя, что мужчины разговаривали между собой, выходят из купе в коридор. Стоят возле окна и смотрят на проносящийся за окном поезд сосновый лес.

-У вас тут природа красивая, - любуется Вера. – Дома крепкие, рубленые из брёвен, кругом леса! А на Украине, мамка мне рассказывала, она в прошлом году ездила к сестре погостить, та за хохлом замужем, они на селе живут, так у их хатка сложена

из чего попало, и пол до сих пор земляной.

- Без досок? - не верит Галина.

- А где на Украине доски-то взять, если леса практически нет, степи кругом.

- А-а-а, - начинает понимать Галина.

- Зато земля – жирный чернозём! Чего в землю не бросишь – вырастет без особого ухода.

- Ты смотри-ка, а у нас и в теплицах-то не всё вырастает.

В купе мужчины по-прежнему увлечены разговором.

- Даже Лидия Русланова в этих краях сидела, в Тайшете, вы его проезжали, отбывала какое-то время здесь свой срок, - делится информацией Борис Фёдорович.

- Сама Русланова? «Валенки, валенки»? - искренне удивляется Борис-младший.

- Да, она самая. Отец один раз её на концерте видел – для заключённых пела. Поговаривали, что для лагерного начальства отдельно петь не соглашалась, а так, на общих концертах, выступала. И «Валенки» и «Поедем, красотка, кататься...»

- Это ж надо... И Русланова здесь была, - не перестает удивляться Борис-младший.

- Да здесь какие только знаменитые люди не сидели. Начни перечислять – пальцев на руках и ногах не хватит, - загибает пальцы левой руки Борис Фёдорович.

Женщины в коридоре вагона у окна.

- А правда, что кто три года на БАМе отработал, тому машина полагается? – интересуется Вера.

- Правда. Мы за этим и едем настройку, - откровенничает Галина.

- Да и мы тоже, - признаётся Вера. - И жильё, говорят, быстро строят. У нас ведь своего-то угла нет, с родителями мужа жили. А охота самостоятельно пожить.

- А дети у вас есть?

- Нет пока. Мы тока в прошлом году поженились, не успела забеременеть. Как говорит моя бабушка, «коробочка» пока не открылась, - смеётся Вера.

- Наверно, - соглашается Галина.

- А у вас с мужем есть?

- У меня дочь взрослая, учится Новосибирске - в музыкальном училище.

- И больше никого? - удивляется Вера.

- Дочь у меня от первого мужа, мы в разводе. А у Бориса Фёдрыча свои дети, тоже взрослые, в Ленинграде живут.

- Знаете, - понизив голос, почти шёпотом говорит Вера, - я как вас увидела вместе, подумала, что это Ваш отец. Ну, или старший брат, дядя... А он, оказывается, муж.

- Пятнадцать лет у нас разница с ним, - спокойно говорит Галина.

- Пятнадцать!? - удивляется Вера.

- Много?

- Не знаю даже. Смотря, какой человек. Бывает, что и пожилой, зато заботливый, - деликатно рассуждает Вера, чтобы не обидеть попутчицу.

- А если ещё и неревнивый, то вообще золото! - шутливо подхватывает Галина.

- Ой, по секрету признаюсь, - Вера чуть прикрывает ладонью рот, - мой Борька такой ревнивый – жуть. Мы ещё и по этой причине рванули сюда – дома всё время ревновал меня к однокласснику, мы через дорогу с ним жили. Как вспомнишь!..

Разговор мужчин в купе.

- Так что, думаю, на БАМе никто из нас не пропадёт! – хлопает себя по коленям Борис Фёдорович. - Стимулы поработать есть – государство это дело здорово продумало. Три года – и получай легковую машину!

В это время в купе возвращаются Галина с Верой.

- Давайте-ка, мужчины, на стол накрой, - предлагает Галина. - Выйтите пока, а мы с Верой тут похозяйничаем.

Через некоторое время в том же купе те же действующие лица аппетитно закусывают.

- Доедайте колбасу, мы потом уберём всё со стола, - говорит Галина мужчинам.

Борис Фёдорович разомлел, осторожно обнимает Галину за плечи:

- Хорошо сидим!

- Хоть и без спиртного! – весело подхватывает Борис-младший.

За окном появляются брошенные сторожевые вышки, ржавая колючая проволока – остатки прежнего лагеря для заключённых.

- А туда лучше не смотреть, - машет рукой в сторону бывшей зоны Борис Фёдорович. - Это всё в прошлом. А надо жить настоящим! Правда, Николаевна? – смотрит он ласково на жену.

Галина осторожно снимает руку Бориса Фёдоровича со своих плеч и замечает:

-Мы здесь проезжали с семьей лет десять назад.

На лице Бориса Фёдоровича появляется выражение ни то вины, ни то досады. Галина это замечает и спешит успокоить:

-Ладно, всё это прошло.

А сама вспоминает (картинка из прошлого) эпизод той давней поездки с Михаилом и дочкой Ритой к дяде, Аркадию Прокопьевичу, в посёлок Заозёрный.

...В плацкартном вагоне почти пусто. Галина с дочкой сидят за боковым столиком и негромко разговаривают. На нижней полке напротив спит Михаил. Вот он просыпается, открывает глаза, смотрит на жену и дочку, прислушивается.

-Мам, я когда вырасту, стану проводницей – буду на поездах везде ездить. Все города посмотрю, - мечтает шестилетняя Рита.

-Чудачка! Тогда уж лучше на самолётах летать – станешь стюардессой, - слово «стюардесса» Галина выговаривает неровно, потому что слышать слышала, а произносить самой пришлось впервые. Увидев, что Михаил проснулся, Галина к нему с упрёком: - Нафестивалился?

-Что-то вспомнила? – Борис Фёдорович заметил отрешённость жены.

-Да нет, так...

Продолжение воспоминаний. За боковым столиком сидят уже Михаил с Галиной, а дочка спит на нижней полке напротив. Супруги неотрывно смотрят в вагонное окно, за которым проносятся две старые, почерневшие от времени и чуть покосившиеся, заброшенные лагерные вышки, остатки ржавой колючей проволоки. Жуткая картина!

-От живём, Галчонок, и ничё не знаем, - задумчиво произносит Михаил и тяжело вздыхает.

-И чё мы такого не знаем? – не сразу понимает Галина.

-Да нет, ты не поняла...

-А чё мне тя понимать, изучила как облупленного, - не желает поддерживать мрачные мысли мужа Галина. - Я знаю точно, что в город нам надо перебираться – дочь подрастает. Может, поступит куда учиться – на врача или на учительницу.

-Да скока можно мотаться с места на

место?! Мы же не цыгане бездомные – бродить по свету... С Шаманово нас сорвали и опять в дорогу собираемся?

-А чё на одном месте-то сидеть, – стоит на своём Галина, - мхом, чё ли, застать? Раз с Шаманово переехали, и ничё с нами не случилось, то и в город так же переехем. Мы же не старики какие – держаться за одно место.

-Зачёкала опять...

-Ой да ладно те!

-Да, Борис Фёдырыч, твоя взяла! – очнувшись от воспоминаний, почти вызывающе произносит Галина. Тот внимательно смотрит на неё, пытаясь понять ход её мыслей.

Вера с Борисом-младшим привстают со своих мест, смотрят в окно и радостно восклицают:

-Кажется, подъезжаем!

На перроне суeta. Вновь прибывшие настройку века сходят с поезда, спешат с сумками и чемоданами к автобусу. Спешат к нему и Борис Фёдорович с Галиной, и их новые знакомые.

Посадка в автобус. Борис Фёдорович, Галина и попутчики кое-как проталкиваются в салон. Свободных мест нет, и они вынуждены стоять, держась за верхние пурпурные. Борис Фёдорович, стараясь выглядеть бодрым, подмигивает Галине:

-В тесноте, да не в обиде.

Посадка закончена. Нетерпеливые пассажиры, кто посмелее, кричат водителю:

-Давай трогай, командир!

-Время не вышло! – хмуро отвечает пожилой водитель, вынимая из висящего сзади пиджака какие-то документы.

Борис Фёдорович смотрит в автобусное окно, видит, что к киоску, стоящему напротив автобусной остановки, подъезжает чёрного цвета «Волга», из неё высекакивает средних лет водитель, бежит к киоску. Купив пачку сигарет, возвращается к машине, и через пассажирское окно подает кому-то покупку. Жестикулируя, водитель что-то объясняет невидимому пассажири, показывает рукой в сторону киоска. После чего из «Волги» неторопливо вылезает сам пассажир – солидный мужчина (50-55 лет). Он медленно шагает к киоску, на ходу застегивая добротное демисезонное тёмно-серое пальто. По виду – райко-

мовский работник или крупный начальник.

И вдруг Борис Фёдорович напрягается, всматривается в степенного мужчину внимательнее, потом не выдерживает:

-Кого я вижу! Николаевна, да это мой старый знакомый, тот самый!

-Где? – Галина с любопытством вглядывается в окно.

-Да вон, - показывает рукой Борис Фёдорович, - у киоска стоит.

-Так, может, он нас подвезёт? – быстро соображает Галина.

-Ещё как подвезёт! Давай за мной!

-Вера, Борис, пока! Увидимся скоро, - успевает сказать ничего не понимающим попутчикам Галина.

В это время мотор автобуса заводится. Борис Фёдорович кричит водителю на ходу:

-Стой! Мы выходим!

-Долго думали? – ворчит водитель и открывает переднюю дверь.

Борис Фёдорович и Галина спешат выйти из автобуса. Едва сходят, как за ними закрывается дверь, и автобус трогается. Галина машет рукой Вере и Борису.

-Пойдём скорее! – Борис Фёдорович быстрым шагом устремляется к знакомому. И, подойдя ближе, окликает его: - Андрей Яковлевич!

Солидный мужчина оглядывается, смотрит на приближающегося Бориса Фёдоровича и Галину, потом, узнав однокурсника, улыбается во весь свой широкий рот и разводит руки в стороны:

-Кого я вижу! Борис!

Уже все едут в «Волге». Борис Фёдорович и Андрей Яковлевич возбуждены неожиданной встречей. Андрей Яковлевич то и дело оглядывается назад с переднего сиденья, чтобы ответить или спросить о чём-то однокурснику:

-Вот это встреча!

-А я думаю, ты не ты? - радуется Борис Фёдорович. – И жене своей говорю: «Смотри, вроде он...»

-«Ты не ты!» Небось, заранее узнал, что я работаю на БАМе, да ещё и УРС возглавляю... А? - хитро улыбается Андрей Яковлевич.

-Знал, конечно, справки навёл, - признаётся Борис Фёдорович. - Мне Димка Чернов рассказывал – встретил его как-то,

когда он в командировку к нам приезжал. Как он, кстати?

-Дмитрий Сергеевич, наш с тобой однокурсник, месяц назад уволился и подался в тёплые края, - с удовольствием сообщает новость Андрей Яковлевич.

-Да ты что! - удивляется Борис Фёдорович.

-А что?! Всё, что хотел, он здесь поимел: два чека на «Жигули», мебель югославскую – я ему помогал с этим – контейнером отправил, дублёнок набрал – всем будущим потомкам хватит. Кооперативную квартиру построил под Киевом. Слыхал, Бровары такие есть под Киевом, курортное местечко?

-Нет, - отвечает Борис Фёдорович.

-Райское место! Как-нибудь в гости ко мне приедешь – посмотришь.

-Куда? В Бровары, что ли? - не понимает Борис Фёдорович.

-М-м, - кивает проговорившийся Андрей Яковлевич. И потом добавляет, как бы оправдываясь: - Нет, ты не думай, что кооперативный дом только для начальников строился. Вот и мой водитель тоже там имеет квартиру. Правильно я говорю, Игорёк? – ищет он подтверждения у водителя. И тот согласно кивает. - Вот! Всё по справедливости. Рабочий класс, Боря, обижать нельзя, - со значением произносит Андрей Яковлевич.

-Это понятно, - соглашается Борис Фёдорович.

Некоторое время едут молча. «Волга» обгоняет тот самый автобус, на котором хотели ехать Галина и Борис Фёдорович.

-Чем заниматься думаешь? – добродушно спрашивает Андрей Яковлевич.

-Да думал, ты подскажешь, вроде специальность у нас с тобой одна.

-Одна-то одна... Меня вот, видишь, куда из сельского хозяйства забросило - в торговлю!

-Тоже неплохо, особенно по нашим временам, - одобряет Борис Фёдорович.

-Да разве я жалуюсь! А супруга кто по профессии? – Андрей Яковлевич чуть поворачивает голову назад.

-Галина - и кассир, и продавец, и заведующей столовой работала у нас в совхозе, - отвечает за немного смущённую Галину Борис Фёдорович.

-Это хорошо. Продавцы нам всегда нуж-

ны. Кадровой текучки, правда, особо нет, но открываем новые торговые точки – люди нужны. И о тебе подумаем, Борис!

«Волга» едет по улице с одноэтажными деревянными бараками.

–Где тут у вас гостиница или общежитие какое? – всматриваясь в строения за окном, спрашивает Борис Фёдорович.

–Подбросим – какой разговор. Извини, к себе сегодня не приглашаю – жену надо подготовить. Потом в гости к нам придёте. Я тебе телефон оставлю. Устроитесь, оглядитесь, сразу звони. Завтра и звони. Решим твои дела, есть у меня кое-что на примете, – Андрей Яковлевич пишет в блокноте номер телефона, вырывает листок и, повернувшись, подаёт Борису Фёдоровичу. – Да, о том, что мы друг друга знаем – никому, а то разговоры всякие пойдут, кто-нибудь подножку захочет тебе и мне подставить – в работе всякое бывает. На людях – только по имени, отчеству, договорились?

–Само собой, – с пониманием соглашается Борис Фёдорович. И пока Андрей Яковлевич не отвернулся, многозначительно показывает взглядом на водителя.

–А-а... Не переживай, Игорь – свой человек, и ни такое слышал. Правильно я говорю, Игорёк? – чуть повысив голос, обращается к водителю Андрей Яковлевич. Тот в ответ снова молча кивает.

–Скорее всего, пойдёшь на Димино место – начальником торговой базы. Там счас временно исполняющая обязанности – бабёнка добросовестная, труженица, но к власти не рвётся. А тут ты вовремя подвернулся. А пока до свидания, мы уже приехали. Вот гостиница, – показывает рукой вперёд на одноэтажное брусовое, похожее на барак, здание с низким крыльцом и скромной вывеской «Гостиница». – Тут скромно всё, но чисто. Если что не так – звони мне. Но места тут всегда есть, так что располагайтесь с дороги. А там с жильём что-нибудь придумаем. Комнату в общежитии выделим, если вы ненадолго. А задержитесь – дальше будем решать.

Вскоре в бамовском магазине. Галина стоит за большим столом, на котором лежат рулоны и отмеренные куски тканей, деревянный мерочный метр и большие ножницы, за спиной – стеллажи с другими рулонами тканей. Покупателей нет. Она смотрит на проходящих мимо посетителей

магазина, перекладывает ножницы поближе к себе, а метр – на другую сторону стола.

Напротив – продовольственный отдел, там идёт оживлённая торговля варёной колбасой. Давка, один из покупателей – пожилой мужчина – кричит:

–В одни руки больше «палки» колбасы не давать!

–На всех хватит! – бойко отвечает продавщица средних лет. – Счас ещё должны подвезти!

–Не давать больше одной «палки»! – подхватывает другая покупательница. – Когда ещё подвезут – нам ждать некогда.

–Как хотите! Сколько даём? – спрашивает продавец очередь.

–Одну «палку»! – громко отвечают несколько покупателей.

–Галя! – кричит бойкая продавщица через головы покупателей, – тебе колбасы оставить?

–Немного! – отвечает Галина.

–Понятно, – продавец кладёт батон колбасы под прилавок.

–Вы хоть бы ни при всех договаривались, – произносит интеллигентного вида женщина.

–Вас не спросили, женщина, – не теряется продавщица.

Рука продавщицы берёт последний батон колбасы и кладёт его на весы. Очередь недовольна, пожилая покупательница:

–Ну и где же ваши «сейчас подвезут»?

–Походите пока по другим отделам, передохните. Машина с базы уже выехала, – спокойно объясняет бойкая продавщица. Но очередь не расходится.

Продавец колбасы переходит в молочный отдел, где покупателей мало.

–Давай, Любаня, помогу флягу с молоком поближе поднести, – бойкая продавщица и Любаня берут за боковые ручки тяжёлую молочную флягу вдвоём и подносят вплотную к прилавку.

Тем временем разговоры в очереди, ожидающей привоза колбасы:

–Позавчера такую хорошую тушёнку купили с мужем, – делится новостями интеллигентная покупательница.

–Ящик сразу взяли? – интересуется пожилой мужчина.

–Нет. Ящик мы индийского кофе брали, а тут тока десять банок.

–Зря. Я лично очень тушёнку уважаю,

особенно бурятскую, конская сильно вкусная.

Когда очередной редкий покупатель отходит от прилавка молочного отдела, продавцы, глядя на Галину, переговариваются вполголоса.

-Слыши, новенькую почему-то сразу на ткани поставили. Там делать нечего – хоть раскладушку рядом ставь и спи, – говорит продавец колбасы.

-Да чёрт с ней! – равнодушно реагирует Любания, не желая поддерживать этот разговор. – Тебе бы, Танька, в милиции работать – за всеми уследишь.

-А чё – я бы и там порядок навела! – довольно сравнением Татьяна. И снова за своё: - Может, блатная какая? Главно, Наташку перевели на бакалею, где целый день задница в мыле, а эту – на ткани. А зарплата одна и та же, – рассуждает бойкая продавщица.

-Надо всё равно знакомиться. Может, и ничего ещё бабёнка окажется.

-А я чё – против? Колбасы вон ей оставила.

Из подсобки выходит грузчик в тёмно-синем сатиновом халате и кричит бойкой продавщице:

-Татьяна, иди принимай товар!

Когда Татьяна уходит, продавщица Любания, старясь не привлекать внимание посторонних, говорит через прилавок Галине:

-Ты простишься будешь? Или как?

-Куда я денусь, – отвечает Галина. И заметив, что к её прилавку направляется покупательница, обещает: – Потом поговорим!

После работы в подсобке бамовского магазина полным ходом идёт «простава». На столе, вокруг которого сидят несколько продавщиц и Галина, красуются две почтые бутылки популярного в советское время коньяка «Белый аист» и закуска: та самая варёная колбаса, нарезанная толстыми ломтями, несколько плавленых сырков, открытые банки шпрот, литровая банка маринованных болгарских огурчиков, коробка конфет и белый хлеб.

-Татьяна, ты Стёпку, грузчика, почему не позвала? – спрашивает Любания.

-А он нам здесь нужен? В нашем ягоднике? – недоумевает Татьяна.

-Да всё интереснее было бы с мужиком, – не сдаётся чуть захмелевшая Любания.

-Толку с него никакого. Как баба бабе скажу – полный ноль, – признаётся Татьяна.

-Ты никак проверяла? – у Любани начинает портиться настроение.

-Я – нет, – лукавит Татьяна, – а вот кое-кто проверил сдуру. – Татьяна показывает взглядом на кассиршу по имени Эмма. – Ноль!

-Ладно, мои хорошие, разливайте коньяк, да, наверно, домой всем пора, – торопится Галина.

-Кому пора, а кому и нет, – говорит Эмма, на которую только что указала взглядом Татьяна. – Мы тут все одинокие. Приехали на БАМ, чтобы денег подзаработать, да мужиков отхватить. Их тут полно – одиноких-то. А точнее – разведённых!

В подтверждение её слов четвёртая продавщица, Наталья, крашеная симпатичная блондинка слегка за сорок вполголоса пропевает частушку:

*Приезжай ко мне на БАМ,
Я тебе на рельсах дам,
Пусть потешится п...а
Пока не ходят поезда.*

-Наташка, а тебе не идёт такие похабные частушки петь, ты не такая, по тебе же сразу видно. Вот Танька споёт – сразу все поверят, – простодушно говорит Любания продавщице-блондинке.

-Здрасьте, приехали! – вроде как обижается Татьяна. – Крайнюю нашли!

-Девчонки, у меня такое чувство, что всё это уже было со мной, – признаётся Галина, – вот так же мы в подсобке с девчатами сидели...

-Чего? – одновременно спрашивают Любания с Татьяной.

-Только счас гитары у меня в руках нет, а так всё сходится, – продолжает вспоминать Галина. – Магазин, подсобка, сидим мы на майские праздники...

-То-то и оно, что продавцы везде одинаковые, – со знанием дела произносит Татьяна.

-Скажешь тоже! – возражает Любания. – Одинаковые, да не все.

-А ты, Галя, на гитаре играешь? – с интересом спрашивает кассирша Эмма.

-Да как сказать... Когда пою, то подыгрываю себе, – окончательно раскрывая

ет свои таланты Галина. – Тока гитары у меня здесь нет.

-Девки! – восклицает Татьяна. - И она молчала! Да мы завтра же сбросимся на гитару! Не будет у Варьки в отделе музыкальных инструментов – на базе достанем! Мне там Настёнка по гроб жизни обязана, надо её раскрутить, хоть на что-то сгодится, паразитка такая...

Едва Татьяна успевает договорить, в подсобку входит Борис Фёдорович:

-Да тут девичник! Здравствуйте, девчата! – добродушно приветствует он продавцов.

-Это кто? – спрашивает Любания Татьяны.

-А я откуда знаю? Вроде новый директор базы.

Галина слышит разговор продавщиц и признаётся:

-Это мой супруг – Борис Фёдырыч.

Татьяна с Любанией удивлённо переглядываются.

-Мы, Борис Фёдырыч, это дело, - Татьяна слегка постукивает указательным пальцем под подбородком, - тока после работы.

-Тока после работы, не сомневайтесь, - стараясь выглядеть абсолютно трезвой, подтверждает Любания.

-Не смущайтесь, девчата, я вижу, вы марку держите – пьёте исключительно коньяк, молодцы! - добродушно замечает Борис Фёдорович, кивая на две почти пустые бутылки коньяка «Белый аист».

-Стараемся! – за всех отвечает крашеная блондинка Наталья и невольно подмигивает директору базы.

После посиделок в магазине Галина и Борис Фёдорович возвращаются домой под руку. Впереди идут подвыпившие продавщицы, громко поют: «Вот кто-то с горочки спустился», - потом сбиваются и продолжают уже так: «На нём защитна гимнастёрка...» Снова сбиваются, хохочут заразительно, без удержу!

-Давайте лучше эту... все её знают... - пытается вспомнить Татьяна.

-Какую? - не понимает Любания.

-Такую... ну как её? – не может вспомнить Татьяна.

-Борис Фёдырыч, - начинает разговор Галина.

-Никак не можешь меня просто Борисом называть, - укоряет тот в ответ.

-Привыкну, буду звать без отчества.

-Пора бы! – вздыхает Борис Фёдорович.

-Уж не такая между нами разница в возрасте, если так разобраться-то...

-Ладно, не всё сразу.

-Ты что-то мне сказать хотела?

-В общем, я перехожу на кассу работать, девчата предложили. – Эмма с кассы уходит, собралась назад уезжать, три года отработала, чек на «Жигули» у неё на руках.

-Зачем тебе переходить с места на место, останься пока на тканях, а там видно будет.

-Ничего не «видно», со следующего месяца увидишь меня на кассе! – твёрдо произносит Галина. И догоняет своих новых подруг, начиная петь:

*Огней так много золотых
На улицах Саратова...*

И все подхватывают дружно, с куражом растягивая слова второй строки:

*Парней так много холосты-ы-х,
А я люблю жен-а-а-того!*

Борис Фёдорович на миг останавливается, слегка качая головой.

Глава 36 Бамовские причуды

Вскоре на берегу озера Байкал. В котелке на костре варится уха. Рядом выпивают Борис Фёдорович и Андрей Яковлевич. В сторонке стоят и бросают камешки в воду Галина и приятная женщина (на вид лет 50), жена Андрея Яковлевича – Валентина Ивановна.

Мужчины ведут беседу.

-Как на новом месте работается? Не обижают? - добродушно спрашивает Андрей Яковлевич.

-Да ты уж спрашивал...

-А ты снова расскажи! Чай, начальник просит.

-Некому обижать! – улыбается Борис Фёдорович. – Коллектив в основном женский. А женщин самих всю жизнь обижают: ни мужья - так дети, ни дети – так свекрови, а ни свекрови - так начальники.

-Ну, опыта работы с людьми тебе не занимать, так что трудись ударными темпами на благо родной Отчизны, - с некоторой иронией произносит Андрей Яковлевич. - Но и про себя не забывай!

-Само собой... Как говорит товарищ Брежнев, сам живи и другим давай.

-Во-во. А помнишь, как ты у меня на пятом курсе чуть Валентину не увёл, - Андрей Яковлевич переводит взгляд на жену.

-Да брось ты! Нашёл, что вспоминать. Быльём поросло! - отмахивается Борис Фёдорович.

-Она в тебя, как кошка, тогда влюбилась, ещё на первом курсе, - не унимается Андрей Яковлевич. - И счас, как узнала, что ты приехал, сама инициативу проявила, чтобы вместе на выходных выехать на берег Байкала отдохнуть. Видно, хотела посмотреть, в кого это ты мог влюбиться, - понизив голос, как заговорщик, говорит Андрей Яковлевич. - И то удивительно: никого ж не любил, на своей Антонине женился, потому как она забеременела от тебя, царствие ей небесное, светлая была женщина.

-Да не говори! Сволочь я, обижал её - было дело. Изменял. В совхозе как - любая с тобой согласится, ты ж директор, от тебя многое зависит, - откровенничает Борис Фёдорович.

-И с Галиной так же?

-Навряд ли. Я первый её заприметил. Глазами встретились - и всё! Как током шибануло!

-Да, это дело такое... Меня тоже один раз, в тридцать три года, молнией прихватило, кое-как сдержался, Валина подруга была, её здесь нет, уехала, а то бы неизвестно, как повернулось...

-Неужель развёлся бы?

-Ой, не спрашивай!

На несколько секунд мужчины умолкают. Потом Борис Фёдорович признаётся:

-Хотя я сам Галину до конца не понял... Она у меня, видишь ли, с характером. Держит меня! Вот и получается, что не она за мной, а я за ней бегаю.

-А-а-а, инстинкт охотника, - понимающе произносит Андрей Яковлевич.

-Охотник или кто другой, а так в моей жизни сегодня сложилось. Скорее не охотник, а на поводке я у неё. Даже предлагал штамп в паспорте поставить, - лукавит Борис Фёдорович.

-Тебе видней! - снисходительно замечает Андрей Яковлевич. И продолжает вспоминать про молодость: - А вот ещё, может, уже и рассказывал тебе, в сорок пятом была у меня одна связистка, славная та-

кая, вроде даже родить от меня хотела, и я был в те годы не против, счас бы уж какой у меня сын или дочка были... Но японцы тогда на наш лагерь напали - вырезали всех подряд, её тоже. С тех пор детей мне бог и не дал...

-Что никак с Валентиной не получилось?

-Неа, - Андрей Яковлевич произнёс это с обречённостью. - Вот кому я всё нажитое передам? Только если племянникам. И вот смотри, что получается... Девчонки той нет, моего дитя, хоть и нерождённого, а меня судьба уберегла, я в тот день в штаб отбыл и заночевал там.

-Мы ещё тогда с тобой первый раз в штабе и встретились. По большому счёту, нам обоим повезло, что всю войну в сталинском запасе на Дальнем Востоке просидели.

-Ой, ты только про это нигде особо не рассказывай, всё-таки мы с тобой, как ни крути, участники войны.

-Да это-то понятно...

Жёны подходят к мужьям.

-Вы тут за ухой-то следите? Не пора ли рыбку в кипяток опускать? - беспокоится Валентина Ивановна. - А то за воспоминаниями, как вы в студенческие годы по водосточной трубе в женское общежитие лазили, про всё забудете...

-Картошка пока сырватая, - отвечает Андрей Яковлевич. Он пробует облупившейся деревянной, некогда расписной ложкой картошку: - Вот теперь, кажется, готова. - И начинает осторожно опускать рыбку в вместительный котелок, но чуть не роняет одну мимо.

Галина видит это и не выдерживает:

-Дайте-ка, Андрей Яковлевич, - она ловко опускает оставшиеся рыбины в котелок. Потом и ложку у Андрея Яковлевича забирает: слегка помешивает ею ароматное варево, снимая сверху пену.

Мужчины и Валентина Ивановна наблюдают.

-Счас закипит, лаврушку кинем и всё - готово, - по-хозяйски распоряжается Галина.

Андрей Яковлевич многозначительно переглядывается с Борисом Фёдоровичем, который в эту минуту горд за Галину.

-Теперь я кое-что понимаю, Борис, - тихо произносит Андрей Яковлевич.

Через несколько месяцев. Зима. Гали-

на работает в магазине на кассе: отбивает чеки, отсчитывает сдачу. Очередь в кассу небольшая.

В магазин шумно заходят пять крепких мужчин: в полуушках, валенках, шапках-ушанках. С мороза все розовощёкие, шутят, смеются. Галина невольно бросает взгляд на них и замечает знакомого Бориса-младшего, с которым ехали вместе в поезде на БАМ.

-Борис! – окликает она. Борис-младший поворачивает голову, узнаёт Галину, подходит к кассе.

-Здрасте! – радостно здоровается он. – Давно не виделись, наверно, месяца четыре.

-Как работает? – искренне интересуется Галина.

-Нормально. Лес с просек вывозим. К лету хочу на путеукладчик устроиться – там зарплата больше.

-А куда Вера устроилась?

-Разнорабочей на овощехранилище, картошку перебирает.

-Ой, а бухгалтером никуда не взяли?

-В управлении строительства все места заняты. А по знакомству у нас не получается – никого здесь своих нет.

-Борис, я спрошу сегодня вечером у Бориса Фёдрыча, может, он её к себе устроит.

-А он у Вас кто – начальник?

-Директор торговой базы.

-Ничё себе, с кем мы ехали! – удивляется Борис-младший. – Выходит, у нас теперь блат?

-Пускай Вера ко мне дня через два подойдёт сюда.

-Ладно, – соглашается довольный Борис-младший.

-А вы куда счас? – в свою очередь снова спрашивает Галина.

-Начальника своего ждём. Сюда должен подойти. Продуктами затаримся – и в рейс, в Братск.

-В Братск? – не верит услышенному Галина.

-Завтра трогаемся.

-Слушай, Борис, у меня к тебе просьба будет... – доверительно начинает Галина.

Пивная в Братске. Шум, гам, мужики с пивными кружками стоят вокруг высоких столиков. За одним – горячо беседуют Михаил Протасов и Борис-младший.

-Послушай, Михаил Иннокентьевич, я тебя нашёл в вашем Братске ни для того, чтобы выслушивать твою обиду на Галину Николаевну – как вы с ней развелись, прожив вместе почти двадцать лет. Это ваше личное дело, меня не касается. Я передаю тебе счас её просьбу: приезжай в Северобайкальск, она поможет тебе с работой. Может, ещё и сойдёшь...

-Это она сама те так сказала?

-Нет, но я сам докумекал. Иначе не звала бы.

-Плохо ты её знаешь...

-Ладно, не хочешь её помочи, иди к нам в автоколонну, в ней такие же льготы – так же через три года будешь иметь на руках целевой чек на автомобиль марки «Жигули». Счас новую машину просто так не купишь, даже имея на руках деньги, а БАМ даёт такую халяву.

-Я и здесь на машину заработаю, – не сдаётся захмелевший Михаил.

-Послушай, Галина Николаевна мне говорила, как ты всю жизнь мечтаешь о своей личной легковушке. А тут подвернулся шанс осуществить свою мечту в короткие сроки, – продолжает уговаривать Борис-младший.

-А больше она те ничё не рассказывала, эта моя помошница? – испытывающее смотрит на Бориса-младшего Михаил.

-А чё именно?

-Ну... с кем она уехала на БАМ?

-Опять двадцать пять!

-А тада, – Михаил шарится в кармане брюк, вытаскивает горсть монет, отыскивает одну, самую маленькую, подаёт её Борису-младшему, – от, передай ей, она поймёт.

-Зачем ей эта копейка? – рассматривая монетку, не понимает чуть захмелевший Борис-младший, – она сама прекрасно зарабатывает.

-Ты передай и всё, она сама разберётся, – настаивает на своём Михаил.

-Какие-то загадки между вами... Передам, конечно, мне не трудно. Может, по секрету скажешь, зачем ей эта деньги?

-Потерпи, захочет – скажет.

Галина сидит в подсобке магазина и безотрывно смотрит на копейку, лежащую в открытой ладони. По щекам текут слёзы. Заходит продавец Любаня.

-Галь, обед кончился, народ у кассы собрался, иди.

-Иду, - тихо отвечает Галина.

-Случилось чё? – не унимается Любания.

-Любаня, тебя когда-нибудь бросали? - сквозь слёзы спрашивает Галина.

-Мужики, что ль?

-А кто ж ещё...

-Да скока раз! Пальцев на руках и ногах не хватит.

-Вот и меня... - Галина снова смотрит на копеечную монету.

-И чё, из-за этого переживать?! Мужик что трамвай - не надо за ним гнаться, придёт следующий, - успокаивает подругу Любания. И спокойствуется: - А ты про кого счас – про Борис Фёдрыча, что ли?

-Да нет, этот сам не отлипнет.

-А кто тогда?

-Ладно, пойдём работать, - вытирает слёзы Галина. - Потом расскажу...

Вечером в комнате бамовского общежития. Борис Фёдорович за маленьким письменным столом заполняет какие-то документы. Галина готовит ужин на одноконфорочной электроплитке, помешивая варево ложкой в средней кастрюле. Борис Фёдорович, взглянув на кастрюлю, недовольно говорит:

-Ты, Гая, много не готовь, чтоб не оставалось. Весь день оба на работе, питаемся в столовой, там всё дешёво. Зачем зря продукты переводить, не собак же кормить. Да и на ночь есть вредно. Вот кефирчику бы выпить!

-Начальникам есть много вредно, это верно. А вот рабочий навкалывается за день, да ещё на морозе, так ему и на ночь поесть, как следует, охота, а то не уснёт голодным, - парирует Галина.

-Так мы-то с тобой не рабочие, - Борис Фёдорович нарочно не замечает раздражённый тон Галины.

-Всё равно - как можно уснуть на пустой желудок? – не понимает Галина.

Борис Фёдорович в ответ молчит – нечего возразить. Потом примирительно спрашивает:

-Ты в бухгалтерии была? На машину исправно идут вычты из зарплаты?

-Завтра собиралась.

-Не тяни: доверяй, но проверяй.

-Не схожу, так позову.

-Проверь обязательно.

-Да вроде по зарплате и так видно.

-Ты спроси, сколько уже на счёте накопилось, а то может на чек потом не хватить.

-Спрошу, - соглашается Галина, выключая электроплитку. - Готово, давай ужинать.

-Ага, - Борис Фёдорович поспешно убирает бумаги со стола.

Через некоторое время. Начальник УРСа Андрей Яковлевич заходит в магазин, где работает Галина. Проходит вдоль прилавков, здоровается:

-Здорово, девчата!

-Здрасьте, Андрей Яковлич! – вразнобой отвечают продавцы.

Андрей Яковлевич подходит к кассе. Галина обслуживает покупателя и не сразу замечает начальника.

-Приветствуя, Галина Николаевна! - нарочито громко и официально произносит Андрей Яковлевич.

От кассы отходит покупатель, и Галина отвечает негромко:

-Здрасьте, Андрей Яковлич! Можно меня без отчества – Галина.

-Как работает? Какие вопросы к руководству УРСа? – продолжает играть на публику Андрей Яковлевич.

-Какие могут быть вопросы? Работаем, план выполняем, - не понимает Галина.

-Хорошо, что всё в порядке, - бодро произносит Андрей Яковлевич.

Галина наклоняется к нему ближе и доверительно спрашивает:

-Вы к нам с проверкой?

-Да я и так знаю, кто чем дышит, - так же доверительно отвечает начальник. - Зашёл на тебя посмотреть. Убедиться, так сказать... С той ухи ни разу и не виделись.

-Увидели? – начинает понимать Галина цель визита Андрея Яковлевича.

-Ещё как! Короче, в субботу мы с Валентиной ждём вас с Борисом в баню. У нас баня новая, ещё смолой пахнет. Отдохнем, попаримся.

-Ладно, передам Борису Фёдрычу. Да Вы бы сами ему позвонили.

-Передашь пока от меня, а я пошёл, а то ко мне вон уже завмагом бежит, - кивает в сторону приближающейся высокой женщины (на вид 45-50 лет), в белом халате, из-под которого на шее виден модный в те годы красно-чёрный мохеровый шарф.

-Здравствуйте, Андрей Яковлевич! – издалека раскланивается заведующая магазином.

-Здорово, Клеопатра Филипповна! – приветствует начальник УРСа.

Дальше они идут рядом по торговому залу и деловито разговаривают.

-Как с ассортиментом? Следите? Покупатели не обижаются? – стараясь быть серьёзным и деловитым, интересуется Андрей Яковлевич.

-Что Вы! Ни одной жалобы в книге жалоб! – быстро отвечает матёрая заведующая.

-А она у вас где находится? – оглядывается на кассу Андрей Яковлевич, задерживая взгляд на Галине, которая в этот момент отсчитывает сдачу покупателю.

-В кассе, если кто спросит – выдаём. Но пока тока положительные отзывы.

-А-а, понятно. Сами от себя пишите? – в шутку интересуется начальник.

-Ой, ну что Вы... – лицемерно обижается завмагом.

-Ладно, замечаний к тебе нет, Филипповна, будут вопросы – обращайся ко мне напрямую, – протягивает ладонь для рукопожатия Андрей Яковлевич. – Бывай!

-Спасибо, Андрей Яковлевич, что зашли! – Клеопатра Филипповна вся светится, из глаз вот-вот брызнут слёзы умиления.

-Работайте, план давайте! – напутствует начальник УРСа и направляется к выходу, где сталкивается в дверях с плечистым рабочим в спецовке.

Парилка в русской бане. Борис Фёдорович хлещет березовым веником лежащего на верхней полке на животе Андрея Яковлевича, тот от удовольствия кряхтит:

-Вот это банька! Хорош, теперь давай я тебя похлестаю, ложись на полок (*ударение на второй гласной, – прим. автора*).

Андрей Яковлевич спускается вниз, берёт веник. Борис Фёдорович забирается на полок, тоже ложится на живот. Теперь березовым веником его обижает Андрей Яковлевич и приговаривает:

-Эх, зря с нами бабы не пошли... Вот бы мы их отхлестали!

-Размечтался! Моя-то Галинка точно бы не пошла всем скопом.

-А моя Валька пошла бы – за компанию!

-Успел развратить, – смеётся Борис Фёдорович.

В это время Валентина Ивановна и Галина накрывают круглый стол с белой скатертью в доме Андрея Яковлевича.

На столе пока – бутылка коньяка «Наполеон» с пятью звёздочками на этикетке, в большой хрустальной вазе – яблоки и апельсины.

Возле стола стоит с вафельным полотенцем через плечо Галина. Валентина Ивановна подходит к секретеру роскошной югославской мебельной «стенки», открывает дверцы с узорчатым стеклом, достаёт коньячные рюмки, ставит их на край стола:

-Давно ими не пользовались.

-Давайте протру, – с готовностью предлагаёт Галина.

-Ага, будь добра. Выпиваем только на работе, – лукаво улыбается Валентина Ивановна, – Андрей Якович – со своими подручными из ближнего круга, а я тоже в своей бухгалтерии – то день рождения у кого-нибудь, то крестины, то... – Валентина Ивановна достаёт красивые тарелки из импортного столового сервиза. – В общем, повод всегда найдётся, было бы желание.

Галина, управившись с рюмками, берёт первую тарелку, и, протирая её, любуется:

-Красивый сервис.

-Немецкий. Таких только три пришло на базу.

-А у моего дяди, они с женой после войны долго в Германии жили, тоже полно красивой посуды. И ковры персидские оттуда привезли – просто загляденье!

-А нам и в Германию не понадобилось ехать, – запросто обрывает восхищённый рассказ Галины Валентина Ивановна.

-Вот именно, тут, на БАМе, всё есть, – простодушно соглашается Галина.

-Не у всех, конечно, – честно уточняет Валентина Ивановна.

...Валентина Ивановна и Галина сидят за щедро сервированным столом. На нём красуются почтая бутылка коньяка «Наполеон», бутылка водки с этикеткой «Пшеничная», а также продуктовое бамовское великолепие конца 70-х годов прошлого столетия. Это: в хрустальной вазочке – красная икра, в хрустальных вазах средних размеров – венгерские маринованные огурчики, болгарские помидоры в томатной заливке, в селёднице – порезанный на кусочки байкальский омуль, на маленьких тарелках из немецкого сервиза

— колбаса двух сортов, ветчина, твёрдый голландский сыр, балтийские шпроты, на краю стола — открытая коробка шоколадных конфет «Птичье молоко».

— Что-то наши мужья долго парятся. Горячее уже готово, пойти крикнуть им, что ли? — предлагает Валентина Ивановна.

— Да пускай себе парятся. Какой мужик баню не любит! — весело говорит Галина.

— И то верно. Давай тогда хоть по рюмочке коньяка примем, а то я прям слюной истекаю, — Валентина Ивановна тянется за бутылкой «Наполеона».

В предбаннике, за резным столиком, сидят в простынях Андрей Яковлевич и Борис Фёдорович. Они пьют коньяк из водочных стопок и закусывают колбасой-сервелатом.

— И всё-таки — не слишком ли ты откровенно говоришь при водителе, Андрей Яковлевич?

— Брось, здесь я для тебя просто Андрей.

— Ладно, Андрей, — соглашается Борис Фёдорович.

— Не сомневайся, Боря. Я знаю, что делаю. Игорь — сын одного из бывших начальников здешнего Озерлага или Ангарлага... Названия менялись... Знаешь, что это такое?

— Знаю, у меня ж отец с заключёнными работал. Мать, когда поругаются, всё его дразнила: «Полудурок лагерный!» А он ей в ответ: «Нашу песню не задушишь, не пропьёшь!»

— Вот и хорошо, что ты всё знаешь про эти края. У моего водителя прирождённый талант молчать, это к нему от отца перешло, вроде как наследственность, через гены передалось. Эстафетная палочка! А потом, думаешь, Игорёк ничего и так не понимает и не видит без моих слов? Всё знает, но...

— Андрей Яковлевич подносит палец ко рту, — молчок! За что ему и квартиру в кооперативном доме в Броварах под Киевом выделили — вот за это, за умение держать язык за зубами, — и снова подносит палец ко рту. — Да и так много добрых дел ему от меня перепадает: то дубёнку жене, то бесплатную путёвку дочке в черноморский санаторий, то... Всего не перечислишь. И он знает — пока молчит, будет ему всё, а заговорит — конец нашей дружбе. Последствия будут необратимыми. Но! Это я так, к слову. Уверен, он будет помалкивать, не

простофилем же родился, время и людей чует — это ему передалось от отца, полковника НКВД, царствие ему небесное.

— Наверно, ты прав, Андрей, — соглашается Борис Фёдорович. — Мне мать ещё говорила: мол, не бойся приближать тех людей, кто другими были отвергнуты, они тебе по гроб жизни будут в рот заглядывать — что ты им прикажешь, то и сделают.

— В общем, так и есть, — кивает Андрей Яковлевич. — Немножко не про мой случай, но смысл примерно одинаковый. — И спохватывается: — Наливай-ка лучше коньячку, всё-таки «пять звездочек» так душевно идут, — гладит себя по грудной клетке начальник УРСа.

К окну предбанника подходит жена Андрея Яковлевича. Встаёт на цыпочки, видит разговаривающих мужчин.

— Устроились с комфортом! — негромко констатирует она и спешит обратно в коттедж.

Открывает дверь и с порога командует:

— Наливай, Галина! — И, встретив недоумённый взгляд, поясняет: — Им там и без нас вольготно. Разговорились наши однокурсники — не оторвать. Пускай поговорят. А мы тут без них обойдёмся.

— Говорят, третий тост за любовь, Валентина Иванна? — протягивает Галина налитую хрустальную рюмку хозяйке.

— За любовь так за любовь! — соглашается та в ответ.

— Плохо гитары нет, а то бы я спела, — расходится Галина.

— Ты поёшь? — удивляется Валентина Ивановна.

Галина кивает и тихонько напевает:

*Белые туфельки, белое платьице.
Белое лицико словно атлас,*

— и умолкает.

— Спой хоть без гитары! — просит Валентина Ивановна.

— Да так неинтересно.

— Ну хоть ещё один куплет...

— А! — решительно машет рукой Галина. — Спою и без своей семиструнной!

В это же время в Братске. Зимняя ночь. Михаил Протасов лежит с открытыми глазами. Думает. Слышно, как где-то собаки лают. В окно звёзды заглядывают. Михаил

тяжело вздыхает: «Эх, абарая!» И переворачивается сначала на один бок, потом на другой. Маётся!

И снова возвращаемся в коттедж Андрея Яковлевича на БАМе. Валентина Ивановна и Галина возле плательного шкафа. Хозяйка достаёт наряд за нарядом: импортные платья, костюмы, кофты:

-Галя, выбирай, что понравится, я себе ещё этих тряпок наберу.

-Спасибо, конечно. Но у меня денег счас нет, получка тока через неделю.

-Вот через неделю и отдашь! Смотри, какое платье красивое - финское, кримпленовое. Примерь! На тебе гораздо лучше будет смотреться, чем на мне, - настаивает захмелевшая и подобревшая Валентина Ивановна.

...Женщины снова за столом. Галина в том самом кримпленовом платье сиреневого цвета, что предложила ей купить Валентина Ивановна.

-А в четвёртый раз за любовь нельзя, как считаешь? - обращается к Галине Валентина Ивановна.

-Почему?! Можно и в десятый раз - за любовь-то! - в модном платье Галина чувствует себя увереннее, смелее.

Женщины дружно чокаются.

В это время в предбаннике. Пьяные Андрей Яковлевич и Борис Фёдорович с трудом надевают на полосатые пижамы верхнюю одежду: Андрей Яковлевич - тёмно-коричневую дублёнку, Борис Фёдорович - добротное зимнее пальто с серым каракулевым воротником.

-Я ей говорю, - успевает рассказывать Андрей Яковлевич, - мол, для Вашего возраста Вы прилично себя ведёте, мадам.

-Как говорится, соврамши, выпивши, оскорбимши, - поддерживает кураж друга Борис Фёдорович.

-Бо-бо. А дублёнку я те выпишу в понедельник - приходи.

-Приду.

-Я смотрю, пижама-то моя тебе сгодилась - по фигуре, - подначивает друга Андрей Яковлевич. - Подарить?

-Да брось ты! - отмахивается Борис Фёдорович.

-А что, подарю с барского плеча, так вот - запросто! - Андрей Яковлевич комически

делает величественный театральный жест. Оба смеются.

Из бани медленно бредут Андрей Яковлевич и Борис Фёдорович. Заходят в дом, не увидев никого за столом, беспокоятся:

-Девчонки, где вы? - зовёт начальник УРСа.

Те, услышав зов, выходят из комнаты:

-Мы-то здесь, а вот где вы были? - притворно строго спрашивает Валентина Ивановна.

-В бане, где ж ешё! - пьяно улыбаясь, отвечает ей муж.

-Не знаю, не знаю, - кокетливо не сдаётся Валентина Ивановна. - Давай помогу дублёнку-то снять, пальцы-то уже не слушаются своего хозяина.

-Я сам... сам справлюсь... - Андрей Яковлевич с помощью жены кое-как стягивает с себя дублёнку, но при этом старается быть строгим: - Валентина!

У Бориса Фёдоровича снять пальто получается самостоятельно.

Все весело усаживаются за стол.

Вдруг Андрей Яковлевич, моментально пропривев, спохватывается:

-Ой, мне же надо позвонить заму, - и спешит к телефону. Набирает номер, постепенно его лицо становится сосредоточенным. Ждёт, пока на другом конце связи возьмут трубку: - Добрый вечер, Яков Иосифович! Бирюков говорит. Как с поставками мяса? Договорился? - пауза. - Добро, - пауза. - Одной партии будет мало. Мало, говорю! Поработай с поставщиками ещё. Ну, давай, завтра перезвони мне, - слушает, что отвечают в трубке. - Не в понедельник, а завтра, - пауза. - Ну и что, что воскресенье... Звони домой! - Андрей Яковлевич кладёт трубку и оборачивается к жене и гостям: - Давайте-ка ещё по пять капель! - потирает он руки. И уже за столом, выпив, обращается к Галине: - А что, Галина Николаевна, пойдёшь заведующей котлопунктом? Через неделю открываем в тридцати километрах отсюда. Поработаешь, люди тебя заметят, а там и заведующей столовой в посёлке поставим. Здесь весной новую столовую начнём строить. А тут и кадр уже готовый.

Галина не знает, что ответить на неожиданное предложение и только пожимает плечами. Борис Фёдорович внимательно

смотрит на Андрея Яковлевича, пытаясь разгадать его истинное намерение.

-Что скажешь, Борис? Не побоишься свою красавицу в лес отпустить? – лукаво спрашивает Андрей Яковлевич.

-Он-то не побоится, - опережает Бориса Фёдоровича опомнившаяся Галина, - да захочу ли я сама?

Вскоре. Рабочий котлопункт в зимней тайге – небольшой брусовий домик, из трубы которого валит дым. Внутри строения стоят деревянные столы, лавки. У печи за перегородкой готовят обед две женщины, одна из них Галина.

-Начальство обещало подъехать, бригадир утром сказал, - сообщает напарница Галины – Ира (на вид ей лет 25-27). Она помешивает варево в большой алюминиевой кастрюле. – Говядина-то как хорошо уварилась! Счас капустки с картошкой добавлю...

-Начальство начальством, а счас вот-вот наши голодные лесорубы подъедут, - озабоченно говорит Галина, пробуя гуляш. – Вроде недосолила ты, Ира, гуляш. Попробуй-ка сама.

К котлопункту подъезжает ГАЗ-легковой, останавливается. Из кабины бодро спрыгивает на дорогу Андрей Яковлевич.

Ира глядит в окно, оборачивается к Галине:

-Подъехали.

-Кто там? - спрашивает Галина.

-Сам начальник УРСа.

-Велика шишка, - негромко, с тревогой произносит Галина.

…Андрей Яковлевич и его молчаливый водитель Игорь обедают. Ира уносит пустые тарелки из-под первого, подносит на второе гуляш с макаронами.

-Спасибо, хозяйка! - бодро благодарит начальник УРСа. – Позови свою заведующую. – И обращается к водителю: - Как поешь, посмотри машину, а то вроде что-то застучало внутри.

Игорь в ответ кивает головой и быстро доедает второе. Завидев, что Галина приближается к их столу, ещё быстрее выпивает стакан компота и поспешно выходит из-за стола.

-Садись, Галина Николаевна, - издалека начинает Андрей Яковлевич. – Устала, наверно? Весь день на ногах.

-Уставать некогда, - нехотя присаживается Галина на краешек лавки.

-Никто тут не обижает? - продолжает выспрашивать опытный мужчина.

-Кому тут обижать-то? Бригада в лесу, медведь не заходит.

-Ну мало ли… Забавно тут у вас, - начальник УРСа смотрит на стену, где висят плакаты со словами: «Веселей, ребята!» и «Женился сам – помоги другу».

-Спасибо, Андрей Яковлич, всё нормально. Зарплата приличная и самостоятельности хватает.

-Борис наведывается часто?

-Раз в неделю заглядывает.

-А ты ему: то мясца подбросишь, то ещё чего…

-Андрей Яковлич, я Вам тоже кое-что приготовила с собой, - находится, что отвратить Галина. - Пускай водитель за сумкой зайдёт, Валентине Ивановне передадите.

-Галина, ну зачем? - слегка разводит руками начальник УРСа. – У меня есть возможность на базе всё взять. Ни за этим же я сюда пожаловал…

-А за чем? – в упор смотрит на своего начальника Галина.

Андрей Яковлевич не выдерживает строгого взгляда:

-Совсем забыл тебе сказать, что в эту субботу мы с Борисом отправимся на охоту, зимовье здесь недалеко. Вас, женщин, тебя и мою Валентину, с собой возьмём. Поедем - покажу.

-А чё показывать, в субботу и встретимся, - отбивается от ухаживаний Галина.

-Так надо, чтобы ты оценила своим хозяйственным взглядом, где там печь, то да сё, чтобы готовить было удобнее, может, из посуды чего прихватить. Посмотришь на месте сама. Мы – туда и обратно. Минут двадцать займет – не больше. Водитель мой пока здесь побудет. Поедем, я не обманываю, не бойся.

-А чё мне бояться?! – хорохорится смущённая Галина.

-Лады! – поднимается из-за стола Андрей Яковлевич.

-Ира, я минут через пятнадцать вернусь, - кричит Галина напарнице за перегородкой.

«Газик» подъезжает к зимовью.

Андрей Яковлевич распахивает дверь охотничьего домика:

-Проходи, Галина. Будь как дома.

Галина с опаской проходит внутрь приземистого строения. Андрей Яковлевич - за ней. Галина осматривается. Подходит к кухонному самодельному столу, смотрит на нехитрую кухонную утварь, стоящую на деревянных полках. Сзади тихо подходит Андрей Яковлевич и обхватывает Галину за талию. Галина от неожиданности вскрикивает:

-Ой, ты чё это, Андрей Яковлич!?

-Крепкие у меня руки? - дышит ей в затылок мужчина.

-Отпусти! - пытается разнять руки гореухажёра Галина.

-Ты мне ёщё на берегу понравилась... Я ждал!

-Отпусти, говорю! - Галина пытается расцепить руки начальника.

-Никто не узнает. Будешь умницей - Борис не догадается.

-Ну, ты и жук, Андрей Яковлич! Всё Борису расскажу! - негодует Галина.

-Сначала давай попробуем, а потом решишь - рассказывать или нет, - начальник УРСа с силой разворачивает к себе лицом Галину и метит поцеловать в губы. Галина выворачивается изо всех сил:

-Наглец!..

-Дурочка! Дай хоть поцеловать!

-А сплясать те не надо?!

-Здесь? - не понимает Андрей Яковлевич.

-Да хоть где! - пользуясь секундным замешательством начальника, Галина вырывается и выбегает из зимовья. За ней спешит незадачливый ухажёр.

Галина быстро идёт по дороге-зимнику, за ней на малой скорости следует на машине Андрей Яковлевич, кричит, высунувшись из кабины:

-Садись! Не трону больше!

Галина ёщё какое-то время не оглядывается, но потом сдаётся и садится в кабину.

Едут. Андрей Яковлевич оправдывается:

-Галина... забыл твоё отчество... Я пощутить хотел. Борьке-кобелю хотел малость насолить. Он ведь, когда мы в институтской общаге жили, первым переспал с моей Валькой. Просто так, для счёта. У

него даже список девчонок был, с кем он спал. Он просто так с моей Валькой, а я перед этим полгода за ней ухаживал, берёг до свадьбы. Галина молчит, напряжённо смотрит на дорогу.

-А тут ты! - продолжает свою исповедь Андрей Яковлевич. - Думаю, вот и мой час настал, насолю я тебе, Борька, хоть теперь.

Галина подавлена. Молчит. На лице - брезгливость.

-Ладно, Андрей Яковлич, забыто, - пытаясь улыбнуться, выдавливает Галина.

- Всякое бывает...

-Умница! - начальник УРСа стал веселее крутить «баранку».

Глава 37 Без Галины. Холостяк

Сентябрь 1979 года.

Родная сестра Михаила, Надя, входит в его дом в городе. За ней следует муж Тихон.

-Здорово, братка! - начинает с порога Надя. - Решили от проводать, как ты тут живёшь. Автобус-то у нас тока вечером...

-Проходите! Молодцы, что заехали, - рад гостям Михаил.

-Картошку сёдня так быстро распродали, - Надя снимает осеннее пальто, - мне даже понравилось на рынке торговать. У тя-то картошка нынче уродилась, Миня?

-Да полное подполье засыпал!

Через некоторое время родственники за столом. На столе выпивка и нехитрая закуска - отваренная картошка, глазунья прямо на сковороде, докторская колбаса, солёные огурцы с помидорами.

-Как живёшь, братец?

-Как видишь: живу - хлеб жую.

-И чё от вам было не жить с Галькой?..

-Не сошлись характерами.

-От и мама грит, что ты ей - абарая, а она те - белые туфельки.

-Придумаете тоже! Как здоровье матери-то?

-Съездил бы сам, проведал. Или совсем к нам дорогу забыл?

-Приеду, куда я денусь, - обещает Михаил. - Не сильно болеет?

-Крепится изо всех сил, нас всех жалко, обо всех переживат, чтоб все жили хорошо.

Ты от один остался, от Нинки редко када письма приходят. Пишет, что всё у иё нормально с Серёжкой, старший сын после армии недавно вернулся, а мы почему-то думам, что тоже у их там не всё так гладко.

- В каждой избушке свои погремушки, - вставляет своё мнение не сильно разговорчивый муж Тихон.

- Всё собираемся с Тихоном к ним в гости поехать, их всё время к себе зовём, у них-то там нет такова хозяйства, как у нас, могли бы и приехать. А нам-то на кого оставить свой скотный двор? Мама не сможет управляться, силёнок уж таких нету. Так от друг дружку всё и обещам, а времечко-то летит, Миня... Как у их там? Как моя сестрица на чужой сторонушке?

- Да так же, как и у нас. День живут мирно, день ругаются, - снова высказывается Тихон.

Надя переключает внимание на Тихона:

- Мы он и то со своим, нет-нет, да и папаляемся. Да, Тиша? - обнимает она его за шею. - А чё будет к старости?

- А ничё, - устало подает тот голос, - уйду во времянку жить. Зря, чё ли, с Шаманово перевозил...

- От так, Миня, и разговаривам.

- Ну чё поделашь, - чуть разводит руками Михаил и подливает из бутылки водочку в стопки. - Давайте выпьем за здоровье нашей матери, да дальше поговорим.

Выпили, малость закусили, и Михаил продолжил расспросы:

- Ваши-то как ребятишки, поди, выросли уже?

- Алёнку взяли в школу домоводство вести. Она же у нас с детства шьёт хорошо. Счас учителя по модному журналу, «Бурда» такой есть, у неё заказы делают, шьёт им платья в основном. А Димка в десятый пошёл, грит, после армии подамся в город на машиниста тепловоза учиться. Он чё-то залюбил эту железну дорогу, как на каникулы съездил со своим одноклассником в Тынду.

- Ну, а чё, там плотют не так, как в деревне, - одобряет Михаил.

- Уедет сынок, опять мне с сеном одному пластаться, - переживает Тихон. - И чё нам одним себе эту корову держать?.. Продать иё и все разговоры!

- Я те продам! Ишь о чём мечтат! Всё давай распродадим! Все из деревни поуежжам! Пусь поля зарастают! Молодежь, по-

нятно дело, не сильно-то по-нашему, по старинке, хочет жить, так и тянет в город... А если все захотят в городе жить, кто ж тада коров доить будет, хлеб ростить? Булки сами-то на деревьях не растут...

- Счас другое время, сестра.

- Другое не другое, а ись мясо, да пить коровье молочко чё-то все хотят!

- Тя бы в политбюро или заместо Брежнева! - смеётся Тихон. - От бы ты с трибуны выступала...

- Смейся-смейся... Я от всю жись на ферме и ничё. Жива-здрава! Счас мы рукам давно уже не доим, прицепил к вымю доильный аппарат и всё, от те и парное молочко.

- Ой, счас, Миня, все мозги нам запудрит со своим коровам, сестру твою не переслушать... Давай лутче про Гриню... В апреле он у тя был со своей?

- Со Светкой-то? Заезжали, када в Свирск к её отцу на юбилей ездили.

- Привёз на свою голову эту Светку! - Наде явно не нравится жена родного брата. - Иво на курсы механиков отправили в Свирск, а он заодно эту поперечну Светку захватил. Нет, чтоб на Лидке жениться! Бегал-бегал за ней, думали, от девка стоявша, наша, деревенская, а он...

- Ладно вам, поди, Светке все кости с матерью перемыли, - Михаил не хочет дальше говорить на эту тему.

- Ага, «перемыли»... Слова боимся ей против сказать, а ты гришь... Двоих девчонок настрогали, а они от мамы не выводятся, Светка-то нешибко варить любит. А Гринька как приходит к маме, так за уши иво от тарелки не отташишь... Господи, прости меня!

- А как там Юркина Манча с ребятишкам? - Михаил хочет сменить тему.

- Живёт потихоньку, - информирует сестра. - Дети выросли. Дочь в совхозе работает, вроде замуж собирается, а покамесь с матерью живёт. Сын в армии на сверхсрочную остался, понравилось там, написал матери, что всяких льгот много, мол, на полном обеспечении.

- Ну и правильно, что остался. А тёшша моя как?

- Тётя Маша чё-то всё болет. Счас Шура иё опять в больницу положила.

- От оно чё! А я недавно Гоху на улице встретил, так чё-то он ничё не сказал.

- У вас тут в больнице и лежит, сердце прихватило.

-А по виду и не скажешь – бойка така всегда была, за словом в карман не полезет. Так, бывало, своёва зята отбреет, что тока держись, - Михаил улыбается, вспомнив прошлое.

-Годы, Миня, берут своё, счас она тихая стала.

-А Адам Егорыч жив?

-Рак у иво признали – последня стадия, со дня на день должен на тот свет отправиться.

-От это новость! Жалко старика...

-Всем жалко, он же безвредный такой, сроду никаво не обидел.

-То-то и оно, - соглашается и Тихон.

-А про Семёна чё не спросишь, братка?

-А чё спрашивать... Сёмка от ко мне заезжал, када на права пересдавал. Правда, пробыл всего с часок-половину, не успели с ним про всех поговорить... Дали ему нову машину-то, как он хотел?

-Дали. Григорий Максимыч похлопотал по старой памяти. Он хоть и не завгарит уже, сидит на пенсии, но так помогают, если чё. Безвредный тоже, ты же иво хорошо знашь. Заполошный малость, а так ничё мужик.

-Старушку-то нашёл каку-нить? – нарочно спрашивает Михаил, заранее зная ответ.

-Ой, Миня, не смеши! – Надя лукаво улыбается, поняв подвох брата.

-И правильно делат, что ни с кем из баб не связываться! – высказался Тихон. – Сам себе хозяин!

-Хоть бы промолчал! – Надя беззлобно даёт лёгкий подзатыльник мужу. А потом, вздохнув, переходит на не дающую покоя тему: - А мы всё Шаманово вспоминам, жалем, что тако сильно село под воду ушло. Тоскуем по родным местам! – с тоской признаётся женщина.

-Надюха даже стих сочинила, - подсказывает Тихон.

-Сама, чё ли? – уточняет у него Михаил.

-Сама, кто же, - подтверждает Тихон.

-И чё ты там насочиняла? – обращается брат к сестре.

-А от если интересно, то отправлю те в письме, называется «Милое Шаманово».

-А так чё, наизусть не помнишь?

-Ой! Не смогу, Миня, начну плакать...

-Ну хоть начни, - просит Михаил.

-Ладно. Тока вы молчите.

Мужики приготовились слушать. Надя начинает:

*Aх, ты милое село Шаманово,
Не видать твоих ягодных мест.
Скрылось ты под водою синею...*

-...чёрною, – чуть слышно поправляет Тихон. Михаил слегка трогает его за локоть, мол, не мешай.

-Всё, перебил! Теперь не дорасскажу, слёзы задавят.

-В прошлый раз она кое-как соседке прочитала, а та тоже с Шаманово, Аксинья Егоровна, ты её должен помнить, она тоже с низовских, так обой вдрызг уревелись, - сообщает муж Тихон.

-А те, братка, не снится наше Шаманово? – пальцами вытирает навернувшиеся слёзы Надя.

-Поначалу снилось, а теперь чё-то перестало, - признаётся Михаил.

-От оно чё... Каким-то ты... не таким стал, братец. Много ты счастья-то нажил в своём городе? «Баранку» мог и в совхозе крутить.

-Не скажи, тут заработка хорошие, - не соглашается Михаил.

-А много они те пригодились? Жили бы все в кучке, рядышком.

-Так-то оно так...

-Своя земля – не мачеха, - Надя опять еле сдерживает слёзы.

-Да где она своя-то? Мы как чужие на ней, - вырывается у Михаила.

-То-то и оно, Миня, - поддерживает Тихон. - Он вонишка кака на улице стоит. Мы к те в дом быстре торопились, чтоб не нюхать... К нам в Ключи и то эти выбросы стало иногда доносить. То ли у нас в Шаманово было – воздух хоть ложкой ешь.

-Да чё теперь... - вздыхает Михаил. – После драки кулаками не машут. Кто же знал, какая будет отдача. А про Шаманово так скажу – кто нас када спрашивал? Никто! Никто и дальше спрашивать не станет.

-От, Михаил, золотые слова! – снова поддерживает родственника Тихон.

-Мама гыт, чё с этих малохольных, кто стройку гидростанции затеял, и спросить-то не спросишь, - говорит Надя.

-То-то и оно, - соглашается Михаил.

-А от наши старики толкуют, - продолжает Надя, - что всё вернётся, мол, вода уйдёт, и затопленны места оголятся.

-От чё придумают! – усмехается Михаил.

-Сказки, - соглашается с ним Тихон. – Ты лутче про дом скажи.

-Ой, братец, не хотела те сообщать, да всё равно узнашь от кого-нить...

-Чё такое? – настораживается Михаил.

-Дом-то ваш в Ключах сгорел.

-Как?!

-Зря вы тада дом продали этим Астаховым, не нормальны они – что Наташка придурашна, что её Афонька.

-Да чё случилось-то? Не тяни, – торопит сестру Мизаил.

-К ним родственник из Бодайбо заявил-ся, с приисков каких-то, с вечера, как водится, гульнули. Утром хозяева рванули сено вывозить с острова, а этот прохиндей в избе остался - отсыпаться с похмелья. Курил, видно, лёжа на диване, и уснул так с папирской...

-Живой хоть или сгорел?

-Иво-то вытащили мужики, а от... Короче, када наши пожарники приехали, а ты сам знашь, какой с их толк, там уже крыша стала обваливаться.

-А соседи где были?

-А чем тушить-то, Миня? – подхватывает рассказ жены Тихон. – Вода, сам знашь, привозная. Твой дед Иван первым прибежал, стал из своих бочек вёдра таскать, кое-кто из ближних домов тоже вёдра таскали... Да пламя как-то быстро разгорелось, не успели глазом моргнуть...

Михаил обхватывает голову руками:

-Таку домину сжечь!

На миг он вспоминает (картинка), как он, дядя Петя и шурин Юрий Князев дружно строили дом летом 1960 года. Сруб в лесах, Юрий принимает шифер от дяди Пети, и вместе с Михаилом они аккуратно кладут на деревянные балки крыши.

-Счас покамесь в летней кухне живут, - видя расстроенного брата, аккуратно заканчивает рассказ Надя. - Вроде потихоньку сруб восстанавливают, брёвна совхоз завёз. Как погорельцам им деньги всем селом собрали, на перво время хватит, а там...

Но Михаил уже не слушает – он отрешённо уставился в окно.

Неделю спустя. Михаил выходит за ворота своего дома с пустыми цинковыми вёдрами, шагает к небольшой водокачке-будке, расположенной на его улице. Под-

ходит ближе. Видит соседку, набирающую воду в эмалированные вёдра. Та пока его не замечает.

-Здорово, Люся, - приветствует Михаил женщину примерно одного возраста с ним. Соседка оглядывается, доброжелательно отзыается:

-Здорово, Михаил! – И не закручивает кран: - Подставляй ведро!

Михаил быстро ставит одно ведро под струю воды. Соседка отходит с полными вёдрами, останавливается на обочине дороги, ставит вёдра.

Ждёт, пока Михаил наберёт воды и закрутит кран.

-Пойдём заодно, - предлагает соседка Люся.

-Пойдём, - соглашается Михаил.

-Знаешь, Михаил, что предложить хочу... В общем, если коротко, то надо тебя познакомить с какой-нить женщиной.

-Не надо! – решительно отрубает Михаил.

-Надо-надо! – настаивает соседка. - У нас в отделе работает порядочная женщина, мужа недавно похоронила, скоро её собираются ставить главным бухгалтером в управлении. Башковитая, хозяйственная... - начинает перечислять достоинства своей знакомой соседка. – Бездетная, будете для себя жить.

-На лицо нешибко страшная? – шутливо уточняет Михаил.

-Не-е-ет, - серьёзно отвечает соседка Люся, – наоборот, приятная. Полненькая такая, как пышечка сдобная. Всё при ней, как говорится.

-Понятно...

-Одним словом, собираясь, вместе в кино в эту субботу пойдём – я со своим, ты и Евдокия Романовна.

-Дуся, чё ли?

-А чё? Имя солидное, особенно отчество.

-Не-е-е, я не смогу, меня в рейс ни сёдня-завтра отправят на дальнюю деляну, - на ходу придумывает Михаил.

-Ничё не знаю! В субботу! – сворачивая с дороги на тротуар к своему дому, командует соседка.

В это время из калитки её дома выходит муж - худосочный, высокий, с чуть пожелтевшим лицом.

-Чё, Михаил, уговариват жениться? - с пониманием интересуется он.

-Ага, - поддерживает разговор Михаил,

- перекурим, сосед, - ставит ведра и достаёт из кармана ватной телогрейки папиросы.

-Тебя это не касается, Толик, - проходя мимо, бросает мужу Люся. И ужетише добавляет: - Не вздумай отговаривать...

-От так, Михаил, и живём уже двадцать три годочки - как кошка с собакой, - говорит Толик, прикуривая папиросу.

-Не говори. Я от своей кабалы избавился. Живу себе один спокойно. Иногда, правда, скучновато... Пособачиться не с кем...

-От то-то и оно. Ведь не старики, иногда и бабу потрогать охота. Так что соглашайся. Всё равно моя Люська не отстанет - настырная. Гуранка, чё ты хошь! В Забайкалье все такие - вредные. И зачем я её с армии привёз?.. Сходим с нами за компанию! Я сам забыл, када кино смотрел.

-Там видно будет, - Михаил всё еще сомневается в затее соседки Люси.

На высоком крыльце клуба с деревянными колоннами стоят трое: Михаил и соседи - Люся с Толиком. За их спинами видна афиша с названием кинофильма - «Дауряя». Все нарядно одеты. Люся нетерпеливо высматривает в подходящих зрителях свою знакомую - Евдокию Романовну.

-Должна подойти, мы точно договаривались, - оправдывается она.

Звенит звонок, приглашающий зрителей на просмотр кинофильма.

-Второй звонок, - предупреждает Толик.

-Счас подойдёт, она тут рядом живёт, - заметно нервничая, оглядывается Люся. И вдруг видит знакомую фигуру Евдокии Романовны, радостно машет ей рукой: - Евдокия Романовна!

Михаил с Толиком тоже устремляют взгляды на роскошную телом крашеную блондинку с высокой прической, яркой помадой на пухлых губах, в кримпленовом зелёном пальто, туфлях на модной «платформе».

-Попался... абарая, - еле слышно произносит Михаил, бросая недружелюбный взгляд на соседа Толика.

-Я сам впервые вижу эту крокодилицу, - пожимает плечами Толик. И ещётише: - На мою Люську чем-то похожа.

Евдокия Романовна с широкой улыбкой спешит к честной компании:

-Здравствуйте! Заждались? - немного

волнуется Евдокия Романовна, а сама смотрит то на Толика, то на Михаила.

-Вот Михаил, наш сосед, - показывает соседка Люся на Михаила. - А это мой... кроко... Мой Толик. Словом, муж.

-Понятно, - произносит Евдокия Романовна и переводит взгляд с Толика на Михаила. Тот стеснительно приглаживает волосы под кепкой серого цвета.

-Приятно познакомиться - Евдокия Романовна, - протягивает она ладонь для рукопожатия сначала Толику, потом Михаилу. Тот замечает, что на всех с красным маникюром коротковатых пальцах руки его новой знакомой надеты по перстню или колечку.

Раздаётся третий звонок.

-Третий звонок, пойдём скорей, - спохватывается Люся.

Компания торопится в кинозал. Впереди - Люся и Евдокия Романовна, они оживлённо переговариваются. Следом плетутся мужики и слышат, о чём говорят их женщины.

-А я думаю, где это наша Евдокия Романовна? - чуть заискивающе говорит Люся.

-Сама же просила познакомить с кем-нибудь...

При этих словах Михаил усмехается, снова бросает недобрый взгляд на соседа Толика.

-Да не знал я, - оправдывается тот в очередной раз.

Кадры советского фильма «Дауряя». Сцена свадьбы Дашутки Козулиной с сыном атамана забайкальской казачьей станицы. Дашутка целует взасос незадачливого, нелюбимого жениха. В этот момент видим лица Люси, Толика, Евдокии Романовны. Михаил опускает глаза, вспоминает...

Картина из прошлого. На своей свадьбе в конце 50-х годов Михаил и его Галина под крики родственников «горько!» неумело целуются. Мать Михаила смотрит на всё это невесело, с упрёком.

После окончания фильма по вечерней улице бредут: впереди Толик с Люсей, позади, отстав на несколько шагов, - Евдокия Романовна под руку с курящим Михаилом. Евдокия Романовна нет-нет, да посмотрит на него украдкой.

-Жизненная картина! - говорит, огля-

дываясь на новоявленную парочку, Люся.
– У нас в Забайкалье так раньше казаки и жили.

Евдокия Романовна интересуется у Михаила:

-Понравился фильм?

-Много похожего с ранешной жизнью в нашей деревне.

-Так ты деревенский?

-А Люся разве не сказала?

-Да что-то говорила, - лукавит Евдокия Романовна.

-Я в кино последний раз два года назад был, товарищ по работе позвал. Даже название не помню. И вот сёдня... У нас, в Сибири, точь-в-точь так же говорят – сухая ложка рот дерёт.

-Ой, - вдруг спохватывается Евдокия Романовна, - зайдёмте ко мне, у меня такой отличный коньак в серванте стоит. Ждёт хороших людей. Обмоем наше знакомство! А, Михаил? – ласково обращается она к Михаилу.

Тот молчит, глубже затягивается папиросой. Неловкость скрашивает Люся:

-А чё нам – и зайдём!

В квартире Евдокии Романовны. Толик с Михаилом смирно сидят на диване, осматриваясь по сторонам уютной однокомнатной квартиры, увешанной персидскими коврами. Женщины мечут еду на круглый стол, посередине которого уже красуется бутылка армянского коньяка с фирменной этикеткой.

Хозяйка ставит на стол очередную тарелку с закуской. Толик толкает Михаила локтём и чуть слышно произносит:

-Будешь здесь как сыр в масле кататься.

Михаил криво усмехается, глядя на пышную фигуру удаляющейся на кухню Евдокии Романовны. Толик, заметив эту реакцию, успокаивает:

-Не дрейфь. Зато баба услужливая, перечить не станет.

-Все они, Толик, поначалу хорошие, а потом - откуда чё берётся!..

-Это точно!

-Все за стол! – приглашает Евдокия Романовна гостей. На правах хозяйки она усаживается в передний угол, поправляет прическу и призывает гостей: - Угощайтесь, гости дорогие. На коньяк не смотрите, наливайте чаще, у меня в запасе ещё

есть. Разливай, Михаил! – как давнему знакомому говорит Евдокия Романовна.

Михаил начинает разливать в рюмки коньяк, Толик с удовольствием потирает руки.

Наутро. В постели двое: Михаил и Евдокия Романовна. Они укрыты одеялом по грудь. Михаил курит. Евдокия Романовна поправляет сбившуюся на бок прическу.

-А ты ничего, мужиком от тебя пахнет, - говорит довольная Евдокия Романовна и кладёт голову на плечо Михаилу. Тот вынужден подложить ей под голову руку. – Позавтракаем и в гараж сходим, соленья принесём, картошки. Заодно и машину тебе покажу – «Москвич-412». Будешь меня возить?

Михаил продолжает молча курить.

-А чё ей даром-то стоять, да ржаветь, - продолжает соблазнять Евдокия Романовна. – Будет в надёжных, мужских руках.

Темно, открываются железные ворота бетонного гаража с внешней стороны, и мы видим Евдокию Романовну и Михаила, в руках которого увесистый замок.

-А гараж-то ты быстро открыл, видно, навык имеешь, - ревниво замечает Евдокия Романовна.

-Ага, с детства по гаражам хожу, - в тон ей отвечает Михаил.

-Да ладно, я ж просто так. Вот смотри, - показывает на машину синего цвета Евдокия Романовна, - теперь твоя будет, пользуйся.

Михаил открывает дверцу автомобиля, заглядывает в салон, потом со знанием дела открывает капот:

-Сюда никто не лазил?

-Нет, как муж умер, я в гараж за картошкой одна ходила, - заверяет Евдокия Романовна.

-Ладно, попробую завести, - трогает какие-то «внутренности» машины Михаил. – Тока было бы хоть немного бензина в баке, счас проверю...

-Заведётся, куда она денется. Новенькая, считай, муж на ней всего три месяца – то и поездил, царствие ему небесное, - дежурно вздыхает Евдокия Романовна.

Вторичное упоминание о муже стало не по душе Михаилу, на его лице появляется явная досада:

-Давай, Дуся, больше про мужа не вспоминать. Мне ведь чужого не надо, могу и

без машины обойтись. Пусть стоит как памятник о твоём мужике.

-Всё, ни слова больше! – охотно соглашается вдова. Оглядывается по сторонам: – А бензин вон в канистрах у стенки стоит, заправляй, коли надо.

«Москвич-412» подъезжает к дому Михаила. Из машины выходят Михаил и Евдокия Романовна.

-Пойдём, Евдокия Романовна, посмотришь хоть, как я живу, – приглашает в дом Михаил.

…Следом за Михаилом Евдокия Романовна осторожно входит во двор, оглядывается по сторонам, поднимается на крыльце. Пока Михаил открывает дверной замок, трогает деревянные перила, на которых уже облезла краска.

Михаил входит в дом, за ним – Евдокия Романовна.

-От моих берлога. Не обращай внимания на бардак, сильно убираться некогда – всё время в рейсах, – говорит Михаил, убирай с дивана брошенные брюки с рубашкой.

-Да ладно, что ж я не понимаю, – милосердно вздыхает Евдокия Романовна.

-Раздевайся, осмотришься, а я пока за дровами схожу, печку растопим – со вчерашнего дня не протапливал. А на улице как-никак – осень.

Михаил уходит. Евдокия Романовна, не снимая кримпленовое пальто, осторожно садится на диван, осматривается:

-Холостяцкая жизнь!

Через некоторое время Евдокия Романовна и Михаил сидят на кухне в доме Михаила, пьют чай.

-Знаешь, Михаил, лучше мы у меня будем жить – печку топить не надо, воду носить тоже, квартира хоть и однокомнатная, но со всеми удобствами. Главное – туалет не на улице! – улыбается Евдокия Романовна.

-А я думал, те здесь понравится – все-таки свой дом, огород, баня, на земле жить интереснее, а то заберёмся к те на пятый этаж и будем оттуда выглядывать, как из скворечника, – возражает Михаил. - Да и машину можно в ограду поставить, гараж не понадобится. А соленье-варенье в подвалчике можно хранить. Всё под рукой! Не надо никуда далёко ходить, время тратить.

-Ладно, подумаем, а пока пускай Люся с Анатолием присмотрят за домом, как-никак соседи, а ты у меня зиму поживёшь, может, ещё и понравится. А нет – к лету сюда переберёмся, будем жить как на даче.

Михаил обиженно пожимает плечами:

-А я думал, мы живность каку заведём, хотя бы курочек...

-Курочек, поросят... – передразнивает его Евдокия Романовна, - Да я всю жизнь в городе прожила! Родилась в семье кадрового военного в Могилёве, там выросла. Школу, финансовый институт в Минске оканчивала. В Сибирь за мужем-строителем сорвалась. - Увидев, что Михаилу снова не понравилось упоминание о муже, быстро добавляет: - Всё, ни слова больше о прошлом.

-Подлей-ка мне кипяточку, я холодный чай не люблю, – просит Михаил, подвигая поближе к Евдокии Романовне свою большую кружку.

-А где чайник? – оглядывается Евдокия Романовна.

-На плите стоит, где ж ему быть. Тока осторожней, он горячий. На, полотенце возьми, – протягивает он женщине вафельное кухонное полотенце.

Евдокия Романовна берёт полотенце. Подходит к печке:

-Жар-то какой! – она отворачивает лицо в сторону, словно оберегая его. Неуклюже захватывает ручку чайника рукой, в которой держит полотенце, чайник выскальзывает и падает на пол. - Ой, кипяток! – вскрикивает Евдокия Романовна и отскакивает в сторону.

Михаил не двигается с места:

-А ты как думала? В своём доме надо уметь жить. Не ошпарилась?

-Нет, вроде. Где у тебя половая тряпка? Подотру.

-Оставь, я потом сам.

-Прям такой жар, такой жар, – оправдывает свою неловкость Евдокия Романовна, присаживаясь к столу.

-Да не расстраивайся ты так, Дуся, - Михаил бросает на пролившуюся воду половую тряпку.

-Собирайся, поехали ко мне, – уговаривает Евдокия Романовна.

-А куда мне торопиться? Я у себя дома, - Михаил снова садится за стол и, глядя в упор на Евдокию Романовну, степенно от-

пивает остывший чай из своей большой кружки.

Та всё понимает. Подпирает подбородок пухлой ручкой и тоскливо смотрит в окно, выходящее на огород.

Глава 38

Уговоры не действуют.

Прощание

В это же самое время события на БАМе. Галина заходит в тот самый магазин, где начинала работать в отделе «Ткани», а потом на кассе. Покупателей почти нет. Её узнают продавцы Любания и Татьяна.

-О! Кто к нам пожаловал! - первой восклицает Любания.

-Девки, Галка пришла! - кричит другим продавцам Татьяна.

-Здорово живёте, подруги! - громко приветствует всех Галина и подходит вплотную к прилавку.

-Твоими молитвами, Галя! - улыбаясь, отвечает за всех подошедшая к прилавку Любани Татьяна.

-Пришла попрощаться! Счас подойду к вам, девчата, - Галина направляется в отдел тканей. Подходит к прилавку, за которым отмеряет ткань покупательнице жена Бориса-младшего - Вера, у неё уже замечен животик.

-Здравствуй, Вера!

-Ой, здрасте, Галина Николаевна! - радостно поднимает глаза Вера, завёртывая в упаковочную бумагу отмеренную ткань. И быстро говорит покупательнице: - Три девяносто четыре в кассу.

-Пополнение ждём? - показывает глазами на животик Веры Галина. - Давно тебя не видела, как поживаешь?

-Через полтора месяца пойду в декрет.

-Молодцы! Борису привет передавай. А мы всё, уезжаем с БАМа, у Бориса Фёдрыча дом на юге. Спишемся - приезжайте в гости. Вы так же на Бамовской улице в бараке?

-Пока там, но через год обещают в новом квартале квартиру дать, очередь двигается быстро.

-Глядишь, так тут и задержитесь, - улыбается Галина.

-А мы никуда и не собираемся, нам нравится в Сибири. Где бы мы у себя на родине благоустроенную квартиру получили, машину заработали?

Возвращается с чеком покупательница, протягивает его Вере. Та проверяет сумму и отдаёт отмеренную ткань, завёрнутую в толстую коричневатую бумагу.

-Давай-ка, Вера, ты мне тоже несколько отрезов намеришь. Таких добротных тканей, как здесь, больше нигде не встретишь, только на ударной комсомольской стройке, - жадно осматривая рулоны тканей, говорит Галина. - По три метра отматывай, пригодится. Вон ту костюмную ткань, - показывает она на верхний стеллаж, - и вот эти два вида на платья. Отмеряй, а я пока с девчонками поговорю.

Недели через две. По улице идут под руку Михаил с Евдокией Романовной. Михаил несёт полную хозяйственную сумку, из которой торчит пшеничный батон к чаю. Навстречу идут с полными вёдрами две пожилые женщины (60-65 лет).

-Здорово, соседушки! - приветствует Михаил.

-Здорово, Михаил! - отвечает за двоих первая соседка.

-Как жись молодая? - справляется вторая соседка.

-Как у молодых, - в тон вопроса отвечает Михаил.

-Здрасте, - сдержанно кивает женщина Евдокия Романовна.

Михаил и Евдокия Романовна идут дальше, а соседки сворачивают к одному из своих домов, ставят вёдра и присаживаются на лавочку. И, глядя вслед Михаилу и Евдокии Романовне, ведут неспешный разговор.

-Дружат! - говорит первая соседка.

-Ага, наша Люська их познакомила, проныра такая, - продолжает тему вторая соседка.

-Везде успеет. Вчера видела, как она новый персидский ковер волокла - прям от так, - первая соседка показывает двумя сомкнутыми руками себе на плечо.

-Как брёвно, чё ли? - уточняет вторая соседка.

-Ну да, видно, по блату на базе достала, - озвучивает свою версию первая соседка.

-Господи, царица небесная, - вздыхает вторая соседка, - куда их вешать-то? На потолок тока и осталось.

-От именно! Я только видела, как она два ковра ташила, а так сколь, которы мы не видали, - рассуждает первая соседка.

-Да-а-а, с этим бамовским снабженьем народ совсем с ума посходил – зажрался! – вздыхает вторая соседка.

-А чё, милая, как говорится, красиво жить не запретишь, - подводит черту первая соседка.

Едва она успевает договорить, как мимо проезжает новенький «жигулёнок» первой модели красного цвета. Соседки с любопытством провожают его взглядом.

-Новенький, - говорит первая соседка.

-Ага, нестаренький. Видать, кому-то по целевому чеку дали. Мой зять тоже через год получит, - сообщает вторая соседка.

-Он так в Северомурске и работат? – уточняет первая соседка.

-Тама. Тижало пробивать этот тунель: грит, шибко скалиста порода попалася... Зато плотют справно, грех обижаться, - рассказывает вторая соседка.

Между тем в доме Михаила Евдокия Романовна завязывает ему поверх голубой сорочки галстук. Тот не хочет его носить:

-Да я галстуки сроду не носил! И носить не собираюсь... эту удавку на шее. Снимай! Так пойду.

-Там солидные люди будут, - уговаривает Евдокия Романовна.

Новенький красный «жигулёнок», на который обратили внимание первая и вторая соседки Михаила, останавливается возле его дома. В салоне трое: на заднем сиденье сёстры – Александра и Галина, за рулём - Георгий Скобов.

-Сестра, если что – зови, - напутствует Александра.

-Так, может, нам всем вместе пойти, - деловито предлагает Георгий.

-Сама справлюсь, я в свой дом иду! – Галина решительно открывает дверцу машины.

Подходит к запертой калитке. Стучит кольцом, ждёт, пока кто-то выйдет, потом протяжно зовёт:

-Михаи-и-л!

-Постой, кто-то стучится, – Михаил убирает руку Евдокии Романовны с галстуком. - Ты ворота случайно не закрыла? - он направляется к выходу.

-Кого ты там услыхал? – Евдокия Романовна спешит к окну.

В окне появляется лицо Евдокии Романовны. Галина успевает его заметить.

Недоумённо пожимает плечами, оглядываясь на родственников, наблюдающих из машины. Ещё ждёт. Наконец ворота открываются. Перед Галиной – Михаил, пытающийся снять с шеи галстук. Глаза в глаза.

-Это чё за кикимора из окна высунулась? – вместо приветствия напористо начинает Галина.

-Знакомая, - уклончиво отвечает Михаил.

-«Знакомая»... А ты не забыл, что половина дома принадлежит мне?

-Дочери, - уточняет Михаил.

-Какая разница! Я в её пользу отписала. Значит, она наша с ней общая.

-Успокойся. Говори, зачем приехала? – Михаил волнуется.

-Не за воротами же говорить. Пройдём в дом! – Галина хочет пройти во двор, но Михаил преграждает ей путь:

-Мы в гости собираемся, давай здесь...

-Боишься мне кикимору свою показать?

– Галина грубо отодвигает Михаила.

Тому ничего не остаётся, как плесться сзади и наблюдать, как Галина быстро поднимается по ступенькам высокого крыльца, открывает входную дверь.

И вот она уже в доме. За ней входит Михаил. Галина недобро смотрит на притихшую у окна Евдокию Романовну, поправляющую свою блондинистую причёску.

-Тяжело, небось, такую тушу поворачивать, а, Миня? - глядя на Евдокию Романовну, с издёвкой произносит Галина.

-Брось! Евдокия Романовна - хорошая женщина, вдова. Мы просто встречаемся иногда. Дружим!

-«Иногда», – передразнивает Галина. - Ещё бы! Каждый день такую обезьяну перед глазами видеть - не каждый выдержит!

Обескураженная Евдокия Романовна с волнением снова поправляет причёску.

-Галина! – строго предупреждает Михаил.

-Зря Вы меня оскорбляете, я, между прочим, главный бухгалтер управления транспортного строительства, - с достоинством произносит Евдокия Романовна.

-А мне начхать, кто ты и откуда! – Галина ревнует, поэтому грубит. - В данный момент ты находишься на половине дома, принадлежащей мне и моей дочери. Так

что попрошу освободить! – она рукой показывает на дверь.

-Михаил! - Евдокия Романовна ищет заступничества у Михаила.

-Так! – Михаил настроен решительно.

- Поревновала и хватит! Езжай, куда направлялась. У тя своя жись, у меня – своя.

-Быстро же ты всё забыл, - обиженно произносит Галина.

-Не быстро. Три года прошло.

И снова - глаза в глаза.

-Долго вы ёщё разбирались при мне будете? – не выдерживает Евдокия Романовна.

Михаил и Галина недоумённо оглядываются на неё.

-А ты бы помолчала, главбухша, когда муж с женой разговаривают, - снисходительно замечает Галина.

-Бывшие муж с женой, - уже не так решительно уточняет Михаил.

-Бывших не бывает, - наглеет Галина.

-Ну не знаю, Михаил! – поникшая Евдокия Романовна плетётся к вешалке, снимает своё дорогое демисезонное пальто.

-Евдокия Романовна, не обижайся. Дело житейское. Я к те вечером зайду, - успевает бросить вслед обиженней женщине Михаил.

-«Евдокия Романовна», - снова передразнивает Галина. - Вырядились, голубки! – Галина похозяйски садится на диван.

-Пока, Михаил Иннокентьевич, - Евдокия Романовна говорит чуть дрожащим голосом. Застегнув последнюю пуговицу, поворачивается и, не найдя поддержки у мужчины, тихо уходит.

Михаил облегчённо вздыхает и подсаживается на диван к Галине. Смело смотрит на неё. Та не выдерживает взгляда, поднимается с дивана:

-Пойдём на крыльце, душно у тебя.

Галина и Михаил стоят на крыльце. Разговор трудный.

-Где твой старпёр? – закуривает Михаил.

-Где надо, - в тон отвечает Галина.

-Не бросила покамесь? – Михаил бросает в сторону обугленную спичку.

Галина молча поджимает губы.

-Встречу, рога пообломаю, - грозится Михаил.

-Поздно хватился, он вторые сутки, как в поезде на Краснодар.

-Жалко, опять улизнул, старый козёл.

Несколько секунд молчат, Галина поднимает голову вверх, смотрит на крышу.

-В общем, если хочешь снова сойтись, то уедем отсюда вместе, - предлагает Галина.

Михаил внимательно слушает, не перебивает.

-Видел за воротами «Жигули»? - с гордостью спрашивает Галина.

-Ну? - не понимает ёщё Михаил.

-На БАМе заработала чек, сегодня на ВАЗе в Братске получила.

-Молодец, чё скажешь...

-Давай этот дом продадим, я кое-что на БАМе подкопила, у тебя на сберкнижке, наверно, кое-какие деньги лежат, машина есть, купим домик где-нибудь на юге, можно в Кисловодске, где дядя Аркаша с тётей Клавой живут. У них там такой сад! Абрикосы, виноград – я ж тебе рассказывала тогда.

-Опять ты за своё! – вздыхает Михаил.

-Ну и будешь тут один пропадать, - Галина начинает сердиться, в глазах блестят слёзы, она отворачивается.

-Не пропаду, - успокаивает её Михаил, выбрасывая во двор докуренную папиросу. А потом берёт за плечи любимую женщину и разворачивает к себе лицом. Галина не сопротивляется.

-Один-то, конечно, не будешь, таких Дунек полно вокруг, да только я у тебя одна, - вызывающе смотрит на Михаила Галина.

-Не знаю, может, уже и не одна, - дразнит её Михаил.

-Дурак ты, Миня!

-От дуры слышу.

-Всё сидел бы на одном месте. Потом локти кусать будешь, я ж тебя знаю, - всё ёщё пытается уговорить Галина.

-Видно, плохо знаешь.

-Ой, ли?

Михаил молчит, отпускает Галину. Снова закуривает.

-Ладно, - медленно произносит Галина, - не хочешь – как хочешь. Было бы предложено. Хочешь тогда, купи у меня «жигуль». Сторгуемся, давно ж мечтаешь. Вот хоть счас поедем к нотариусу и перепишем на тебя «копейку».

-Я уже расхотел.

-Чё так, прошла охота? – с намёком спрашивает Галина, приблизившись ближе к Михаилу.

-У голодной куме одно на уме.
-Где-то я уже это слышала... – как-то обречённо произносит Галина.
-Ты сама, чё ли, за рулём? - переводит разговор Михаил.
-С чего бы! Георгий с Шурой в машине сидят, - Галина постепенно приходит в себя, говорит бодрее.
-А чё не заходят?
-Торопятся к кому-то в гости. Меня вот подвезли, а потом к какому-то начальнику на банкет идут.
-А ты где остановилась? У них?
-У них я одну ночь ночевала.
-Могла бы в своём доме, здесь, по старой памяти... Оставайся!
-Толку-то теперь! У меня поезд через полтора часа, на вокзале посижу, - сообщают Галина.
-От оно чё...
-Про дочь уже знаешь?
-Чё с ней?! - пугается Михаил.
-Да всё в порядке, их оркестр опять на гастролях, - спешит успокоить Галина. – Вроде замуж пока не собирается.
-А-а-а, я думал, чё стряслось, - облегчённо переводит дух Михаил.
-Пойдём на улицу, хоть поздороваешься, - предлагает Галина и направляется к калитке.
-У самой билет в кармане, а целый концерт тут закатила! – удивляется Михаил.
-Так я знала, что ты откажешься. Так, проверила на всякий случай, а машину Шуре с Георгием сегодня продала, они её дочке с зятем хотят подарить, правда, деньги пока не все отдали, так что могли бы всё переиграть с тобой, - говорит на ходу Галина, чуть оглядываясь на Михаила.
-Да-а-а, какая была...
-Ещё скажи, что я...
-Нет, не скажу! Оставайся! Чё было, то было – словом никада не попрекну! – всё ещё с надеждой просит Михаил
-Эх ты! Снова так ничё и не понял...
-Чё я не понял? – обижается Михаил.
Галина не отвечает, а повернувшись к Михаилу, только слегка покачивает головой.
Подходят к машине. Из неё выходит Георгий.
-Здорово, Иннокентьевич, - первый протягивает он ладонь для рукопожатия.
-Здорово, Гоха, - жмёт протянутую руку Михаил.

Александра, открыв окно задней двери, высовывается с улыбчивым выражением лица:
-Здравствуй, родственничек!
-Здорово, Шура. Хоть бы када в гости заехали, - упрекает Михаил.
-Работы полно, я всё время в командировках, - оправдывается Георгий.
-Мы тебя и не забывали, Михаил, - поддерживает мужа Александра, - да, думаем, зачем в чужую семью лезть.
-Не держи зла, Миня, в жизни всяко бывает, - Галина протягивает руку Михаилу. И тот не сразу её отпускает.
За этим прощанием наблюдают Скобовы.
-Бывай, Михаил, - Георгий жмёт руку родственнику и садится в машину на водительское место.
-Заходи в гости как-нибудь, - дежурно приглашает Александра и закрывает стекло дверцы машины.
-Передумаешь, сам знаешь о чём, дай знать через Шуру, - с надеждой в голосе говорит Галина, открывая заднюю дверцу машины.
-Не передумаю, лутче ты возвращайся, – твёрдо отвечает Михаил.
-Ну и чёрт с тобой! Живи, как хочешь!
-Галина садится в машину на заднее сиденье, держа пока дверь открытой.
-Я бегать за тобой не буду – отбегался! – произносит на прощание Михаил.
Галина не реагирует и захлопывает дверцу:
-Поехали!
-Счастливо доехать! – успевает крикнуть Михаил.
Когда машина отъезжает, сестра Александра осторожно спрашивает:
-Ни о чём не договорились?
-А не о чём было договариваться! Горбатого могила исправит, – с досадой отвечает Галина и оглядывается. Через заднее стекло видит стоящего на обочине асфальтированной дороги Михаила. Галина отворачивается, она еле сдерживается, чтобы не разреветься. Едва выдавливает из себя:
-Прощай, Миня!
-Ты что, сестра? Не расстраивайся, – пытается успокоить Галину Александра, взяв её под руку. – Любишь его, что ли?
Зал ожидания железнодорожного вокзала. На краю скамьи сидит Галина. Её

фигура чуть сгорблена, в глазах - тоска и боль.

В это же время. Михаил лежит на диване с открытыми глазами. Его голос за кадром: «Я бегать за тобой не буду – отбегался!» - Михаил обречённо вздыхает. Он неохотно поднимается, подходит к столу, где стоит пустая бутылка из-под водки с этикеткой «Пшеничная», тарелка с остатками колбасы и огурца. Кто-то стучит во входную дверь.

-Входите! - недовольно отзыается Михаил.

На пороге соседка Люся.

-Вечер добрый, соседушка! Извиняюсь, что так поздно...

-Ну? - Михаил не понимает цель визита.

-Евдокия Романовна позвонила тока что, просила меня узнать, как ты тут?

-Скажи ей, что больше я к ней не приду.

Люся хочет что-то возразить, но не успевает...

-Всё! - жестом в виде «креста» рук показывает Михаил и выливает в стакан оставшуюся водку. За его действиями неодобрительно следит Люся. Выпив, Михаил добавляет уже мягче: - Люся, ты путёвая баба, но с ней у нас всё закончилось – так и передай.

Галина едет в купе поезда. Свет выключен, попутчики спят. Она сидит у столика, задумчиво смотрит в окно, где проносятся огни родного города.

-Вот и всё! – полушёпотом, с горечью произносит Галина.

Глава 39

Друг без друга

Прошло пять лет.

Лето. Крымское побережье Чёрного моря. Добротный дом с мансардой.

Галина (здесь ей 46 лет) собирает в саду с дерева абрикосы. Пробует на вкус один плод, не морщится.

-Вкуснотища! – и с аппетитом съедает.

Из дома слышен протяжный голос Бориса Фёдоровича:

-Николаевна-а-а! Обедать будем?

-Счас дособираю абрикосы! – Галине не хочется отрываться от любимого дела.

...Сидят вдвоём на террасе за столом,

покрытым добротной льняной скатертью. Борис Фёдорович (61 год) с удовольствием уплетает окрошку.

-Лучше тебя никто окрошку не готовит, - протягивает пустую тарелку Галине. И добавляет с улыбкой: - Прошу добавки.

-Фёдрыч, я после обеда на почту схожу, надо деньги дочке отправить – ты меня не теряй, отдыхай на здоровье.

-Ты же, вроде, недавно отправляла, - старается как можно ровнее, чтобы скрыть неудовольствие, говорит Борис Фёдорович. – Не слишком ли балуешь свою пианистку? – последнее слово он произносит с иронией.

Галину коробят пренебрежительные слова Бориса Фёдоровича в адрес её дочери. На миг она задумывается. За кадром слышатся слова Михаила: «Галчонок, нельзя нам останавливаться посерёдки, надо пройти весь путь до конца. Вместе. Ни ты, ни я, если разбежимся, жить одни не будем – кто-нить да подвернётся. Но это будут нам обоим – чужие люди! Пойми ты это!»

Галина недружелюбно смотрит на самодовольного Бориса Фёдоровича, надевающего очки, чтобы почитать свежую газету, которую он берёт с тумбочки рядом.

-Чужой! - тихо вырывается у неё.

-Ты что – сама с собой разговариваешь? – не отрываясь от газеты, спрашивает Борис Фёдорович.

-Да это я так... Не бери в голову.

-А-а-а... Не обижайся, но дети у нас взрослые, пускай сами себя обеспечивают. Вырастили, выучили, на правильную дорогу вывели, а дальше - сами шагайте! Что, не прав я?

-Прав, как всегда.

-Ну вот...

-Хочу на работу устроиться, - вдруг вырывается у Галины.

-Чего-чего?..

-Что слышал.

-Не вздумай! – Борис Фёдорович из-под очков внимательно смотрит на Галину. – Северный стаж у тебя выработан, через несколько лет пойдёшь в собес пенсию оформлять. У нас приличный доход с сада-огорода... - начинает перечислять он в стиле бывшего руководителя. - В сезон, сама знаешь, сколь всего продаём отывающим сибирякам. Плюс моя приличная пенсия. Что нам ещё вдвоём надо?

-Так-то оно так... Только я хочу не только по дому работать, а с людьми разговаривать. И ты не можешь мне запретить.

-Галина! – перебивает Борис Фёдорович.

– Давай раз и навсегда договоримся: мне нужна жена, хозяйка в доме, а не...

-Ну-ну, договаривай...

-В общем, продавец – это не для тебя. Это пройденный этап в твоей жизни.

-А чем я на рынке занимаюсь, интересно?

-Это другое дело. Сама себе торгуешь, никому не подчиняешься.

-Тогда... в библиотеку устроюсь, - нарочно дразнит Галина.

-Кем? Полы мыть? - не понимает подвоя Борис Фёдорович.

-Какие полы? – теперь уже Галина не понимает. – Меня могут библиотекарем взять.

-Ты же книги не привыкла читать.

-А когда мне было их читать? Ни детства, ни молодости толком не было. Ладно, хоть десять классов кончила, да в техникуме немного поучилась. А так всё время одна работа. Хорошо, хоть в Братск с Минькой переехали... Это ты у нас – начальник! Привык груши околачивать!

-Галина! Остановись! На почту опоздаешь.

-Я сама знаю – куда опаздаю, а куда – нет, - быстро выходит из-за стола Галина.

-Ой-ой-ой, - не сердясь, покачивает головой Борис Фёдорович. И смотрит ей вслед, любяясь красивой, чуть располневшей фигурой жены.

Выйдя из дома, Галина бросает на ходу:

-Козёл старый!

В это же время. По своей улице шагает Михаил (на вид ему 48-50 лет) под ручку с солидной женщиной примерно такого же возраста. Оба одеты с иголочки. Женщина с лаковой сумочкой, а Михаил несёт добротную хозяйственную сумку, полную продуктов. Из сумки с одного края выглядывает целый батон варёной колбасы.

Навстречу паре попадаются уже знакомые зрителям две пожилые соседки, стоящие с полными вёдрами воды у той же водопроводной колонки.

-Добрая примета, - кивает на полные вёдра солидная женщина, не удостоив внимания соседок.

-Здорово, бабоньки! – привычно здоровается Михаил.

-Здорово, Михаил! С базара? – говорит за двоих первая соседка.

Михаил останавливается.

-Дорогое всё! – только и успевает произнести Михаил, потому как солидная женщина тянет его за рукав, мол, идём дальше.

Когда пара проходит, соседки обсуждают вполголоса.

-Эта вроде начальником почты работает, кто-то опять его познакомил, - продолжает первая соседка.

-Всё старше его попадаются, - отзыvается вторая соседка. – А может, так старо (*ударение на вторую гласную, - прим. автора*) выглядят, а по паспорту – ровня ему, а то и помоложе будут.

-И все с положением, - снова замечает первая соседка.

-А эта, главбухша, помнишь? Была у него такая... вся расфуфыренная. Отдавала машину после умершего мужа, мол, пользуйся, раз вместе живём, а Михаил наш отказался – мне, грит, чужого не надо, заработаю сам, - вспоминает вторая соседка.

-Зря он тада не поехал со своей Галькой, ведь как она его звала с собой в тёплые-то края! Как звала! – искренне сокрушается первая соседка.

-И не говори, от где коса на камень-то нашла! Каждый по своему разуменью жись представляют, - рассуждает вторая соседка.

-Ой, кума, это ж сколь он их после Галины-то сменил? – загибает пальцы руки первая соседка.

-Не щитай, собьёшься, - шутливо советует вторая соседка. – Помнишь, после главбухши была одна – это када Брежнев помер, потом - как Черненко, а эта, - кивает на начальника почты, - как Горбачёв со своей Раисой к власти пришёл. С теми бабёнками он, вроде, просто встречался, а эта сразу перешла к иму жить. Наглая!

-И чё к иму бабы так липнут? - удивляется первая соседка, желая продолжить обсуждение.

-Как не липнуть, када столь баб пооставалось без мужиков - всё везут и везут родименьких на кладбище... А ить всем охота хоть с кем-то в четырёх стенах поговорить. Опять же када мужик в доме, как ни крути, хоть не так страшно. От к нам с тобой кто залезет в дом - и вступиться-то

некому... Хоть закричись! От как опасно одним-то жить!

-Так-то оно так... Придётся свой век уж как-нить в одиночку доживать. Ну бывай, соседка.

-Давай... Скучно будет – заглядывай вечерком, телик поглядим, чаёк пошвыркам...

-Лутче ты ко мне приходи.

И расходятся со своими вёдрами в разные стороны, к своим домам.

Глава 40 Приезд дочери к отцу

Сентябрь 1989 года.

За тем же круглым столом на террасе Галина (здесь ей 51 год) пишет письмо. Она на миг отрывается от дела и оглядывается: в саду в беседке сидит сильно постаревший Борис Фёдорович (ему 66 лет) и читает газету.

Галина заканчивает писать, берёт тетрадный лист в руки и читает про себя. Её голос за кадром: «Миня, пишу тебе серьёзно, мне не до шуток. Если ты сейчас живёшь один, то ответь мне, я приеду насовсем. Забудем прежние обиды. Я поняла, что мы с тобой родные люди. Будем вместе на старости лет нянчить наших общих внуков. Ответь мне, адрес пишу. До встречи, твоя Галина».

Закончив читать, Галина кладёт письмо в конверт и запечатывает его, проведя нужным уголком по языку.

-Борис Фёдрыч! – кричит она в сад. – Я пойду схожу к соседке.

-Сходи! – равнодушно отвечает Борис Фёдорович, не отрываясь от газеты. Видим её название - «Московский комсомолец». Но на секунду всё-таки вынужден оторваться: – И заодно в аптеку зайди, купи мне как обычно!

Галина подходит к почтовому ящику, висящему на кирпичном здании южного городка, опускает в него конверт с письмом и идёт дальше по улице.

Двумя неделями спустя. Дочь Рита просыпается в родительском доме (на вид ей 27-28 лет). Солнечные лучи бьют прямо в глаза. Смотрит на настенные часы, висящие на противоположной стороне комна-

ты, стрелки показывают 11.45. Затем её взгляд падает на стул возле своей кровати, на ней – сетка-авоська с апельсинами.

На кухне Михаил готовит еду. Большой ложкой мешает что-то в жаровне, стоящей на двухконфорочной электроплите.

-Пап! – кричит Рита в кухню, – это ты апельсины принёс?

-А кто ж ешё?! – отвечает Михаил, подсаливая готовящуюся еду.

-Успел на базар сходить? – Рита начинает чистить апельсин.

-Успел! – кричит из кухни Михаил.

Рита выходит с апельсином на кухню, садится у стола и начинает аппетитно есть.

-Я вчера с вечера у тебя не спросила – ты один снова живёшь? У тебя же была эта... как её?.. Солидная такая...

Михаил проверяет, много ли воды в чайнике, ставит на свободную конфорку электроплиты, попутно рассказывает:

-Всякие были, но с нашей матерью – никакого сравненья. Третий месяц как эту «солидную» к себе спровадил. Сильно командовать стала. Ей здесь не почта! – Подсаживается к столу: – Да и, думаю, ты в гости летом приедешь, а у меня тут – мачеха. Вдруг бы те не понравилось...

-Да ладно, пап, это ж твоя жизнь.

Михаил достаёт из шкафа две чайные кружки и садится к столу:

-Пусь покамесь мясо с капусткой потушится... Лутче расскажи: что наша мать пишет, как живёт? Я тут кое-чё узнаю урывками от её сестры Шуры.

-Живёт там же. С кем – ты сам знаешь.

-Знаю! Встретил - ноги бы ему повыдергивал. Прицепился, как банный лист, к нашей матери. Да!.. – с досадой машет рукой. – После драки кулаками не машут.

-Я у них так ни разу и не была, – лукавит Рита, опустив глаза.

-Ни разу с тех пор с матерью не виделась? – сильно удивляется Михаил.

-Ну ладно, признаюсь, была один раз. Вернее, два.

-А чё скрывать? Молодец, что ездишь к родной матери. Надо бы почаше, да и море там, покупаться можно, фруктов поесь вдоволь. У меня-то здесь чё интересного, одно слово – Сибирь-матушка, живём на отшибе. – И вроде как равнодушно спрашивает: – Этот, старый пень её, чем занимается?

-Он на пенсии сидит.

-Пенсионер! – злорадно роняет Михаил.

-Пап, ты вот так говоришь, как будто всё у вас вчера было! С каких пор уже расстались! Если жить без мамы не можешь – напиши ей, а лучше позвони, я телефон и адрес оставлю. Вы же не старые ещё. Тебе всего пятьдесят четыре, а ей пятьдесят один. Вон я за границей была, так там только в зрелом возрасте и начинают жить – для себя, для души, когда дети выросли, путешествуют супружескимиарами по миру, наслаждаются свободной жизнью! Кстати, ты не получал от мамы письмо? Она мне по телефону сказала, что недели две назад тебе отправила. Не приходило ещё?

-Нет, – Михаил недоумённо смотрит на дочь. – Да и верить-то ей... Скажет одно, а сделает по-другому. Давай лучше есть будем! По времени-то уже обедать пора.

Когда обедают, спрашивает:

-К подружкам своим, наверно, пойдёшь?

-Маринка Шведова никуда не уехала?

-Нет, недавно её в молочном отделе видел, с коляской была.

-Маринка второго родила? – удивляется Рита.

-Троих уже! От как долго ты к отцу не приезжала! Старшему пацанёнку лет шесть, скоро в школу пойдёт.

-Ты смотри-ка! Вот молодец!

-Всё время, как увидимся, те приветы передаёт.

-Надо же, трое ребятишек! Муж-то хоть один? Ни от разных рожает?

-Один.

-А я вот вас с мамой не скоро, наверно, бабушкой с дедушкой сделаю. Всё гастроли, поездки, этой осенью наш оркестр снова приглашают в Японию.

-Ты сильно-то, доча, не тяни, а то с этой музыкой сроду замуж не выйдешь. Пора бы – дело-то к тридцати годам идёт. Чё за мода пошла – детей вовремя не рожать. Наверно, научилась уже в людях разбираться: выбери себе кого-нить получше, главно – чтоб не обижал тебя. Нам с матерью внуки нужны, на худой конец – хоть один внучок! А если не захочешь замуж, так роди так – мы с радостью примем родную кровь.

-Не поверишь, то же самое мне и мама говорит. Вы с ней так сильно походите стали, особенно внешне.

-Стареем.

-Не в этом дело. Ты один сейчас, и она – тоже одна. Этот её пенсионер – не в счёт. Он как бы есть, но в то же время его нет – они и разговаривают-то уже мало друг с другом. Он только исправно кушает и прессу постоянно читает. И деньги, конечно, от продажи фруктов со своего сада не забывает подсчитывать. Такой сконсервдяй!

Михаил будто не слышит этих слов дочери, задумывается, смотрит в окно перед собой.

-Жениться и замуж выходить надо один раз и на всю жизнь, – рассуждает как бы сам с собой Михаил. И уже обращается к Рите: - Скучно мне без нашей матери, иногда хоть горьким плачь.

-Ну не расстраивайся ты так сильно, пап, – старается успокоить отца дочь. - Может, снова сойдётесь – чего только на белом свете не бывает! Лучше поздно, чем никогда. Мне кажется, что вы рано или поздно снова будете вместе, – успокаивает дочь отца. - Скоро вот письмо от мамы придёт... И вообще, по секрету тебе скажу, была я у них прошлым летом, так мама всё больше тебя вспоминает, говорит, зря тогда от него уехала на БАМ. И хотела бы снова с тобой сойтись.

-Чё зря загадывать! – сомневается в сказанном дочерью Михаил. - Мы с ней, наверно, лет десять уже не виделись, могли отвыкнуть друг от друга. - И неожиданно переходит к другой теме: - Я тут денег подсобирал. Вчера с книжки снял. Молодым деньги нужнее, чем нам, старикам. Сиди, счас сразу деньги принесу, – Михаил встает и направляется в большую комнату.

-Да потом, пап, – пытается остановить отца Рита.

-Сразу отдам, чё их держать-то! – кричит из комнаты Михаил. И возвращается с толстой пачкой денег, протягивает дочери: - Бери, распоряжайся по своему усмотрению, потом опять подкоплю. Покамесь силенка есть – поработаю. Пенсию оформлю через год, а работать не брошу.

-Спасибо, пап! - Рита очень довольна подарком отца. - Мама тоже нет-нет, да и отправит, хоть я у неё и не прошу, мне в принципе на жизнь хватает. Вернусь в Новосибирск, может, в жилищный кооператив вступлю, на первый взнос, чувствую, теперь деньги есть, – держит она в руках пачку денег. - Сколько здесь, пап?

-Шесть тыщ.

-Вот это подарок ты мне сделал! Точно хватит на кооператив. Спасибо, пап! – Рита целует отца в щёку.

Михаил доволен, что угодил дочке:

-Хотел всю дорогу легковушку себе купить, да теперь уже неохота, стока с «баранкой» на лесовозах накрутился, аж руки по ночам стали болеть, - Михаил гладит предплечье левой руки.

Рита внимательно слушает отца.

-А вообще, если надумашь свою половину дома продать – скажи. Дом продадим, я себе поменьше домишко куплю, здесь продают иногда, а тебе, может, куда снова понадобятся деньжата.

-Пап, брось эту затею. Мне этих хватит, спасибо тебе огромное! Живи спокойно. Внуку рожу, хоть будет, куда привезти на лето - в родной дом. Он с годами стал, кажется, ещё просторнее! - оглядывается по сторонам Рита.

-В деревне у нас тоже добротный дом был, ты должна помнить, это который мы сами построили. Дядя Петя, отца моёва родной брат, мне помогал строиться да родной брат твоей матери. Те седьмой год шёл, када мы затеяли сюда переезд... А в том доме у тя комната сразу за печкой была, помнишь?

-Помню, конечно. А ты, папа, жалеешь, что переехали в город?

-Да что ты, дочка! Здесь хоть тя выучили! Сыграла бы отцу на пианино, а то стоит сироткой, - кивает он головой в комнату, где стоит музыкальный инструмент.

Отец с дочерью переходят в большую комнату, Рита садится за пианино, открывает крышку и специально начинает играть, как в детстве, старательно напевая:

Жили у бабуси два весёлых гуся.

Один белый, другой серый –

Два весёлых гуся.

Михаил слушает и вспоминает (картинка), как с дружками они затаскивали пианино в дом. Как вместе с Галиной радовались, что жизнь налаживается, когда дочка стала играть эти самые «Жили у бабуси...»

Вдруг Рита стала исполнять незнакомую ей классическую музыку («Лунная соната» Бетховена). Это вывело его из вос-

поминаний. В смятении Михаил смотрит то на руки дочери, то на её взрослое лицо... И снова вспоминает (картинка), как стоит на обочине дороги возле своего дома, а Галина навсегда уезжает от него на бамовских «Жигулях».

Глава 41

Последняя дорога.

Никто не знает...

Через две недели. Михаил выходит из ворот своего дома. Напротив соседка Люся собирает плоды с высокой яблони:

-Как урожай?! – громко спрашивает Михаил, остановившись для короткого разговора.

-Не жалуемся, «полукультурка» здесь всегда исправно родит, - не отрываясь от сбора урожая, отвечает Люся. - Дочь проводил?

-Вчера уехала, отпуск кончился.

-Так же играет?

-Играет, к японцам собираются ехать, там будут выступать.

-Молодец, выучилась, теперь по заграницам ездит.

-Пусь, раз надо.

-Видела, как картошку вдвоём копали...

-Не мог отговорить, у дочки ж пальцы музыкальные, надо беречь.

-Много накопали?

-На зиму хватит.

-Понятно. А ты на работу?

-Должны в рейс сёдня отправить, вроде дождя больше не будет, - Михаил смотрит в небо.

-Сутки лил, хватит, - отзыается Люся.

-Пускай подсохнет немного.

Михаил шагает дальше по улице. Мимо проходит молоденькая почтальон с сумкой через плечо. Девушка подходит к дому Михаила, вытаскивает письмо, хочет просунуть в щель почтового ящика, висящего на воротах, но передумывает, оборачивается, видит Люсю напротив в палисаднике и решает её спросить:

-Протасов здесь живёт, не знаете?

-Если Михаил, то здесь. Ему письмо, чё ли?

-Да, лично в руки.

-Ой, да он вот тока что прошёл, вы, наверно, встретились с ним, - Люся высовывается из-за ограждения и кричит вслед

уходящему Михаилу: - Михаил!

Тот не слышит и шагает дальше.

-Далёко ушёл, не слышит, - с сожалением говорит Люся. - Вы, девушка, новенькая? - обращается к почтальону Люся.

-На этом участке третий день, а так вообще-то с месяц на почте.

-Понятно, - с сожалением говорит Люся.

-А до вас почтальонша Соня работала, так она всех тут в лицо знала.

-А Вы не передадите письмо? - почтальон делает несколько шагов навстречу Люсиного палисадника. - А то боюсь - в ящике вдруг дождь зальёт. И так оно где-то долго «гуляло», всё потрёпанное стало, - почтальон показывает изрядно потёртый конверт.

-От кого хоть?

-Не знаю, может, от родственницы, фамилии одинаковые. - И читает по конверту: - От Протасовой Галины Николаевны. Знаете такую?

-Как не знать! Брось в ящик, не зальёт. Адресат скоро из рейса вернётся.

В это же время на юге. Галина выходит из калитки дома и проверяет почтовый ящик, висящий рядом на добротном железном заборе. В нём ничего нет. Женщина огорчена, садится на скамейку рядом и в сердцах произносит:

-Вот настырный! Хоть бы два слова в ответ написал!

Михаил еле пробирается по грязи в кирзовых сапогах по захламлённой территории леспромхоза. Отворяет дверь конторы, на которой успеваем прочесть висящую сбоку табличку: Леспромхоз «Донецкий».

Внутри помещения полно шоферов, сильно накурено. Михаил подходит к окошку диспетчерской:

-Здорово, девчата. Рейсы будут?

-Узнаю у начальства. Подожди, Иннокентьевич, - пожилая диспетчер звонит по телефону, говорит в трубку: - Вадим Владиленыч, тут Протасов подошёл, что мне ему сказать? - слушает некоторое время ответ, потом кладёт трубку. - Поедешь на Подъеланскую. Там вроде кран застял. Поможешь ребятам и заодно загрузишься.

Михаил выходит на крыльце конторы, закуривает. Сматривает в небо. Собираются тёмные тучи. На крыльце поднимается уже знакомый нам стропальщик Фёдор,

помогавший когда-то затащивать в дом Михаила и Галины пианино для их дочки. Он мало изменился, такой же худощавый, хоть и поседел. Мужчины обмениваются рукопожатием.

-Тучи снова собираются, - показывает в небо Михаил.

-Дороги в лесу немного подсохли, - останавливается стропальщик и жестом показывает: дай закурить. Пока прикуривает, говорит: - Рейсов нет, в этом месяце много не заработкаешь.

-Счас еду на Подъеланскую - поедешь со мной? Там вроде стропальщика нет.

-Это ты как «бугор» уже распоряжаешься?

-Какой «бугор»? - удивляется Михаил.

-Так я слышал, тебя бригадиром хотят поставить.

-Болтают - не верь.

Лесовоз, в кабине которого находятся Михаил и Фёдор, едет по грунтовой дороге. Видим, что лесовоз ЗИЛ-133, на кабине госномер 98-55 ИСЛ. Потом машина сворачивает на лесную дорогу; идёт тяжело, под колёсами - ямы, рытвины с водой. Подъезжают к месту погрузки. Кран на базе ЗИЛ-130 стоит брошенный, никого вокруг. Михаил с Фёдором выходят, осматриваются, подходят ближе к крану, видят, что одно колесо сильно провалилось в таёжную почву.

-Куда они смотались? - гадает Михаил.

-Может, на соседнюю делянку за помощью подались, - предполагает Фёдор. - Застряли-то капитально.

-Застряли-то, застряли... Почему не выбириались? - глядя на увязшее колесо, рассуждает Михаил. - Ждать не будем. Давай попробуем сами вытащить.

И вот уже стропальщик цепляет тросом лесовоза ЗИЛ-кран. Подаёт знак рукой Михаилу:

-Готово!

-Садись за руль! - кричит ему Михаил. И когда Фёдор садится за руль ЗИЛа-крана, медленно трогает лесовоз с места. Кран не сразу, но вылезает из грязевой ловушки. Свистнув, Фёдор кричит Михаилу:

-Хорош!

В это же время. Бархатный сезон. Южный рынок. Шумно, разноцветная пестрая фруктов и овощей. В одном из рядов

Галина торгует персиками. Подходит интеллигентного вида старушка в соломенной шляпке, начинает копаться в спелых плодах. Галина сначала терпеливо наблюдает, потом не выдерживает:

-Персики все как на подбор, - показывает она рукой, - час назад с дерева сняла, покупайте внукам, не пожалеете.

Но бабушка не решается:

-Дороговато что-то. Пойду в другом месте посмотрю.

-Посмотрите, да приходите назад – сторгуемся.

Бабуля случайно глянула в небо:

-Вроде дождик собирается.

-Он второй день собирается, да никак не соберётся, - поддерживает разговор Галина, а сама подкладывает покупательнице самые спелые плоды. - Посмотрите, какие отборные персики. Берите, не пожалеете.

-Уговорили, - сдаётся бабушка.

Тем временем Михаил в башне крана грузит лес на свой лесовоз, стропальщик Фёдор ловко управляет со стропами. Одному вместо двух стропальщиков ему трудно, но он старается: то внизу ловко цепляет стропами брёвна, то лезет наверх лесовоза и там уже так же ловко отцепляет стропы. И снова – вниз к брёвнам.

-Молодец, Федька! – восхищается вслух Михаил.

Изнуриительная погрузка окончена. Михаил вылезает из башни крана, спрыгивает на землю и довольный подходит к помощнику:

-Лихо ты! – показывает он глазами на погруженный лес.

-Сноровка, выработанная годами, - устало улыбается Фёдор. – Тут главно - рот не разевать.

-Давай перекурим, да я поеду. А ты оставайся с машиной – должны же они вернуться! – распоряжается Михаил. Фёдор не возражает. И только они закуривают, как неожиданно начинается сильный дождь.

-Ладно, давай, - Михаил протягивает напарнику руку и после короткого рукопожатия спешит к лесовозу.

А Фёдор залезает в кабину оставленного в лесу крана на базе ЗИЛ-130. Закрыв дверцу, он осматривается, затем машинально открывает «бардачок» и видит там

бутылку водки. От удивления даже присвистывает:

-Ну артисты! Ладно, пригодится... - И, быстро открыв дверцу кабины, кричит залезающему в кабину лесовоза Михаилу: - Иннокентьевич! Давай назад! Тут сугрев присён, - показывает он бутылку.

-Да ну её к чёрту! – отмахивается Михаил.

-Давай по чуть-чуть - холодрыга такая! Гаишников всё равно счас не встретишь, - уговаривает Фёдор. – Чуток пятки сажаем.

-Ладно! – сдаётся Михаил.

В кабине ЗИЛ-130 мужики выпивают водку: Михаил из гранёного стакана, а Фёдор из алюминиевой кружки.

-Удивительно, куда это мужики от водки ушли? – недоумевает Михаил.

-Придут, хватятся, а бутылочку-то кто-то уже приголубил, - куражится слегка захмелевший Фёдор.

-Ага, медведица в «бардачке» пошарилась, - подхватывает кураж Михаил.

Наливают ещё по сто граммов.

-Давай по последней, да мне трогаться пора. И мужикам надо оставить, - говорит напоследок Михаил.

Груженый лесовоз кое-как пробирается по скользкой лесной дороге. Да ещё дождь хлещет! В кабине лесовоза – Михаил. Он напряжённо смотрит вперёд, умело поворачивая руль то влево, то вправо.

Тем временем, несмотря на приближающийся дождь, Галина продолжает торговаться фруктами на южном базаре. Подходит другой покупатель, полноватый мужчина, тоже начинает рыться в спелых плодах, слегка мнёт их пальцами. Галина видит это и не выдерживает:

-Вы персики-то не мните. Собрались покупать – берите. Цену уступлю. Чем больше возьмёте – тем больше уступлю.

Но тут резко налетает порывистый ветер, который несёт по базару обрывки картонных упаковок, каких-то бумаг... Вот-вот хлынет дождь. Покупатель резко передумывает:

-Потом приду, а то ливень прихватит.

Соседка по рынку кричит Галине:

-Собирайся, Галя, счас ливанёт! Завтра доторгуем!

...Проливной дождь. Галина сидит с

двумя сумками под пляжным деревянным грибком, верх которого почти наполовину отломан. Мимо пробегают отдыхающие.

Ливень не стихает. Отчаянно-горестное лицо Галины заливает водой. Начинает развиваться музыкальная тема песни-романса «Белые туфельки». Галина закрывает глаза. И на экране проносятся кадры-воспоминания: как в первый раз они знакомятся с Михаилом на приёмном пункте молочно-товарной фермы; как Михаил не выпускает её из избы, когда хочет на ней жениться; как целуются они на свадьбе; как вдвоём наводят марафет в своём только что построенном доме в Ключах; как избитая мужем, она лежит на полу больницы; как несёт Михаил её на руках из магазина, когда они помирились; как потом страстно целует Галину в шею и грудь в постели; как дерётся из-за неё с Борисом Фёдоровичем, а она испуганно плачет рядом; как прижимает её Михаил у печки, когда возвращается с удачной охоты; как весело они гуляют в сельском клубе под Новый 1964 год; как уезжают они с Михаилом и дочкой в город, а родственники машут им вслед руками; как спорят возле сберкассы, когда Галина собралась ехать отдыхать на юг; как Михаил встречает её с дочкой у вагона поезда, когда те возвращаются с юга; как в порыве болезненного расставания говорят обидные слова друг другу, когда она собирает вещи, чтобы уехать с Борисом Фёдоровичем на БАМ; наконец, как Галина после БАМа навсегда уезжает на юг, а Михаил стоит на обочине дороги возле их общего когда-то дома...

Ливень прекращается. Галина медленно открывает глаза, так же медленно смотрит по сторонам, будто не понимает, где она находится.

В этот же момент усталое, напряжённое лицо Михаила, крутящего руль лесовоза, тяжёло едущего по таёжной дороге. Михаил вполголоса твердит:

-Тока бы не забуксововать... Не забуксововать...

И вот, наконец, лесовоз выезжает на грунтовую дорогу. Михаил облегчённо вытирает мазутной ладонью пот со лба:

-Поехали, абарай! – слегка хлопает ладонями о руль Михаил.

Лесовоз набирает скорость. Дождь не унимается. Михаил безостановочно смо-

трит на работающие «дворники». Потом начинает постукивать по рулю:

-Эх, абарай... Абарай! Галька, Галька... Галчонок! Чё же мы натворили... - рукавом рабочей куртки Михаил смахивает слёзы.

Впереди показался старенький «Москвич-412», следующий навстречу. На секунду мы видим, что за рулём сидит дед в роговых очках: весь напрягся, чувствует себя неуверенно.

Машины сближаются. Михаил противоряет глаза... В это время «Москвича» заносит на скользком участке дороги.

-Куда тя несёт?! – Михаил поворачивает руль лесовоза вправо, чтобы избежать столкновения. Задние колёса лесовоза скользят по мокрой обочине, машина теряет управление и начинает падать под откос...

А дед за рулём «Москвича» даже не заметил, что чуть не столкнулся с лесовозом: как ехал, так и дальше проследовал. За дождевой стеной он быстро исчезает из поля зрения зрителей.

Тишина над тайгой. Дождь прекратился. От земли идёт испарение. Где-то вдали закукала кукушка, но быстро осеклась.

В искорёженной кабине с закрытыми глазами, откинув голову назад, сидит Михаил. По лицу стекают струйки крови... Михаил с трудом приоткрывает глаза. Картинка-воспоминание: его дед, Гавриил Ильич Вотяков, в 21-м году во время проразвёртски бежит за телегой, на которой чекисты увозят его арестованного младшего сына. В деда стреляет один из конвоиров и тот падает. И тут же другая картинка: на Курской дуге отец Михаила, механик-водитель, горит в танке, крича и корчась от страшной боли. Михаил закрывает глаза. За кадром прорывается выдох главного героя: «Абарай!» Всё.

Камера поднимается вверх. Панорама тайги с высоты птичьего полёта. Звучит музыкальная тема песни «Бродяга», исподволь сменяющаяся темой «Белых туфелек».

Сестра Александра в телефонной будке:

-Алло! Борис Фёдорович? Позовите Галину! – слушает, что ответит Борис Фёдорович. – Как сегодня уехала? К нам сюда? Она же ничего не знает!

Пассажирский поезд мчится с запада на восток, на вагонном табло надпись: Москва – Лена.

В плацкартном вагоне, за столиком у окна, зябко кутаясь в шерстяную кофту, сидит и смотрит в окно Галина.

Соседка-бабушка, сидящая напротив, добродушно глядит на попутчицу и начинает знакомиться:

-Домой едете или погостить?

Галина поворачивает голову и произносит неопределённо:

-Кто знает...

-Да-а-а, - задумывается о своём бабушка, - никто не ведает...

Поезд мчится дальше.

Глава 42

Чем сердце успокоилось

Осень 1990 года.

Елизавета Гавриловна (здесь ей 76 лет) в своём сельском доме разговаривает с дочерью Надей (53 года). Женщины сидят на старом диване.

-Почитай, чё тут понаписали, - Елизавета Гавриловна протягивает Наде вскрытый конверт.

Надя вынимает из конверта два листа бумаги и медленно читает вслух:

-Комитет государственной безопасности СССР, Управление по Иркутской области, 28 апреля 1990 года. Справка. Сообщаем, что Ваш брат, Вотяков Антон Гаврилович, 1897 года рождения, уроженец села Шаманово Братского района Иркутской области, работавший чернорабочим ОШД-1, проживавший в селе Каймоново Усть-Кутского района Иркутской области, был арестован органами УНКВД по Иркутской области 14 февраля 1938 года. Постановлением тройки УНКВД от 25 мая 1938 года приговорён к высшей мере наказания как участник якобы существовавшей кулацко-повстанческой контрреволюционной, - Надя с трудом, чуть не по слогам, читает это слово, - организации. Дата смерти 28 мая 1938 года. Место смерти: город Иркутск. Дело по обвинению Вотякова Антона Гавриловича Президиум Иркутского областного суда пересмотрел 23 ноября 1956 года. Постановление Тройки УНКВД Иркутской области от 25 мая 1938 года в отношении Вотякова А.Г. отменено, дело

прекращено за отсутствием состава преступления. Вотяков Антон Гаврилович реабилитирован. Начальник подразделения УКГБ Иванов В.П.». - Надя пробегает глазами текст второго листа бумаги: - И так же письмо на дядю Максима. Их, видно, вместе судили и вместе расстреляли.

Елизавета Гавриловна молчит, потом с горечью произносит:

-Сичас-то нам зачем ихни бумажки? Спохватилися!

Надя обнимает мать за плечи, а та в слезах продолжает:

-Из земли никаво не подымишь... Братки мои милы! Вся жись без вас прошла!.. Таку муку приняли, да ишо ни за чё... От чё обидно-то! Однуё горечь нам оставили... Сначала власти не нужны были, а теперь от как повернулося... Мы и тада знали - никаки оне не враги народа, да тока помалкивали, ить плетью обух рази перешибёшь? У каво сила - тот и наверху. Али не так, чё ли, я говорю, доча?

-Так, всё так... Ты сходи в сельсовет, мам, может, чё положено за их, деньги каки дадут...

-Жди, как же! Догонют и ишо дадут. С каво теперь спросить - не с каво. Да и некому! Никто вовек не спросит!

Галина с дочерью Ритой идут по кладбищенской дороге, вокруг - могилы с памятниками.

-Из мраморной крошки твоёму отцу на год памятник поставили, счас увидишь, - рассказывает Галина. - Мужики у него на работе хорошие. Я тока половину заплатила, а так они сами сбросились. Привезли и установили.

-Уважали отца, раз так по-человечески отнеслись.

-Фотографию, правда, пришлось из паспорта взять, он же не любил фотографироваться.

-Да когда ему было - всё время в рейсах.

-А ты почему своего Сергея не привезла?

- переводит разговор на другую тему Галина. - Расписались по-тихому, и глаз не кажет. Когда мне внуков-то ждать? Он такой занятой, ты вся в разъездах...

- Да когда-нибудь родим.

-«Когда-нибудь»... Годы-то идут! Пока не поздно - роди хоть одного. Минька не дождался внуков, и я неизвестно когда дождусь?

-А вот нечего было меня на пианинах учить играть! -заявляет в ответ дочь.

-А это-то при чём? - ответ дочери настораживает мать. - Приятно же, когда у твоих деток мать такая образованная. Да и мир посмотрела, поездила везде.

-Сравнила тоже – родную кровиночку и чужой мир.

Поняв, что разговор заходит в тупик, Галина снова переводит разговор на зятя:

- Сергей-то там как?

-На нём производство, как-никак начальник цеха... Был...

-Сняли, чё ли?

-Мам, мы на развод подали. Не хотела тебе сразу говорить.

-От так новость! – изумлённая мать на миг останавливается. – У вас-то чё не срослось?

-Не сошлись характерами. Не нравится, что я с гастролями езжу, поставил ультиматум – чтобы я работу бросила. А как я из оркестра уйду? К печке он меня всё равно не привяжет.

-Ну и дела у вас, доча!

-Да уж как есть... Больше замуж ни за что не пойду!

-Ладно, не зарекайся.

Некоторое время идут молча. Обе в подавленном настроении.

-Переезжай ко мне, мама. Дом продашь, деньги за мою кооперативную отдадим побыстрее. Много нам двоим-то надо?

-Не знаю, доча... Опять же, когда родишь, пускай и не от Сергея, тесно нам в однокомнатной-то будет...

-Не рожу, - прерывает мать дочь.

-Как это «не рожу»? – не сразу понимает Галина.

-Не будет у меня детей.

Галина останавливается, не веря словам дочери, потом догадывается:

-Сделала, чё ли?

Рита молчит, поджав губы.

-Когда успела-то?

-Когда из Японии с гастролей вернулась.

-От японца, чё ли? – нарочно дразнит дочь Галина.

-От китайца!

-А чё? В Японию бы уехала, - то ли в шутку, то ли всерьёз рассуждает Галина, - там тепло, рыбы много, японцы такие вежливые. В Сибири же военнопленные были, мы их знаем...

-Вот любишь ты, мама, по миру мотаться! Япония!

-А чё на одном месте-то сидеть, как твой отец, царствие ему небесное. Всё боялся от своей родни оторваться. Как я его ещё в город сманила – сама удивляюсь. Ладно, потом поговорим, вон могила отца, памятник сразу в глаза бросается.

Возле могилы Михаила, на которой стоит памятник из мраморной крошки с его фотографией (строгое лицо из паспорта), Галина виновато произносит:

-Прости меня, Михаил. Сам знаешь, за что... О нас с тобой, Миня, знаем только ты и я. И только бог нам судья. – И тут же добавляет, обращаясь к дочери: - Если что, рядом меня положите, будем в одной оградке.

-Мам! – укоризненно реагирует дочь.

-Не мамкой, а выполню мою просьбу. Все когда-нибудь там будем... – И неожиданно улыбнувшись, добавляет: - Будем с ним в гости друг к другу ходить.

-Да ну тебя! – отмахивается дочь.

Мать с дочерью возвращаются с кладбища.

-А вот жили бы в деревне, так семеро по лавкам у меня бы было, - говорит Рита.

-Ага, и муж скотником работал, и сама дояркой бы с фермы не вылезала.

-Скажешь тоже! - обижается Рита. - Я бы на учительницу выучилась.

-Ладно... Теперь-то чё гадать?.. – И тише добавляет: - Как говорится, деваться некуда - надо жить дальше как есть. От судьбы, доча, на печке не спрячешься.

-Что ты там говоришь, мам, я толком не расслышала... После драки кулаками не машут?

-Не надо, говорю, оглядываться назад. Надо вперёд смотреть.

Молчат памятники на могилах. Молчит кладбище.

Галина в сумерках в доме, где они жили с Михаилом до развода. Сидит на диване, рядом несколько картонных коробок, подготовленных к переезду.

-Остаться, что ли? – сомневается Галина. Помолчав, берёт в руки лежащую рядом фотографию молодого Михаила – солдата в военной гимнастёрке: - Эх, Миня, Миня! Немного меня не дождался...

В дверь стучат.
-Открыто! – кричит в ответ Галина.
Входит сосед Толик, снимает кепку:
- Здорово, соседка.
-Проходи, Толик, садись.
-Чё, собралась? – Толик не решается пройти в комнату, спрашивает у порога. - Покупателей на дом нашла?
-Нет пока, дорого, говорят.
- Моя Люська даже у себя на работе спрашивала, не хочет ли кто дом купить?

Цена та же?
-Эта же, даром не отдам. А не продам – буду сама в нём жить.
-Не продавай. Будет хоть куда внукам приехать. Вон... какие яблони у вас под окном! Так плодоносить справно стали. Не то, что у нас.
...Вышел за ворота сосед, оглянулся на дом, где осталась Галина, услышал её плач навзрыд и негромко произнёс:
-Да-а-а... Знал бы, где упасть...

Братск 2003 – Москва 2006 – Братск 2019

О чём кинороман

ГИБЕЛЬНЫЙ ПУТЬ

В основе киноромана «Абаая. Бродяга» – реальные события, происходившие в нашей многострадальной стране с 1917 года - Октябрьская революция, гражданская война, коллективизация, массовые репрессии, Великая Отечественная война. А дальше самое главное, применительно к месту действия романа, - строительство Братской ГЭС, затопление обжитых населённых пунктов и плодородных земель. Всё это, несомненно, отразилось на судьбах и характерах главных героев - Михаила Протасова, по линии матери внука некогда богатого купца Гавриила Вотякова, а по линии отца потомка дворянского рода Протасовых, и его жены Галины, дочери одного из рабочих завода, направленных на налаживание колхозной жизни на селе.

Вот этим двум неодинаковым мировоззрениям и суждено было встретиться. И полетели во все стороны искры. Противоречивость поведения Михаила и Галины видна практически в каждом эпизоде киноромана. Оба – люди своей эпохи. Он – основательный «бурундук», не склонный к необдуманным переменам, настроенный разумно хозяйствовать на земле предков, живя с семьёй в построенном своими руками доме. Она – с городскими наклонностями, дочь родителей с коммунистическими взглядами, мечтающая вырваться из деревни, жить в городе, а лучше всего, на юге, в тёплых краях. По примеру своего дяди, родного брата матери, офицера СМЕРШа, оставшегося служить после войны в Германии и на старости лет купившего в Кисловодске домик с фруктовым садом, где поселился вместе с женой.

Несоответствие жизненных устремлений главных героев усугубляется драматическими событиями, связанными с переездом в другие сёла из-за строительства гидроэлектростанции. Этой драме в жизни коренного населения, не желающего из благодатного края переезжать неизвестно куда, а чаще всего на «сухие кочки», где нет рядом реки, чернозёмных пашен, обильных грибных и ягодных мест, охотничьих угодий, уделено особое место в произведении Маргариты Исаковой. По признанию самого автора, описание разрушения прежней жизни давались ей с душевной мукой, поскольку и она, будучи ещё ребёнком, так же утратила свою исконную малую Родину. И было бы ради чего! Сегодня построенные на дешёвой электроэнергии промышленные гиганты отправляют окружающую атмосферу вредными

для здоровья человека выбросами. Люди, живущие в зоне тяжёлой экологической обстановки, чаще болеют и умирают в молодые годы.

Великий русский писатель Валентин Распутин по этому поводу высказался так: «Братская ГЭС привела к затоплению более полутора миллионов гектаров самых лучших и обжитых земель. Ангарское население, мои земляки, выращивающие хлеб, были переселены на неподобаи, где хлеб не растёт. Там рос лес, и хлеборобы едва ли не поголовно вынуждены были переквалифицироваться в лесорубов. За 30 лет они выбрали тайгу, в местах лесосек остались поля жесточайших битв. Подле дешёвой энергии в Братске тотчас же, как ангарская вода принялась крутить турбины, встали энергоёмкие гиганты — алюминиевый завод и лесопромышленный комплекс. То, что не ушло под топор из богатейшей окрестной тайги со знаменитой ангарской сосной, обречено было на гибель от фтора и метилмеркаптана, побочного «продукта» энергоёмких». Знал бы Валентин Григорьевич, какими темпами сейчас вырубается вековая тайга! И, похоже, что это мало кого волнует, ведь отныне - всё на продажу!

Варварское вторжение в естественную среду обитания всегда ведёт к деформации всего живого, в том числе и личности человека. Постепенно нравственный путь главного героя приближается к своему логическому завершению. Вместе с односельчанами в конце 50-х он покидает родные места, поселившись в другом селе выше отметки затопления, а затем и жена Галина уговаривает переехать в город, бросив собственный новый дом. От такого трудного поступка, тяжесть которого в дальнейшем усугубил развод с любимой, хоть и переменчивой женщиной, Михаил так и не оправился до конца своей жизни, закончившейся на рубеже развала СССР.

Подкупает вся правда о русском характере, порой спорном и неприглядном. Главные герои любят, мучаются, теряют надежду, снова её обретают, стараясь продолжать достойно жить в неоднозначной действительности. С точки зрения историка, можно с уверенностью сказать, что через судьбы героев точно переданы преобразования в стране. В этом, безусловно, писателю помогли воспоминания очевидцев описываемого в киноромане времени, ставших вынужденными переселенцами в связи с введением ГЭС, а также архивные документы.

Людмила ШЕВЧЕНКО,
кандидат исторических наук

СТОЛКНОВЕНИЕ ДВУХ СТИХИЙ

С литературным творчеством профессионального журналиста, отныне писателя и драматурга Маргариты Исаковой я познакомилась несколько лет назад. Рассказы и повести талантливой сибирячки произвели на меня яркое впечатление, особенно повесть «Ниточка за иголочкой». И вот теперь посчастливилось прочесть (на одном дыхании) новое произведение Маргариты. На этот раз в жанре киноромана, что никак не умаляет его художественные достоинства. Особенно удались автору диалоги, имеющие глубокий, зачастую пророческий смысл.

Уже с первой главы ты понимаешь, что впереди тебя ждёт захватывающее повествование, наполненное событиями разных красок: «и жизнь, и слезы, и любовь». Жизнь главных героев киноромана «Абараая. Бродяга» проходит и изменяется во времени. На этом пути рушились прежние устои, были чёрные страницы отечественной истории, когда человеческая жизнь в стране ничего не стоила. Конечно, старшее поколение узнает себя, будет искренне сопереживать. Для молодых, уверена, эта интересная история станет поучительной, заставит задуматься.

Наверное, нет ничего важнее для искусства и литературы, чем исследование человеческих взаимоотношений, особенно между мужчиной и женщиной. Кинороман – о противоборстве двух разных мироощущений, не совпадающих энергетик: Михаила Протасова и его жены Галины. Оба от рождения – сильные, трудолюбивые, каждый стремится к своей «звезде». Столкнулись две стихии: он – коренной сибиряк, внук сельского купца и потомок обедневшего дворянского рода Протасовых, она – дочь коммуниста, новой силы, сметающей всё на своём пути.

Михаил – коренной сибиряк, каких называют «бурундуками», – не сторонник кардинальных перемен в своей жизни, что явно не соответствует далеко идущим планам энергичной жены, а в бытовом плане он вообще «приземлён». Но тому есть объяснение. Десятилетним пацаном начал свой трудовой путь, заменив, как и многие его сверстники, ушедших на фронт отцов и старших братьев. Род без отца, и это обстоятельство впоследствии сильно сказалось на формировании его личности. Не было достойного мужского примера, поэтому и выпивать научился Михаил ещё в молодости. Впрочем, тема пития и пьянства близка и зна-

кома большинству людей, живущих в условиях тоталитарного режима. «Пьяная слабость» в киноромане прослеживается всё время. Хотя это не главное, ни об этом речь по большому счёту. Михаил – от природы мудрый человек, любого человека мог понять, а сам всю жизнь мучился от своего характера, своих, порой диких поступков.

Он практически силой женился на любимой и хотел прожить с ней всю жизнь. Для достижения этой цели, после затопления родного села Шаманово, на новом месте жительства своими руками построил дом, добросовестно работал, воспитывал дочь, мечтал о сыне, а также хотел купить легковой автомобиль и... любил, всегда любил свою, как он считал, ветреную Галину. Она же «выскочила замуж», не встретив, как ей казалось, свою настоящую любовь. Михаил был ей просто мужем, но не любимым человеком, с которым она могла бы пойти хоть на край света. Галина по натуре мечтательница, красиво поёт и аккомпанирует себе на семиструнной гитаре, и даже в сельских условиях умудряется одеваться по-городскому, с форсом. И жизнь свою она хотела устроить по-другому: вырваться из деревни в город, дать приличное образование дочери. Взгляды на действительность у Михаила и Галины явно не совпадают, происходит череда драматических событий, связанных к тому же с легкомыслием Галины, увлёкшейся на какое-то время солидным, или как бы теперь сказали, статусным мужчиной. Попал разлад в семейной жизни. Мучительный развод. А затем – трудные годы жизни друг без друга. Пока, наконец, Галина не осознала, что ближе Михаила у неё не было мужчины. Да вот близок локоток, а не укусишь. Не успела к нему вернуться, а хотела. Трагический конец – гибель главного героя. Такая развязка, по сути логическая, – не прихоть автора, так всё было на самом деле. От правды не спрячешься.

Важная роль в киноромане отведена матери Михаила – Елизавете Гавриловне, дочери некогда зажиточного сельского купца. Это сама совесть, соль земли русской. Вот одно из её мудрых высказываний: «В тебя бросят камушком, а ты оглянись и кинь хлебушком» (проблемы можно решить только добрыми делами) и т.д. Без матери, её мудрых советов жизнь для Михаила закончилась бы гораздо раньше и не имела бы такой глубокий философский смысл.

Односельчане Михаила и Галины – одарённые, с любопытными характерами и судьбами люди. Очень точно, с любовью передан на страницах киноромана разговорный язык

старшего поколения. По признанию автора, она не один год записывала слова и выражения сельских жителей-сибиряков, особенно своих бабушек. Я бы назвала кинороман бесценным собранием самобытных характеров из ушедшего теперь уже в небытие старшего поколения. Когда-то оно было на этой земле...

Надо отметить, что в произведение гармонично вплетены две музыкальные темы, являющиеся лейтмотивом поведения главных героев, – «Абарая» (в переводе с хинди «бродяга») и «Белые туфельки» (дворовая лирическая песня в ритме вальса).

Может показаться, что автор киноромана в теме затопления старинных деревень подражает писателю Валентину Распутину, его знаме-

нитому произведению «Прощание с Матёрой». На самом деле это не так. Да, проблема та же, автор полностью согласен с выводами великого писателя, но решается она другой сюжетной линией, иными художественными приёмами.

По моему мнению, неоспоримое достоинство произведения М.Исаковой: автор правдиво, с полной искренностью, хотя и в своей литературной манере, рассказала о судьбе простых сибиряков на примере Михаила Протасова, проследив его жизненный путь от Октябрьской революции (через своих предков) до распада Советского Союза.

Алевтина КОЛИСТРАТОВА,
кандидат филологических наук

А ЩЕПКИ ВСЁ ЛЕТЯТ И ЛЕТЯТ...

Строительство мощных гидроэлектростанций и связанное в связи с этим затопление обжитых населённых пунктов – один из инструментов уничтожения целого пласта самобытной крестьянской культуры. Понятно, что у «сильных мира сего» глобальное мышление. Государственно-стратегическое! Интересы, мнение простого народа, как показывает практика, отодвигаются на задний план. Лес рубят – щепки летят, их не жалко. Щепки и есть народ. Этот процесс продолжается до сих пор, достаточно назвать узаконенную в 90-х ликвидацию совхозов, что повлекло за собой отлучение жителей сёл от коллективного труда, их деградацию, нежелание заниматься сельским хозяйством даже на личном подворье. Фермерские же немногочисленные хозяйства настолько слабы, что без серьёзной поддержки правительства им никак не выжить.

А если говорить о ГЭС, то можно привести как пример продолжающегося безумия хищников-толстосумов недавний ввод в эксплуатацию Богучанской гидроэлектростанции в Красноярском крае. Воды искусственного водохранилища поглотили обустроёенные на протяжении нескольких столетий не одним поколением ангарцев благодатные земли таких старожильческих поселений, как Кеуль, Пашино, Недокуры, Селенгино, Аксёново, Тушама и многие другие. Причём богучанское переселение шло варварски, если не сказать цинично: людям ещё не давали квартиры, а их дома уже жгли бригады саночистки, состоящие в основном из зэков, об этом свидетельствуют сами переселенцы. И если в советское время жителям сёл разрешалось перевозить

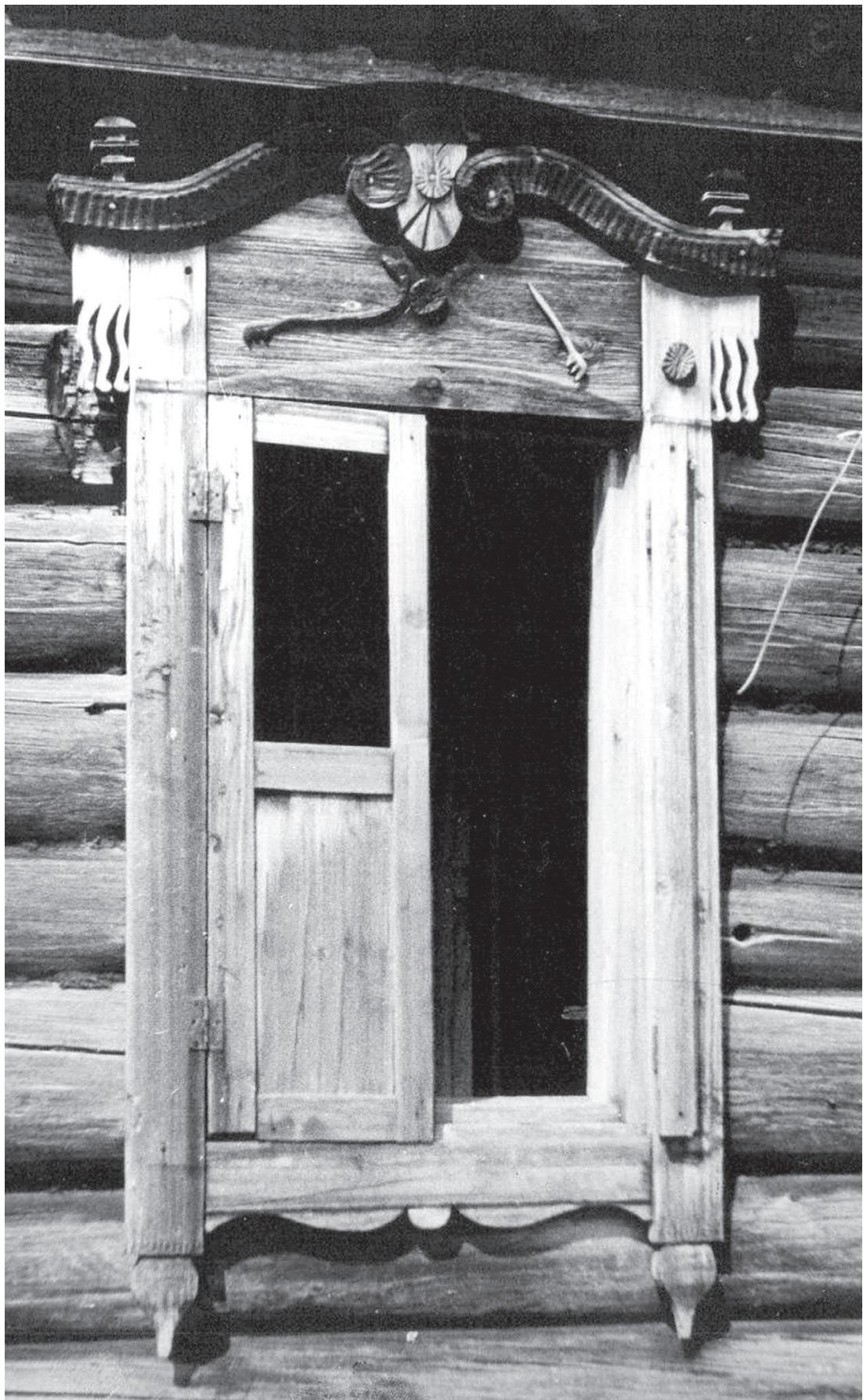
свои старые дома на новые места, с выплатой денежной компенсации, хоть и небольшой, то на этот раз, в 21-м веке, всех расселили по разным городам, в основном в однокомнатные или двухкомнатные квартиры. Как говорится, выкорчёвывали с корнем. Человек, вырванный из родового гнезда, не может уже нигде прижиться, в каких бы условиях он не оказывался.

А началось уничтожение вековых устоев России гораздо раньше. В 20-м веке этому способствовали Октябрьская революция, гражданская война, коллективизация, массовые репрессии невинных людей, в том числе крестьян-тружеников. Нет, не на пустом месте развивается полная драматизма судьба главного героя. Трагические события, в которые были втянуты его предки, предваряют основной рассказ о жизни сибирского мужика-работяги; первая глава киноромана так и называется «Предвестие. Муки предков». Дед-купец и его сыновья, гибнущие в беспощадном горниле преобразований, поневоле передали эстафету страданий следующему поколению. В киноромане это Михаил Протасов, с которым читатель встречается с момента его призыва в ряды советской армии – в мае 1953 года. Казалось бы, Сталин уже умер, повеяло переменами, свободой. Да только в месте, где живёт главный герой, его семья и односельчане, правительство задумало грандиозную стройку. И снова испытания, снова перемол судеб в беспощадных жерновах, теперь уже технического прогресса.

Бродяга, перекати-поле... Жизнь главного героя обрывается накануне распада СССР, а дальше случилось то, что до сих пор уму непостижимо.

АВТОР

ПРОТОТИПЫ. ТИПАЖНАЯ СРЕДА

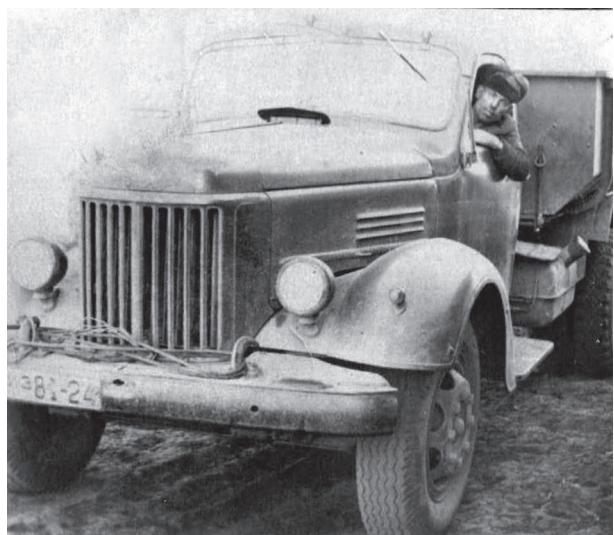

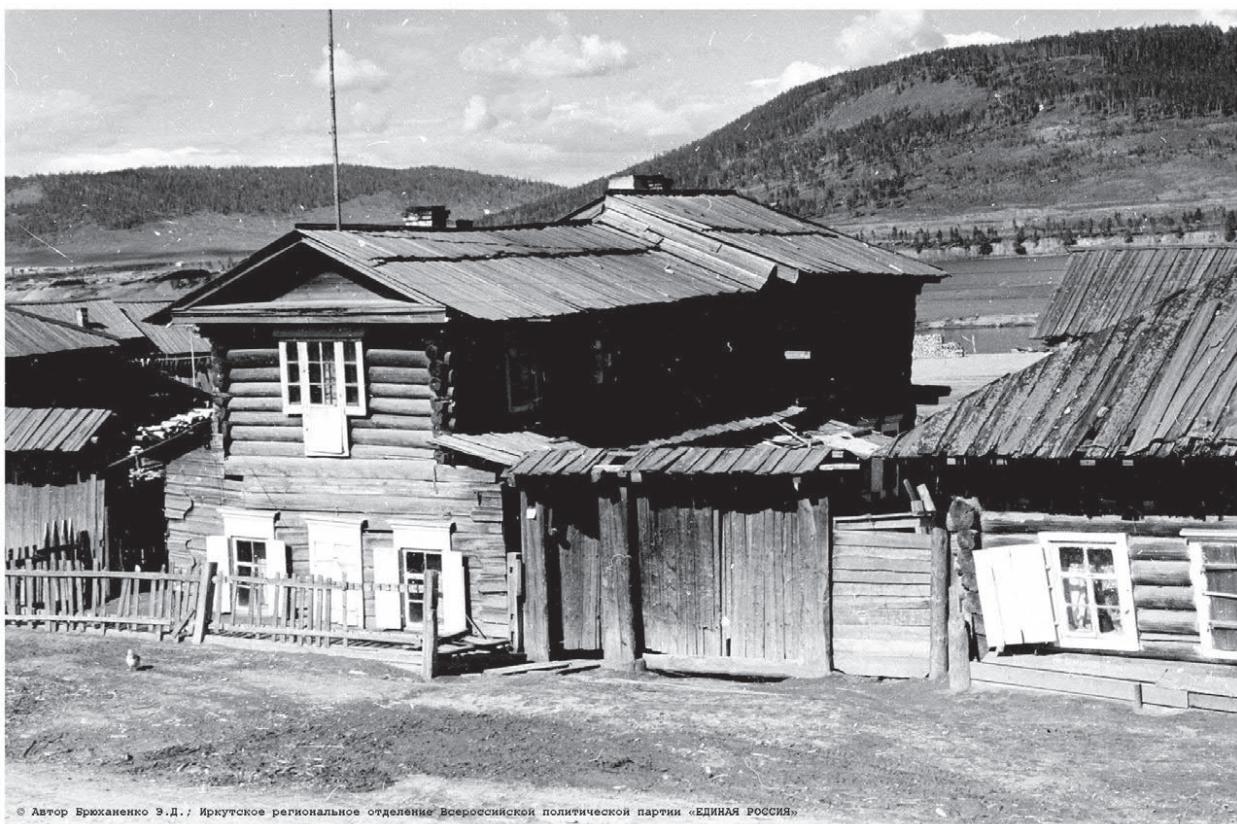

© Автор Брюханенко В.Д.: Иркутское региональное отделение Всероссийской политической партии «Единая Россия»

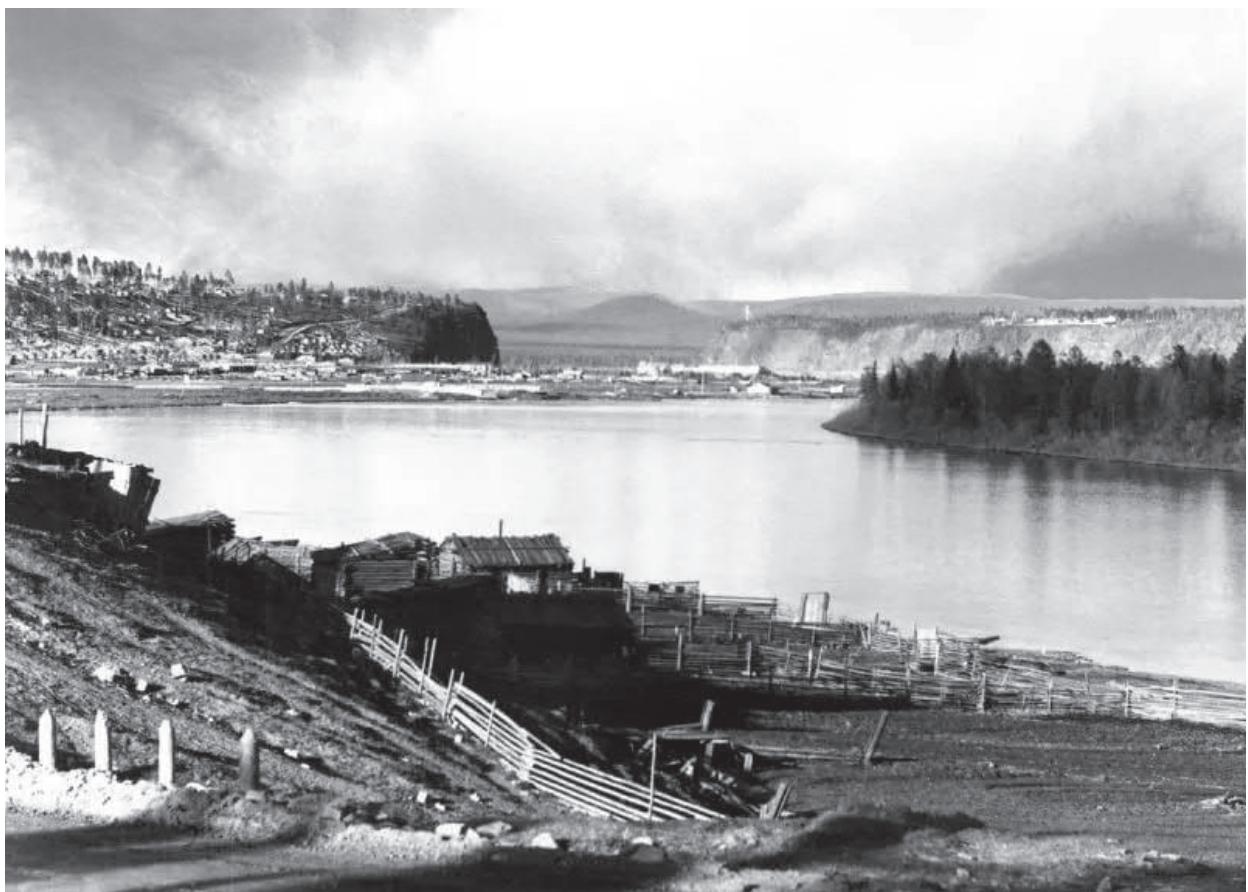

© Автор Брюханенко Э.Д.; Иркутское региональное отделение Всероссийской политической партии «ЕДИНАЯ РОССИЯ»

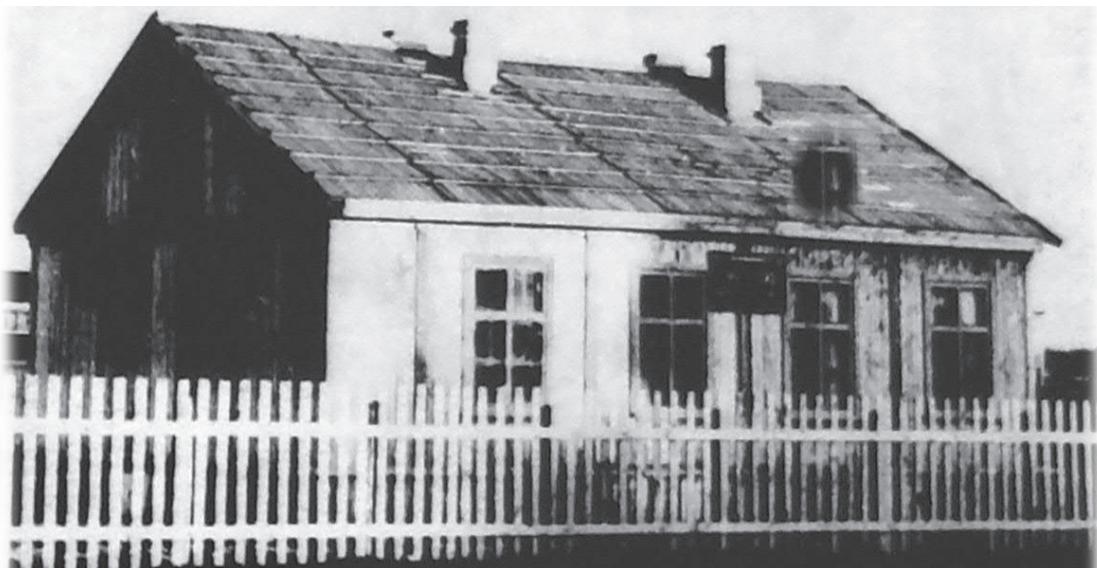

 pastvu.com/719564 uploaded by ze-dan

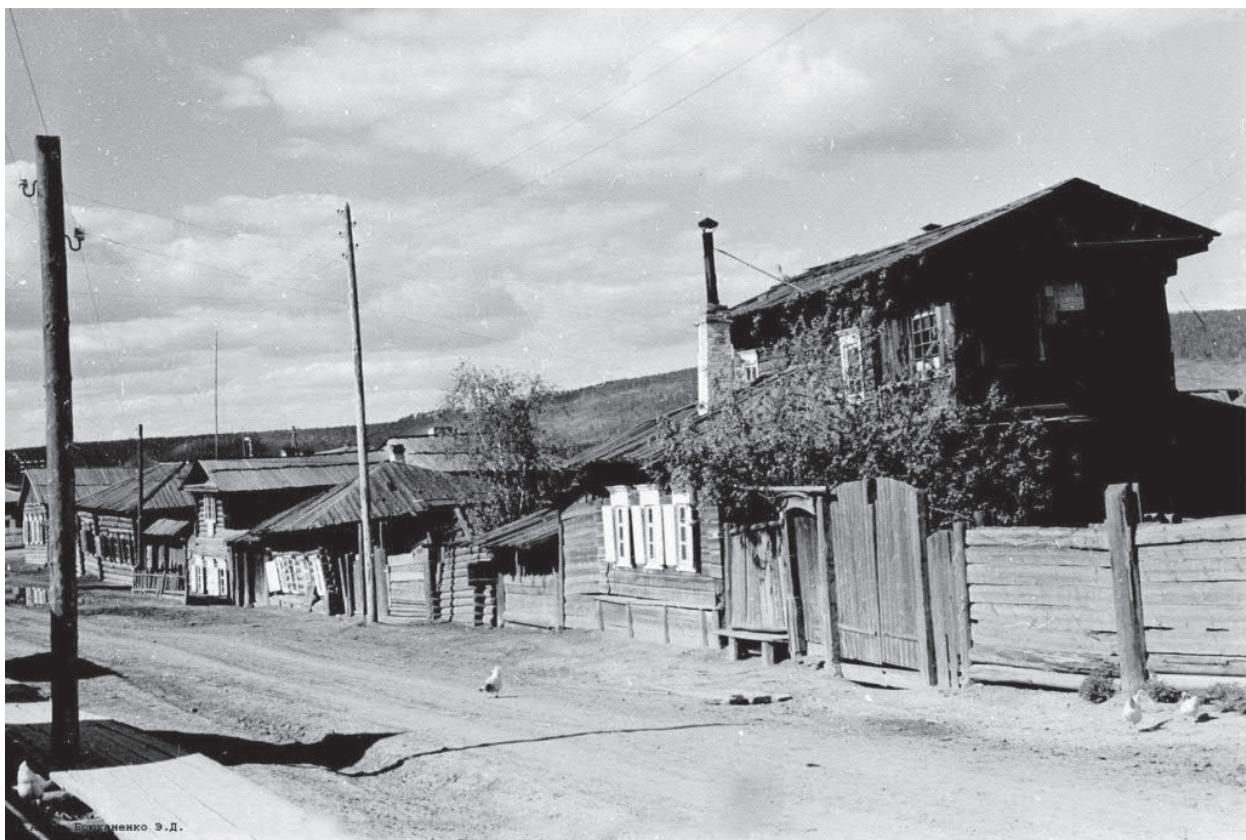
Пристань в старом Братске

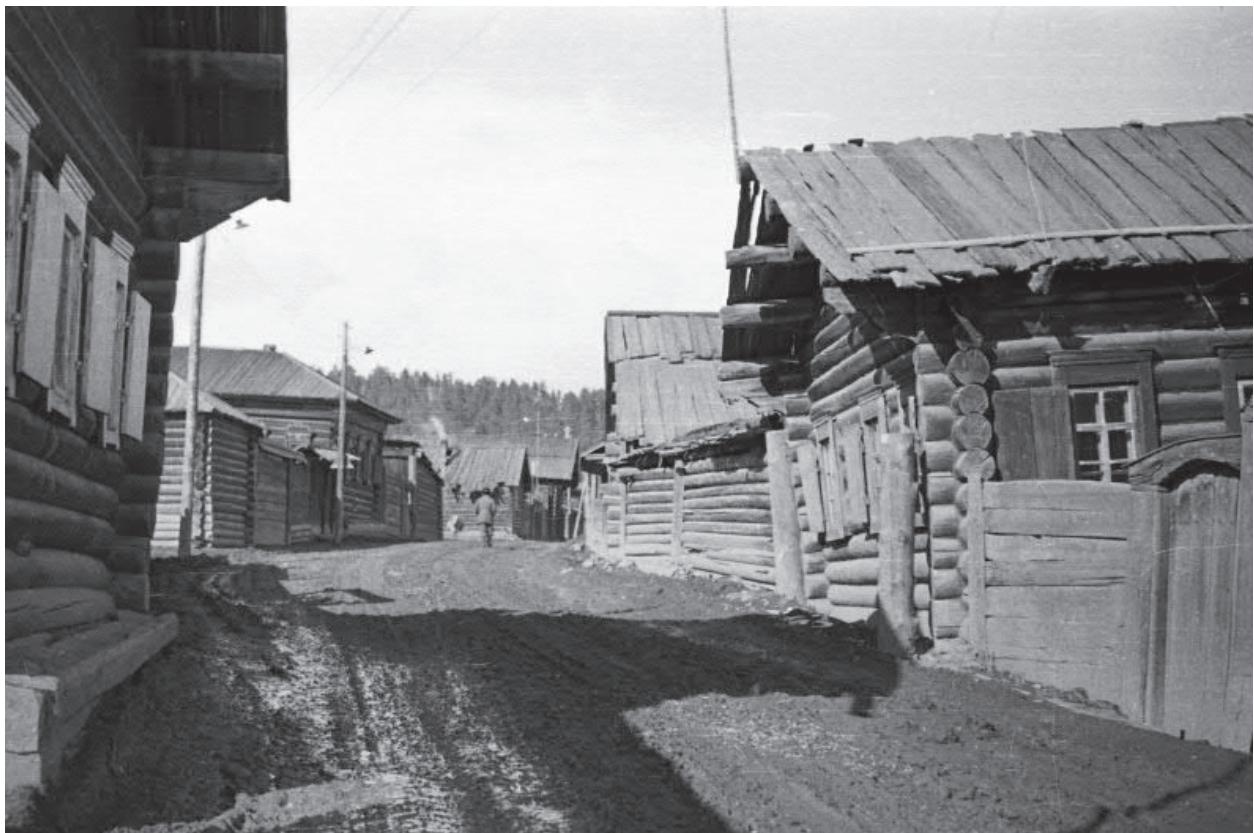

В старом Братске

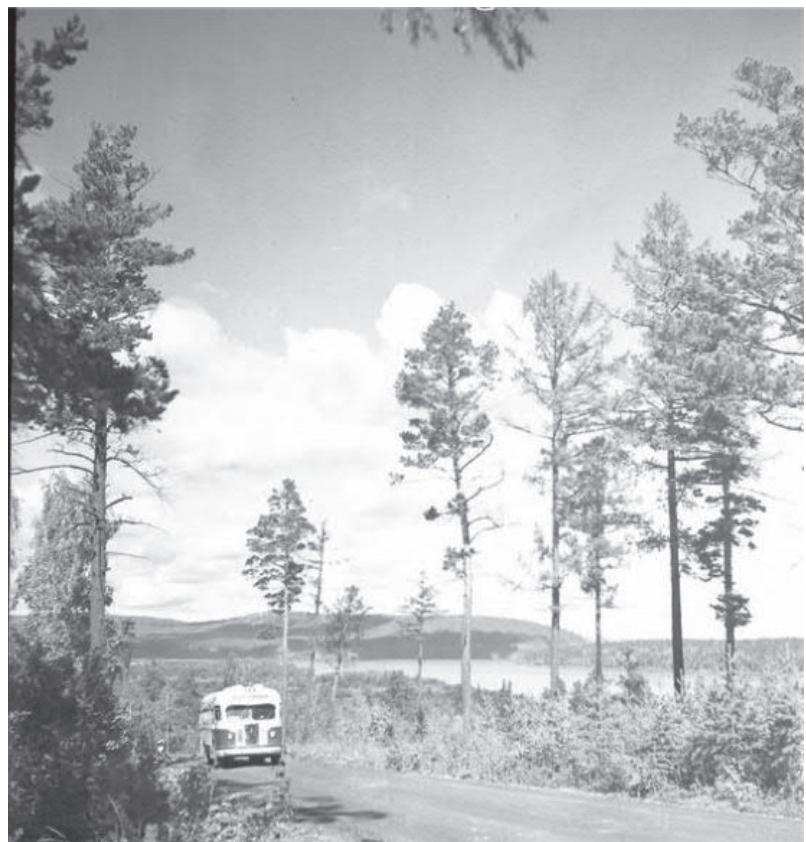
Боржаненко Э.Д.

Старый Братск

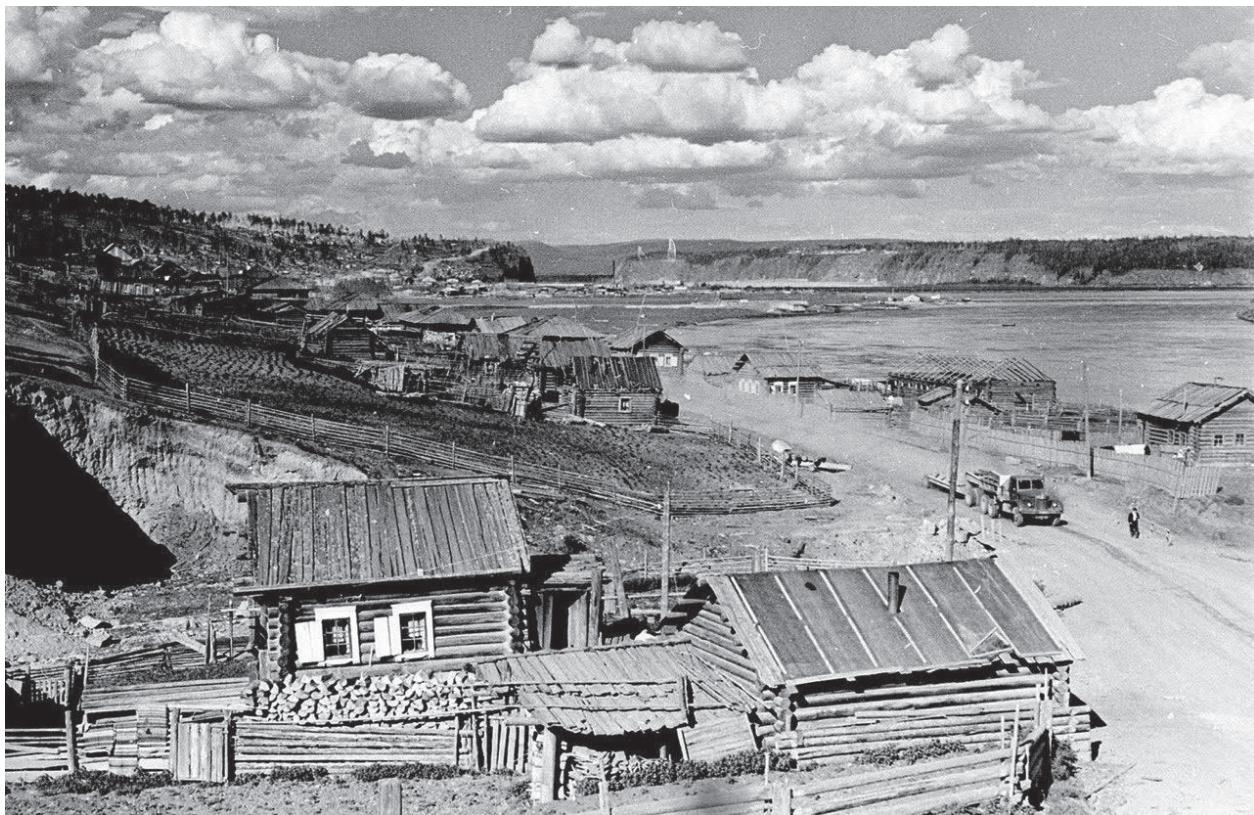

Перекрытие Ангары со льда

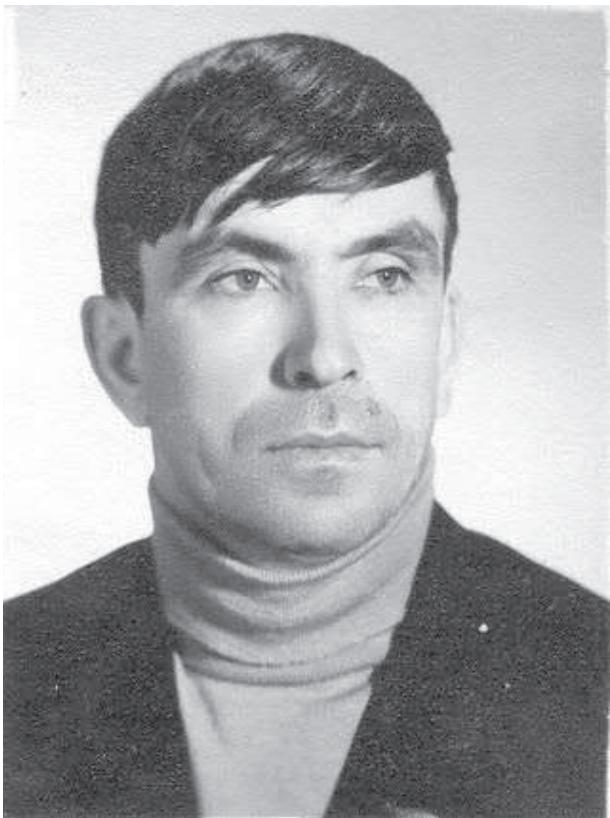
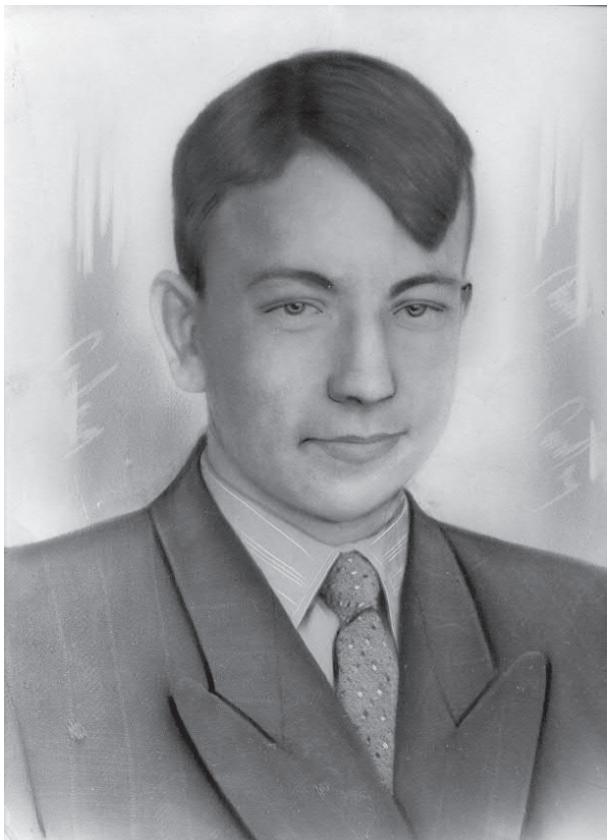

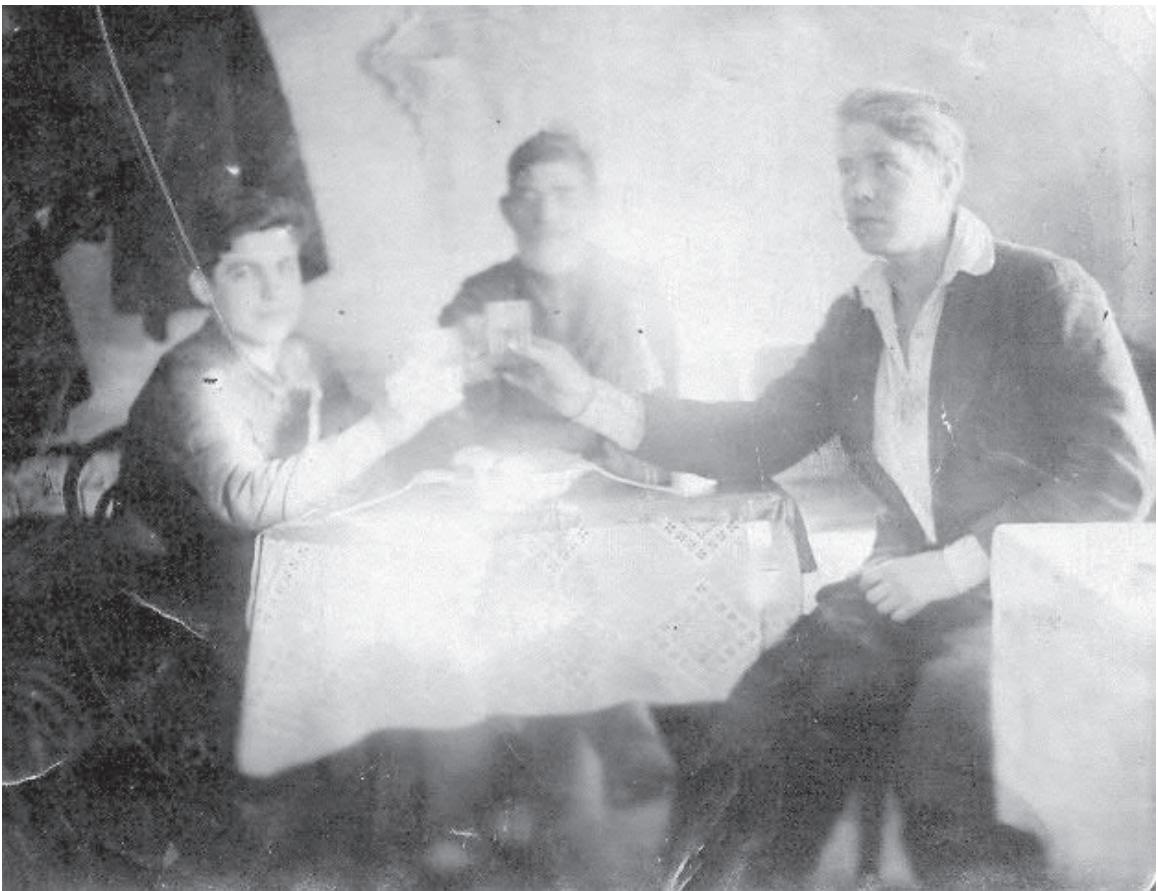

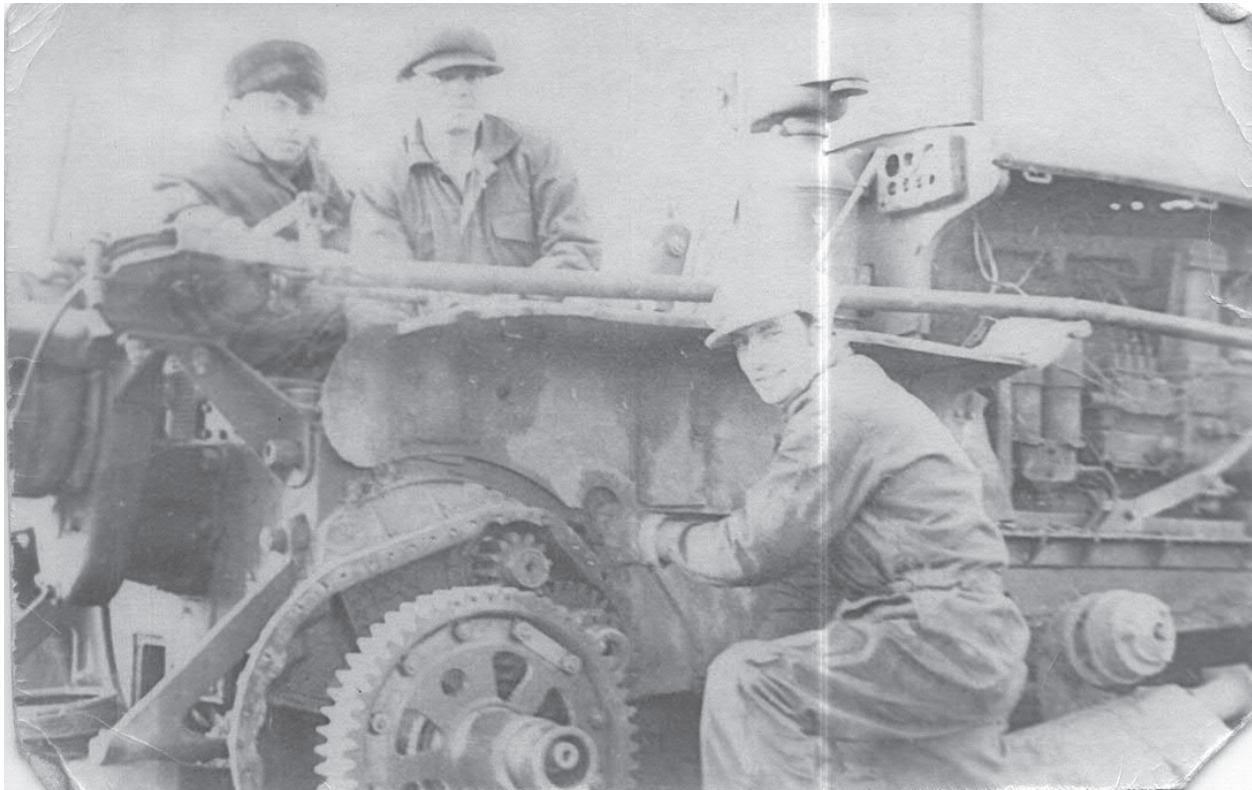

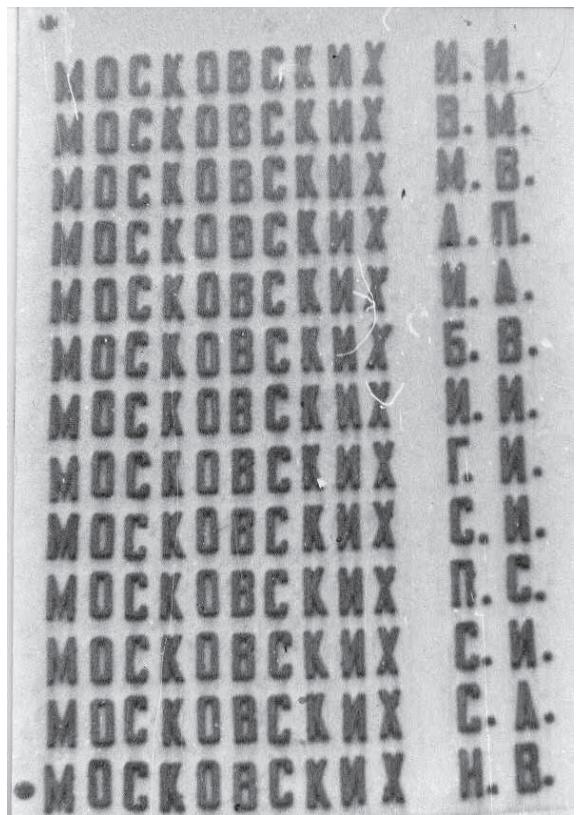

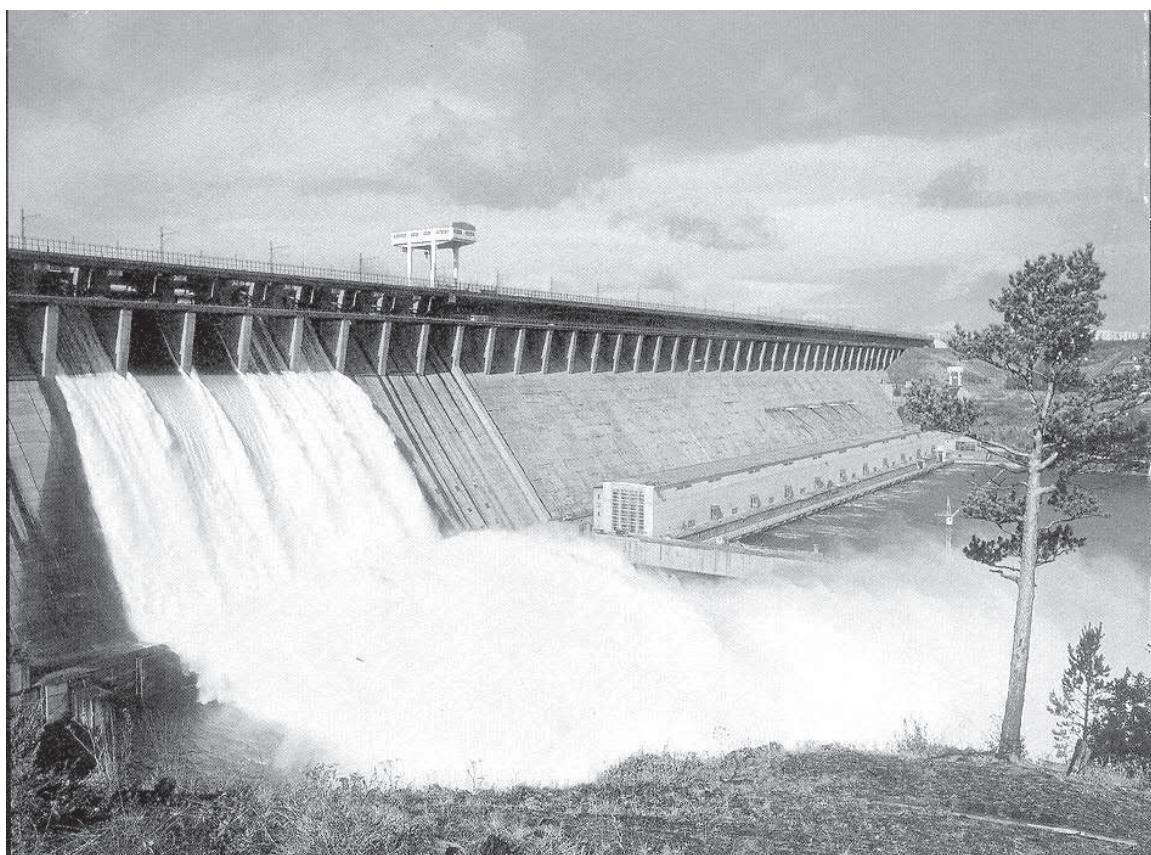

Содержание

Глава 1 Предвестие. Муки предков	3
Глава 2 Михаил Протасов, внук	10
Глава 3 Демобилизация	18
Глава 4 Строитель коммунизма	20
Глава 5 Тревоги матери	24
Глава 6 Знакомство, свадьба	28
Глава 7 На новом месте	33
Глава 8 «Немецкая» родня, беременность и индийское кино	35
Глава 9 Правда, о которой молчали	47
Глава 10 Рождение дочери	57
Глава 11 Строительство дома. Наказы дяди Пети	60
Глава 12 Новоселье, гуманный суд	65
Глава 13 Обкомовские гости и семейный разлад	68
Глава 14 Попытка примирения	73
Глава 15 Примирение	77
Глава 16 Много ли надо человеку для счастья?	79
Глава 17 Счастливый Новый год	84
Глава 18 Легкомыслие в Троицу	91
Глава 19 Последствия	97
Глава 20 Встреча с инженером ГЭС	99
Глава 21 Опять двадцать пять!	102
Глава 22 Трагедия	114
Глава 23 Надо жить дальше	119
Глава 24 Легкомыслие продолжается	120
Глава 25 Поездка в гости, или Тайны сталинизма	123
Глава 26 Смотрины дома	138
Глава 27 Переезд в город	141
Глава 28 Городская (другая) жизнь	144
Глава 29 Прошлое не отпускает. День за днём	145
Глава 30 Прелести юга	148
Глава 31 Возвращение в Сибирь	150
Глава 32 Дочь уезжает учиться	153
Глава 33 Опасность разрыва	154
Глава 34 Развод по-русски	158
Глава 35 БАМ – стройка века	163
Глава 36 Бамовские причуды	169
Глава 37 Без Галины. Холостяк	177
Глава 38 Уговоры не действуют. Прощание	184
Глава 39 Друг без друга	188
Глава 40 Приезд дочери к отцу	190
Глава 41 Последняя дорога. Никто не знает	192
Глава 42 Чем сердце успокоилось	196
Гибельный путь	199
Столкновение двух стихий	200
А щепки всё летят и летят	201
Прототипы. Типажная среда	202

Маргарита Михайловна Исакова

Абарај. Бродяга **Кинороман**

Редактор М.Т. Орлов (член Союза писателей России)

Дизайн обложки А. А. Хомченко

Технический редактор М. В. Хомченко

Корректор М. Н. Рагестверт

Фотографии и документы из личного архива автора и открытых источников

Подписано в печать 07.07.2020 г. Формат 148x210 1/16. Бумага офсетная.

Гарнитура SchoolBookC (OTF). Печать офсетная. Тираж 200 экз.

Отпечатано: ООО «Полиграф».

г. Братск, ул. Южная, 8, строение 3, 1 подъезд.

Тел/ф. 41-00-04. E-mail: ps@bratsk.ru

Маргарита Исакова – коренная сибирячка, член Союза журналистов России. Окончила отделение журналистики филологического факультета Иркутского госуниверситета, работает в СМИ с 1981 года, в настоящее время – главный редактор газеты «Братский университет». Училась на заочном сценарном отделении сценарно-киноведческого факультета Всероссийского государственного института кинематографии (ВГИК).

Литературным творчеством занимается со студенческих лет, отдельные рассказы печатались в газетах и альманахах. Выпустила две книги прозы – «Ниточка за иголочкой» и «У страха глаза велики», а также сборник киносценариев полнометражных художественных фильмов под названием «Запах русской махорки».

Составитель, литературный редактор и соавтор двух сборников рассказов и очерков «Братчане на фронте и в тылу», «Афганистан: дорога в вечность», книги «Разведчики».

Читательские отзывы, а также вопросы по поводу приобретения киноромана «Абара. Бродяга» автор просит направлять на адрес электронной почты gazeta@brstu.ru, либо по тел. 8-924-616-58-56.

